
*Посвящается 70-летию
Великой Победы
над фашистской Германией*

Тамбов, 2015

Редакционная коллегия:

Куранов А.К. – ректор института, к.ю.н., профессор;
Семенова Т.Н. – первый проректор, д.фил.н., профессор;
Кидинов А.В. – проректор по научной работе, к.п.н., доцент;
Сафронова Е.В. – зав. кафедры международного права, д.ю.н., профессор;
Никонович С.Л. – зав. кафедры уголовного процесса и криминалистики, к.ю.н., профессор (науч. редактор);
Абрамов В.А. – зав. кафедры уголовного права и криминологии, к.ю.н., доцент;
Бочаров А.В. – доцент кафедры теории и истории государства и права, к.ю.н. (пер. на англ. язык);
Климов А.С. – доцент кафедры уголовного права и криминологии, к.ю.н.;
Шауро И.Г. – зав. кафедры теории и истории государства и права, к.ю.н.

Рецензенты:

Кардашевская М.В. – профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России, д.ю.н., профессор;
Щукина Т.В. – зав. кафедры гражданско-правовых дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Липецкий филиал), д.ю.н., доцент.

Актуальные проблемы современной науки. Секция «Право и правоприменение»: Сборник материалов международной научно-практической конференции, 8 мая 2015 г. / С.Л. Никонович – науч. ред. – Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2015. – 538 с.

В сборник включены материалы международной научно-практической конференции, секции: «Право и правоприменение», состоявшейся 8 мая 2015 года в Липецком муниципальном институте права и экономики.

Издание адресовано студентам, аспирантам, ученым и практическим работникам.

Редакционная коллегия выражает особую благодарность за участие в конференции зарубежным коллегам из Польши, Ирака и Республики Беларусь, а также нашим постоянным участникам: представителям Волгоградской академии МВД России, Московского университета МВД России, Белгородского государственного университета и выражает надежду на дальнейшее сотрудничество.

- © Коллектив авторов, 2015.
- © МОУ ВПО «Институт права и экономики, 2015.
- © Издательство Першина Р.В., 2015.

ISBN 978-5-91253-568-2

СЕКЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННО - ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА; КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО;
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО;

ГРНТИ 10.87.07

УДК 341.01

	Safronova Elena Viktorovna
Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и международного права	Doctor of legal Sciences, Professor, Professor of the Department of administrative and international law
Белгородский государственный национальный исследовательский университет	Belgorod National Research University

THE CONCEPT OF RULE OF LAW AND ITS SPECIFICS IN PUBLIC INTERNATIONAL LAW

Abstract: the article analyzes the concept of rule of law and its characteristics in public international law. The author comes to the conclusion about the applicability of the incomplete features of the category "rule of law", formulated the General theory of law. International legal standards "have a number of features, allowing you to allocate them in a separate legal system

Первичным элементом любой системы права выступают правовые нормы. Именно с нормами преимущественно связываются представления о праве, поэтому понятие нормы права относится к числу важнейших правовых категорий. Нельзя не согласиться с Л.П. Ануфриевой, что «правовая абстракция «норма права» выполняет роль несущей конструкции во всех системах права, а также применительно к категории права вообще», без этого понятия «не существует и понятие право, поскольку среди всех разновидностей

социальных моделей поведения только правила, санкционированные государством и обеспеченные им мерами принуждения или оказавшиеся согласованными государствами, становятся основными элементами права – нормами права» [1, с. 91-92].

СФМ. внутригосударственного права устанавливаются государством, охраняются им и обеспечиваются силой государственного принуждения. Правовая норма внутригосударственного права является общеобязательным правилом поведения абстрактного и обобщенного характера, адресованным не отдельному лицу, а кругу лиц и рассчитанным на регулирование однородных отношений.

В общей теории права специфические признаки, присущие правовой норме и отличающие ее от других социальных регуляторов, обозначены достаточно четко, хотя и небесспорны. Чаще всего, не вызывая существенных разногласий, называются: санкционированность и властная обеспеченность государством; общеобязательность; формальная определенность; абстрактность и обобщенность характера; качество системности.

«Признаки категории «правовая норма», сформулированные общей теорией права, - отмечает Л.П. Ануфриева, - наглядно демонстрируют их неприменимость либо неполную применимость для целей категориальных обобщений в международном праве» [1, с. 92]. На наш взгляд, это слишком категоричное заключение. Достижения общей теории права необходимо использовать при определении нормы международного права. Большинство характерных черт правовой нормы как особого социального регулятора присуще и для норм международного права. Нормы международного права - это юридически обязательные, формально определенные правила поведения государств и других субъектов международного права, выступающие выражением согласованной воли основных субъектов международного права (прежде всего, государств), направленные на регулирование отношений между ними. Кроме того, для норм общего международного права, как для норм внутригосударственного права, характерно то, что это прав в как д

участия, как правило, не принимают. В международных отношениях нет органа, подобного законодательному национальному органу, который издавал бы правовые нормы, обязательные для государств. Нормы международного права в соответствии с методом международно-правового регулирования создаются самими его субъектами (прежде всего государствами) путем соглашения, сущностью которого является согласование «воль государств относительно признания того или иного правила в качестве нормы международного права» [3].

Во-вторых, отличается от внутригосударственного и способ реализации норм международного права. Нормы национального права устанавливаются государством и обеспечиваются его принудительной силой. В международных отношениях над государством нет властных образований. Никто не вправе установить правила поведения субъектов международно-правовой системы. Устанавливая международно-правовые нормы, государства обязуются добровольно их выполнять, в нормах международного права отсутствует властная обеспеченность. Добровольное соблюдение международно-правовых обязательств всеми субъектами международного права составляет одну из характерных черт международного права как самостоятельной и особой правовой системы. Вместе с тем в необходимых случаях соблюдение норм международного права обеспечивается соответствующими мерами, принимаемыми субъектами (индивидуально или коллективно), т.е. обеспечение реализации международно-правовых норм лежит на самих субъектах.

В-третьих, нормы международного права формально определены, но выражаются в иных, чем внутригосударственные, формах закрепления, соответствующих согласительному характеру содержания правил поведения.

В-четвертых, нормам международного права гораздо меньше, чем нормам внутригосударственного права свойственно качество «всеобщего мерил поведенческих моделей в обществе». Нормы международного права в большинстве случаев рассчитаны на применение в отношениях между двумя либо более конкретными субъектами, за исключением общепризнанных принципов и норм, совокупная доля которых не столь велика в общем нормативном массиве [1, с. 93].

В-пятых, в международном праве достаточно остро стоит проблема признания юридической обязательности норм. В связи с тем, создание норм и принятие на себя международно-правовых обязательств, основанных на них, есть прерогатива самих субъектов (большой частью государств) международного права [1, с.93].

Международно-правовые нормы неоднородны по содержанию и форме, их классифицируют по различным основаниям.

По форме нормы международного права делятся на два вида: документально закрепленные в определенном акте (договорные нормы) и документально не зафиксированные (обычные международно-правовые нормы).

По своей юридической силе нормы делятся на императивные (*jus cogens*) и диспозитивные. Императивные нормы образуют основу международного права. Субъекты международного права не могут изменить их по своему усмотрению. Они могут изменяться только с принятием новой нормы *jus cogens*. Согласно ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., императивная норма общего международного права «принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой не допустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер». К императивным нормам относятся основные принципы международного права, ряд норм Устава ООН и других универсальных соглашений. Диспозитивные - это нормы, от которых государства вправе отступить по взаимному соглашению, если отступление не наносит ущерба правам и законным интересам других государств.

По объему и содержанию заключающихся в нормах международного права предписаний они подразделяются на общие, т.е. определяющие коренные основы поведения государств и других субъектов международного права в международных отношениях, и специальные, регулирующие более узкие вопросы, относящиеся к отдельным отраслям международных отношений. Среди специальных норм выделяют индивидуальные нормы, международные отношения по какому-либо отдельному вопросу и не создающие постоянных правил международного поведения.

По субъектно-территориальной сфере действия международно-правовые нормы делятся на универсальные, региональные и локальные. Универсальные нормы регламентируют отношения с участием всех или подавляющего большинства государств мира. Таковы, например, положения Устава ООН, Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. и др. Региональные нормы регламентируют отношения с участием государств, принадлежащих к одному географическому региону. Например, Межамериканский договор о взаимной помощи 1947 г., Североатлантический договор 1949 г. и др. Локальные нормы регулируют взаимоотношения двух или нескольких субъектов международного права.

Существуют и другие подходы к классификации норм международного права. Так, по характеру воздействия международно-правовые нормы делятся на запрещающие – предписывающие воздерживаться от совершения определенных действий; обязывающие – фиксирующие обязательство совершить указанные действия;

управомочивающие – предусматривающие возможность совершения указанных действий. По функциям в системе на материальные – устанавливающие права и обязанности участников правоотношений, и процессуальные - регулирующие процессы создания и осуществления международного права.

Таким образом, признаки правовой нормы как особого социального регулятора присущи и нормам международного права, но обладают рядом специфических черт, позволяющих выделить их в отдельную правовую систему.

Список цитируемой литературы:

1. Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. М., 2002.
2. Международное право: учебник для вузов / Отв. ред. проф. и проф. М., 2003.
3. Теория международного права / под общей ред. проф. М., 2000.

© Е.В.Сафронова

ГРНТИ 10.11.91
УДК 340.122

	Dina Alontseva
Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права	Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Theory and History of State and Law
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина	Bunin Yelets State University

CONCEPT OF NATURAL LAW IN PHILOSOPHY S.N. BULGAKOV

Abstract: the article analyzes representations Sergei Nikolaevich Bulgakov on the phenomenon of "right." On the basis of our study, the author concludes that the S.N. Bulgakov was a supporter of the concept of natural law in a certain period of their worldview. Thinker proposed an original interpretation of this concept, highlighting a number of moral and legal axioms underlying the natural law.

Keywords: evolution of views; phenomenon right; the genesis of the concept of natural law.

В последние годы интерес дореволюционной политико-правовой доктрине значительно возрос. Переиздаются книги, открываются новые имена, анализу подвергаются теории, которые сегодня звучат очень актуально [1, 2, 3, 4 и др.]. И это вполне объяснимо. Рассмотрение и восприятие права как ценности бытия невозможно без всестороннего и глубокого изучения правовых концепций конца XIX – начала XX веков. Богатейшие традиции русского нравственно-правового идеализма представляются как никогда востребованными и актуальными в наши дни – время переоценки многих явлений правовой действительности.

Обращение к взглядам выдающегося юриста по академическому образованию и богослова по призванию С.Н. Булгакова (1871-1944)

на феномен «право» в текущий период развития общества вполне закономерно.

На основании анализа основных трудов мыслителя к понятию «право», целесообразно рассматривать в процессе их эволюции в рамках следующих периодов:

I период – увлечение хозяйственно-экономической проблематикой с позиций исторического материализма (1896-1901 гг.);

II период – переход от «философии хозяйства» к учению о связи мира и Бога в русле неоидализма (1901-1918 гг.);

III период – создание развернутой религиозно-философской системы (1919-1944 гг.).

Естественно-правовой тип правопонимания прошел долгий путь становления и развития, претерпев много изменений. Идеи представителей доктрины естественного права изменялись вместе с развитием научного знания, отражая поиск путей философско-мировоззренческого объяснения природы права. Уже в трудах античных юристов и философов было выдвинуто предположение, что наряду с правом позитивным, отраженным в законодательстве, существует право естественное, присущее всем народам.

Генезис концепции естественного права широкое распространение получила в эпоху буржуазно-демократических революций естественно-правовая теория приобрела доктринальное оформление благодаря включению в нее концепции прав человека, так как, основополагающим в понимании природы естественного права является признание естественных и неотъемлемых прав человека главным компонентом права.

Особенностью естественно-правового учения является разделение права и закона, при этом право признается объективным в силу его естественности и противопоставляется искусственности и субъективности позитивного права. Таким образом, в рамках указанной теории правопонимания акцент делается на существование высшего, естественного права, свойственного человеку от рождения.

Для русской религиозно-философской школы конца XIX – начала XX веков было характерно обоснование приоритета личности над государством в силу того, что первая несет образ и подобие Бога, а государство лишено божественного и принадлежит времени. Ценностным критерием естественного права служила высшая справедливость, понимаемая как универсальный идеал, отражающий сложившийся миропорядок. Таким образом, на рубеже веков естественно-правовая доктрина обрела в России религиозно-этическое обоснование.

В вопросах познания природы права С.Н. Булгаков был последователем философии В.С. Соловьева, являвшегося одним из основоположников идеи естественно-правовой теории. Изменение

мировоззрения С.Н. Булгакова, в частности, его правовых взглядов, нашло отражение в сборнике «От марксизма к идеализму», опубликованном в 1903 году. Высшей нормой личной морали, является заповедь любви к ближнему, которая, как полагал С.Н. Булгаков, выступает в качестве одного из признаков социальной политики, а, следовательно, означает требование справедливости, «признания за каждым его права. Любовь к ближнему нужно понимать, как равное отношение граждан друг к другу, справедливость как само собою разумеющееся. Попытаемся понять, мыслитель понимал под такими категориями как, «свобода, равенство и справедливость» у С.Н. Булгакова. Естественное право, как идеальная и абсолютная норма оценки положительного права сводится, по С.Н. Булгакову, к нескольким морально-правовым аксиомам.

Люди равны между собою как нравственные личности, – указывал С.Н. Булгаков, – человеческое достоинство, святейшее из званий человека, равняет всех между собою. «Идея абсолютного достоинства человеческой личности и равенства людей как носителей этого достоинства входит в сознание человечества постепенно, есть в этом смысле продукт исторического развития. Этой идеи не знала античная древность, величайшие мыслители которой – Платон и Аристотель – не распространяли человеческого достоинства на рабов. Хотя идея равенства людей была свойственна еще стоикам, но всемирное значение она получила лишь в проповеди Евангелия» [5, с. 673-674.].

С.Н. Булгаков в своих рассуждениях задавался вопросом: «Если идея равенства была признана человечеством лишь в историческом развитии, то, может быть, она есть просто предрассудок нашей эпохи, ее вкус, прихоть?». Отвечая на него, он предполагал: все люди не могут быть равны по природе, по возрасту, по полу, по образованию, по воспитанию и др., равенство людей – это не только факт, но и норма человеческих отношений.

Утверждая равенство людей, вопреки их эмпирическому неравенству, и абсолютное достоинство личности, вопреки существующему униженному ее положению, мы, – утверждал С.Н. Булгаков, – отрицаем эмпирическую действительность <...> Люди не суть равны, и люди суть равны, вот два противоречивых положения, которые нам нужно согласить <...> Люди не равны в порядке натуральном, как эмпирические существа, но равны в порядке идеальном, как умопостигаемые существа, как духовные субстанции. Развивая свою мысль, философ приходил к выводу: идеальный порядок создает норму (естественное право) для порядка натурального.

Идея равенства приводит нас к выводу, полагал ученый, что ни один человек не имеет и не может иметь естественного права

подавлять нравственную личность другого насильственными средствами. По его мнению, идея «равенства людей необходимо включает в себя идею свободы, как нормы человеческих отношений или идеал общественного устройства. Право есть свобода, обусловленная равенством. В этом основном определении права индивидуалистическое начало свободы неразрывно связано с общественным началом равенства, как синтез свободы и равенства. Понятия личности, свободы и равенства составляют сущность естественного права» [5, с. 676.]. Главная цель идеала равенства – создание условий для развития и самоопределения личности.

Вторая аксиома касается свободы личности. Человек по своей природе является членом сообщества, и как часть целого должен отказаться от свободы там, где это мешает достижению всеобщего блага. В юридической теории свобода является базисом для определения правового статуса индивида, это обусловлено тем, что право, с одной стороны, обеспечивает условия для реализации свобод, а, с другой стороны, ограничивает свободу индивидов в целях охраны прав и свобод членов общества.

Идеал свободы, по мнению С.Н. Булгакова, заключается в трансформации внешней зависимости во внутреннюю зависимость. Взаимодействие людей в обществе предполагает возникновение отношений зависимости в разных формах. Философ трактует зависимость внутреннюю (свободную) как поле для проявления духовной свободы личности. Примерами такой зависимости, по Булгакову, являются связи ученика и учителя, сына и отца... Внешняя зависимость (принудительная) создается условиями существования человека в рамках определенного государственного и общественного устройства.

С идеалом свободы связана и несвобода человеческой личности. По мнению ученого, она имеет две главные формы: зависимость человека от человека, т.е. политическая или социальная, и зависимость человека от природы, т.е. экономическая.

По мнению мыслителя, ради свободы личность должна подчиняться обществу, и эта зависимость личности от общества усиливается по мере того, как увеличивается её свобода. Хотя с другой стороны, общественные организации стремятся ограничить права личности с одной целью – поддержание правопорядка в государстве. «Отграничить точно и бесспорно, где кончаются права общества и государства, – подчеркивал С. Н. Булгаков, – и начинается область неприкосновенных прав личности, невозможно даже в теории» [5, с. 679]. Идеал свободы – это основа демократического государства, которое должно строиться на приоритете прав человека.

Только свободные человеческие поступки, по мнению философа, имеют нравственную ценность, лишь в них человек обнаруживает истинную природу своего духовного я, осуществляет в

себе человека. Свобода, по мнению мыслителя, представляет собой бесценное благо.

Третья аксиома связана с понятием справедливости. Справедливость является внутренним определяющим свойством права. Справедливость в рамках современной правовой науки рассматривается как соответствие должному, тому, что признается данным социумом. Но в рамках культурологического многообразия должное может трактоваться по-разному. Несмотря на дифференциацию определений должного, право всегда является справедливым, так как содержит идею справедливости в себе. В рамках естественно-правовой доктрины справедливость определяется как воздаяние равным за равное.

С.Н. Булгаков полагал, что нет такого человека, который стал бы восставать против справедливости как таковой, который сознательно хотел бы быть несправедливым в своих поступках. Все люди несут в себе равный потенциал нравственности, но при этом они разнятся в понимании конкретных требований справедливости.

Понятия свободы, равенства, справедливости составляют основу естественного или рационального права, так как свобода и справедливость – это необходимые части естественного права, а равенство – его форма. Элементы естественного права – равенство, свобода и справедливость – являются необходимыми компонентами любого права. К примеру, если исключить из естественного права равенство, то есть признание равноправия всех, получится полное отрицание права, если исключить свободу – такое право превратится в насилие, а если исключить справедливость, отрицание равных возможностей – такое право превратится в фикцию.

С.Н. Булгаков предложил формулу справедливости – «каждому свое». По его мнению, за каждой личностью признается неотъемлемое, сфера исключительного права и господства. Из этого следует, что каждому человеку принадлежит естественное право.

Естественное право, – продолжал последовательно аргументировать свою точку зрения С.Н. Булгаков, – есть правовое или социальное должествование, это – те идеальные нормы, которых в реальной действительности нет, но которые должны быть и во имя своего объективного должествования отрицают действующее право, существующий уклад жизни. Критика права и социальных институтов, по его мнению, есть неотъемлемая и неустранимая потребность человека, без этого остановилась бы и замерла общественная жизнь. Естественное право, по мнению философа, сводится к нескольким аксиомам. Первая касается равенства людей, вторая затрагивает идеи свободы, а в основе третьей заложена идея справедливости.

Ученый полагал, что для функционирования права необходима определенная цель, которая, по его мнению, состояла из двух

аспектов: положительного, сводящегося к «устройству жизни» и отрицательного, то есть «борьбы с анархией и хаосом, для сохранения порядка вещей закономерности, строя жизни».

Таким образом, в учении С.Н. Булгакова естественное право предстает как общая идея права, в основе которой содержатся морально-правовые аксиомы: равенство, свобода и справедливость. «Свобода, хотя и по всей ограниченности и относительности своей, включена в самое существо бытия, так же как включено в него и божественное начало всякого индивидуального бытия», – полагал мыслитель [6, с.135-163]. Через понимание свободы как нормы человеческих отношений и идеала общественного устройства С.Н. Булгаков осознавал право, как свободу, обусловленную равенством. В этом проявлялось воздействие на мировоззрение философа идей В.С. Соловьева, который усматривал сущность права в свободе личности, неразрывно связанной с равенством.

Список цитируемой литературы:

1. Государственно-правовые взгляды С.Н. Булгакова: дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2013.
2. «Самодержавие», «верховенство» и «суверенитет»: терминологическое соотношение в отечественном государствоведении конца XIX — начала XX в. // Проблемы права. 2014. № 4. С. 87 – 91.
3. Александр Львович Блок. Биография. М.: Весь мир, 2013. 152 с.
4. Государственно-правовые воззрения Е.В. Спекторского: автореф. дис. ... к.ю.н., 2013. 23 с.
5. О социальном идеале // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. М., 2006.; К вопросу о становлении европейского горного права в XVIII - XIX веках // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 5. С. 171 – 174.
6. Размышления о войне / Пред. В. Безносова: Религиозно-философский архив русской миграции // Звезда. 1993. № 5.

© Д.В. Алонцева

	Alexandr Bocharov
кандидат юридических наук, доцент	Associate professor
ФГОБУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал	The Russian Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation, the Lipetsk branch

THE PRACTICE OF USING CITY REGULATIONS 1870 IN THE CENTRAL BLACK EARTH REGION

Abstract: article examines the main problems faced by local authorities in the implementation of City Regulations 1870. Take a comparison of implementation practices in different provinces of the Central Black Earth region.

Keywords: history, municipality, city regulations of 1870, the Central Black Earth region.

Достаточно очевидно, что правотворчество как элементы правового регулирования не способно самостоятельно решить проблему требующую правового вмешательства. Всегда возникает проблема реализации права и его толкования. В связи с этим, хотелось бы подчеркнуть особую важность исследования именно региональной практики внедрения местного самоуправления, которое в силу прямого участия в них населения, неизменно испытывает давление со стороны исторических и социокультурных традиций данного региона, обуславливая применение как позитивного, так и обычного права.

Нововведения в систему городского управления в большинстве своем не существенно повлияли на способ формирования органов

городской власти, так как и до 1870 года существовавшие городские думы организовывались на основе выборов, даже проекты реформ не предусматривали серьезных изменений [1]. Следует отметить, что наибольшие изменения претерпели основные принципы избирательной системы. Сформированная на основе новых буржуазных веяний, она существенно отличалась от старой системы, возникшей еще в эпоху Екатерины II.

Однако само законодательное закрепление системы выборов и ее процедурных моментов свидетельствовало о желании государства идти по новому пути развития. В то же время, в нормах Городового Положения, посвященных выборам в местные городские органы власти, присутствовали значительные пробелы, отданные на откуп местным губернским властям, что даже с точки зрения элементарной логики должно было приводить к потере единообразия в системе местного самоуправления. Что, в принципе, и происходило на практике.

Однако анализ всего Городового Положения в целом позволяет предположить, что основной целью данного нормативного акта является не единообразное применение норм права, а наибольшая его адаптивность к быстро меняющимся условиям объективной реальности.

Основные нормы, посвященные выборам в городские общественные органы управления, были сосредоточены во второй главе Городового Положения, а именно в первом его отделении.

Так, статья пятнадцатая прямо предусматривала создание трех основных органов городского общественного самоуправления, а именно: Городского избирательного собрания, Городской думы и Городской управы. При этом основная роль первого органа состояла «единственно для избрания гласных Городской думы чрез каждые четыре года» (Ст. 16)[2].

Создание органа власти для выполнения одной единственной функции – довольно необычное явление для российской империи, даже при учете действия такого способа на низшем уровне управления, поскольку традиционно функциональность отечественных органов власти старались делать как можно более широкой, чтобы повысить его приспособляемость к быстро меняющимся внешним условиям. В данном же случае картина несколько иная, поскольку, в отличие от большинства органов государственной власти, городское избирательное собрание не подчинялось напрямую государственным органам или губернатору, а действовало непосредственно. Кроме того, именно этот орган отвечал за формирование списков и процедуру выборов, и естественно, что государственная власть постаралась как можно больше снизить влияние местных органов власти на этот процесс.

Однако такое ограничение влияния Городской думы на избирательное собрание уравнивалось тем фактом, что именно дума определяла, конкретные сроки созыва этого органа (Ст. 16).

Сама процедура формирования избирательного собрания, а также порядок и сроки его деятельности не были установлены Городовым Положением. Так, в самом Городовом Положении лишь указывается, что «для производства выборов в гласные учреждаются в каждом городе из обывателей, имеющих право голоса на выборах, три избирательных собрания» (Ст. 24). В связи с чем возникло множество вопросов именно организационного характера, касающихся непосредственно выборов, как то: кем учреждаются избирательные собрания, каков срок их деятельности, кому они подчиняются и каков их внутренний распорядок.

По нашему мнению, в данном случае больше подошел бы термин не избирательные собрания, а «самоорганизующийся орган по проведению выборов», поскольку представлял собой ни что иное, как обыкновенное собрание горожан, имеющих право голоса, под председательством городского головы. Что в последствии стало основой для многочисленных жалоб на сам порядок проведения выборов.

Так, например, при проведении выборов в городе Острожке Воронежской губернии участвующими в производстве выборов горожанами были отмечены следующие нарушения: кандидатуры гласных выдвигались устно, а не по записи; в список гласных не были занесены те горожане, кто не присутствовал при проведении избирательного собрания[3]. В самом Городовом Положении этот аспект был никак не урегулирован, ввиду чего у губернского по городским делам присутствия не было никаких оснований для того, чтобы потребовать от властей города Острожек устранить препятствие для проведения выборов.

Подобный случай произошел и при избрании Курской Городской думы. Участвующий в выборах коллежский асессор А.М. Богуславский обратился в губернное по городским делам присутствие с жалобой на «неправильность проведения выборов: отсутствие списка лиц, желавших баллотироваться в гласные; и допуск к баллотировке только тех лиц, кто был выгоден действующему городскому голове». На что из Курского губернского по городским делам присутствия последовало решение – жалобу отклонить ввиду отсутствия требования о составлении списков кандидатов в законе и недостаточные основания для утверждения об ограничении возможности для участия в выборах[4].

С другой стороны, количество избирателей в небольших уездных городах было сравнительно невелико и составляло примерно от 50 до 200 человек в каждом городе, что позволяло не вводить сложных систем для определения точного состава кандидатов. Но в

крупных торговых и купеческих городах, а также губернских центрах количество выборщиков могло достигать нескольких сотен или даже тысяч гласных, и вот здесь проблема учета и организации выборного процесса стояла очень остро.

По всей видимости, предполагалось, что перед проведением городских выборов городские головы и старосты проведут разъяснительную работу с горожанами или сами обратятся за разъяснениями к губернатору или губернскому по городским делам присутствию. В большинстве губерний так и поступали, но, во-первых, не все вопросы можно предусмотреть при подготовке, а во-вторых, некоторые губернаторы не были готовы взять на себя ответственность за установление собственных норм, которые отражали бы устоявшиеся традиции и устои той или иной области или региона Российской империи. При возникновении у подчиненных им городских властей вопросов по поводу реализации Городового Положения, они автоматически перенаправляли их в вышестоящую инстанцию, то есть в хозяйственный департамент Министерства Внутренних дел.

Такая политика губернаторов не нашла положительного отклика у центрального органа власти. Так, имеется письмо министра внутренних дел курскому губернатору от 20 октября 1871 года за № 10976, в котором указывается, что разрешение и разъяснение вопросов, касающихся введения Городового Положения 1870 года, – есть прямая обязанность губернского по городским делам присутствия, которое должно это делать самостоятельно, и лишь в случае возникновения действительных затруднений предоставлять таковое в Министерство внутренних дел[5].

В целом же при подготовке проведения первых выборов в органы городского самоуправления после 1870 года вопросов, касающихся чисто технических аспектов, у представителей городской власти практически не возникало. По нашему мнению данное явление было связано с тем, что сама процедура выборов в Городскую думу не претерпела существенных изменений. Основной модернизации подверглись лишь нормы выборного законодательства, касавшиеся непосредственно процедуры подготовки списка участвующих в выборах, и определения, каким образом это должно происходить.

Согласно Городовому Положению избирательное право получили горожане, являвшиеся русскими поданными, достигшие 25-летнего возраста, собственники недвижимости в городских пределах, подлежащей сбору в пользу города, либо содержащие торговые или промышленные заведения по купеческому свидетельству, и если на таком гражданине не числится недоимок по городским сборам (ст. 17).

Последнее требование было весьма расплывчатым, так как российское законодательство не устанавливало четких периодов уплаты городских налогов в пределах одного города, что, в свою

очередь, давало лишний повод для злоупотреблений как со стороны избирателей, так и со стороны городского головы. В большинстве случаев пресечение таких злоупотреблений целиком и полностью находилось в руках губернатора и губернского по городским делам присутствия. Так, в Тамбовской губернии уже третьего ноября 1870 года было издано положение, что именно считать недоимкой [6], в то время как в соседней Воронежской губернии [7] этот вопрос оставался открытым до реформы Городового Положения в 1892 году, которое должно было решить сразу множество накопившихся вопросов местного самоуправления [8].

Кроме этого, некоторые уездные думы намеренно искажали смысл действующего законодательства с тем, чтобы повлиять на ход выборов и допустить к участию только лиц определенной группировки. Как правило, жители небольших уездных городов делились на «старожилов» и «новожилов», то есть старое и новое купечество, начавшее активно развиваться после отмены крепостного права. Так, при выборах в местные органы власти города Карошева в 1884 г. произошел интересный случай, когда городские власти не внесли в списки нескольких избирателей «по случаю невнесения ими сбора в городскую кассу». Дальнейшее расследование выявило, что городская дума просто не ввела новый оценочный сбор, а продолжала пользоваться старым, ввиду чего было решено оставить и списки тоже старыми. Определением губернского по городским делам присутствия решение Карошевской Городской думы было отменено [9].

Такого рода происшествия не были индивидуальными особенностями какой-либо губернии, а скорее были следствиями той социальной напряженности, которая начала явственно ощущаться после 60-х годов девятнадцатого века. В основном эти столкновения носили экономический характер, но ввиду традиционной тесной связи между экономической элитой общества и городскими органами власти, закрепленной действовавшей ранее Жалованной грамотой, неизменно влияли на ход выборов и проведение предвыборных мероприятий.

В дальнейшем законодатель смог верно оценить масштаб работ необходимых для успешной реализации реформирования городского самоуправления [10]. Трудности с реализацией носили многоплановый характер. С одной стороны изменения вносимые в законодательство были значительны и требовали системного подхода, однако на момент принятия Городового Положения это потребовало бы слишком больших финансовых и интеллектуальных ресурсов. С другой стороны требовался мощный идеологический аппарат для преодоления инертности местного населения и повышения уровня ее правовой культуры. Данный аспект безусловно должен быть отмечен законодателем при последующих преобразованиях затрагивающих повседневную жизнь местного населения.

	Alexandr Bocharov
доцент	Associate professor
ФГОБУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал	The Russian Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation, the Lipetsk branch

THE ORIGIN OF THE LEGISLATIVE REGULATION OF THE MUNICIPAL GOVERNMENT IN RUSSIA IN THE XVIII CENTURY

Abstract: the article considers the problem of the formation of the Institute of municipal government during the absence centralized government bodies. Researched rules of The Main Magistrate Statute.

Keywords: history, municipal government, The Main Magistrate Statute.

Эволюционные процессы в области законодательства о выборах в органы городского самоуправления носили в большинстве своем последовательный характер и неизменно сопровождались качественным ростом уровня юридической техники.

Некоторые исследователи считают началом активного правового регулирования городского самоуправления учреждение бурмистерских палат в 1699 году, на основании «Именного указа об учреждении бурмистерской палаты для ведомства всяких расправных дел между гостями и посадскими людьми, для управления казенными сборами и градскими повинностями, и об исключении гостей и посадских людей из ведомства воевод и приказов 1699 года, января 30»[1], «Именного указа, объявленного из разряда об учреждении в городах земских изб для ведомства всяких расправных дел между посадскими и торговыми людьми, для управления казенными с них

сборами и градскими повинностями и об исключении торговых и посадских людей из ведомства воевод и приказов 1699 года, января 30»[2] и «Именного указа о выборе гостям и гостиным сотням бурмистров из всех слобод по одному 1699 года, апреля 17»[3].

Однако, на наш взгляд, функции бурмистерских палат были намного уже не только современного понятия «местного самоуправления», но и чуть более поздней «власти магистратской», поскольку деятельность бурмистерской палаты в большей степени сосредотачивалась на контроле за сбором повинностей с купцов и промышленников. По мнению И.И. Дитятина, «Петру были нужны не самоуправляющиеся, автономные городские общины, а такие выборные учреждения, которые ведали бы не городом, а торгово-промышленным населением»[4]. Несмотря на то, что бурмистерские палаты были первыми городскими самоизбирающимися органами, получившими минимальное нормативное регулирование, функциональные обязанности их не совпадают с основными положениями местного самоуправления. В то же время введенный чуть позднее Регламент Главного Магистрата[5], гораздо больше соответствует современной трактовке местного самоуправления.

Как следует из главы II Регламента, основными функциями Главного магистрата были:

- учреждение во всех городах местных магистратов;
- составление уставов и распоряжений для местных магистратов;
- надзор за исполнением законодательства;
- учреждение полицейских органов;
- содействие развитию мануфактурного и ремесленного производства.

Прежде всего, обращает на себя внимание декларативный характер данного документа, являвшийся, по сути, не столько регламентом, подробно разъясняющим процедуру работы и основные процессуальные моменты деятельности Главного магистрата, а учредительным документом, содержащим лишь основные понятия и устанавливающим общий принцип работы вновь созданного органа.

Регламент детерминировал количество членов городских магистратов в зависимости от численности населения городов Российской империи. Города относились к одной из пяти категорий (частей):

- Наиболее крупные города, такие, как Санкт-Петербург, Москва, Новгород, Казань, Рига, Ревель, Архангельск, Астрахань, Ярославль и другие, население которых было более 2 тысяч дворов.
- Приморские города, такие, как Выборг, Нарва и другие, имевшие население свыше тысячи дворов.
- Внутренние города и малые приморские города от 500 до 1000 дворов.

- Небольшие города с населением от 250 дворов.
- Все остальные малые города.

При этом учреждать Городовые магистраты предполагалось во всех городах без исключения, какой бы численностью не было их население. Такой шаг показывает лишь приблизительную оценку ситуации со стороны монарха. Кроме того, общий настрой системы управления по отношению к городам Российской империи предполагал, в основном, самостоятельный характер деятельности под контролем Главного магистрата. При этом условия и компетенция таких органов были весьма условны. При этом в регламенте, как основополагающем документе местного городского самоуправления, не производилась дифференциация порядка и правил учреждения городских магистратов в зависимости от категории, к которой относился город.

Единственное, что зависело от категории города, – это состав городского магистрата. Так, для городов первой категории это были президент и четыре бургомистра, во второй – один же президент и три бургомистра, в городах третьей и в четвертой категории – по два, а в остальных городах – по одному бургомистру. Кроме обязательных чинов, предполагалось также придать в помощь к бургомистру ратманов (или советников) в больших городах по два человека, а в средних и меньших городах – исходя из состояния города (Глава VI).

Особого порядка выборов при создании вновь образованных городских магистратов не предполагалось. Петр I ограничился распоряжением о том, что результаты выборов должны были быть письменно оформлены и представлены соответствующему должностному лицу: губернатору, вице-губернатору или воеводе.

При этом сразу же на этапе создания городских магистратов возникло закономерное затруднение – необходимо было ознакомить всех представителей городского самоуправления с их обязанностями и регламентом при отсутствии централизованной рассылки и даже примерного представления, сколько конкретно городов будут участвовать в реформе. Так, сам регламент предполагал, что для «разумения сей инструкции» 3 или 4 представителя купечества, «лучших и дельных» от каждого города, необходимо выслать в Санкт-Петербург для ознакомления. Такое масштабное мероприятие довольно сложно произвести и в современной России, не говоря о петровской эпохе, где понятия транспортной системы еще даже не существовало. Кроме того, было совершенно непонятно, кто нес расходы по доставке таких лиц. Ведь регламент использовал термин «выслать», что предполагает активные действия губернского аппарата, но в этом случае одни только расходы по ознакомлению с Регламентом главного магистрата и другими инструкциями по созданию городских магистратов в местных городах во много раз превысили бы печать и рассылку необходимых документов.

Обращает на себя внимание спонтанность и несколько непоследовательное построение норм Регламента главного магистрата. Вероятно, подразумевалось дополнительное толкование норм через аппарат Сената, Главного магистрата и губернаторов. В данном случае информационную функцию обеспечения формирования местного городского самоуправления трудно считать выполненной.

Особенно это заметно при решении такого важного вопроса, как процедура избрания в органы местного городского самоуправления. Согласно регламенту, процедура выборов в непосредственно магистраты предполагалась предельно простая:

Губернаторам, вице-губернаторам и воеводам необходимо было сообщить «бургомистрам и первым мирским людям», что из них, согласно царскому указу, планировалось сформировать магистрат и выбрать президентов магистрата, выступавших в качестве «начальства гражданского».

Указанные граждане должны были выбрать «в президенты и в бургомистры и ратманы из первостатейных добрых, пожиточных и умных людей» в количестве, предусмотренном регламентом.

Выборы проводились по мажоритарной системе в письменной форме. Предполагалось, что выбранными считались те из горожан, которые набрали большинство голосов. Ход выборов должен был фиксироваться «на письме».

Список избранных на должности в городском магистрате лиц вместе с актом, фиксирующим ход и результаты голосования, должны были быть представлены губернаторам, вице-губернаторам и воеводам сразу же после окончания выборов. При этом сведения должны были содержать поименное указание на ту должность, на которую был избран гражданин (президент, бургомистр или ратман).

Списки избранных лиц вместе с представителями от каждого города должны были быть представлены Санкт-Петербургскому магистрату, для утверждения. В данном случае этот магистрат фактически исполнял роль первого подразделения, находящегося под особой опекой Главного магистрата, и от этого обладающего повышенными полномочиями и компетенцией. Критерии, по которым столичный магистрат определял, подходит та или иная кандидатура к занятию должности городского самоуправления, регламент не содержал.

Последним этапом формирования органов местного городского самоуправления по Регламенту главного магистрата предполагалось издание Санкт-Петербургским магистратом обязательных указов для каждого города, в которых не только перечислялись выбранные лица, но и указывалось на необходимость подчиняться решениям вновь созданных органов. После этого выбранные лица приносили присягу

по одному из трех ее вариантов и становились легитимными должностными лицами городского самоуправления.

Таким образом, законодательство о выборах на начальном этапе формирования органов местного городского самоуправления представляло собой достаточно слабо проработанный документ, который изначально создавал ряд препятствий на пути становления таких органов:

Этапы формирования новых и неизвестных основному населению городов органов управления не сопровождались достаточным пояснением или хотя бы обязанностью исполнительных органов губернского и воеводского уровня такое пояснение предоставить. Недостаточная информатизация приводила не к саботажу и намеренному блокированию принятия нужных решений, но к непониманию населением городов, а главное чиновников отечественных за проведения реформы, последовательности и смысла осуществляемых действий. В результате информационная функция данным нормативным актом была не выполнена, что в значительной степени повлияло как на ход реформы, так и на развитие института городского самоуправления.

Организационная стратегия введения нового типа органов управления в городах была проработана крайне слабо. Не были установлены ответственные лица, не был определен статус Главного магистрата, не разграничены полномочия Санкт-Петербургского магистрата и центральных органов управления государства. Не была установлена надзорная функция на местном уровне. Организация процесса выборов урегулирована недостаточно: отсутствовала определенность, кто именно должен был входить в круг избирателей и по каким критериям – губернатор, вице-губернатор и воевода должны были производить отбор кандидатур, непонятен принцип выдвижения или самовыдвижения кандидатов, ни ограничения в ходе голосования. В результате организационная функция нормативного акта, также не способствовала должному пониманию реформы со стороны участников процесса, а значит, неизбежно снижалась и эффективность правового воздействия.

Крайне запутанная система легитимизации вновь избранных должностных лиц органов местного городского самоуправления. Двухступенчатый отбор кандидатов (сначала на уровне губернии и воеводства, а затем в Санкт-Петербургском магистрате) не позволял полноценно оценить готовность избранных должностных лиц к выполнению своих обязанностей.

К сожалению, деятельность городских магистратов на территории Центрального Черноземья довольно скудно отражена в исторических документах, свидетельствовавших о практике внедрения этого достаточно революционного метода городского управления, особенно это касается начальных этапов внедрения.

Однако более поздний период времени накануне преобразований Екатерины II с введением многих бюрократических процедур позволяет отыскать документы, проливающие свет на отдельные моменты действия городских магистратов.

Так, выборы купца Ивана Есенковского старостой по казенным сборам Белгородского магистрата[6] свидетельствуют не только о продолжавшемся функционировании городского магистрата как выборного органа, но и наличие довольно развитой внутренней административной структуры в данном органе. А тот факт, что купца Есенковского выбрали также депутатом в Комиссию по выработке нового уложения, указывает на довольно высокие требования к кандидату на должность в городском управлении.

Также интересен факт укрупнения границ ведения одного магистрата, когда городское население Старого и Нового Оскола и город Короча были подчинены Белгородскому Городовому магистрату[7]. Само по себе такое событие указывает не только на отступление от канонов, заложенных Главным регламентом городского магистрата, но и стремлением представителей государственной власти модернизировать систему управления. Тем не менее, данное конкретное решение вызывает достаточно противоречивые чувства, так как при подготовке данного решения не были учтены как географические, так и экономические аспекты местного управления в данной области.

Таким образом, с точки зрения качества юридической техники и проработанности норм, а также эффективности их воздействия на общественные отношения Регламент Главного магистрата имел многочисленные проблемы и недоработки, которые могли и привели к недостаточному пониманию основными участниками создававшегося местного городского самоуправления своих задач и целей создания таких органов. Немаловажным фактором, повлиявшим на недостаточное развитие городского самоуправления в начале XVIII века, стало как введение новых неизвестных принципов формирования органов управления, так и достаточно громоздкая система взаимодействия с органами государственной власти.

Кроме того, развитие общественных отношений было недостаточным как ввиду неразвитости экономики города и собственных производительных сил, так и ввиду отсутствия понимания основных предпосылок бурного развития самоуправления в Западной Европе в середине XVII века.

Несмотря на хорошее начало преобразований в сфере муниципального управления политическая обстановка в России середины XVIII века не способствовала стабильному развитию организационно-правовых институтов власти и управления. Смена функциональных обязанностей и изменения в государственном аппарате без изменения соответствующих нормативных актов,

привела к тому, что деятельность магистратов значительно сократилась. Необходим был новый «толчок» к развитию данного института.

Однако, основное развитие института городского самоуправления произошло гораздо позднее в последней четверти XIX века[8], в частности на деятельности исполнительных органов[9]. В тоже время, широкое распространение института городского самоуправления наталкивалось на сопротивление самого населения при абсентеизме богатых горожан и ограничении участия в выборах для не столь состоятельных лиц[10].

Список использованных источников:

1. Именной указ об учреждении бурмистрской палаты для ведомства всяких расправных дел между гостями и посадскими людьми, для управления казенными сборами и градскими повинностями, и об исключении гостей и посадских людей из ведомства воевод и приказов 1699 года, генваря 30// Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. – СПб. – Т. III. - № 1674.
2. Именной указ, объявленный из разряда об учреждении в городах земских изб для ведомства всяких расправных дел между посадскими и торговыми людьми, для управления казенными с них сборами и градскими повинностями и об исключении торговых и посадских людей из ведомства воевод и приказов 1699 года, генваря 30»// Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. – СПб. – Т. III. - № 1675.
3. Именной указ о выборе гостям и гостиным сотням бурмистров из всех слобод по одному 1699 года, апреля 17// Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. – СПб. – Т. III. - № 1685.
4. Статьи по истории русского права. СПб., 1895г. С. 2.;
К вопросу о становлении европейского горного права в XVIII - XIX веках // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 5. С. 171 – 174.
5. Регламент Главного магистрата// Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. – СПб. – Т. VI. – № 3708.
6. Государственный архив Белгородской области Ф. 3., Оп.1., Д. 8., Л. 1-2
7. Государственный архив Белгородской области Ф. 3., Оп.1., Д. 373., Л. 1-3.
8. Городовое положение 1892 года: революционная контрреформа или правовое совершенствование // Закон и право М., 2008, № 4. С. 119-120.
9. Особенности регулирования деятельности исполнительных органов городского самоуправления (период после проведения реформы 1892 года) // Закон и право М., 2009, № 9. С. 119-120.
10. Ограничения участия лиц в выборах в проектах городского положения 1870 года. // Актуальные проблемы современной науки: Секция «Право и правоприменение»: сборник материалов международной научно-практической конференции, 25 мая 2014 г. /С.Л. Никонович, науч. ред. – Тамбов-Липецк: Изд-во Першина Р.В., 2014. С. 3-7.

© А.В. Бочаров

ГРНТИ 10.07.53

УДК 34.01

	Vasili Galuzo
Кандидат юридических наук, старший научный сотрудник	PhD, Chille-old researcher at
НИИ образования и науки (г. Москва) «vgrmn@yandex.ru».	the Institute of Education and Science (Moskow)

CONSTITUTIONAL JUSTICE OR CONSTITUTIONAL RIGHT SUDIE IN THE RUSSIAN FEDERATION: THE PROBLEM OF THE RELATION OF TERMS

bstract: This article is not only correlated terms Satversme-tutionnoe proceedings and constitutional justice , but also informed judgments about the legitimacy of using exclusively terming constitutional legal proceedings .

Keywords: Russian Federation, the Constitution of the Russian Federation, Constitutional proceedings , Constitutional Justice , Constitutional Court of Zion, regulation, Rules of the Constitutional Court of the second.

При подготовке второго издания монографии «Доказывание в уголовном процессе Российской Федерации (теория и правоприменительная практика)» [1] мы обратили внимание на существующую в Российской Федерации [2] неопределенность относительно двух взаимосвязанных терминов: «конституционное судопроизводство» и «конституционное правосудие».

Как известно, в перечне видов судопроизводств, предусмотренных в части 2 ст. 118 Конституции РФ от 12 декабря

1993 г. [3], на первом месте значится «конституционное судопроизводство».

Правомерен вопрос: допустимо ли отождествление конституционного судопроизводства с конституционным правосудием?

Для получения ответа на сформулированный вопрос обращаемся к анализу юридической научной и учебной литературы.

В.П. Казимирчук и его единомышленники при определении сочетания естественного и позитивного права оперируют термином «конституционное правосудие» [4].

Е.Ю. Киреева при разрешении «малоизученной проблемы о роли института конституционного контроля в механизме разделения властей» не отождествляет понятия «конституционный контроль» и «правосудие» (это самостоятельные виды государственной деятельности, однако оперирует терминами «конституционное производство» и «средства доказывания») [5].

Представительница так называемой ведомственной юридической науки (И.С. Назарова) положения теории доказательств и доказывания в уголовном процессе фактически «переложила» в конституционное судопроизводство («В научной литературе практически отсутствуют теоретические разработки, посвященные ... доказательствам и доказыванию в конституционном судопроизводстве ...»; «Предметом исследования является процессуальная деятельность Конституционного Суда Российской Федерации»; «Для реализации поставленных целей исследования было необходимо решить следующие задачи: ... в) изучить проблемы доказательств и доказывания в конституционном судопроизводстве»; «В диссертационном исследовании такие понятия, как «конституционное судопроизводство» и «конституционный процесс», используются как равнозначные») [6].

Однозначны суждения В.Т. Филиппова: «То обстоятельство, что уставные суды рассматривают дела о проверке соответствия нормативных актов уставу субъекта Федерации, не говорит о том, что здесь имеется «уставное» судопроизводство, отличающееся от конституционного»; «Конституционное судопроизводство, как заранее запрограммированная деятельность по осуществлению правосудия ...» [7].

Авторский коллектив, ведомый М.С. Саликовым, поименовав одну из глав «Доказывание и доказательства в конституционном судопроизводстве», утверждают следующее: «В целом доказывание – это разновидность познания, осуществляемая в определенном порядке, установленном законом и охватывающая деятельность субъектов, вовлеченных в конституционное судопроизводство»; «... доказывание – это сплав мыслительной и процедурной деятельности.

Мыслительная деятельность характеризует процесс познания, а процедурная – ту особую форму, которую приобретает познание в рамках правил конституционного судопроизводства. Можно выделить стадии доказывания: «сбор доказательств; исследование доказательств в суде; оценка доказательств» [8].

Отличаются противоречивостью суждения автора (В.В. Цибульский) одной научной публикации: «Тезис об образовании новой самостоятельной отрасли права: конституционном правосудии (состоящей из институтов судебного конституционного права и судебного конституционного процесса) или судебном конституционном процессе представляются автору несостоятельными ввиду того, что подобная постановка вопроса противоречит положениям Конституции Российской Федерации»; «... правосудие осуществляется в рамках гражданского и уголовного судопроизводства, конституционный контроль – в рамках конституционного, это две организационно-правовые формы реализации судебной власти. Термин «конституционное правосудие» применим и к случаям рассмотрения судами общей юрисдикции, арбитражными судами дел об обжаловании актов, нарушающих конституционные права и свободы. Конституционным правосудием следует также считать рассмотрение органами конституционной юстиции жалоб на нарушение конституционных прав и свобод граждан» [9].

Результатом научных изысканий трех авторов-единомышленников (А.В. Ильиных, З.В. Макарова, А.Л. Фартыгин) является вывод о том, что «конституционное судопроизводство – процесс доказывания истины по делу» («доказывание – это разновидность познания, осуществляемая в определенном порядке, установленном законом и охватывающая деятельность субъектов, вовлеченных в конституционное судопроизводство») [10].

С.А. Савченко оперирует термином «конституционный процесс», под которым понимает «последовательность реализации конституционных норм, гарантирующих законность правоприменительного процесса, формирование процессуальных производств и режимов с целью решения в России задач защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции РФ» [11, 12].

Н.В. Витрук даже в наименовании своей публикации использовал термин «конституционное правосудие», а в дальнейшем лишь подтвердил свой выбор: «В процессе конституционного судопроизводства идет активная познавательно-оценочная деятельность конституционного суда, судей, сторон и их представителей, которая неотделима от процесса доказывания и

основывается на доказательствах. Доказывание как процесс имеет своей целью установление объективной истины по конкретному делу, т.е. адекватное отражение в итоговом решении Конституционного Суда РФ правовой действительности. Доказывание в конституционном судопроизводстве есть особый вид судебного доказывания, который имеет свою специфику» [13].

Приведенные суждения ученых можно представить в виде трех групп: одни авторы (Н.В. Витрук, В.П. Казимирчук и др.) однозначно высказываются за отождествление конституционного судопроизводства и конституционного правосудия; другие авторы (Е.Ю. Киреева и др.) не отождествляют конституционное судопроизводство и конституционное правосудие; третьи авторы (В.В. Цибульский и др.) – занимая промежуточное положение, не отождествляют конституционное судопроизводство и конституционное правосудие, однако оперируют категориями из иных видов правосудия (например, уголовного).

Теперь обратимся к анализу положений нормативных правовых актов, в том числе и к нормативным правовым актам, специально посвященным конституционному судопроизводству.

В Конституции РФ от 12 декабря 1993 г., как нормативном правовом акте с наивысшей юридической силой среди нормативных правовых актов Российской Федерации [14], конституционному судопроизводству посвящено несколько статей (10, 118, 125). Авторы одного из комментариев Конституции РФ относительно ее статьи 118 отмечали следующее: «Юридическое правосудие – это осуществляемая в строгом процессуальном порядке деятельность суда по рассмотрению и разрешению уголовных, гражданских дел, а также дел об административных правонарушениях»; «Но осуществление правосудия – только одна форма судебной власти. Другой формой является судебный контроль в двух видах – судебный конституционный контроль (конституционная юстиция) и судебный административный контроль (административная юстиция)»; «Конституционную юстицию в Российской Федерации осуществляют Конституционный Суд РФ и Конституционные (Уставные) суды субъектов Федерации» [15].

Организация и деятельность Конституционного Суда РФ урегулированы в Федеральном конституционном законе РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 12 июля 1994 г. [16]. В данном нормативном правовом акте термин «доказательство» (и аналогичные термины) использован лишь в статье 67 («Если после заключительных выступлений сторон Конституционный Суд Российской Федерации признает необходимым выяснить дополнительные обстоятельства, имеющие существенное значение для разрешения дела, или исследовать новые доказательства, он

выносит решение о возобновлении рассмотрения вопроса. По окончании дополнительного исследования стороны имеют право на повторные заключительные выступления, но лишь в связи с новыми обстоятельствами и доказательствами»). Автор одного из комментариев к ФКЗ РФ от 12 июля 1994 г. заключает следующее: «Закрепление за Конституционным Судом осуществления только конституционного судопроизводства означает, что он не вправе рассматривать гражданские, уголовные и иные дела, осуществлять судебную власть посредством других видов судопроизводства...». [17].

Еще в одном нормативном правовом акте с трудно определяемым местом в системе нормативных правовых актов (по юридической силе) - Регламенте Конституционного Суда Российской Федерации (в редакции от 24 января 2011 г.) [18] термин «доказательство» (или аналогичные термины) не использован. Проведенный анализ юридической литературы и положений ряда нормативных правовых актов позволяет нам высказать суждение о недопустимости отождествления конституционного судопроизводства и конституционного правосудия [19]. Более того, использование термина «конституционное правосудие», ввиду его бессодержательности, является ошибочным, а потому недопустимым. Конституционный Суд РФ, как, впрочем и конституционные (уставные) суды отдельных субъектов Российской Федерации (каковые в этих субъектах Российской Федерации учреждены), ввиду своей исключительной компетенции, не осуществляют правосудие. Правосудие осуществляют лишь суды общей юрисдикции и арбитражные суды.

Список цитируемой литературы:

1. Доказывание в уголовном процессе Российской Федерации (теория и правоприменительная практика): Монография. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. . М.: ТЕИС, 2014. 248 с.
2. Конституционно-правовой статус России: проблема именованя государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123.
3. Сборник законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
4. Драма российского закона: монография / отв. ред. . М.: Юридическая книга; ЧеРо, 1996. С. 47-50.
5. Конституционный Суд и конституционное судопроизводство: Автореферат дисс. канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1997. С. 7, 9, 10-11, 21, 22.
6. Конституционное судопроизводство (на материалах деятельности Конституционного Суда Российской Федерации): автореферат дисс. канд. юрид. наук. М., 2000. С. 3, 5, 6, 11.
7. Конституционное судопроизводство в судах субъектов Российской Федерации: Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 10, 16.
8. Конституционный судебный процесс: учебник для вузов / отв. ред. М.: НОРМА, 2003. С. 102, 104, 105.

9. Конституционное судопроизводство в Российской Федерации: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 11, 12.
10. Конституционное судопроизводство в Российской Федерации: монография. Челябинск: Цицерон, 2008. С. 112, 114.
11. Конституционный процесс реализации норм, закрепляющих основы конституционного строя России: автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. Тюмень, 2011.
12. Конституционный процесс реализации норм, закрепляющих основы конституционного строя России: монография. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2011.
13. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: Учебное пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; ИНФРА-М, 2012. С. 4, 341.
14. Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98-102; Об особенностях производства по уголовным делам с участием иностранных граждан // Право и государство: теория и практика. 2014. № 12 (120). С. 128 – 133.
15. Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий и семантический словарь / науч. ред. . М.: Бератор-Пресс, 2003. С. 375, 376.
16. Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; 2013. № 14. Ст. 1637.
17. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации». М.: Частное дело, 2006. С. 13.
18. Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 1. С. 3-36.
19. Правоохранительные органы: учебник для вузов / под ред. А.В. Ендольцевой, И.И. Сыдорука [авторы:

2013. С. 39.

] . М.: Юнити-Дана,

© В.Н. Галузо.

ГРНТИ 10.07.53

УДК 34.01

	Vasili Galuzo
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИИ образования и науки (г. Москва, Российская Федерация), научная специальность - 12.00.01.	P nstiezof pazez3)

ON THE REFORM OF HIGHER EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Brief Abstract: In this article the process of reforming-tion of higher education in the Russian Federation (from 25 December 1991 to the present time). The subject of the study are: laws related to education in the Russian Federation. At the same time noted that the legislation on education in the Russian Federation develops Xia stages: from December 25, 1991 to August 29, 1996 - one higher professional education; August 29, 1996 to September 1, 2013 - Multi-step higher professional education (bachelor , graduate , master); on September 1, 2013. The external-are time - Multi-level higher professional education (bachelor , specialty, Master training of highly qualified personnel). Methods: comparative law, make it possible to draw conclusions-Rained. Conclusions: Higher education in Russia-Federation should be the same. As for the multistep-of (multilevel) higher education, it must certainly be taken into account in the preparation of textbooks. In the Russian Federation, of depending on the level of higher education must be provided on-specialty textbooks (textbooks, manuals, etc.). For different levels of higher education should be prepared and different educational literature. If sufficient for bachelors will ovla-denie general provisions of a training course, the spe-ists must master all the tutorial. Purpose of textbooks for the Masters: the deepening of the knowledge acquired on a particular course of study.

Keywords: higher education, the Russian Federation, of great, legal regulation, educational activities, system-on education , level of education (educational qualification) , bachelor, specialist, master's degree, bachelor's degree, specialty, Master.

Образование, как общественное отношение, регулируемое правом [1], постоянно привлекает внимание ученых-юристов [2].

В данной статье мы ограничиваемся этапом существования Российской Федерации (с 25 декабря 1991 г.) [3] и акцентируем внимание на процессе правового регулирования исключительно высшего образования.

I. Единое высшее профессиональное образование

Первым нормативным правовым актом в Российской Федерации, в котором регулировалась образовательная деятельность, являлся Закон РФ «Об образовании» от 10 июля 1992 г. [4] Порядок введения этого нормативного правового акта регулировался нормативным правовым актом с меньшей юридической силой: постановление Верховного Совета РФ «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «Об образовании» № 3627-I

от 10 июля 1992 г. [5] При подобном «правотворчестве» нарушено соотношение двух разных по юридической силе нормативных правовых актов: равный с равным. То есть, Закон РФ «Об образовании» должен был наделяться юридической силой не постановлением ВС РФ, а, например, Законом РФ «О порядке введения в действие Закона РФ «Об образовании».

В Законе РФ от 10 июля 1992 г. под термином «образование» предлагалось понимать «целенаправленный процесс обучения и воспитания в интересах личности, общества и государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) определенных государством образовательных уровней (образовательных цензов)».

В статье 7 Закона РФ от 10 июля 1992 г. определялось понятие «система образования»: «совокупность: системы преемственных образовательных программ и государственных образовательных стандартов различного уровня и направленности; сети реализующих их образовательных учреждений различных организационно-правовых форм, типов и видов; системы органов управления образованием и подведомственных им учреждений и предприятий».

Относительно государственных образовательных стандартов в Законе РФ от 10 июля 1992 г. определялись две их разновидности: «федеральный и национально-региональный компоненты».

В статьях 22-25 Закона РФ от 10 июля 1992 г. фактически определялись разновидности «профессионального образования»: «начальное профессиональное образование» (ст. 22); «среднее профессиональное образование» (ст. 23); «высшее профессиональное образование» (ст. 24).

В пункте 5 ст. 27 Закона РФ от 10 июля 1992 г.: «В Российской Федерации устанавливались следующие уровни образования (образовательные цензы): а) основное общее образование; б) среднее (полное) общее образование; в) начальное профессиональное образование; г) среднее профессиональное образование; в) высшее профессиональное образование; е) послевузовское профессиональное образование». Иначе говоря, законодателем допускалось отождествление терминов «уровень образования» и «образовательный ценз». Что же касалось «высшего образовательного образования», то оно не дифференцировалось и представляло один уровень образования (образовательный ценз).

В последующем в Закон РФ «Об образовании» от 10 июля 1992 г. вносились многочисленные изменения и дополнения.

Некоторые положения Закона РФ от 10 июля 1992 г. Конституционным Судом РФ признавались «не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2) и 55 (части 2 и 3)» [6].

II. Многоступенчатое высшее профессиональное образование

(«бакалавр», «дипломированный специалист», «магистр»)

Первым нормативным правовым актом в Российской Федерации, специально посвященным высшему образованию, являлся Федеральный закон РФ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 19 июля 1996 г.

В статье 4 ФЗ РФ от 19 июля 1996 г. определялась «структура системы высшего и послевузовского профессионального образования»: «совокупность: государственных образовательных стандартов высшего и послевузовского профессионального образования и образовательных программ высшего и послевузовского профессионального образования; имеющих лицензии высших учебных заведений и образовательных учреждений соответствующего дополнительного профессионального образования независимо от их организационно-правовых форм; научных, проектных, производственных, клинических, медико-профилактических, фармацевтических, культурно-просветительских предприятий, учреждений и организаций, ведущих научные исследования и обеспечивающих функционирование и развитие высшего и послевузовского профессионального образования; органов управления высшим и послевузовским профессиональным образованием, а также подведомственных им предприятий, учреждений и организаций; общественных и государственно-общественных объединений (творческих союзов, профессиональных ассоциаций, обществ, научных и методических советов и иных объединений)».

В пункте 2 ст. 6 ФЗ РФ от 19 июля 1996 г. впервые допускалась дифференциация «высшего профессионального образования: «В Российской Федерации устанавливаются следующие ступени высшего профессионального образования:

высшее профессиональное образование, подтверждаемое присвоением лицу, успешно прошедшему итоговую аттестацию, квалификации (степени) «бакалавр;

высшее профессиональное образование, подтверждаемое присвоением лицу, успешно прошедшему итоговую аттестацию, квалификации «дипломированный специалист»;

высшее профессиональное образование, подтверждаемое присвоением лицу, успешно прошедшему итоговую аттестацию, квалификации (степени) «магистр».

Иначе говоря, высшее образование рассматривалось только в системе профессионального образования и представлялось в виде трех «ступеней». Соответственно лица, получающие высшее профессиональное образование наделялись статусами: «бакалавр», «дипломированный специалист» и «магистр».

В последующем в ФЗ РФ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 19 июля 1996 г. вносились многочисленные изменения и дополнения.

Некоторые положения ФЗ РФ от 19 июля 1996 г. Конституционным Судом РФ дважды признавались: «не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2 и 37 (часть 1))»; «не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2 и 55 (части 2 и 3))».

Закон РФ «Об образовании» от 10 июля 1992 г. и ФЗ РФ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 19 июля 1996 г. утратили юридическую силу в связи с принятием Федерального закона РФ «Об образовании в Российской Федерации» от 21 декабря 2012 г. (ст. 110).

III. Многоуровневое высшее профессиональное образование («бакалавриат»; «специалитет, магистратура»; «подготовка кадров высшей квалификации»)

Итак, с 1 сентября 2013 г. (дата вступления в юридическую силу ФЗ РФ от 21 декабря 2012 г.) появилось основание для утверждения о формировании в Российской Федерации многоуровневого высшего профессионального образования.

В частности, в ст. 10 ФЗ РФ от 21 декабря 2012 г. определен исчерпывающий перечень элементов «структуры системы образования»: «1) федеральные государственные образовательные стандарты и федеральные государственные требования, образовательные стандарты, образовательные программы различных вида, уровня и (или) направленности; 2) организации, осуществляющие образовательную деятельность, педагогических работников, обучающихся и родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся; 3) федеральные государственные органы и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственное управление в сфере образования, и органы местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования, созданные ими консультативные, совещательные и иные органы; 4) организации, осуществляющие обеспечение образовательной деятельности, оценку качества образования; 5) объединения юридических лиц, работодателей и их объединений, общественные объединения, осуществляющие деятельность в сфере образования». В перечень «уровней профессионального образования» также включены три разновидности «высшего образования»: «бакалавриат»; «специалитет, магистратура» и «подготовка кадров высшей квалификации» (ч. 5 ст. 10 ФЗ РФ от 21 декабря 2012 г.).

Положения части 5 ст. 10 ФЗ РФ от 21 декабря 2012 г. детализированы в статье 69 «Высшее образование» этого же нормативного правового акта. И здесь специалитет и магистратура

фактически отождествляются, что, по-нашему мнению, является несовершенством поименованного нормативного правового акта [7].

Анализ состояния правового регулирования высшего образования в Российской Федерации (Закон РФ «Об образовании» от 10 июля 1992 г.; ФЗ РФ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 19 июля 1996 г.; ФЗ РФ «Об образовании в Российской Федерации» от 21 декабря 2012 г.) позволило нам обнаружить закономерность: от единого высшего образования в 1992 г. к многоуровневому высшему образованию в 2013 г. Некоторые известные ученые (например, Л.Ю. Грудцына и А.В. Лагуткин) не только предлагают несколько иной термин - «кластерная система образования», но и выдают его за «инновацию» [8]. При это, поименованные авторы – единомышленники признают иностранный характер предложенного ими термина: «Что же такое образовательный кластер? Кластер (англ. cluster – скопление) – это объединение нескольких однородных элементов, которое может рассматриваться как самостоятельная единица, обладающая определенными свойствами» [8]. Здесь мы лишь обращаем внимание на бесосновательное заимствование зарубежной терминологии и тем самым соглашамся с суждением В.Д. Зорькина о недопустимости широкого заимствования зарубежной терминологии [9].

Мы полагаем, что высшее образование в Российской Федерации должно быть единым, как-то предусматривалось в законодательстве советской России и в законодательстве Российской Империи. Что же касается многоступенчатости (многоуровневости) высшего образования, то она не только вызывает затруднения при их разграничении, а также при подготовке учебной литературы. Имеющийся у авторов данной статьи опыт по подготовке подобной учебной литературы [10], позволяет нам высказать суждение о том, что ныне в Российской Федерации учебная литература (учебники, учебные пособия и др.) в зависимости от уровня высшего образования отличается лишь количеством тем. Для разных уровней высшего образования должна подготавливаться и разная учебная литература. Если для бакалавров достаточным будет овладение общими положениями того или иного учебного курса, то специалисты должны овладевать всем учебным курсом. Предназначение учебной литературы для магистров: углубление полученных знаний по тому или иному учебному курсу. Так, на примере учебного курса «Уголовный процесс» это будет выглядеть следующим образом: учебник для бакалавров – «Уголовный процесс. Общие положения»; учебник для специалистов – «Уголовный процесс. Общая часть. Особенная часть»; учебник для магистров – «Актуальные проблемы уголовного процесса». На примере учебного курса «Криминалистика» это будет выглядеть следующим образом: учебник для бакалавров – «Криминалистика. Общие положения»; учебник для специалистов –

«Криминалистика. Общая часть. Особенная часть»; учебник для магистров – «Актуальные проблемы криминалистики».

Список цитируемой литературы:

1. . Образовательное право: Учебник для вузов. М.: НОРМА, 2001; . Образовательное право: Учебное пособие. М.: МГИУ, 2012; . Образовательное право: Учебно-методическое пособие для студентов вузов. Волгоград, 2012; Образовательное право: Учебное пособие. М.: МЮИ, 2012; Российское образовательное право: Монография. Щелково: Издатель (2012).
2. Реформирование системы аттестации научных и научно-педагогических кадров: некоторые предложения // Государство и право. 2013. № 3. С. 5-19.
3. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123).
4. .Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1797. В период с 25.12.1991 г. и до введения в юридическую силу Закона РФ от 10.07.1992 г. продолжали действовать нормативные правовые акты СССР и РСФСР: Закон СССР «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании» от 19.07.1973 г. (см.: Ведомости ВС СССР. 1973. № 30. Ст. 392); Закон РСФСР «О народном образовании» 02.08.1974 г. (см.: СЗ РСФСР. 1988. Т. 3. С. 245).
5. Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1798.
6. Постановление КС РФ № 13-П от 24.10.2000 г. // СЗ РФ. 2000. № 44. Ст. 4399. 71- В поиске критериев разграничения учебной литературы для разных уровней профессионального образования в Российской Федерации (рецензия на книгу: «Правоохранительные органы: Учебник для студентов вузов. 9-е изд., перераб. и доп

	Elena Galysheva
ст.преподаватель ЛФ РАНХиГС при Президенте РФ	senior lecturer LF Russian Academy of national economy and public dministrati onunder the President of the Russian Federation

THEORETICAL ASPECTS OF PROTECTION (PROTECT) THE RIGHTS OF PERSONS EXTRADITED FROM RUSSIA AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT OF SOCIETY

bstract: The article examines the theoretical aspects of the mechanism of constitutional-legal protection of the rights of persons subject to extradition from Russia, the concept of this institution and different points of view on the problem

Рассматривая охрану и защиту прав лиц, экстрадируемых из России можно сказать, что охрана прав и свобод начинается с базового нормотворческого определения наказуемых посягательств на них, а также основных принципов и возможностей правовой защиты человека в государстве, включая общегосударственные обязательства, главные ее способы, допустимы пределы. Важнейшая роль здесь принадлежит Конституции, закрепившей приверженность России соответствующим международным стандартам. Необходимо добавить, что охрана прав и свобод невозможна без нормативного закрепления самих прав и свобод, составляющих предмет (объект) охраны, а также гарантий их правомерной реализации и охраны (защиты). Потребность в собственно защите (охране) прав и свобод личности возникает в случаях их нарушений (или реальной угрозы таковых), будь то вынесение препятствующих их осуществлению неправомерных юридических актов, необоснованный отказ в признании за лицом права, неисполнение кем-либо юридической обязанности как коррелята права и прочее, включая открытые посягательства на жизнь, честь и достоинство человека и т.д [8, с. 353-354].

Актуальность исследуемой проблемы видится в том, что в общей теории права, а также в теории конституционного права охрана (защита) прав и свобод человека и гражданина рассматривается как важнейшая функция правового государства, исходя из положений ст.ст. 1 и 2 Конституции Российской Федерации: Россия – правовое государство; человек, его права и свободы являются высшей ценностью; признание, соблюдение и защита прав и свобод человека – обязанность государства. В конституционно-правовом плане проблема охраны (защиты) прав личности трансформируется в проблему охраны (защиты) конституционных (основных) прав и свобод человека и гражданина. Кроме того, сложилась определенная система взглядов на понятие конституционного права на судебную защиту, поэтому целесообразно уделить внимание и этому институту.

Так, по мнению Л.Ю. Грудцыной, «право на судебную защиту не исчерпывается правом на обращение в суд и включает в себя право на личное участие в отстаивании своих прав и свобод, право требования от суда предоставления защиты, а также право на получение юридической помощи для реализации указанных прав. Право на защиту в связи с этим может рассматриваться как совокупность правомочий, обеспечивающих лицу возможность добиваться восстановления в правах» [5, с. 41]

Профессором С.С. Алексеевым обосновывается необходимость включения в число неотъемлемых прав человека наряду с другими общепризнанными категориями «права на право», реализуемого «главным образом в чувстве права, в требованиях правосудного решения, в других конституционных правах в области юстиции, правосудия». «Право человека на решение конфликтной ситуации, в которой он оказался, через процедуры правосудия... именно судом – независимым, компетентным, обладающим достаточными правомочиями, притом в строго процессуальном порядке с соблюдением всех законных гарантий для участников процесса» – данное право не предполагает отказ от его осуществления, который, по мнению ученого, был бы упречен не только в моральном отношении, но и существенно подорвал бы сами основы правового статуса гражданина, лишил бы его истинно правового значения.

Некоторые авторы в своих работах идут дальше, доказывая существование самостоятельного субъективного права на защиту (без определяющего прилагательного «судебная») [1]. Присутствует также точка зрения, согласно которой право на защиту есть неотъемлемый элемент всякого субъективного права [2, с. 121].

Наконец, имеется достаточное количество исследований охраны (защиты) прав и свобод граждан, которая осуществляется при помощи инструментария, закрепленного гражданско-процессуальным, уголовно-процессуальным, административно-процессуальным законодательством.

Проблема охраны (защиты) прав лиц, подвергающихся экстрадиции из России, представляет собой межотраслевую проблему в связи с тем, что сам правовой институт экстрадиции носит межотраслевой, сложный характер. В ее юридической характеристике следует выделить компоненты: 1) конституционно-правового, 2) международно-правового, 3) уголовно-правового и уголовно-процессуального характера. Вместе с тем, особое внимание, на наш взгляд, должно быть уделено конституционно-правовой составляющей механизма обеспечения охраны (защиты) прав экстрадируемых лиц.

Следует отметить, что в юридической литературе практически не разработано понятие и содержание конституционно-правового механизма охраны (защиты) прав граждан. Определенную разработку с позиции механизма (механизмов), т.е. движущих элементов той или иной системы получили такие юридические категории, как правовое регулирование, государственно-правовое воздействие, обеспечение законности, обеспечение прав и свобод человека и гражданина, реализация прав и свобод человека и гражданина и некоторые другие.

В целом под механизмом понимается внутреннее устройство системы чего-либо, совокупность состояний и процессов, из которых складывается какое-либо явление. В самом общем виде механизм защиты прав человека (как элемент механизма правового регулирования) рассматривается в качестве системы правовых средств, при помощи которых обеспечивается восстановление нарушенных прав, защита охраняемых интересов [3, с. 6]. Как полагает В.М. Капицын, понятие «механизм охраны и защиты прав человека» или «гуманитарный правозащитный механизм» частично совпадает с понятием «механизм правового регулирования». Последний включает в себя нормы права, юридические факты, правоотношения, формы и акты реализации субъективных прав и юридических обязанностей, акты применения права, элементы правосознания и правовой культуры.

Гуманитарный правозащитный механизм, по мнению ученого, интегрирует все это в организации и действиях индивидов, корпорация, объединений, органов государственной власти и местного самоуправления, выходит за рамки праворегулирования, и реализуется также в правовой охране и защите. Таким образом, в структуре ГПЗМ интегрируются: а) праворегулирующие, правоохранительные механизмы; б) механизмы разрешения конфликтов; в) идентификационные, информационные, организационные, акционные элементы, соединяющиеся для процедурно-правовой регламентации поведения и правового воспитания лиц в целях удовлетворения законных прав и интересов людей [7, с. 139].

Некоторыми авторами разрабатывается понятие

государственно-правового механизма охраны (защиты) прав и свобод личности. Так, В.Н. Бутылин рассматривает государственно-правовую охрану конституционных прав и свобод граждан в качестве: 1) особой концепции, т.е. системы взглядов, представляющих собой совокупность конструктивных идей, выражающих тенденции возможного развития государственной власти и управления и обеспечения государством конституционных положений о правах и свободах человека и гражданина; 2) деятельности уполномоченных государственных органов и лиц; 3) института конституционного права, целого юридического комплекса, обязанного обеспечить соблюдение основных прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в Конституции РФ.

Б.Л. Железнов выделяет следующие элементы государственной защиты прав и свобод человека и гражданина: 1) нормы конституционного, административного, уголовного, гражданского, трудового, семейного, экологического и других отраслей права (при этом особое значение придается нормам главы 2 Конституции РФ, а также нормам конституционного (уставного) законодательства субъектов Федерации, устанавливающие основные права человека и гражданина); 2) регулируемые нормами права общественные отношения в сфере государственной защиты прав и свобод; 3) гарантии прав человека и гражданина; 4) «материальные» институты, непосредственно обеспечивающие реализацию правовых норм и гарантий в конкретных правоотношениях, а именно: а) судебный механизм, включающий функции, систему и деятельность судов общей, арбитражной и конституционной юрисдикции; б) механизм прокурорского надзора (система органов прокуратуры и их деятельность); в) механизм Парламентского уполномоченного по правам человека (функции, организационные структуры, деятельность); г) механизм защиты прав человека и гражданина, заложенный в природу и компетенцию органов государственной власти, государственного управления, конституционного надзора (в некоторых субъектах РФ) и местного самоуправления[6, с. 28-29].

Между тем, как правильно замечает О.А. Снежко, механизм государственной защиты по своей сущности представляет собой лишь часть, хотя и значительную, конституционного механизма защиты прав и свобод, т.к. как государство (его органы) выступает единственным гарантом защиты прав и свобод личности. Однако в дальнейшем, определяя понятие данного механизма и его особенности, автор, по сути, сводит конституционный механизм все к тому же государственному механизму защиты прав и свобод.

Так, конституционный механизм защиты прав и свобод есть, по мнению О.А. Снежко, определенная система органов, средств, закрепленных в Конституции РФ, обеспечивающих наиболее полную и эффективную защиту прав и свобод человека и гражданина[9, с. 74-

75].

На наш взгляд, юридическая категория «конституционно-правовой механизм охраны (защиты) прав личности» гораздо шире по объему и закрепляемым элементам, нежели категория государственного механизма защиты прав и свобод.

Как правильно отмечает Л.Д. Воеводин, механизм реализации прав и свобод – это сложный и многосторонний как в организационно-политическом, так и в юридическом отношении организм. Итогом, результатом процесса осуществления прав и свобод личности является конкретные социальные блага, пользование ими, однако, между «реализацией» и «результатом», символизирующими пользование правами и свободами, как правило, есть некий «зазор», для преодоления которого нужен механизм, способный обеспечить эффективный переход от одного к другому [4, с. 267].

Таким образом, подводя итоги исследуемого вопроса, можно сделать определенный вывод. В юридической литературе практически не разработано понятие и содержание конституционно-правового механизма охраны (защиты) прав граждан. Определенную разработку с позиции механизма (механизмов), получили такие юридические категории, как правовое регулирование, государственно-правовое воздействие, обеспечение законности, обеспечение прав и свобод человека и гражданина, реализация прав и свобод человека и гражданина и некоторые другие.

Мы приходим к следующему понятию. Механизм конституционно-правовой охраны (защиты) прав личности в целом представляет собой систему процессов и связующих их «узловых» элементов, функционирующих на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации в целях охраны (защиты) прав и свобод личности.

Следовательно, под механизмом конституционно-правовой охраны (защиты) прав лиц, подлежащих экстрадиции из России, следует понимать систему процессов и связующих их «узловых» элементов, функционирующих на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, ряда международных конвенций, а также экстрадиционных соглашений Российской Федерации и других государств в целях охраны (защиты) конституционных прав и свобод экстрадируемых лиц.

Список цитируемой литературы

1. Современные проблемы реализации права на защиту при расследовании преступлений: дис. канд. юрид. наук, О.Б. Батурина. – М., 2005.
2. Защита права как субъективное гражданское право. // Вестник ОГУ. – 2004. № 3. С. 121.

3. Понятие механизма защиты субъективных гражданских прав // – Ярославль, 1990. С. 6.
4. Юридический статус личности в России: учебное пособие // – М., 1997. С. 267.
5. . Судебная защита прав и свобод личности. // Российская юстиция. 2006. № 2. С. 41.
6. Механизм государственной защиты основных прав и свобод // Казанский Государственный Университет. Ученые записки. – Казань, 2002. С. 28-29.
7. Права человека и механизмы их защиты: учебное пособие // – М.: ИКФ «ЭКМОС», 2003. С. 139.
8. Социально-юридический механизм реализации гражданских прав и свобод человека // В кн.: Гражданские права человека: современные проблемы теории и практики: под ред. д-ра юрид. наук, проф. Второе издание.- М.: ЗАО «ТФ «МИР», 2006. С. 353-354.
9. Конституционные основы государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук: 12.00.02 // – Саратов, 1999. С. 74-75.

© Е.Г. Галышева

ГРНТИ 10.01.45
УДК 34.09.

	Przemyslaw Dabrowski
Профессор кафедры истории Польши и политико-правовых доктрин, факультет права, доктор юридических наук. Варминско-Мазурский университет в г. Ольштене (Польша)	Professor Head of the philosophy and politics of law department Faculty of Law and Administration University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland.

NATION AND HOMELAND IN THE VIEN OF CZESLAW MILOSZ ATTEMP TO INTERPRET

well as his own stance on Poland and Lithuania.

er Grand Duchy of Lithuania,

homeland, nationalism

The definition and interpretation of a term „nation” has been very widely discussed and analysed in the literature on the subject [1, pp. 69–85]. In almost every piece, an attempt is being made to distinguish the most important factors influencing the notion. In the classical approach, two views appear, that is the objective one, including the language, history, tradition, territory, religion or literature; and the subjective, comprising the individual feeling of belonging [2, p. 185]. The latter cannot be clearly described by determinants, because they may include a statement that I belong to a certain nation, and sometimes only the fact of speaking the native language is sufficient. The individualism in this case is directly connected to the objective factor.

Czesław Miłosz born June 30, 1911, in Szetejnie by the river Nevėžis. In 1921, he attended lower secondary school of the King Sigismund Augustus in Vilnius (formerly lower secondary school of the Association of Polish Teachers). Eight years later, he began Polish studies (Polish philology) at the University of Stefan Batory in Vilnius, which, however, after two weeks left. Then, he began to study more „masculine”, but not liked Law. As a student he was a member inter alia, of the Academic Left „Front”, Academic Club of the Vilnius Tramp („Włóczągów”) (where he was nicknamed „Egg”) and Team of „Zagary”. Poetic début took place in 1930, in the columns of the journal „Alma Mater Vilmensis”. In December 1980 he received the Nobel Prize. He died on August 14, 2004 in Krakow. He was buried in the Crypt of Merit on the

Rock in Krakow [3, pp. 11–16, 187, 217–218; 4, pp. 312–314; 5, pp. 265–266, 292, 340; 6, p. 149, 152; 7, p. 120; 8, p. 111, 188; 9, pp. 671–672; 10, p. 201, 203; 11, pp. 39–41; 12, pp. 165–167; 13, p. 40; 14, pp. 163, 176–179; 15, pp. 1–959; 16, pp. 1–367].

It needs to be stressed, however that Miłosz, being a strong opponent of any nationalisms [17, p. 39; 15, p. 47], tried to juxtapose the family factors with national factors. Therefore, in his works the distinction between „homeland” and „nation” was visible. The latter, was according to the poet, a source of division and backbone for „bad” and damaging ideologies of the 20th century. To paraphrase of the philosopher from Vilnius Professor Marian Zdziechowski, it should be noted that: “[...] We are a small part of Europe, with its fortunes are tied, the same [...] disease of communism and nationalism infected, and along with it, biting each other, we're not going, but we rush into the abyss” [18, p. 477; 19, p. 70]. Miłosz claimed that the term „nation” originated from Latin word *gens*, meaning the community in genere. From 19th century, the meaning of nation created by the National Democracy did not have any rational interpretation, because it differed strongly from the French *la nation*, English the nation and Russian term *narod* [20, p. 68]. These concepts represent the general population and territory. The British, French and Americans did not know the concept of a nation without a state. In the Polish lands, where in the nineteenth century non-existent Polish state, the nation has the highest value. The nation was to be the only host in the country and did not belong to the general public. The nation decided on the number of rights for minorities [21, p. 172]. Therefore, the word nation was a taboo for Czesław Miłosz. The concept of nation was an emotional character. As said Miłosz, do not worth the "push" of this word [17, pp. 164–165]. It came into common use, and its importance has been given by the National Democracy. It seems that the interpretation made by this party lasted until the twentieth century [22, pp. 29-30]. As said Czesław Miłosz, “[...] formerly, there was no concept of identifying the existence of the nation to the need to have their own state. The nation-state sought to ensure that its boundaries coincide with ethnic territory” [23, p. 70].

Homeland, the former Grand Duchy of Lithuania [24, p. 67], as noted Alexandra Laignel-Lavastine, understood as „grand homeland” did not mean for Miłosz the „pure” place of origin, because of the variety of religion, nationalities and cultures [25, p. 110; 26, p. 36]. Miłosz without a doubt did not hide under the guise of his own homeland as he described the whole world. He did not limit to the core category of the doctrine, as the other representatives of nationalism did, that is the nation. In his poetry and views he also included the single man and humanity *sensu largo* [25, pp. 112–113]. Vilnius, which was much favoured by him as one of the places

he lived in, and the other places from childhood, were a „little homeland” for him [15, p. 43].

The relation between poet (writer) and a nation was extremely influenced by literature, which became an important factor constituting a nation [3, p. 150; 20, pp. 60–61, 64; 27, p. 47]. For Miłosz, the sole category of a nation was not most important, because to a great extent it only meant that the writer was absorbed by the nation [28, p. 239]. In one of his letters addressed to the poet Josif Brodski, he came to the conclusion that poet’s life does not finish with their crossing the border of their country (homeland), because everything depends on their „inner health” [5, p. 13].

He stressed many times that his poetry originated from „religious inspiration”. Miłosz held that Catholicism in Poland will be the foundation or „background” all „mental projects”, and it contained a „promise Polish cultural originality” [5, p. 14; 29, p. 267]. What is more, Miłosz claimed the whole Polish culture developed under the influence of Vatican. After the fall of Polish Lithuanian Commonwealth, as a result of so called „hurt nationalism”, the terms „a Catholic” and „a Pole” became synonymous [18, p. 96]. The Catholic religion drew the Poles from the region of Vilnius to Poland, where they sought shelter. Both Poles and Lithuanians were not in favour of the Orthodox Christianity [18, p. 69]. Any attempts to change the religion resulted in the exclusion from a given community. Therefore, a national independence was possible thanks to the religion. Inability to distinguish between the national and religious habit, caused the religion to become a social, conservative and conformist power [18, p. 96]. Polish Catholicism was also characterised by the fact that its responsibility focused on “group entities” linked to each other, that is the Church and Homeland, whereas the single entity was marginally taken care of [18, pp. 98–99; 25, p. 82]. As Miłosz wrote in *Native Realm (Rodzinna Europa)*, he did not count himself as a Catholic, because of his „wild, biological individualism”. What is more, the poet claimed that Catholicism in Poland was strongly connected to politics [18, p. 202]. On the other hand, he stressed that he instinctively was joined with the Catholic Church, perceived as a supranational institution [18, p. 254; 30, pp. 78–82]. His attitude towards faith was definitely ambivalent, what is more, the poet did not treat Catholicism and religion in general equally [25, p. 44; 30, p. 259; 31, pp. 65–751 ; 32, p. 85].

The Nobel Prize winner claimed that one could belong to a certain nation, feel a part of it regardless of the place of residence. He concluded: „The feeling of fulfilment cannot be connected with any place. Human is either happy or not, despite of where he or she is. Placing an ideal country somewhere is naive. Everyone must depend on themselves and not think

about happy countries” [5, p. 20]. Therefore, there is a visible link between a place in which one is and the poetry and prose, which is being created. Poetry and prose extract in a way the „new possibilities” from an entity, because they enable to move to another world, another dimensions and they cross every barrier. We can write about places which stuck in our memory, and their history is not blurred by the present, often difficult to understand [5, p. 267; 31, p. 186; 33, p. 33]. This relation has a metaphysical character in the works of Miłosz. He argued: „[...] I'm here with the hope that we can start anew and heal our lives thinking hard about things known, so much that people and places do not take away the time and it all will take real than ever [...]" [31, p. 5, 7; 34, p. 370].

Czeslaw Milosz considered himself to be the „last citizen” of the former Grand Duchy of Lithuania. Miłosz even wrote, that: „I have been a resident of the land of perfect” [35, p. 376; 36, p. 179; 37, p. 204]. In spite of these inclinations, he often came back both spiritually and in his works, to his beloved the former Grand Duchy of Lithuania and the city of Vilnius — „this pearl, a gift from God in the grand ocean of the world”, „the magical city” of different cultures, nations and religions. In this context, Vilnius had a cosmopolitan character. Miłosz argued that, in Vilnius was the University – „this place was the most important”, was communication with the Baltic States and from the right side was also Russia [5, p. 294, 309; 31, p. 33; 25, p. 111; 23, pp. 25–26; 38, p. 45]. As in the past „loyalty was based on the feeling of connection to the territory”, for Miłosz it seems that this prerequisite played an important role as well. These past loyalties were replaced by loyalty to one of the Polish nation [18, p. 22; 39, p. 205]. He wrote about Vilnius that it was the capital of the former Grand Duchy of Lithuania, adding: “I have always thought and said that Vilnius may not be a provincial town, and should be the capital [...]. Yes, yes ... I told - Lithuania, Vilnius landscape - a land of poets" [40, p. 35, 37; 5, p. 293; 38, p. 45]. All his statements were emotional and sentimental. He claimed: „I could never leave you, my city. Long mile, but I was moved back like a chess piece [...]" [41, p. 6]. Maybe it will be a bit of exaggeration, but Vilnius could serve as an example of a place of many nationalisms. In the literature it is stressed that in order for this doctrine to be born, a city with people of different backgrounds, speaking different languages, but without common roots and affiliation was needed. First factor in the context of city on Neris has been fulfilled, but the other one does not do justice for Gediminas town. The binding elements for the different nationalities were most of all the culture and national ideas proclaimed at that time. After 1918, however, all the attempts to restore the Grand Duchy of Lithuania, with Vilnius as a capital, failed to succeed. As Miłosz noticed: „[...] the restoration of the Grand Duchy of Lithuania, which has already been split

into nations hating Russia, hating each other, was impossible and the ruler could use ones against the others” [18, p. 26; 42, p. 44, 62].

At this point it is worth noting that history played an important role in the life of Miłosz, this constant comeback to the times of childhood and youth. For it to become the real power, an event of „personal meaning” must have been present in someone’s mind [18, p. 30]. Human without memories is simply none [25, pp. 55–56].

The concept of naïve hope for a perfect country is definitely not arbitrary in the works of Miłosz. Birutė Jonuškaitė on canvas Miłosz's book titled *The Issa Valley (Dolina Issy)*, said, “No one can answer why we are born in this, and no other village, town or metropolis and why it imposed the place differently affects the way we think and the history of our lives” [5, p. 316]. Maybe we should not get used to the places of our lives, but they definitely shape our behaviour. The memory of them brings new powers to a man, and often sentimental flashbacks give a feeling of achievement and comfort [43, p. 384; 44, p. 171]. One can easily hide in them, even under the guise of literature. Miłosz wrote: „[...] every writer has a city, town or a rural area in his imagination and from there he starts expanding his estate reaching further and further” [5, p. 333] and „where is this home? By the river Nevėžis where I was born” [5, p. 369].

Vilnius, where different nationalisms conflicted, was a place of dispute for which Poles and Lithuanians fought. Miłosz did not understand the reason for such events, which he expressed in his works [45, pp. 158–159; 46, p. 78, 80]. He saw the conflict as a class dispute between the habits of the peasantry (Lithuanians) and nobility (Poles) [18, p. 40; 47, p. 252, 256; 23, p. 70; 39, pp. 204–205]. Finally in 1922, the region of Vilnius became a part of Polish territory. Miłosz thought that it is hard to clearly determine who was right in the dispute. He claimed that when a problem was solved with the use of faulty terms, it started becoming impossible to solve [18, pp. 67–68]. The principle of state-nation proved to be correct only when the people of a given region considered themselves as a part of this nation. Therefore, the conflicts between the nations were in fact a European quality with language, civilizational affiliation and religion being the reason [18, p. 68]. What is more, word polishness became synonymous to language and culture in this region [18, p. 545]. As in the interwar period, diplomatic relations between the Polish and Lithuania were broken, Miłosz called for an agreement. He asked a question that may Lithuania understand that the recovery of Vilnius, bring less profit than it seems “patriotic propaganda”. Poland understand that the loss of Vilnius, as appropriate compensation, will not be a great harm [46, p. 80].

Another nationality of the former Grand Duchy of Lithuania Belarusians, were for Miłosz greatest riddle. Their sense of national born in

Europe at least. On the question of nationality Belarusians said: “orthodox” or “Catholic”. They were not the entity with which to be reckoned, and the subject. Tended to separate areas of the eastern Polish [18, pp. 69–70; 48, p. 186]. He wrote: “[...] the Belarusians have never fared well [...] they were given as a caught fish, a choice between the frying pan and pot, that is, between Polonization and Russification” [18, p. 70].

It also seems that for Miłosz Polish language, affected, as the other languages, by historical influences, played an important role in shaping of national consciousness [49, p. 5; 5, p. 21]. Each language had their disease too, and there were other threats [50, p. 120]. Miłosz stressed that „[...] without Polish language I was disabled” and after the Second World War had finished he said that „the participation in a common work, literature of my language kept him fit as a sportsman [...]” [18, p. 301]. Writing in Polish Miłosz feel confident (certain). He did it with ambition. He said: „[...] language is my mother, literally and figuratively” [18, p. 6; 31, p. 6; 29, p. 63; 37, p. 203, 204; 33, pp. 5–6]. We may only wonder whether Miłosz connected the language and the idea of a nation [18, p. 22]. The native language, which helped him transfer a lot of meanings and texts was supposed to be simple, so that, “[...] everyone who hears the word, saw the apple trees, river, bend in the road, as you see in the summer lightning” [51, p. 7]. He stressed that he came from areas of many languages, and that is why he was „especially sensitive” to any type of „national megalomania”. He added: „I confess to the lack of comfort resulting from me being born on the Polish court. It caused the behaviours which were contradictory, unclear for myself, and even more complicated because of the coexistence of two languages and shame of speaking another language than the people” [5, p. 338]. The lack of power and understanding probably lead Miłosz to start learning Lithuanian at the age of eighty-seven. For the question why he was doing that, he is said to answer „just in case Lithuanian is spoken in heaven” [5, p. 338]. The power of language in shaping the national spirit of an entity can be also represented by another statement. He thought that modern Lithuania was not born out of history but out of philology. At the same time language became a sign of national identity for the Lithuanians [52, p. 40; 45, pp. 58–59; 47, p. 253]. He wrote: “In fact, it is difficult to imagine more than Lithuanians a love of language, who barely survived and which had to be traced all played out, as told in another language, the past” [5, p. 354; 21, p. 177]. According to Andrzej Romanowski, the fact that Miłosz wrote in Polish caused Vilnius to become a „universal good” and his works even today are common both for the Poles and for the Lithuanians [5, p. 360; 4, p. 313].

Without a doubt, all the factors determining a nation, that is language, history, religion, common heritage, played a crucial role in life and works

>>Being a Pole<< means sitting on each other and looking closely if none leans out [...]” [20, p. 69, 70; 15, p. 231; 3, p. 97]. We may only wonder whether the faults of Polish nation concern all its representatives or just the part of the community. In every nation, there are good and bad characters that is why over generalisation cannot be final. It seems that it was also the approach of Miłosz [25, p. 80, 82, 83]. Another question would consider whether the negative perception of Polish nation is connected with its history as a whole or only the mid war period and the years of People’s Republic of Poland.

Miłosz did not understand where the radical, chauvinistic and xenophobic nationalism of a certain group of Poles came from. These behaviours originated during the mid war period and were also accompanied by the aversion to the minorities and the peasantry of Lithuania. What occurred in “tangle skulls” this group of Poles, compared to the “psychology of insects” [55, p. 61]. Recalling the thirties of the twentieth century, he said: “[...] we were for Belarusians, Lithuanians, and thought the whole policy for complete madness. [...] Just humanly approached the Belarusians, Lithuanians and Jews. There was no discrimination” [5, p. 347; 3, p. 100, 101; 56, p. 8]. Miłosz was brought up on some kind of patriotism of the Grand Duchy of Lithuania, the power of country ideas (“idea krajowa”). Mother Miłosz cautiously referred to the patriotism relating to the nation or the state. Patriotism was likened by Miłosz, to the multi-storey building in which the people were on the ground floor, often lifting head up to see what's happening on the upper floors. Miłosz implanted patriotism „home”, that is „home province”. The former Grand Duchy of Lithuania was just „better”. In this local pride, were stored memories of former glory. As noted by Juliusz Bardach, this kind of patriotism was not based on ethnic component, but „belonging to a community” of the former Grand Duchy of Lithuania. Their roots reached the tradition of political history of the Lithuanian nation [18, p. 7, 77, 111, 542; 3, p. 153; 25, p. 110; 15, p. 43, 44; 43, p. 386]. Too the strive for brotherhood [18, p. 223] and love for homeland understood as a virtue [20, p. 70]. That is why, according to him people driven by this kind of hate, had lost one of the most important values that is the love for the others. The criticism was of course aimed at the nationalistic groups, which gained much popularity in the mid war period. Trying to find the reason for the phenomenon, he sought explanation in the partition of the Polish Lithuanian Commonwealth [52, p. 8; 28, p. 239]. The poet was a big opponent of any form of nationalism („anything of >>nationalist<< smell”) [25, p. 112; 17, p. 39, 40]. He did not accept the ignorance of heritage, division to better and worse in the category of language, religion, nationality [18, p. 165, 221, 279; 25, p. 45, 61; 57, p. 54]. This aversion to

the political doctrine, which credo was the idea of a nation and which referred to solidarism together with the harsh times, which produced Nazism [31, pp. 103–104; 58, pp. 92–108] prompted Miłosz and other intellectuals to support the new powers in People's Republic. In the interwar period, Miłosz became associated with left groups. He appealed to the well-known allegory of the state, which had a cellar, where lived unemployed and workers. In Vilnius, there was a distinction between intelligence and the people (workers, peasants). Miłosz marked that the group to which he belonged, could not find among the intelligence, because that was looking back at the past, they rarely think about the future [25, p. 47, 85; 15, pp. 384–391; 18, pp. 542–543; 58, pp. 11–14, 114–115, 117; 16, p. 67].

The poet, however, quite quickly understood (in 1951) that the evil of totalitarianism was in fact the absolute negation of old truths and values. Human to survive had to resign from them, at the same time creating imaginary arguments supporting the values they had chosen. Miłosz said that, in the second half of the twentieth century, there may have been only communist Poland, under the auspices of Soviet Russia. On the „other Poland”, the Poles could not count [15, pp. 445–457; 59, p. 7; 56, pp. 8–14; 17, p. 93, 159; 8, p. 90].

In a poem entitled People (Naród), written in Cracow just after the Second World War had finished, had catastrophic overtones. He showed the nation ready for action and fight, under the command of their leaders, who often remained anonymous, because they were the heroes of one uprising. This dedication was not thought carefully, because the victims of such events were not accounted for. The national pride, confidence and faulty decisions were the reason. The nation and the people had been constantly fed by the myth of their greatness, the need for sacrifice in any conditions and delusive hope. Referring to so called „cursed generation” from the 30s, he used a term of „cursed nation” ten years later [61, p. 194; 33, p. 21; 29, pp. 21, 275–277, 279–280; 62, pp. 178–179; 18, p. 234; 63, pp. 291–292; 60, pp. 85–86].

A similar picture was drawn in another poems. In the piece To You (Wam), Miłosz described the generation of the 30s, which lacked perspectives for the better future and sought best solutions [61, p. 196]. In well-known The Lullaby (Kołysanka) he stressed that from the early childhood, the youngest generation had been brought up in the spirit of independence revolts, fight for sovereignty and heroic acts [61, p. 197; 64, pp. 150–151]. That is why the nation, as expressed in the poem In Warsaw (W Warszawie), should focus on the present and the future, seek happiness and sense of life there, and resign from the constant comebacks to the past

and history, which, however, were not marginalized by Miłosz [6, pp. 153–154; 33, p. 18; 65, pp. 149–150].

It is interesting that almost every critical word of Miłosz towards the Polish nation, was strongly criticised by his opponents. The Nobel Prize winner was therefore often referred to as chauvinist Lithuanian nationalist or a national traitor – Miłosz criticism began after the release of his book: *An Excursion through the Twenties and Thirties* (*Wyprawa w dwudziestolecie*), which represented an extremely critical view of contemporary image of the Polish nation [5, p. 28, 303; 48, p. 181; 66, p. 264]. Stefan Chwin said about Miłosz: “[...] he was not a favourite poet of Polish [...]. He hated national thought”. He did not like the national-democratic varieties of Catholicism. He felt his foreignness to the “national spirit” and wrote openly about it [...]. He was regarded as a political writer, which reluctantly accepted. To this day, many people in Poland considers him as the patron and teacher-totalitarian opposition, although he never aspired to such a role” [5, pp. 312–313]. Also during his stay in the United States, Miłosz was considered as a Lithuanian poet, according to the assumption that an individual belongs to the country of birth [5, p. 303]. Miłosz answered „Of course I am strongly attached to Lithuania. Because her landscapes shaped me. But I would like to contribute to the coexistence of neighbours — Poles, Lithuanians, but also Belarusians, Ukrainians and Czechs” [5, p. 359]. He thought highly of the Lithuanians, writing about their persistence and thrift [18, p. 164]. Also during the Nobel prize ceremony (December 10, 1980) Miłosz said that: „[...]It is good to be born in a small country where Nature was on a human scale, where various languages and religions cohabited for centuries. I have in mind Lithuania, a country of myths and of poetry [...]” [6, p. 149; 15, p. 688; 49, p. 7], and about Vilnius that: „It is a blessing if one receives from fate school and university studies in such a city as Vilnius. A bizarre city of baroque architecture transplanted to northern forests and of history fixed in every stone [...]” [6, p. 155; 49, p. 8].

After the Second World War had finished, contrary to the adopted terminology, Miłosz regarded Poland and Lithuania, among others, as part of the European history and culture [25, p. 37]. He even demanded a creation of Central Europe federation, which would spread from Baltic to the Adriatic Sea [25, p. 52]. Vilnius, his beloved place, his „little homeland”, he called a „city without a name”. His contemporary generation, as a result of their own actions, left forever. What had been a virtue, built for centuries, that is political, social, cultural and religious tissue, was damaged [25, p. 108; 67, pp. 140–147]. A city on the Neris river had been buried by lava as Pompeii in the past [58, p. 109].

Bibliography:

1. Dąbrowski P., *Nacjonalizm i naród w doktrynie Narodowej Demokracji na przełomie XIX i XX wieku*: Gdańskie Studia Prawnicze. Studia z zakresu myśli politycznej i prawnej, ed. by Szpoper D., vol. XX, Gdańsk, 2009
2. Szpoper D., Dąbrowski P., *John Stuart Mill – prekursor teoretycznych rozważań o nacjonalizmie i narodzie politycznym: Nam hoc natura aequum est... Księga Jubileuszowa ku czci Profesora Janusza Justyńskiego w siedemdziesięciolecie urodzin*, ed. by Madeja A., Toruń, 2012
3. Fiut A., *Czesława Miłosza autoportret przekorny*, Kraków, 1988
4. Venclova T., *Vilnius. A Guide to Its Names and People*, Vilnius, 2009
5. Gruszka-Zych B., Jonuškaitė B., *Mūsų Poetas. Nasz Poeta*, Wilno, 2012
6. Kudirko J., *Czesław Miłosz. „W mojej Ojczyźnie, do której nie wrócę...”: Wilno w ich życiu, Litwa w ich twórczości. Przewodnik Wileńskimi śladami wybitnych Polaków*, Wilno, 2007
7. Matulewicz T., *Wileńskie rodowody*, Olsztyn, 2005
8. Szełkowski W., *Klub Włóczęgów Wileńskich*, Wilno, 1999
9. Sławińska I., *Miłosz Czesław: Literatura Polska. Przewodnik encyklopedyczny*, vol. I, Warszawa, 1984
10. Bujnowski J., *Obraz międzywojennej literatury wileńskiej: Pamiętnik wileński, Londyn-Łomianki*, 2010
11. Duchnowski J., *Miasto walczącego ideału. Szkic kierunków ideowych Wilna w czasach dawniejszych i teraźniejszych*, Lida, 1938
12. Dąbrowski P., *Rozpolitykowane miasto. Ustrój polityczny państwa w koncepcjach polskich ugrupowań działających w Wilnie w latach 1918–1939*, Gdańsk, 2012
13. Burhardt S., *Trzy fragmenty z dziennika wileńskiego peowiaka (20. X. 1918 – 7. I. 1919). Czerwoni i biali: P.O.W. na ziemiach W. X. Litewskiego 1919-1934. Szkice i wspomnienia*, ed. by Burhardt S., Wilno, 1934
14. Putrament J., *Pół wieku. Młodość*, Warszawa, 1969
15. Franaszek A., *Miłosz. Biografia*, Kraków, 2011
16. Pasierski E., *Miłosz i Putrament. Żywoty równoległe*, Warszawa, 2011
17. Miłosz C., *Rok myśliwego*, Kraków, 1991
18. Miłosz C., *Rodzina Europa*, Kraków, 2001
19. Miłosz C., *Obojętność katolicyzmu: Miłosz C., O podróżach w czasie*, choice, compilation and entry Gromek J., Kraków, 2004
20. Miłosz C., *Prywatne obowiązki*, Olsztyn, 1990
21. Miłosz C., *Szukanie ojczyzny*, Kraków, 1996
22. „Nie chcę być zbyt głęboki” (z Czesławem Miłoszem rozmawia Elżbieta Morawiec – fragmenty): *Miłosz w kraju. Echa Nobla*, vol. I, choice and compilation Hudon E. and Żakowski J., Gdańsk-Warszawa, 1981
23. *Miłosz-Dialog-Pogranicze*, Sejny, 2011
24. Miłosz C., *W mojej ojczyźnie: Miłosz C., Wiersze*, vol. I, Kraków-Wrocław, 1985
25. Laignel-Lavastine A., *Duchy Europy. Wokół dzieła i myśli Czesława Miłosza, Jana Patočki i Istvána Bibó*, Sejny, 2012
26. Venclova T., *Rozpacz i łaska: Miłosz C., Venclova T., Powroty do Litwy*, choice and compilation Toruńczyk B. and Nowak-Rogoziński M., Warszawa, 2011
27. Miłosz C., *Jedziemy na promie. „Prom. Miesięcznik poetycki”*. Rok I, nr 2: Miłosz C., *Przygody młodego umysłu. Publicystyka i proza 1931-1939*, choice and compilation Stawiarska A., Kraków, 2003
28. Walicki A., *Idee i ludzie. Próba autobiografii*, Warszawa, 2010
29. Miłosz C., *Ziemia Ulro*, Warszawa, 1982

30. Miłosz C., *Metafizyczna pauza*, choice, compilation and entry Gromek J., Kraków, 1995
31. Miłosz C., *Widzenia nad Zatoką San Francisco*, Kraków, 1989
32. Miłosz C., *Inne abecadło*, Kraków, 1998
33. Łapiński Z., *Między polityką a metafizyką. O poezji Czesława Miłosza*, Londyn, 1981
34. Miłosz C., *Pod koniec dwudziestego wieku: Miłosz C., Wiersze*, vol. II, Kraków-Wrocław, 1985
35. Czyżewski K., *Linia powrotu. O praktykowaniu pogranicza w dialogu z Czesławem Miłoszem: Żagary. Środowisko kulturowe grupy literackiej*, ed. by Bujnicki T., Biedrzycki K. and Fazan J., Kraków, 2009
36. Venclova T., *Dwa księstwa: Miłosz C., Venclova T., Powroty do Litwy*, choice and compilation Toruńczyk B. and Nowak-Rogoziński M., Warszawa, 2011
37. Miłosz C., *Abecadło Miłosza*, Kraków, 1997
38. Miłosz C., *Sens regionalizmu: Miłosz C., Przygody młodego umysłu. Publicystyka i proza 1931-1939*, choice and compilation Stawiarska A., Kraków, 2003
39. Miłosz C., *O konflikcie polsko-litewskim: Miłosz C., Venclova T., Powroty do Litwy*, choice and compilation Toruńczyk B. and Nowak-Rogoziński M., Warszawa, 2011
40. Miłosz C., *Letter to Tomas Venclova: Miłosz C., Zaczynając od moich ulic*, Wrocław, 1990
41. Miłosz C., *Nigdy od ciebie, miasto: Bujak A., Miłosz C., Serce Litwy Wilno*, Kraków, 2002
42. Widacki J., *Litwo, Ojczyzno nie moja*, Kraków, 2005-2008
43. Bardach J., *Świadek minionej epoki – Czesław Miłosz a Litwa historyczna: Bardach J., O dawnej i niedawnej Litwie*, Poznań, 1988
44. Miłosz C., *Rozmowy nad Niemnem i Wisłą: Miłosz C., Przygody młodego umysłu. Publicystyka i proza 1931-1939*, choice and compilation Stawiarska A., Kraków, 2003
45. Venclova T., *Opisać Wilno*, Warszawa, 2006
46. Miłosz C., *Wilno czeka: Miłosz C., Przygody młodego umysłu. Publicystyka i proza 1931-1939*, choice and compilation Stawiarska A., Kraków, 2003
47. Miłosz C., *Spojrzenie na literaturę litewską: Miłosz C., Przygody młodego umysłu. Publicystyka i proza 1931-1939*, choice and compilation Stawiarska A., Kraków, 2003
48. Venclova T., *Poeta Obojga Narodów: Miłosz C., Venclova T., Powroty do Litwy*, choice and compilation Toruńczyk B. and Nowak-Rogoziński M., Warszawa, 2011
49. *Wykład Czesława Miłosza wygłoszony dnia 8.12.1980 w Akademii Szwedzkiej z okazji przyznania mu Nagrody Nobla: Miłosz w kraju. Echa Nobla*, vol. I, choice and compilation Hudon E. and Żakowski J., Gdańsk-Warszawa, 1981
50. Miłosz C., *Ogród nauk*, Lublin, 1986
51. Miłosz C., *Wstęp: Po schodach wierszy. Antologia polskiej poezji współczesnej*, choice and compilation Leszczyński G., Warszawa, 1992
52. Miłosz C., *Wyprawa w Dwudziestolecie*, Kraków, 2011
53. Miłosz C., *Letter to Jerzy Giedroyc, date: Berkeley, 25 III 1975: Jerzy Giedroyc Czesław Miłosz, Listy 1973-2000*, compilation Kornat M., Warszawa, 2012
54. Miłosz C., *Letter to Jerzy Giedroyc, date: Berkeley, 23 XII 1974: Jerzy Giedroyc Czesław Miłosz, Listy 1973-2000*, compilation Kornat M., Warszawa, 2012
55. Miłosz C., *Dane do poematów: Miłosz C., Przygody młodego umysłu. Publicystyka i proza 1931-1939*, choice and compilation Stawiarska A., Kraków, 2003
56. Miłosz C., *Wielkie pokuszenie. Dramat intelektualistów w krajach demokracji ludowej: Miłosz C., Wielkie pokuszenie*, Toruń, 2002

57. Jędrzejewski T., Strony rodzinne Czesława Miłosza. 7 spacerów, Warszawa, 2011
58. Miłosz C., Zniewolony umysł, Kraków, 2004
59. Barańczak S., Przedmowa do szwedzkiego i amerykańskiego wydania: Miłosz C., Zdobycie władzy, Olsztyn, 1990
60. Chwin S., Miłosz. Interpretacje i świadectwa, Gdańsk, 2012
61. Tauber-Ziółkowski A., „Siwa młodość” (Portret Tadeusza Gajcego): Portrety twórców „Sztuki i Narodu”, ed. by Tomaszkiwicz J., Warszawa, 1983
62. Miłosz C., Naród: Miłosz C., Wiersze, vol. I, Kraków-Wrocław, 1985
63. Miłosz C., Dystans spojrzenia: Miłosz C., Przygody młodego umysłu. Publicystyka i proza 1931-1939, choice and compilation Stawiarska A., Kraków, 2003
64. Miłosz C., Kołysanka: Kudirko J., Czesław Miłosz. „W mojej Ojczyźnie, do której nie wrócę...”: Wilno w ich życiu, Litwa w ich twórczości. Przewodnik Wileńskimi śladami wybitnych Polaków, Wilno, 2007
65. Miłosz C., W Warszawie: Miłosz C., Wiersze, vol. I, Kraków-Wrocław, 1985
66. Zaleski M., Chłopiec imieniem Tomasz: Miłosz C., Dolina Issy, Kraków, 2000
67. Miłosz C., Miasto bez imienia: Miłosz C., Wiersze, vol. II, Kraków-Wrocław, 1985

© Przemysław Dąbrowski

ГРНТИ 10.01.45
УДК 34.09.

	Vadim Egorov
Доцент кафедры «Теории и истории государства и права, уголовного права» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России (Липецкий филиал), к.п.н.	Associate professor of the Department Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk branch

STATE POLICY ON YOUTH EMPLOYMENT

Abstract: The article highlights a pressing global problem of unemployment, which has affected Russia. The article describes the main trends that have a direct impact on unemployment in the first place young people. Provides effective ways of employment of young specialists.

Keywords: Young people, youth unemployment, the economy, the economic crisis, employment, labor market monitoring.

Сегодня проблема занятости молодежи, а именно вопрос о трудоустройстве является первостепенным. Решение данной проблемы является первоочередным по нескольким причинам, во-первых, не потерять молодежь, во-вторых, это экономическая безопасность страны.

В России проблемы занятости молодежи занимают достаточно скромное место в государственной политике.

Безработица – это социально-экономическое явление, в историческом аспекте не существует государства, которое бы не столкнулось с данной проблемой.

Безработица, это итог цивилизации, где многие технологические процессы на производстве выполняют роботы, а ручной труд становится не нужным. Однако человеческий ресурс за 2014 год

население Земли увеличилось приблизительно на 81 369 615 человек. Учитывая, что население Земли в начале года оценивалось в 7 181 970 114 человек, годовой прирост составил 1.13 %. Численность населения в начале 2015 уже составила 7 281 075 840 человек. Все это провоцирует сокращение рабочих мест.

Эффективность национальной экономики зависит от многих факторов, немаловажный среди них уровень безработицы в стране. С этим напрямую связаны проблемы государства в экономическом секторе, что вскрывает неэффективную экономическую модель. Чем выше показатель безработицы в государстве, тем больше процент населения находится за чертой бедности, что в свою очередь приводит к социальной нестабильности.

Все процессы в мировой истории, а институт безработицы не исключение протекает по цикличному сценарию наращивание экономических показателей и спад экономики, как стране, так и мире.

Неутешительные итоги, происходящие в связи с экономическими кризисами, которые имеют последствия на долгие годы. Экономика после своего очередного спада преодолевает последствия в течение 1,5 – 2-х лет, а проблема, связанная с безработицей имеет последствия в течение 3 – 5 лет. Но также необходимо учитывать, что безработица затрагивает не одинаково граждан страны. Более уязвимы в этот период такие слои населения как инвалиды, пожилые люди и особенно молодежь. По статистике эта группа наиболее большая по численности.

В основе концепции МОТ (Международная организация труда), лежит постулат, что безработные это:

- не имеющие дохода (работы);
- не занимались поиском работы в течение четырех недель;
- могут приступить к работе.

Но необходимо учитывать специфику молодёжи, а именно работу по специальности своего образования.

Молодёжь - это будущее России. Конституция России гарантирует право на труд и высокое социальное обеспечение. Однако отсутствие практического опыта, навыков и требованиями, к денежному вознаграждению отталкивают молодых специалистов от трудоустройства.

В итоге молодежь оказалась недостаточно подготовленной к современным реалиям рынка труда. Э.М. Ремарк характеризуя молодежь начала XX века, которая прошла горнило Первой мировой войны применила термин «потерянное поколение», в связи с тем, что это поколение в мирной жизни не нашло себе места. Сегодня ситуация повторяется с современной молодёжью, которая может стать «потерянным поколением», виной этому является неустроенность молодежи и первым в этом списке стоит безработица в мире. Россию

эта проблема затрагивает в связи, с международными экономическими санкциями Америки и Евросоюза.

Молодое поколение определяется через объективные и субъективные факторы: материальное положение, возможность получения образования и возможность карьерного роста. Безработица молодежи из проблем занятости населения стоит на первом месте, так как негативные итоги проявят себя в будущем.

Международные экономические санкции в отношении России существенно влияют на безработицу, через сокращение производства и сокращение рабочих мест, в первую очередь молодых сотрудников.

Все это влияет на развитие экономики в сфере госсектора, но в большей мере малого и среднего бизнеса, где сосредотачиваются рабочие места для будущих выпускников ВУЗов.

Уровень молодёжной безработицы в мире, а это возраст 15-24 года составляет более 12,5%. Социологические исследования показывают, негативный результат роста безработицы, который по прогнозам к 2018 году достигнет 13% и более.[6]

Начало XXI века показало, что экономическая активность в молодежной среде изменилось на - 4%. После продолжительных результатов поиска работы, большинство теряют надежду, пытаются получить новое образование или поменять профессию.

Возраст 14-30 лет молодых людей в целом имеет свои различия, мы выделим три подгруппы со свойственными, характерными чертами.

Молодежь, возраст которых 14-18 лет, у них происходит становление жизненных ценностей, норм морали, что отражается на поведении. В этот период происходит выбор профессиональной занятости в будущем. Экономическая модель России имеет свою специфику, где молодежь может реализовать себя исключительно в сфере услуг. Что делает кадровую политику в производственном секторе негативной и затрудняет проведение реформ в наукоёмких секторах экономики, что сводит на нет политику государства.

Молодые люди 18-24 лет, получившие образование не менее уязвимы, в, следствии отсутствия опыта по полученной профессии. Необходимо учитывать качество образования и количество специалистов ежегодно выпускаемых ВУЗами. Мониторинг в данной сфере экономики отсутствует, что приводит к переизбытку некоторых специалистов, например юристов. Что в итоге негативно влияет на квалификацию будущего специалиста.

Возраст 25-30 лет молодые специалисты имеют образование и опыт, но они теперь требуют от работодателя хорошей заработной платы. Но в отличие от первых двух возрастов, отсутствие работы по их квалификации ведет к социальным и психическим расстройствам, что выражается в разводах, криминале, наркомании. [2, 64]

Политика государства в поддержки семьи дала свои положительные результаты, молодежь в численном выражении на 10,5% имеет прирост, однако занятость, создание рабочих мест и желание трудиться, увеличилась лишь на 0,2%.

Точкой отсчета можно считать 2008 год, который стал годом глобального экономического кризиса, с этого момента стало увеличиваться количество незанятого молодого населения во всех странах мира, особенно с развивающейся экономикой.

Другая составляющая экономического кризиса, помимо сокращения производства не менее важная, заключается в том, что при сокращении штата сотрудников первыми увольняются молодые кадры. Данные по итогам 2013 года 16,4% именно молодых сотрудников уволены, в связи, с сокращением производства. [6]

Все это отражается в первую очередь на поколении, которое вступает на путь самостоятельной жизни. Отсутствие занятости в самом продуктивном возрасте негативно влияет на судьбоносные для любого человека решения: вступление в брак и создание семьи, рождение ребенка, приобретение жилья. Другой стороной, безработицы среди молодых людей является экономическое замедление развитие регионов и России в целом, которая напрямую зависит от сбора налогов, приобретения товаров короткого и длительного спроса, развитие инфраструктуры и многое другое.

Высокий уровень молодежной безработицы в долгосрочной перспективе имеет еще более угрожающие перспективы. Серьезно страдает рынок труда, который не может обеспечить применение теоретических знаний полученных за партой на практике. А это приводит к тому, что полученные знания и затраченные средства бюджета страны потрачены не эффективно. Не найдя труд по соответствующей квалификации полученные знания со временем теряют свою актуальность.

Особую обеспокоенность уровнем молодежной безработицы в мире в начале сентября 2013г. выразил президент Российской Федерации. Сегодняшнее положение дел в Европе Владимир Путин и вовсе назвал трагедией. «Это очень опасная ситуация - не только для экономики, но и для социальной сферы, для политической сферы». [4]

Дефицит материальных ресурсов в современной России, помноженный на отсутствие моральных установок, удерживающих российское чиновничество от злоупотреблений, дает в результате деморализованную власть, но притом исключительно структурированную коррупцию, еще более снижающую дееспособность власти. Заметим: по эффективности (а главное, оперативности) оказания услуг населению отечественные госструктуры с разгромным счетом проигрывают структурам криминализированным. Итог сращивание коррумпированной власти с

олигархией, выполнение коррупцией многих социальных функций (в перспективе замена социальной политики [3, 3]).

В условиях ухудшающегося экономического положения количество незанятой молодежи будет только расти. На сегодняшний день среди российских граждан в возрасте 15-24 лет уровень безработицы превышает 14%, в общей структуре нетрудоустроенного населения страны молодые люди составляют почти 30%. [6]

Принимая во внимание все факты можно выделить особенности рынка труда:

- высокий уровень скрытой безработицы;
- переселенцев и беженцев, как низкооплачиваемая рабочая сила;
- сокращение объемов производства;
- территориальная дифференциация занятости; (различие до 10 раз).
- пособие по безработице ущемляющее человеческое достоинство; уровень пособий по безработице
- различия между официально регистрируемой и общей численностью безработных.

Безработица наряду с циклическими колебаниями и инфляцией является фактором макроэкономической нестабильности. Как следствие безработица имеет причины:

- новое оборудование и новейшие технологии ведут к вытеснению ручного труда;
- государственная политика в области оплаты труда огромная разница в доходах госсектора и монополий и др.

Безработица, как показывает история, кроется в экономике, где безработица это показатель эффективной экономической модели или неэффективной. Капиталистическая экономическая модель в зависимости от социалистической не может обеспечить полной занятости всего населения государства. Причина этому экономический рост, который напрямую связан с технологическим прорывом в наукоёмких и научных технологиях XXI века, а это является главным фактором безработицы.

В состоянии неопределенности в Российской Федерации пребывают и около 20% выпускников вузов, которые заняты фрилансом. Многие эксперты сходятся во мнении, что фриланс - своего рода «потенциальная безработица», поскольку в этой сфере люди трудятся без социальных гарантий, очень часто на основании устной договоренности. На фоне стагнации серьезные сомнения относительно карьерных перспектив возникают у российской молодежи, которая проживает в моногородах. Монопрофильность этих населенных пунктов, основанная на деятельности одного предприятия, в случае ухудшения экономической ситуация особенно болезненно сказывается на занятости живущих там молодых людей. Безработицу в моногородах министр экономического развития Алексей Улюкаев и вовсе определяет как застойную.

Проблема сокращения производства, безработицы молодежи затрагивает все мировое сообщество. Значит, решение этой первоочередной проблемы должны взять на себя Международные организации и правительства, принимая интересы и учитывая связи всех государств мира.

В противном случае молодежная безработица может стать настоящей эпидемией следующих десятилетий.

Помимо государственного уровня, существует муниципальный, от которого непосредственно зависит сфера трудоустройства молодежи на местах.

Примером может служить Липецкая область, в которой ежегодно в соответствии с планом развития региона увеличивается строительство и ввод жилья. Этому способствует действующая Особая экономическая зона промышленно-производственного типа «Липецк» создана в соответствии с Постановлением №782 Правительства РФ. [5]

Рабочие места для молодежи создаются и в сфере туризма, в которой Липецкая область участвует в реализации программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2018 годы)» по созданию двух кластеров: автотуристского кластера «Задонщина» (АТК «Задонщина») и туристско-рекреационного кластера «Елец».

Не остались без рабочих мест малый и средний бизнес в области, где стартовала программа «Развитие экономического потенциала города Липецка на 2014-2016 годы», а именно поддержки малого и среднего предпринимательства. Усилия муниципалитета в этом вопросе носит властных характер взаимоотношений, следовательно, регулирование вопросов рынка трудовой занятости молодежи через правотворчество местных властей имеет довольно высокое значение.

Следующий важный аспект это статус занятого населения. Термин в юридических источниках широкий, что затрудняет принимать прямые решения, например закон «О занятости». В свою очередь это напрямую зависит от условий конкретного региона: производство, экономика, сеть автодорог, даже предпочтения форм и условий труда.

По своей сути условия труда имеют многозначное применение. Местная специфика рынка и трудовых ресурсов должна лежать в основе принимаемых решений занятости населения данного региона.

В последние годы правительство не несет ответственности по трудоустройству молодежи. Эта ошибка социальной политики замечена и есть положительные результаты её исправления, на которое потребуется время. Следовательно, груз трудоустройства молодежи пока возложен на субъекты.

Подводя итог, проблема трудоустройства молодежи остается актуальной. Профессии, которые сегодня получают студенты в основном гуманитарной направленности менеджеры, юристы, управленцы и экономисты.

Крайне не хватает инженеров, техников, агрономов, врачей, а также рабочих профессий сварщиков, слесарей, эта диспропорция сильно влияет на экономику страны, региона, что как в зеркале отражает проблему трудоустройства молодежи.

Социализация молодежи в отношении применения трудовых ресурсов усугубляется происходящими, экономическими, процессами в мире.

Для этого необходимы следующие мероприятия:

- необходимо создать в регионе рабочие места для гарантированного трудоустройства молодежи;
- разработать проекты по квотированию рабочих мест для молодежи;
- продолжать поддержку малого и среднего бизнеса, при создании производств, где основные сотрудники в возрасте 18-26 лет;
- обеспечение правовых, экономических и организационных условий для создания и сохранения рабочих мест, кадрового потенциала с учетом региональных и отраслевых особенностей;
- анализ информации и мониторинг рынка труда;
- целенаправленная работа в помощи презентации себя, как потенциального работника.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация, Конституция (1993), Конституция Российской Федерации – М, Изд-во Литера, 2004. - 64 с.
2. Молодежный рынок труда // Экономист.- 2006.- № 6.-с. 64
3. Кадровая инноватика и исторический кризис менеджериума // Концепт. – 2015. – № 03(март). – URL: <http://e-koncept.ru /2015/15073 .htm>. –Гос. рег. Эл. № ФС 77–49965.–ISSN 2304–120X.
4. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации. - URL: <http://www.molodost.ru/text/1151.admlr.lipetsk.ru>
5. Постановление Администрации г. Липецка от 28 сентября 2012 г. № 1925 «Об утверждении городской целевой программы «Молодежь города Липецка (2013 - 2015 годы)»
6. Федеральная служба государственной статистики - URL: <http:// www.gks.ru/ wps/ wkm/connect/rosstat/rosstatsite/main/>

© В.А. Егоров

	Yaroslav Erygin
Аспирант кафедры гражданского права и процесса Юридического института	Graduate student of the department of civil liberty and process of the juridical institute
ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»	FGAOU OF VPO "Belgorod state national research university"

PARTY DISCIPLINE AS THE BASIC ORGANIZATIONAL PRINCIPLE OF THE POLITICAL PARTY

Annotation: in the article is considered the principle of party discipline or democratic centralism as the necessary condition of the rigidly organized political party, capable of successfully realizing its functions, of erecting the vertical line of the connection between the members and its leaders.

The keywords: discipline, political parties, program, regulations.

В юридической литературе дисциплина рассматривается как необходимый элемент эффективного управления обществом, в основе которого заложен нравственный принцип эмоциональной ответственности. Дисциплина противостоит своеволию, расхлябанности, вседозволенности, не совместимые с построением демократического правового государства. Данное понятие широко применяется во внутрипартийных отношениях, что отличает партии от других видов общественных объединений. Партийная дисциплина рассматривается в Толковом словаре обществоведческих терминов как неуклонное выполнение всеми членами политической партии и партийными организациями требований программы и устава своей партии, решений партийных органов, активная и сознательная борьба

за достижение программных целей [1]. Данная категория активно использовалась в советский период нашей истории в деятельности Коммунистической партии Советского Союза. Ее важнейший принцип - «демократический централизм» разрабатывал В.И. Ленин и считал, что без его соблюдения партия не могла бы удержаться у власти. Партийная дисциплина составляет основу организационного единства партии, ее структурного строительства от низовых партийных организаций до руководящих органов. «Без подчинения меньшинства большинству не может быть партии, сколько-нибудь достойной имени рабочей партии», - писал Ленин в работе «Чего мы добиваемся?» [2, с.7-8.]. Лениным были сформулированы и основы организации партии: принцип демократического централизма, выборное начало в организациях партии снизу доверху, единство центральных учреждений партии [3, с. 237-238]. Значение дисциплины для партии Ленин определял, как единство действий, свободу обсуждения и критики. «Только такая дисциплина достойна демократической партии передового класса. Сила рабочего класса – организация. Без организации масс пролетариат – ничто. Организованный, он – все. Организованность – есть единство действия, единство практического выступления» [4, с. 125-126].

Долгое время существование партийной дисциплины воспринималось как негативное явление, которое подавляет свободу отдельной личности, члена партии. Однако данное явление имеет и конструктивное начало, так как без дисциплины невозможно построение правового государства, т.е. подчинение закону. Некоторые ученые-правоведы, например, Д.А. Ягофаров определяют дисциплину как предъявляемое к индивидам, общественным объединениям, государственным органам и организациям, должностным лицам общеобязательное, обеспечиваемое мерами правового принуждения требование точного и неукоснительного соблюдения (исполнения) различных социальных норм, главных образом правовых (подзаконного и локального характера), определяющих порядок поведения людей и способствующих согласованности и целенаправленности совместных действий внутри коллектива, организации (учреждения), общности, общества в целом [5, с.17]. Другие представители юридической науки понимают дисциплину в узком смысле, применяя ее к трудовым отношениям. В качестве правового выражения дисциплины выделяют юридические обязанности.

По мнению Г.И. Молева, обязанность – это не только юридическая, но и этическая категория. Она отражает нравственно-правовое состояние общества и личности, выступает в единстве с требованиями морали как важный фактор развития, совершенствования личности, ее гуманистического наполнения. При всей своей относительной самостоятельности право, как и другие

социальные нормы, осуществляет свои специфические регулятивные функции не изолированно и обособленно, а в едином комплексе и тесном взаимодействии с другими социальными регуляторами. Поиски оптимальных вариантов сочетания правовых форм воздействия с регулятивными возможностями других социальных норм В.С. Нерсесянц считал одной из центральных задач всей социальной политики [6, с.77].

Отношения между гражданами, членами политической партии должны сочетать в себе как элементы демократической свободы, так и дисциплины. Дисциплина – необходимый элемент любой организации, она способствует претворению в жизнь ее основных цели и задач. Программа партии так и оставалась бы только на бумаге, если бы не было обязанности ее выполнения ее членами и сторонниками. Сплоченная единством целей и действий дисциплинированная общность людей способна решить самые сложные задачи.

В гражданском праве обязанностью называется юридическое должностное (или юридическая необходимость) совершения определенных действий, направленных на удовлетворение чужого интереса. Принято считать, что обязывающим фактором является реальная угроза применения к нарушителю обязанности мер принуждения и ответственности вплоть до исключения из организации.

Например, японские партии в усилиях по поддержанию дисциплины не ограничиваются апелляцией к сознательности своих членов. Поощрения и взыскательное отношение, включая разного рода наказания, как средство укрепления дисциплины и порядка — неперемный элемент организации деятельности любой партии. В осуществлении системы поощрений и наказаний активно участвуют контрольные органы, хотя не всегда именно им принадлежит в этом решающее слово [7].

Нормы и правила, закрепленные в партийных уставах, предусматривают как права, так и обязанности членов партии. Например, Устав партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» закрепляет такие обязанности членов партии, как соблюдение устава партии, содействие реализации программы партии, участие в деятельности первичного, местного или регионального отделения партии и др. «За невыполнение требований Устава на члена Партии могут быть наложены партийные взыскания: замечание, предупреждение, а на членов Партии, занимающих должности в центральных органах Партии, выборные должности в руководящих и контрольно-ревизионных органах её структурных подразделений, а также – должности руководителей указанных органов, Руководителей Региональных (Местных) исполнительных комитетов может быть также наложено взыскание – несоответствие занимаемой должности.

Порядок и основания применения партийных взысканий определяются Положением о партийных взысканиях, утвержденным Президиумом Генерального совета Партии» [8].

Устав КПРФ не предусматривает каких либо санкций за нарушение партийной дисциплины. Он лишь указывает перечень равных для всех членов партии обязанностей: «добиваться достижения программных целей партии; соблюдать Устав КПРФ; пропагандировать идеи партии, способствовать укреплению авторитета КПРФ и росту её влияния на жизнь общества; выполнять решения органов соответствующего первичного партийного отделения, в котором член партии состоит на учёте, а также решения всех вышестоящих органов партии и т.д.» [9].

Юридические обязанности вообще, и партийная дисциплина в частности, являются малоисследованными темами в научной литературе. Уставы политических партий и решения партийных органов как нормативные акты общественных организаций (локальные акты) специально изучались Г.Н. Митиным, который признавал их в качестве источников права [10]. По мнению Н.И. Матузова и Б.М. Семененко, обязанность распадается на четыре элемента: 1) совершать определенные действия; 2) воздержаться от совершения определенных действий; 3) требовать совершения определенных действий; 4) отвечать за несовершение предписанных действий [11, с. 414].

Таким образом, партийную дисциплину мы рассматриваем как необходимый элемент партийной организации, в которой принято различать ее членов и лидеров, тех, кто повинуется, и тех, кто руководит, «управляемых» и «управляющих». Члены партии связаны узами солидарности, определенной идеологией и программой. Они ограничены определенными рамками, которые установлены в уставах и поддерживаются определенной партийной вертикалью власти. Эти рамки являются организационно-правовой формой существования политических партий, предписывающей определенный порядок ее организации, деятельности, формирования руководящего состава партии и его полномочия. Именно наличие партийной дисциплины играет решающую роль в судьбе партий, при ее наличии партии оказываются сильными и устойчивыми ко всем изменениям. В случае отсутствия партийной дисциплины партия разваливается и перестает существовать как юридическое лицо. В современных условиях активного партийного строительства тема партийной дисциплины оказывается весьма актуальной, так как только сильные партии смогут стать ответственными юридическими лицами и выдержать жесткую конкуренцию в борьбе за обладание вакантными местами в высшем эшелоне власти.

Список цитируемой литературы:

1. Толковый словарь обществоведческих терминов. – 1999 // http://slovarnik.ru/html_tsot/p/partiyna8-disciplina.html
2. Чего мы добиваемся? // Полн. собр. соч. – Т. 9.
3. Тактическая платформа к Объединительному съезду РСДРП // Полн. собр. соч. – Т. 12.
4. Борьба с кадетствующими с.-д. и партийная дисциплина // Полн. собр. соч. – Т. 14.
5. Дисциплина в российском обществе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Саратов, 2005.
6. . Философия права. Учебник для вузов. – М.: Издательская группа ИНФРА.М – НОРМА, 1997. – 652 с.
7. Политические партии Японии: сравнительный анализ программ, организации и парламентской деятельности (1945—1992). — М., 1995 // <http://vse-uchebniki.com/politicheskikh-partiy-istoriya/partiynaya-distsiplina-30555.html>
8. Устав Партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» // <http://er.ru/party/rules/#5>
9. Устав политической партии «КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» // <http://kprf.ru/party/charter>
10. Уставы политических партий и решения их руководящих органов как источники конституционного права России // <http://justicemaker.ru/view-article.php?art=3741&id=10>
11. Гражданское право. Т. 1. Общая часть. Введение в гражданское право: учебник / В.А. Белов. – 2-е изд., перераб и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2012.- 521 с.

© Я.А. Ерыгин

	Aleksey Erygin
Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат политических наук, доцент	Docent of the department of state-lawful disciplines, the candidate of political sciences, the docent
Белгородский юридический институт МВД России	Belgorod juridical institute MVD of Russia

TO A QUESTION ABOUT THE DEPUTY ETHICS IN THE LEGISLATIVE (REPRESENTATIVE) ORGANS OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: in the article the diverse variants of the fastening of the rules of deputy ethics in the subjects of the Russian Federation and their essence are analyzed, is based the need of asserting the rules of deputy ethics by the decision of the legislative (representative) organ of the power of the state of the subject of the Russian Federation.

The keywords: the deputy of the legislative (representative) organ of the power of the state of the subject of the Russian Federation, status of deputy, the responsibility of deputy, deputy ethics.

Депутат законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации обладает особым правовым статусом, основу которого составляют их права, обязанности и гарантии деятельности. Отдельные предложения о выделении депутатской этики в качестве самостоятельного элемента

правового статуса депутата [1, с. 9] вызывают обоснованные сомнения, так как анализ и доктринальных положений о статусе депутата, и законодательства субъектов Российской Федерации свидетельствует о том, что соблюдение этических норм рассматривается как одна из обязанностей депутата. Высокий статус депутата налагает на него дополнительную моральную нагрузку за своё поведение, тем более что его деятельность зачастую сопряжена с необходимостью нравственного выбора в ситуациях, обусловленных различного рода конфликтами интересов – корпоративных, общественных, частных [2, с. 328.]. Очевидна необходимость в выявлении содержания дефиниций «этика депутата» и «депутатская этика», которые представляются тождественными. Под этикой в общем смысле понимается совокупность принципов и норм поведения, принятых в определённой общественной или профессиональной группе [3, с. 625].

В законодательстве многих субъектов Российской Федерации лишь констатируется «этическая» обязанность депутата, но не раскрывается её содержание. Так, согласно п. 5 ст. 9 закона Камчатского края от 8 февраля 2012 г. № 8 (в ред. от 20.11.2013 № 353) «О статусе депутата Законодательного Собрания Камчатского края» [4] и ст. 6 закона Тюменской области от 24 июня 1994 г. № 1 (в ред. от 07.11.2014 № 79) «О статусе депутата Тюменской областной Думы» [5] депутат обязан соблюдать правила депутатской этики. В ст. 6 закона Белгородской области от 19 декабря 2005 г. № 11 (в ред. от 03.04.2015 № 344) «О статусе депутата Белгородской областной Думы» [6] и в ст. 8 закона Челябинской области от 28 февраля 2006 г. № 4-ЗО (в ред. от 12.03.2012 № 133-ЗО) «О статусе депутата Законодательного Собрания Челябинской области» [7] речь идёт об обязанности депутатов соблюдать этические нормы, однако содержание этих норм ни в законе, ни в ином акте не раскрывается. Более того, законы Белгородской, Челябинской, Тюменской областей, Приморского края о статусе депутата содержат предписания о том, что ответственность за нарушение депутатом этических норм устанавливается Регламентом регионального законодательного органа. Однако в действующих Регламентах нормы об ответственности депутатов за несоблюдение правил этики отсутствуют.

В законе Приморского края от 20 марта 1995 г. № 2-КЗ (в ред. от 06.03.2015 № 675-КЗ) «О статусе депутата Законодательного Собрания Приморского края» (ст. 8) [8] и в законе Новосибирской области от 25 декабря 2006 г. № 81-ОЗ (в ред. от 26.02.2015 № 625-ОЗ) «О статусе депутата Законодательного Собрания Новосибирской области» (ст. 7) [9] закрепляется обязанность депутатов соблюдать Правила депутатской этики, утверждаемые Законодательным Собранием соответствующего субъекта РФ. Более развёрнутые

нормативные предписания о депутатской этике содержатся в законах иных субъектов РФ. В частности, закон Пермского края от 6 марта 2007 г. № 9-ПК (в ред. от 02.02.2015 № 437-ПК) «О статусе депутата Законодательного Собрания Пермского края», [10] устанавливая обязанность депутата соблюдать правила депутатской этики, конкретизирует её положения: не употреблять в своей речи грубые, оскорбительные выражения, наносящие ущерб чести и достоинству депутатов и других лиц, не допускать необоснованные обвинения в чей-либо адрес, не использовать заведомо ложную информацию, не призывать к незаконным действиям (ч. 6 ст. 1). В соответствии с законом Красноярского края от 14 мая 2007 г. № 1-18 (в ред. от 24.10.2013 № 5-1675) «О статусе депутата Законодательного Собрания Красноярского края» [11] к области депутатской этики относятся не регулируемые законодательством и Регламентом Законодательного Собрания отношения между депутатами либо депутатами и избирателями, а также депутатами и должностными лицами иных органов, должностными лицами и сотрудниками аппарата Законодательного Собрания, гражданами. Депутат должен в равной мере соблюдать собственное достоинство и уважать достоинство других депутатов, а также должностных лиц и граждан, с которыми он вступает в отношения в связи с исполнением депутатских обязанностей. При этом депутат должен воздерживаться от действий, заявлений и поступков, способных скомпрометировать его самого, представляемых им избирателей и Законодательное Собрание, в состав которого он избран (ст. 10).

Наиболее предпочтительным при определении этических правил для депутатов представляется подход, в соответствии с которым в ряде субъектов Российской Федерации разработаны специальные акты о депутатской этике. Одним из первых таких регионов стал Алтайский край, где Постановлением краевого Совета народных депутатов от 5 июня 1995 г. № 125 были приняты Правила депутатской этики. В настоящее время действуют Правила этики для депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания, утверждённые Постановлением от 4 декабря 2002 г. № 386 [12]. Правила устанавливают нормы поведения депутатов, а также процедуру рассмотрения вопросов, связанных с нарушением Правил. В рассматриваемом акте содержатся общие положения; правила, регламентирующие деятельность депутатов в краевом Законодательном Собрании; правила, регулирующие взаимоотношения депутатов с органами государственной власти, иными государственными органами, органами местного самоуправления, организациями, общественными объединениями, средствами массовой информации, должностными лицами и гражданами; правила, относящиеся к защите чести, достоинства и деловой репутации депутата.

Интересно также содержание Кодекса депутатской этики, утверждённого постановлением Рязанской областной Думы от 25 августа 2010 г. № 263 - V РОД, [13] который устанавливает этические обязанности, запреты и ответственность депутата за их нарушения. Моральными критериями поведения депутата Рязанской областной Думы, как отмечается в документе, должны служить идеалы добра, справедливости, гуманизма и милосердия, выработанные опытом человечества. Кодекс регулирует взаимоотношения между депутатами областной Думы, взаимоотношения депутата с руководителями и должностными лицами государственных органов, органов местного самоуправления, общественностью, средствами массовой информации, с избирателями, содержит этические запреты и весьма подробно регламентирует порядок рассмотрения вопросов депутатской этики Комитетом областной Думы по Регламенту, мандатным вопросам и депутатской этике. В полномочия названного Комитета входит рассмотрение следующих вопросов: а) определение уважительности причин отсутствия депутата на заседании областной Думы и ее органов; б) квалификация действий депутата как неэтичного поведения; в) указание депутату, нарушившему положения Кодекса, на неэтичность поведения и требование извинений. Рязанская областная Дума на основании рекомендаций Комитета может рассмотреть вопрос о поведении депутата областной Думы на своем заседании и принять по отношению к депутату следующие меры воздействия: а) объявить замечание; б) огласить на заседании областной Думы факты нарушения депутатом норм депутатской этики; в) обязать депутата принести публичные извинения.

Таким образом, правила депутатской этики для членов региональных законодательных (представительных) органов устанавливаются различными способами. Избыточной представляется конкретизация правил депутатской этики в законе о статусе регионального депутата, в котором целесообразно закрепить, прежде всего, норму, предписывающую принять соответствующий акт (кодекс, правила) постановлением законодательного (представительного) органа субъекта Российской Федерации, предусмотрев в нём также порядок привлечения к ответственности депутата за несоблюдение правил депутатской этики. В тех субъектах Российской Федерации, в которых отсутствуют специальные акты, содержащие правила депутатской этики, необходимо дополнить соответствующими положениями регламенты законодательных (представительных) органов, расширив полномочия мандатных комиссий, комиссий по регламенту и депутатской этике.

Список цитируемой литературы:

1. Депутат законодательного (предварительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации: правовой статус; природа мандата; проблемы ответственности: автореф. дисс. ... к.ю.н. - Челябинск, 2003. – 33 с
2. Депутатский мандат в Российской Федерации: конституционно-правовые основы : учеб. пособие / . – М.: Норма, 2008. – 448 с.
3. Краткий словарь иностранных слов. - М.: Русский язык, 1998.
4. http://www.zaksobr.kamchatka.ru/zakonodatelnoe_sobranie
5. http://www.duma72.ru/ru/legal_principles/zakon_status/
6. Вестник нормативных правовых актов Белгородской области. <http://www.zakon.belregion.ru> - 03.04.2015
7. <http://www.zs74.ru/zakon-o-statuse-deputata-zakonodatelnogo-sobraniya-chelyabinskoy-oblasti>
8. http://www.zspk.gov.ru/upload/iblock/d30/dep_status.pdf
9. СПС «КонсультантПлюс»
10. <http://www.zsperm.ru/upload/iblock/180/statusdeputata.pdf>
11. <http://garant-krasnoyarsk.complexdoc.ru/1243253.html>
12. <http://www.vologdazso.ru/legislation/125480/><http://7law.info/altajsky/act4w/s490.htm>
13. http://www.duma.ryazan.net/index.php?option=com_content&view=article&id=178
&

© А.А. Ерыгин.

ГРНТИ 10. 07.23, 10.15.37
УДК 342.8

	Victoria Erygina
Доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент	Docent of the department of theory and history of state and right of the juridical institute OF NIU “BelGU”, the candidate of historical sciences, the docent
ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»	FGAOU OF VPO “Belgorod state national research university”

	Anastasiy Bondarenko
Студентка 1 курса Юридического института НИУ «БелГУ»	Student of 1 policies of the juridical institute OF NIU “BelGU”
ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»	FGAOU OF VPO “Belgorod state national research university”

SELECTIONS AS THE MEANS OF PUBLIC CONTROL AND LEGITIMATION OF THE POWER OF THE STATE

Annotation: in the article the problem of raising the level of impressiveness, legitimacy of power of the state by means of conducting of elections is examined, are proposed the methods of reforming the acting selective legislation for achievement of the authentic legitimacy of power of the state. The keywords: legitimation; power of the state; selections; the selective right of citizens; selective legislation.

Легитимность государственной власти определяет качественную сторону соотношения и взаимодействия власти и населения страны, выраженную в признании данной власти как единственно возможной

для граждан государства [1, с. 62]. Основным в понятии «легитимность» является характер отношения к власти со стороны подвластного ей населения. Если народ положительно относится к власти, признает ее право управлять и согласно подчиняется ей, то такая власть - легитимная. Следовательно, легитимной является не только демократическая власть, как производная от свободного волеизъявления народа, но и недемократические, авторитарные режимы в случае, если их политика воспринимается массами как социально справедливая. Вместе с тем, это восприятие далеко не всегда является осознанным и нередко представляет собой результат манипулирования [2, с. 49].

Макс Вебер выделил три классических типа легитимности в зависимости от характера мотивации подчинения.

обретается благодаря обычаям, привычке подчиняться власти, вере в священность и негибкость издревле существующего порядка. Такая легитимность характерна для монархий и отличается невероятной прочностью. Поэтому Макс Вебер полагал, что для стабильности демократии полезно сохранение наследственного монарха, подкрепляющего авторитет государства многовековыми традициями почитания власти.

основана на вере в исключительные качества, дар руководителя, которого нередко наделяют сверхъестественными способностями. Этот тип легитимности основывается на личностном, эмоциональном отношении лидера-вождя и масс, на преданности и доверии людей. Харизматическая легитимность характерна для масштабных переворотов в истории, когда авторитет вождя олицетворяет как саму власть, так и всю систему властных институтов.

-
В данном случае власть избирается и действует на основе всенародно принятой конституции и олицетворяет собой высшее проявление народной воли. Именно такой характер легитимности присутствует в странах, представляющих собой западную цивилизацию. В то же время рационально-правовой тип легитимности может присутствовать и в авторитарных режимах, а именно в тех, которые модернизируются в либерально-демократическом направлении и в целях своей легитимности широко прибегают к демократическим процедурам, таким как выборы [3, с. 639-643].

С проблемами легитимности политической власти органически связан важнейший вопрос об ее эффективности. Насколько власть выполняет свои функции и оправдывает ожидания граждан в обеспечении нормальных условий для жизни.

В качестве формулы, отражающей взаимозависимость между легитимностью и эффективностью власти, выступает такое правило:

легитимность власти чаще всего прямо пропорциональна ее эффективности, т. е. чем больше эффективности, тем больше легитимности. И наоборот. Изначально легитимная власть, которая не справляется с возложенными на нее задачами, со временем теряет доверие граждан и превращается в их глазах в нелегитимную.

Со способностью власти производить намеренные результаты, отвечающие социальным ожиданиям граждан, напрямую связаны и превращения изначально нелегитимной власти во власть легитимную. Не секрет, что многие авторитарные режимы, первоначально страдающие дефицитом легитимности, затем приобретают ее, благодаря успешной внутренней (экономической и социальной) политике, укреплению общественного порядка и повышению благосостояния народа [2, с. 52].

Основа демократических режимов - это выборы, в ходе которых и происходит легитимация власти. Выборы - не только существенный признак, атрибут демократии, но и ее необходимое исходное условие. Это главный политический институт, позволяющий народу выступать в качестве реального источника власти, а гражданскому обществу контролировать государство. Не случайно демократию часто определяют как режим, при котором правители выбираются только и исключительно посредством свободных и честных выборов. И для того, чтобы попасть в заветные структуры власти (прежде всего парламент) партии, равно как и другие общественно-политические организации и движения, а также «внепартийные» общественно-политические деятели в современных цивилизованных странах обязаны проходить через процедуру выборов. Вне выборов и без выборов к власти в условиях демократии законным способом прийти нельзя [2, с. 243].

В этой связи во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г., говорится: «Воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодический и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве, путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования» [4].

Значение выборов в России достаточно велико.

Во-первых, выборы служат заменой институционального механизма неформальных (насильственных) санкций по отношению к властям, которые в противном случае могут быть использованы широкими народными массами. Одновременно это и эффективный социальный клапан, который позволяет выпустить пар социально-политической напряженности, не подрывая «строения» основ повседневной общественной жизни.

Во-вторых, выборы - это своего рода социальный барометр отношения масс к политике государства и его ключевым институтам -

правительству и парламенту. Через механизм выборов даже, на первый взгляд, самые пассивные граждане могут вознаграждать или наказывать власть имущих за совершенные ими действия.

В-третьих, выборы - не только средство реализации естественного права народа на свободу отбора «вождей» и их периодическую ротацию. Как это на первый взгляд парадоксально ни звучит, но они также - средство ограничения вмешательства народных масс в управленческий и политический процесс.

В конце концов, выборы - не только средство контроля народа над государством. Одновременно это средство, которое этим же государством контролируется. Демократия и выборы - понятия, хотя и тесно взаимосвязанные, но далеко не равные друг другу. Ибо к выборам в целях придания легитимности своей власти прибегают не только демократические страны, но и страны, в которых правят недемократические режимы [2, с. 244]. В авторитарных государствах выборы выступают демократическим фасадом, красивой декорацией, прикрывающей монополию на власть узкой группы лиц или одного человека. Здесь применяются как неконкурентные, так и полуконкурентные выборы. Последним обычно присущи такие черты, как допущение к выборам лишь угодных или по крайней мере лояльных к властям кандидатов и партий, ограничение компетенции избираемых с помощью выборов институтов власти и т.п. На практике это часто проявляется, например, в проведении выборов в фактически бесправные парламенты, которыми окружают себя многие авторитарные правители в Латинской Америке, Африке, Азии, а также в государствах бывшего СССР. Современные недемократические режимы обычно используют целый комплекс способов фальсификации результатов выборов и превращение их в инструмент манипулирования, средство организации самообмана собственных граждан и введения в заблуждение международного общественного мнения.

Принцип альтернативности выбора закреплен в п. 33 ст. 38 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», предусматривающий превышение количества кандидатов (списков кандидатов) количества замещаемых депутатских мандатов [5].

Для того чтобы власть была легитимной, необходима определенная явка избирателей на выборы, а также законность избирательных процедур. Абсентеизм на выборах в современном мире преодолевается двумя способами: обязательностью голосования на выборах для всех граждан и наказанием за неявку, например, в Австрии, Аргентине, Бельгии, Монако, Пакистане, Перу, Чили, Турции. В этих странах участие в выборах рассматривается одновременно и как право граждан, и как их юридическая

обязанность, за невыполнение которой предусмотрены определенные санкции - от денежного штрафа и общественного порицания до лишения права занимать государственные должности, тюремного заключения и каторжных работ. В данном случае власть, вероятно, будет создана голосами большого числа избирателей, хотя бы принудительно полученных. Другой способ преодоления абсентеизма заключается в законодательном снятии необходимого порога явки избирателей для признания выборов состоявшимися. Так, в большинстве стран (США, Великобритания, Франция, Испания и др.) минимальной явки избирателей вообще не существует, законность выборов зависит всего лишь от соблюдения условленных правил. При этом отсутствие порога явки для признания выборов состоявшимися не мешает проводить в этих государствах легитимные демократические выборы [6]. Однако в данном случае мы наблюдаем подмену понятий легитимность выборов заменяется их легальностью.

Следует отметить, что в законодательстве РФ нет нормы, устанавливающей явку избирателей, что ставит под сомнение легитимность органов власти. В связи с этим возникает вопрос достаточное количество избирателей участвует в выборах для того, чтобы признать данные выборы легитимными. Анализируя явку избирателей на выборах Президента РФ в 2012 году, можно сказать, что выборы легитимные, так как явка по России составила 65,3%, а по Белгородской области 74,3% [7]. Однако на выборы в России приходят в среднем 30 - 40% избирателей, при этом избранный депутат либо партия в среднем получают не более 50% голосов избирателей пришедших на выборы. В итоге победителя поддерживает всего 1/6 часть населения страны, при этом он считается выбранным для всего государства (для 100% населения), но это свидетельствует об отсутствии реальной легитимности власти. В конечном итоге отмена порога явки на выборах может привести к ситуации, когда абсолютное меньшинство избирает органы власти, формирующие исполнительную власть, обладающую огромными управленческими полномочиями [6].

В связи с этим можно согласиться с мнением Г.Д. Садовниковой, которая утверждает, что понятие «выборы» можно рассматривать в политическом отношении как способ формирования представительного органа или наделения полномочиями выборного лица путем свободного голосования граждан (одновременно способ вовлечения граждан в политический процесс), т.е. главное чтобы в ходе выборов осуществилось свободное волеизъявление народа [8].

На наш взгляд, для повышения легитимности государственной власти необходимо, во-первых, распространить механизм выборов и отзывов избранных лиц на всех уровнях власти, включая главы муниципальных образований; во-вторых, ввести минимальный порог

явки избирателей на выборах не менее 25 %; в-третьих, исключить преференции при сборе подписей для парламентских партий.

Таким образом, одним из центральных вопросов бытия государственной власти является вопрос легитимности, т.е. укоренения и узаконивания в качестве организованной силы, пользующейся доверием подвластных и опирающейся на их добровольное согласие подчиняться ее авторитету. И всякая власть лишь тогда обладает легитимностью, когда опирается на народный консенсус.

Список цитируемой литературы:

1. Теория государства и права: учебник / Г.А. Борисов. - Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. 292 с.
2. Политология: учебник/О.З. Миштук. 2-е изд., стереотип. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2014. 474 с.
3. Избранные произведения; пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. 808 с.
4. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
5. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ (в ред. от 03.02.2015 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru>.
6. Легитимация политической власти посредством проведения выборов // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 6.
7. <http://president2012.ru>
8. [Проблемы оптимизации порядка формирования](#) представительных органов в РФ // Конституционное и муниципальное право. 2008. N 14. С. 24.

© В.И. Ерыгина, А.В. Бондаренко

ГРНТИ 10.15.37

УДК 342.844

	Zabaykalov Andrey
Доцент кафедры «Конституционное, муниципальное и административное право», кандидат юридических наук	Associate professor of the Department «Constitutional, municipal and administrative law», Candidate of Juridical Sciences
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкого филиала	Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk branch

POLL: RIGHT OR OBLIGATION

Annotation: In this article to be told about poll as obligation of Russian citizens. The author proves of negative evaluation this introduction. Enforcement mechanism of the obligation are considered in the article. The author came to conclusion that the administrative fine as responsibility is optimal measure.

Key words: election, voting, right, obligation, fine.

Как справедливо отмечал известный британский правовед Р. Мюр, непременным условием существования всякого представительного органа должно быть обеспечение того, чтобы он был действительно представительным, т.е. представители нации должны включать в свой состав представителей всех оттенков общественного мнения в пропорции, в наибольшей степени соответствующей голосующему за них числу избирателей [1, с.162]. Поэтому крайне важно участие в выборах максимально возможного количества избирателей. Таким способом достигается наиболее полное отражение в результатах выборов действительных политических предпочтений населения страны. Соответственно, снижается вероятность того, что решения, принимаемые в интересах меньшей части населения, участвовавшей в выборах, могут вызвать

Во-вторых, для реализации ответственности необходима значительная работа: выявить нарушение, получить объяснения нарушителя, собрать и закрепить доказательства, принять решение о привлечении к ответственности и т.д. Органы МВД и другие правоохранительные структуры и без того загружены работой. Избирательные комиссии формируются в других целях, их работники обучаются совершенно иной деятельности. Формирование специальных органов или специальных структур существующих органов для привлечения к ответственности за неявку на выборы, референдум возможно только с использованием существенных финансовых и материальных затрат.

В-третьих, возникает вопрос о виде ответственности и наказания.

Гражданская и дисциплинарная ответственность в данном случае неприменима. Уголовная ответственность за неявку на выборы представляется слишком жесткой. Она не вписывается в современные рамки российского уголовного права.

Если говорить об административной ответственности, то в мировой практике за подобное правонарушение применяются такие наказания как лишение прав, общественное порицание, тюремное заключение, штраф [4, с.212].

Лишение избирательных прав в соответствии со ст. 32 Конституции РФ допускается лишь в отношении недееспособных граждан и лиц, осужденных к лишению свободы по приговору суда. Соответственно, оно недопустимо.

Общественное порицание выражается в обнародовании списков лиц, которые без уважительной причины не приняли участие в выборах, референдуме. В современной России такое порицание не будет иметь должного влияния. Напротив, в среде молодежи даже может распространиться мода на него.

Лишение свободы (арест) практически не применяется, к тому же российская система учреждений исполнения наказания вряд ли подготовлена к такому шагу.

Таким образом, наиболее обоснованным наказанием за абсентеизм без уважительных причин является штраф. Между тем трудно представить реакцию электората на введение наказания за то, что граждане «используют выходной по своему усмотрению». Наиболее вероятно, что она выразится в увеличении числа граждан, негативно относящихся как к политике вообще, так и к выборам, в частности.

В связи с вышеизложенным, введение обязательной явки на выборы, референдум в Российской Федерации на настоящем этапе несвоевременно. Да и в зарубежных странах придание голосованию статуса юридической обязанности рассматривается как чрезвычайная мера и имеет не так много сторонников. А использование

альтернативных видов голосования получает все большее распространение и поддержку [7, с.89].

Список цитируемой литературы:

1. Как управляется Британия. Перевод с английского. М.: Соцэкгиз, 1936. 311 с.
2. Добровольность участия в выборах и обязательность явки избирателей: есть ли противоречие // Власть. 1997. №10.
3. Великие мыслители Запада: Главные идеи и сочинения более 100 выдающихся западных философов, естествоиспытателей и обществоведов, психологов, духовных писателей и богословов /Под ред. - ; Пер. с англ. М.: Крон-пресс,1999. 798 с.
4. Конституционное право зарубежных стран. Учебник. М.: Юристъ, 1997. 568 с.
5. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации. Учебник для вузов / и др.; Отв. ред.: Науч. ред.: - М.: Норма, 2003. - 816 с.
6. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. - 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2000. 776 с.
7. Избирательное право Великобритании (институты и тенденции развития): дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2006. 234 с.

© А.П. Забайкалов

	Marina Ishanova
Заведующая кафедрой теории и истории государства и права кандидат юридических наук, доцент	Head of the Department of Theory and History of State and Law Candidate of Juridical Sciences
Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина	Yelets State University, named after I. A. Bunin
	Evgeny Grushko
Магистрант	Master student
Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина	Yelets State University, named after I. A. Bunin

STATE AND REVOLUTION IN THE CONCEPT OF M. A. BAKUNIN

Abstract: The article analyzes the views of Mikhail Bakunin; special attention paid to the presentation of the state, its historical destiny and prospects of destruction through the social revolution.

Keywords: M. A. Bakunin; the state; the revolution.

В 2014 году исполнилось 200 лет со дня рождения одного из ярчайших представителей анархической политико-правовой мысли Михаила Александровича Бакунина. Его творческое наследие включает ряд философских и публицистических работ («Государственность и анархия», «Федерализм, социализм и антитеологизм», «Бог и государство» и др.), а также многочисленные письма и опубликованные программные документы, в которых нашли отражение взгляды на государство, право, революцию, проекты принципиально нового общественного устройства.

Роль любого государства – и абсолютной монархии, и демократической республики, основанной на самом широком всеобщем избирательном праве, – М. А. Бакунин сводил к регулированию и гарантированию взаимной эксплуатации [1, с. 518]. Конституционную монархию он называл «ублюдочным,

половинчатым режимом», оказывающимся по отношению к неограниченной монархии тем, чем протестантство является по отношению к католической религии; не сомневался в недолговечности этого «алогичного альянса», чьи составные части - власть и свобода - взаимно исключают друг друга [2, с. 266]. Изменение подхода к организации верховной власти, по М. А. Бакунину, не способно изменить сущности явления. Государство не перестанет быть «официальной и правильно установленной опекой меньшинства компетентных людей, добродетельных гениев или талантов, чтобы надзирать за поведением и управлять поведением этого большого неисправимого и ужасного ребенка – народа» [1, с. 464].

Не видя принципиальных отличий между современными формами правления, М. А. Бакунин отмечал, тем не менее, что самая несовершенная республика в тысячу раз лучше, чем самая просвещенная монархия. В первой народ постоянно подвергается эксплуатации, но он не угнетен, а во второй - угнетен постоянно [3, с. 106]. Единственное существенное различие он формулировал так: в монархии чиновный мир притесняет и грабит народ для пользы привилегированных классов, а также своих собственных карманов, во имя монарха; в демократической республике он делает то же самое, только во имя народной воли [4, с. 313].

М.А. Бакунин отмечал органическую связь государства с религией (христианством). Однако, видел в этом не позитивный, обеспечивающий стабильность социального устройства фактор, а способ освящения привилегий и политической власти абсолютизма. Все короли (христиане, протестанты и католики) – короли божьей милостью, органы власти получили через них божественную миссию. Правители и священники уверены в неспособности людей к созданию и поддержанию порядка; государство, установленное богом, чтобы организовать и управлять, – стоит, естественно, выше общества, оно его господин, а не слуга [2, с. 266].

Особое внимание М. А. Бакунин уделял характеристике российского государства. Он видел лишь отрицательные стороны и неоднократно заявлял о необходимости разрушения Империи. Между нашим государством, - полагал мыслитель, - и делом народа нет и не может быть ничего общего: в этом «противуестественном союзе всегда будет страдать не государство, а народ» [5, с. 216].

«То, что в истории других европейских стран было только перемежающимся фактом, - писал М. А. Бакунин, - то у нас составляет факт непрерывный и беспрерывный: то есть отрицание всего человеческого, жизни, права, воли каждого человека и целых народов во имя и в единую пользу государства» [6, с. 180]. Массы иногда по близорукости и невежеству увлекаются в сторону от столбовой дороги, ведущей прямо к их цели, и нередко становятся в

руках правительства и привилегированных классов орудием для достижения целей, решительно противных их существенным интересам [6, с. 182]. М. А. Бакунин ожидал пробуждения сознания в русском народе и предвидел печальный финал: «в нашем государстве нет ничего органического, - все только дело механики, - лихо будет только ломке начаться, - ничто потом не остановит ее; - империя лопнет, - в этом я не сомневаюсь, желаю только, чтоб лопнула она при нас» [7, с. 189].

Философ принимал самое активное участие в славянском движении, много размышлял о перспективах развития России и предсказывал, что русская революция будет страшна, но только «она одна в состоянии будет пробудить нас из этой гибельной летаргии к действительным страстям и действительным интересам» [8, с. 69]. По мнению М. А. Бакунина, «всякое государство, как бы либеральны и демократичны ни были его формы, ложится подавляющим камнем на жизнь народную. ...впереди государства будут только рушиться, а не строиться. ... У русских и нерусских народов, закабаленных в империю, нет теперь злее врага, чем Всероссийское государство» [9, с. 466]. В победе народа в кровавом противостоянии между «Русью народной» и «Россией казенною» М. А. Бакунин не сомневался.

Главной целью, к которой стремятся народы, философ считал свободу. Русский народ не являлся исключением. Средством достижения свободы должна была стать революция. «Этой первобытной твердостью в железной настойчивости, с которой русский народ охранял свою внешнюю независимость при всех бурях, потрясавших славянский мир, он укрепитя теперь для революции, чтобы добыть и удержать свою внутреннюю свободу. В Москве будет разбито рабство всех соединенных под русским скипетром славянских народов, а с ним вместе и все европейское рабство, и навеки будет схоронено в своем падении под своими собственными развалинами; высоко и прекрасно взойдет в Москве созвездие революции из моря крови и огня, и станет путеводной звездой для блага всего освобожденного человечества» [10, с. 385].

М.А. Бакунин призывал славян: «порвите с реакцией раз навсегда, порвите с дипломатией, порвите со всякой половинчатой и недостойной вас политикой и бросьтесь отважно и всецело в объятия революции. В ней все, - ваше пробуждение, ваше воскресение, ваша надежда, ваше спасение, ваша будущность!» [10, с. 386]. Мыслителю виделась социальная революция, опирающаяся на крестьян, она должна была начаться в деревнях и распространиться в городах посредством рабочих и ремесленников, в возможность политической революции буржуазии в больших городах он не верил.

«Народ, бедный класс, составляющий, без сомнения, большинство человечества, класс, права которого уже признаны теоретически, но который до сих пор по своему происхождению и

положению осужден на неимущее состояние, на невежество, а потому и на фактическое рабство, - этот класс, который, собственно, и есть настоящий народ, принимает везде угрожающую позу, начинает подсчитывать слабые по сравнению с ним ряды своих врагов и требовать практического приложения своих прав, уже всеми признанных за ним. Все народы и все люди исполнены каких-то предчувствий, и всякий, чьи жизненные органы еще не парализованы, смотрит с трепетным ожиданием навстречу приближающемуся будущему, которое произнесет слово освобождения» [11, с. 225].

Главная цель, которую преследовал М. А. Бакунин, - это достижение мира, свободы и справедливости, его идеалом было безгосударственное общество, вольная федерация народов. Он ненавидел государство и не желал сохранения его могущества, как итог революции видел уничтожение прежней организации власти. Освобождение людей от государственного гнета открывало путь для славянского возрождения, возглавить которое должен был русский народ.

Список цитируемой литературы:

1. Бог и государство / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. С. 445-520.
2. Международное тайное сообщество освобождения человечества / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. С. 258-273.
3. Федерализм, социализм и антитеологизм / Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. С. 11-124.
4. Государственность и анархия / Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. С. 291-526.
5. Письмо Н.П. Огареву от 14 июня 1868 г. / Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. С приложением его памфлетов, биографическим введением и объяснительными примечаниями М. П. Драгоманова. Женева, 1896. С. 215-217.
6. Письмо А.И. Герцену и Р.П. Огареву от 19 июля 1866 г. / Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. С приложением его памфлетов, биографическим введением и объяснительными примечаниями М. П. Драгоманова. Женева, 1896. С. 180.
7. Письмо А.И. Герцену от 4 апреля 1867 г. / Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. С приложением его памфлетов, биографическим введением и объяснительными примечаниями М. П. Драгоманова. Женева, 1896. С. 189-190.
8. Письмо М. А. Бакунина А. И. Герцену 8 декабря 1860 г. / Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. С приложением его памфлетов, биографическим введением и объяснительными примечаниями М. П. Драгоманова. Женева, 1896. С. 69.
9. Бакунин М.А. Несколько слов к молодым братьям в России / Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. С приложением его памфлетов,

биографическим введением и объяснительными примечаниями М. П. Драгоманова. Женева, 1896. С. 463-466.

10. Воззвание к славянам русского патриота М. Бакунина, члена Славянского съезда в Праге (1848 г.) / Письма М.А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. С приложением его памфлетов, биографическим введением и объяснительными примечаниями М. П. Драгоманова. Женева, 1896. С. 369-391.

11. Реакция в Германии / М. А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. С. 207-226.

© М. В. Ишанова, Е. И. Грушко.

	Natalia Kaskova
Аспирант кафедры теории и истории государства и права	postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law
Юридический институт НИУ «БелГУ»,	Belgorod State University (National Research University).

CONSERVATIVE CONCEPT OF AUTOCRACY N. A. ZAKHAROVA

The article is devoted to the study of the concept of autocracy in the works of Russian lawyer N. And. Zakharova. The paper presents the main features of the Russian autocracy and statehood in the interpretation of N.A. Zakharova.

Keywords: autocracy, state, monarchy, rule, separation of powers, sovereignty.

Николай Алексеевич Захаров (1883 года рождения) – выдающийся российский государствовед конца XIX – начала XX века. К сожалению, о судьбе этого блестящего юриста, специалиста как в русском государственном, так и в международном праве известно очень мало. Бесспорным является тот факт, что он был учеником профессора П.Е. Казанского, окончил юридический факультет Императорского Новороссийского университета, самый консервативный дореволюционный университет.

Вероятно, в начале XX века Н.А. Захаров преподавал международное право в Практической Восточной Академии в С.-Петербурге. Это учебное заведение состояло в ведении Учебного отдела министерства торговли и промышленности, и Совета Императорского общества востоковедения.

Академия имела своей целью, как писалось в специальной книге посвященной ее деятельности: «подготавливать лиц в практическом знании восточных языков и стран для административной, консульской и торгово-промышленной службы и деятельности на наших

восточных окраинах и в сопредельных с ними странах» [1, с. 1].

«Система русской государственной власти» - это фундаментальный труд Н.А. Захарова, опубликованный в 1912 году. В нем он критикует юридические сочинения своих современников, подчиненных теории о трех властях и объясняет то, что выходит за пределы этого шаблона.

Н.А. Захаров выделил четыре власти, формирующие Верховную Власть в государстве: власть судебную, власть законодательную, власть управления и власть самодержавную, и построил на их основе цельную идеологическую систему русского властвования. Кроме того, он останавливается над оригинальным понятием самодержавия и его отличительными признаками. Выделяя известную двойственность понятия самодержавия, Н.А. Захаров рассматривал его, с одной стороны, как основное свойство Верховной объединенной государственной власти, а с другой, как власть непосредственного волеизъявления, установленную в общих чертах в основных законах и неограниченную в этой сфере применения [2, с. 216]. Изучая самодержавие как понятие более широкое, чем понятие одной власти уравнивающей, Н.А. Захаров стремился рассматривать его без какой-либо политической окраски. Он резко критиковал своих современников за предвзятое отношение, с которым они приступали к толкованию понятия самодержавия, за игнорирование исторических и бытовых особенностей строя, о полнейшем смещении самодержавия с абсолютизмом [3, с. 88]. Николай Алексеевич оценивал самодержавие с точки зрения юридической конструкции, не отождествляя его при этом с деспотизмом.

В своих трудах Н.А. Захаров сформулировал основные черты русского самодержавия:

1) Власть самодержавная занимает главенствующее положение по отношению к остальным ветвям власти;

2) Власть монарха ограничена не юридическими нормами, а совестью монарха и Божьей волей. Сила русского самодержавия проистекает из народного мировоззрения. Даже если бы в русском законодательстве не было бы и строчки о самодержавии, оно работало бы исключительно благодаря вере русского народа. Н.А. Захаров так говорил о самоограничении самодержавия: «самодержавие можно вычеркнуть из основных законов, самодержец может от него отречься сам, но это будет актом односторонним; чтобы это понятие исчезло, необходимо изгладить еще его и из сознания народного, так как сознание народное в своем правообразующем движении всегда может восстановить пропущенное в тексте законов понятие» [3, с. 426].

3) Самодержавие воплощает в себе идеи русского государства, как в его историческом прошлом, так и в реальной действительности.

4) Самодержавие эффективно с экстраординарных условиях,

в условиях военного времени.

5) Проистекая из доверия и психологии русского народа, самодержавие гарантирует защиту национальной культуры и веры.

6) Самодержавная власть способна обеспечить порядок в условиях социальных волнений, конфликтов и реформ.

7) Самодержавная власть – это власть жертвенная, по зову совести, направленная на служение Богу и народу.

По вопросу о положении русского Императора в Русской Православной Церкви Н.А. Захаров придерживался мнения Е.Н. Темниковского, утверждающего, что:

- Император – это орган высшей власти в Русской Православной Церкви, представляющий собой направление высшей государственной власти, самостоятельной по осуществлению, но непроизводной по происхождению. - Император осуществляет свою власть в церкви непосредственно в законодательстве и в актах Верховного управления. При этом Н.А. Захаров под церковным законодательством понимал общегосударственные светские законы, имеющие отношение к церкви. - Святейший Правительствующий Синод есть орган Государя Императора (вторичный). - Русская Православная Церковь с формальной точки зрения представляет собой часть государственного строя, ведомство [4, с.38 – 40].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что Н.А. Захаров призывал к установлению прочной связи между историческим прошлым и современностью. По мысли правоведа, прежде чем давать детальный анализ правового строя Запада, необходимо понять общие начала нашего государственного строя. Н.А. Захаров верил в несокрушимость самодержавия в России, в его жизненную необходимость для русского народа. На основе исторических фактов он утверждал, что самодержавие – это средство безопасного процветания нашего государства.

Список цитируемой литературы:

1. Практическая Восточная академия. Петроград, 1915. С. 1
2. . Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912. С. 216
3. .В., «Самодержавие», «верховенство» и «суверенитет»: терминологическое соотношение в отечественном государствоведении конца XIX- начала XXв.// Проблемы права. №4. 2014. С.87-90.
4. Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912. С. 426
5. . Положение Императора Всероссийского в Русской Православной Церкви в связи с общим учением о церковной власти // Юридические записки Демидовского юридического лица. Вып. I. 1909. С. 38, 40.

	Natalia Kaskova
Аспирант кафедры теории и истории государства и права	postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law
Юридический институт НИУ «БелГУ»,	Belgorod State University (National Research University).

XIX- XX

FEATURES of the CONCEPT AND VALUE of RELIGION IN the WORKS of D. V. KATKOV

The article is devoted to the study of the concept of religion in the works of the eminent jurist of the late XIX - early XX century V. D. Katkova. Special attention is paid to the importance of religion for the Russian people.

Keywords: religion, autocracy, the power of the monarch.

Одним из выдающихся публицистов и правоведов конца XIX – начала XX являлся В.Д. Катков. К сожалению, о его судьбе известно очень немного. Достоверным является тот факт, что В.Д. Катков закончил Императорский Харьковский университет и в нем же был оставлен для подготовки к профессорскому званию. В 1893 году он прошёл экзамен на степень магистра в Императорском Казанском университете, но степень магистра он получил лишь в 1901 году. Катков продолжил совершенствовать своё образование за границей.

С 1901 года, находясь на должность приват-доцента Императорского Харьковского университета он читал до 1908 года курсы вексельного права, конкурсного права и гражданского права прибалтийских губерний.

В 1909 году Катков перешёл в Императорский Новороссийский университет, где стал читать политическую экономию, статистику и финансовое право. В 1910 году он защитил магистерскую диссертацию, а в 1910 году стал профессором.

В своих трудах В.Д. Катков особое внимание уделял вопросам религии и его значения для русского народа. Он считал, что самодержавие как полнота власти Всероссийских императоров не

может быть понята без отношения к верованиям народа. Признавая религию государственным институтом, В.Д. Катков считал необходимым ее защиту и создание благоприятных условий для ее существования и укрепления. При этом только государства с сильной властью государей признавались им способными к осуществлению указанных действий. У самодержавного правителя нет зависимости от большинства, от народных представителей, чьи интересы могут расходиться с глубочайшими требованиями религии, нравственности и справедливости[1.с.87].

Власть монарха, по мнению В.Д. Каткова, «стоит вне минутных настроений толпы. Она ответственна перед Богом и историей. Ей нечего заискивать у теперешнего населения с его временными интересами, временными настроениями и ошибками. Она боится бога и никого больше на земле»[2].

Именно русское государство имеет крепкие нравственные основы, нераздельно связанные с религиозными нормами. Нравственная основа носит столь же религиозный характер, сколько и религия включает в себе нравственных начал. Рассматривая неразрывный характер указанных понятий, В.Д. Катков был согласен с Щуцким М.М., утверждающим, что «Без религии не может быть ни высоты, ни христианского направления в нравственности, так как в нее неизбежно проникнут гордость, эгоизм, сухость и т.п. явления, от которых нас остерегает религия»[3.С.101].

Давая анализ нравственным устоям, существовавшим в обществе, профессор не мог обойти вниманием и вопрос значения религии по отношению к общественной жизни. Он рассматривал это значение в двух направлениях:

1) для понимания мира и жизни. Чтобы достичь человеческой мудрости необходимо постичь относительную ценность вещей. Достичь этой мудрости может помочь только религия, расставляющая ориентиры и указывающая на высшие и вечные ценности. Именно религия может привести нас к гармонии с обществом и с самим собой, она окрыляет, позволяя посмотреть на общественную жизнь сверху, со стороны, тем самым даруя мудрость и мир.

2) для истинного понимания и истинного прогресса жизни. Профессор В.Д. Катков был глубоко убежден, что общество ставит перед человеком высочайшие идеалы совершенства и лишь религия является стимулом для достижения нравственного прогресса, оставляя за собой защиту нравственной чистоты, мира, бескорыстия, любви и самопожертвования.

Кроме того, «она обращается к внутреннему человеку и требует от него улучшения и возвышения характера, без чего никакие внешние организации сами по себе не в состоянии дать людям счастья»[4].

Подводя итог, хотелось указать на тот факт, что В.Д. Катков считал религию действительной матерью разума, вечной попыткой решения важнейших вопросов мира, жизни и духа. Он видел в ней действительную силу, способную двигать общество к прогрессу, способную вести к истине великий русский народ.

Список цитируемой литературы:

1. «Самодержавие», «верховенство» и «суверенитет»: терминологическое соотношение в отечественном государствоведении конца XIX- начала XXв.// Проблемы права. №4. 2014. С.87 - 90.
2. Самодержавие и христианство//Харьковские губернские ведомости. 1907. № 15.
3. Религия и общественная жизнь// Харьковские губернские ведомости. 1907. № 138.
4. Общедоступное изложение вопросов о нравственности. 1903. С. 101.

© Н.В. Каськова

	Kravchenko Andrey Evgenyevich
Аспирант кафедры теории и истории государства и права	Postgraduate student of the Department of theory and history of state and law
Белгородский государственный национальный исследовательский университет	Belgorod National Research University

-1934)

CORRELATION OF LAW AND MORALITY IN THEORY

Abstract: the article analyzes the views on the correlation between law, morality and religion of a prominent pre-revolutionary legist Alexander Yashchenko (1877-1934), the leading representative of the synthetic theory of law. In this paper we

moral features of law in the unity of the common good and personal freedom.

Keywords: A. S. Yashchenko, V. S. Solovyov, law, morality, doctrine, synthetic theory of law

В последние годы дискуссия о соотношении права и нравственности набирает новые обороты. В юридической литературе, с одной стороны, нарастают и постмодернистские тенденции, а, с другой, высказываются опасения превращения юриспруденции «в средство легализации нравственных пороков» [6, с. 3]. Современный мир разделился по вопросам допустимости однополых браков, ювенальной юстиции, легализации права на убийство и «запретные» удовольствия.

России пока удается «держать оборону» в условиях агрессивного наступления западной модели либеральной демократии и так

называемых стандартов в сфере защиты прав человека. В условиях метафизического разлома особую актуальность приобретает концептуальная поддержка государственной власти, возложившей на себя миссию защиты традиционных ценностей. В этой связи особый интерес приобретает исследование отечественной этико-правовой синтетической концепции, ярким представителем которой был Александр Семенович Яценко.

В дискуссии о соотношении права и нравственности принимали самые видные представители отечественной политико-правовой мысли В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, Г.В. Михайловский, И.А. Ильин, Е.В. Спекторский, Л.А. Тихомиров, П.Е. Казанский, Н.А. Захаров и другие.

Нельзя не согласиться с Е.В. Сафроновой, что «среди многочисленных теорий соотношения права и нравственности можно выделить три основные» [9, с. 293]. Первое учение в содержании права и морали не видело принципиальной разницы (Г.В. Михайловский); второе, основоположниками которого являлись немецкие ученые И. Фихте и А. Гумбольдт, исходившие из идеи разграничения и отмечавшие, что право и нравственность не имеют между собой ничего общего. И, наконец, «третья точка зрения, преобладавшая в отечественной науке, основывалась на постулате несомненного родства права и нравственности. Странники этой теории (И. Еллинек, В.С. Соловьев, И.П. Новгородцев, А.Н. Яценко, В.Г. Щеглов, Е.Н. Трубецкой и др.) видели в праве минимум нравственности» [9, с.293-294].

Наиболее последовательно точку зрения на право как минимум нравственности отстаивали В.С. Соловьев и А.С. Яценко. Анализу взглядов В.С. Соловьева посвящено немало работ [2, 3, 4, 7, 8 и др.], а вот к исследованию взглядов его последователя – А.С. Яценко обращались немногие, причем преимущественно философы [1, 5].

Александра Семеновича Яценко с полным правом можно назвать автором синтетической теории права, применившим синтетический метод к анализу целого спектра понятий: права и нравственности, государства, общества и личности. «Необходимо, - писал он, формулируя свою методологическую задачу, - для настоящего жизненного синтеза органическое соединение всех односторонних определений на основании синтезирующей силы всеобъемлющего начала, являющегося живой душой всего соединения» [10, с. 58]. Важнейшую задачу юриспруденции А.С. Яценко видел в выработке синтетического определения права [10, с. 108]. При этом рассматривать право вне связи с нравственными и религиозными нормами он считал недопустимым.

Разделяя философию права В.С. Соловьева А.С. Яценко, отмечал, что «право есть определенно фиксированный заранее принудительный минимум нравственности» [10, с. 147]. Вслед за В.А.

Соловьевым он не противопоставлял и естественного права позитивному. «Естественное право есть лишь общая формула права, - отмечал он, - под которую подставляется реальное содержание каждого конкретного права», это «общая идея права» [11, с. 26]. Поэтому А.С. Яценко не разделял точки зрения, что определение права как минимума нравственности применимо только к естественному праву. «Право как минимум нравственности» - это «всякое право (естественное или положительное)» [11, с. 26].

Цель права - стремление к справедливости, а абсолютная справедливость возможна лишь в Царстве Божьем, и только божественный закон может предопределяет и развитие нравственности и эволюцию права.

Право, считал А.С. Яценко, «не может быть понято, как начало самостоятельное и отдельное от нравственности» [11, с. 15]. Право есть свобода, обусловленная равенством [11, с. 8]. При этом равенство в определении права и Соловьевым и Яценко понимались не как равенство субъективных права, а как «свободу ограниченную равенством» [11, с. 11]. Необходимо справедливое равенство, т.е. равенство в должном, - доказывал А.С. Яценко, - «а это уже входит в область нравственности» [11, с. 16].

По мнению В.С. Соловьева, которое разделял и поддерживал А.С. Яценко, - нравственность имеет ряд ступеней. «Всякое совершенство, как идеальная цель, - писал он, - может быть достигнуто только через последовательную работу, через постепенное «становление». Абсолютное и относительное в нравственности не противоположны, а свободно и полно сливаются в единую нравственную жизнь», поэтому право должно «прогрессивно приближается к нравственности» [11, с. 16].

Основные различия между моралью и правом Яценко ввел в следующем: во-первых, «нравственность не ограничена в своих требованиях, право – ограничено»; во - вторых, «право требует действительной реализации этого минимального добра, нравственность может оставаться только идеальным требованием»; в-третьих, «право, в отличие от нравственности допускает принуждение» [11, с. 17].

Вывод, к которому приходили два выдающихся мыслителя сегодня звучит как никогда актуально: право – «промежуточная область между идеальным добром и злою действительностью»; задача права – «это не немедленное осуществление Царства Божия, а предохранение общества от того, чтобы оно не превратилось в ад» [11, с. 17]. Между правом и нравственностью нет противоречий. Противоречия существуют между различными состояниями правового и нравственного сознания. Если законы противоречат требованиям морали, то «они противоречат и существенным требованиям права» [11, с. 17].

Список цитируемой литературы:

1. Гараева Г. Ф. Философия права методология обоснования нравственной природы права в синтетической теории права А.С. Яценко [Текст] / Гараева Г. Ф. // Сборник научных трудов международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы правовой политики». - М., 2014.- С.95-104.
2. Гусев Е.К. Анализ преемственности историософских воззрений ранних славянофилов и В.С. Соловьева: Дис. ... канд. филос. наук [Текст] / Гусев Е.К., Н. Новгород, 2004.- 146 с.
3. Захаров А.А. Историко-философская концепция В.С. Соловьева: Автореферат дис. ... д.ф.н. [Текст] / Захаров А.А – М., 1999. – 43 с.
4. Кондаков В. А. Право и нравственность в философских концепциях В. С. Соловьева и С. Л. Франка наук [Текст] /Кондаков В. А. // Духовные ценности и национальные интересы России. Тюмень, 1998. С. 30-34.
5. Макаров, Р. Н. Идея этико-правового синтеза в философии права А.С. Яценко : Дис. ... канд. филос. наук [Текст] / Р. Н. Макаров. – Тула, 2003. – 123 с.
6. Нравственные императивы в праве, науке, образовании и культуре. Материалы международного молодежного форума, проводимого по благословию митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна в 3 частях. Ч. 3. / Под ред. Е.В. Сафроновой. – Белгород: Издательство БУКЭП, 2013. – 335 с.
7. Попова А. И. Философия права В. С. Соловьева [Текст] / Попова А.И.// Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. XIX. Владимир Соловьев. М., 1996. С. 98-107.
8. Попова Е.А. Нравственно-правовой идеализм Владимира Соловьева: Дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Коломна, 2006. - 190 с.
9. Сафронова Е.В., Рутман В.Г. К вопросу о христианской философии права (из истории русской правовой мысли) [Текст] / Сафронова Е.В., Рутман В.Г. // Право.- М., 2013. – Т.1.- Вып. 6. – С. 293-299.
10. Яценко А. С. Философия права Владимира Соловьёва. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства [Текст] / А. С. Яценко: сост. А. П. Альбова. – СПб. : С.-Петербург. ун-т МВД.: Алетейя, 1999. – 252 с.
11. Яценко А.С. Философия права Соловьева [Текст] / А. С. Яценко. – С.-Петербург: Сенатская типография, 1912. – 43 с.

© А.Е. Кравченко.

	Aleksey Kuprin
Магистрант	Master student
Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина	Yelets State University, named after I. A. Bunin

1876-

CONSTITUTIONAL CRISIS 1876-1877 AS THE FINAL STAGE OF

Abstract: the article is devoted to one of the dramatic phases of U.S. history - constitutional crisis years 1876-1877 and analysis of its results.

Keywords: United States; the Constitution; the constitutional crisis.

В истории США, как и в истории многих других стран, очень много неприглядных моментов, способных подорвать веру общества в незыблемость ряда демократических ценностей и принципов. Таким, безусловно, драматичным является конституционный кризис, случившийся в Америке в период и после президентских выборов 1876 года. Этот кризис обнажил основные проблемы, сложившиеся в тот исторический период в США, и чуть ли не послужил причиной ещё одной гражданской войны.

Итак, окончание Гражданской войны в Америке 1861-1865 гг. ознаменовалось одним из величайших событий в её истории - внесением 13-ой поправки в Конституцию США, отменяющей рабство на всей территории Соединённых штатов:

«Section 1. Neither slavery nor involuntary servitude, except as a punishment for crime whereof the party shall have been duly convicted, shall exist within the United States, or any place subject to their jurisdiction.

Section 2. Congress shall have power to enforce this article by appropriate legislation».

«Раздел 1. В Соединённых Штатах или в каком-либо месте, подчиненном их юрисдикции, не должно существовать ни рабство, ни подневольное услужение, кроме тех случаев, когда это является

наказанием за преступление, за которое лицо было надлежащим образом осуждено.

Раздел 2. Конгресс имеет право исполнять настоящую статью путем принятия соответствующего законодательства» [1].

Сама война, по мнению многих ученых, была результатом столкновения интересов крупной промышленной буржуазии Севера, заинтересованной в расширении рынка труда, (их представлял ставший на выборах 1860 г. 16-м президентом США Авраам Линкольн) и представителей южной аристократии, отстаивавшей «священное право частной собственности». Вследствие острого кризиса, к тому времени уже сложившегося между двумя главными политическими силами - республиканцами (Север) и демократами (Юг) и невозможности найти компромисс по этому вопросу, в 1860 г., начиная с Южной Каролины и ряда штатов Юга, начался процесс рецессии и уже к 2 мая 1861 года образовался де-факто независимый союз рабовладельческих штатов - Конфедеративные штаты Америки.

Следует отметить, что вопрос рабства и работорговли вызывал споры ещё на заре американской государственности. Так, из проекта Конституции Томаса Джефферсона в процессе долгих обсуждений был изъята норма, осуждающая рабство и работорговлю в соответствии с просьбой, только примкнувшей в союз Джорджией, основу доходов которой занимал ввоз дешёвой рабочей силы. Вопросы, касающиеся рабства, так и не освещались в официальных документах.

По окончании Гражданской войны в южных штатах были проведены социально-экономические преобразования, получившие широкую известность под названием «Реконструкция Юга». По сути, гражданская война и последовавшая за ней реконструкция юга по своим общественно-политическим и экономическим последствиям стала для Америки второй буржуазной революцией [2, с. 147]. Для примера, к началу войны в 1860 г. из более чем 19 миллионов населения 15 рабовладельческих штатов около четырех миллионов было рабами [3, с. 490]. Таким образом, наделение этого населения экономической и политической самостоятельностью позволило бы существенно стимулировать производство, в первую очередь товаров народного потребления и лёгкую промышленность, проводить масштабные инфраструктурные проекты, такие как проведение Трансконтинентальной железной дороги, требующие огромные людских ресурсов.

Однако, несмотря на общую настроенность на активное внедрение и претворение в жизнь принципов и идей, заложенных Линкольном, пришедший ему на смену демократ Эндрю Джонсон, отражавший интересы наиболее консервативных кругов Севера, выбрал политику «мягкой реконструкции», при которой плантаторам юга вернули конфискованную в период войны собственность и

наделили политическими и экономическими правами чернокожее население, что по факту никак не влияло на их положение. В результате на Юге вспыхнуло сразу несколько крупных восстаний бывших рабов, не довольных отсутствием каких либо серьёзных изменений в их статусе [2, с. 149]. После череды политических скандалов и угрозы импичмента действующему президенту, большинство в Сенате получило радикальное крыло республиканской партии, настаивавшее на радикальной реконструкции, и в 1868 году была принята 14-ая поправка в Конституцию США, которая вошла в историю как самая прогрессивная за всю историю в истории американской демократии. Она не только провозгласила равенство всех граждан, но и предусматривала наказание для штатов (в частности бывших рабовладельческих) за оспаривание права собственности на рабов и нарушение этих предписаний, путём лишения представительства в высших органах государственной власти, а также ограничивала права занимать высшие государственные должности бывшим руководителям Конфедерации:

«Section 1. All persons born or naturalized in the United States01B5-3(a)n(s)88(d)

военную, на службе Соединённых Штатов или на службе какого-либо штата, если оно, приняв ранее присягу в качестве члена Конгресса или должностного лица Соединённых Штатов, или члена законодательного собрания какого-либо штата, либо исполнительного или судебного должностного лица какого-либо штата в том, что будет поддерживать Конституцию Соединённых Штатов, потом приняло участие в мятеже или восстании против Соединённых Штатов либо оказало помощь или поддержку врагам оных. Но Конгресс может двумя третями голосов каждой палаты устранить такое ограничение»[1].

Завершающей период реконструкции является принятая после долгих обсуждений и существенно урезанная по отношению к первоначальному варианту в 1870 году 15-ая поправка, запрещающая властям на всех уровнях ограничивать активное избирательно право населения по принципу цвета кожи или нахождении ранее в статусе раба, однако большинство чернокожих избирателей на Юге оказались фактически бесправными из-за новых регламентов и законов, включающих такие препятствия к участию в выборах, как избирательные налоги и дискриминационные тесты на грамотность, что не касалось белого населения[4].

Следует отметить, что неэффективность или медлительность в проведении Реконструкции юга, связана с ещё одним, очень интересным моментом в истории США, а именно кризисом в период выборов 1876 г. К середине 1870-х в рядах республиканской партии вспыхнул коррупционный скандал, ставший известным обществу благодаря кандидату от демократической партии Сэмюэлю Тилдону. Осознавая возможность потерять преимущество республиканской партии, действующий президент, герой гражданской войны, генерал Северян Уиллис Грант выдвигает никому не известного, но не замешанного в коррупционных скандалах губернатора штата Огайо Резерфорда Хейса. По итогам выборов за Тилдона проголосовал весь Юг и Нью-Йорк и Хейс официально признал поражение, однако после введения Грантом Федеральных войск в ряд Южных штатов и «пересчитывания голосов» победа на выборах была признана за Хейсом.

Это событие вылилось в крупнейший политический кризис со времён обстрела форта Самтер. Страна в феврале-начале марта некоторое время находилась на пороге возобновления Гражданской войны: Север (республиканцы) против Юга (демократы); стал популярен лозунг «Тилден или кровь».

Итогом стал компромисс 1877 г., который выразился в ряде уступок республиканской партии. Со стороны республиканцев взамен на признание результатов президентских выборов властями юга и уважение прав чернокожего населения обещалось выведение федеральных войск с территории трёх штатов, принятие законов

«Джимми Кроу», по сути прямо противоречащих 14 и 15 поправкам Конституции и представлявших собой ничто иное как расовую сегрегацию, действовавшую в пределах ряда штатов юга, а также проведение трансконтинентальной железной дороги по территории южных штатов.

Таким образом, период Реставрации юга завершился освобождением рабов юга, которые по факту не обладали никакими политическими или экономическими правами, в силу сложившихся условий. Америка получила миллионы свободных рабочих рук, не надо забывать и закон о гомстедах, позволивший распределить свободные земли на просторах фронта, что существенно стимулировало развитие фермерского хозяйства. По истине, гражданская война стала необходимой жертвой для слома архаичных принципов ведения хозяйственной деятельности и выведение её на качественно иной уровень. Нормативно-правовые акты, принятые в этот период, безусловно, были прогрессивны и демократичны, но преследовали сугубо материальные цели. Политическая власть в стране перешла к промышленной буржуазии Севера, которая не торопилась с принятием демократических законов в южных штатах, и не ставила это самой целью своей политики. Главная цель гражданской войны и реконструкции была выполнена - появление дешёвой рабочей силы, что предоставляло огромные возможности для развития внутреннего рынка и экспансии на рынок Континентальной Европы.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция США // <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm>.
2. История, география и культура стран изучаемого языка. М.: Евразийский открытый институт, 2011. 551 с.
3. История США. М.: Наука, 1983.
4. *Gillette William*. Fifteenth Amendment (Framing and ratification). Encyclopedia of the American Constitution, 1986.

© А.И. Куприн

	Olga Lavrishcheva
Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права	Candidate of Juridical Sciences, docent of the chair of theory and history of state and law
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина	Yelets state University I. A. Bunin

THE FUNCTIONAL NATURE OF CONSULAR IMMUNITIES AND PRIVILEGES

Abstract: the article considers the problem of determining the nature of consular immunities and privileges in different historical periods. Analysis of the doctrine of international law shows that there is no universal solution to the problem of functional immunity.

Keywords: consul, immunities, privileges, functional, representative, official duties.

До настоящего времени в доктрине международного права нет однозначного мнения по поводу признания представительного характера консульской деятельности. История развития консульского института во многом объясняет существующие различия в консульских иммунитетах и привилегиях по сравнению с дипломатическими. Дипломатические должностные лица действуют и на функциональной, и на представительной основе, за консульскими должностными лицами нередко отрицается представительный характер, считается, что они действуют только на функциональной основе. Однако в последнее время наблюдается тенденция к признанию представительных аспектов деятельности консульских учреждений. Тем не менее, определяющим в отношении консульских иммунитетов и привилегий остаётся функциональный подход, и это накладывает особый отпечаток на иммунитеты и привилегии консульских должностных лиц и на их отличие от дипломатических.

В международной доктрине сложилось два основных подхода в определении юридической природы и объёма консульских привилегий и иммунитетов. Первым по времени возникновения и классическим по принципу был и часто встречается до сих пор в западной доктрине международного права взгляд на консульское учреждение как на орган, существенно отличающийся по своим функциям от дипломатического представительства. Доктринальной основой для такого традиционного подхода в международном праве является представление о том, что в сфере консульских привилегий и иммунитетов действует теория функциональной необходимости.

Следует отметить, что первые исследования в области данного вопроса появились в Западной Европе. Зарубежная доктрина, сводившая вопрос о правовой природе консулов преимущественно к «представительству» и сравнению её с правовым статусом дипломата, выработала ряд противоречащих друг другу теорий. Так, в своей монографии Е.В. Сафронова [14, с. 37-40] выделила три основных направления, сложившихся в западноевропейской теоретической трактовке природы консульского права: доктрина отождествления статуса консула со статусом дипломата (сторонники данной концепции Г.Ф. Мартенс, А.К. Гефтер, Борель и др.); теория отрицания международного характера консульского представительства (наиболее ярким сторонником данной концепции являлся И. Блюнчли) и позитивистская теория консульского статуса (видными сторонниками её являлись Ф. Лист, Л. Оппенгейм, Д. Анцилотти, И. Клюбер и др.).

Видным сторонником позитивистской теории являлся профессор Берлинского университета Ф. Лист. В его труде, переведённом с немецкого языка на русский, «Международное право в систематическом изложении» [9, с. 242] роль консула и его положение определяются следующим образом: «Консулы, если им не вручено более широких полномочий, являются постоянными представителями назначившего их государства в его хозяйственных и особенно торгово-политических отношениях к государству, в которое они назначаются. Они являются служащими, а не представителями государственной власти своего государства и поэтому лишены “дипломатического характера”» [9, с. 106]. Преимущества и привилегии, на которые имеют право послы, им не принадлежат. Таким образом, подчёркивается основная мысль, что консульский представитель является официальным агентом, торговым и политическим, который, в силу выполняемых им функций, не имеет дипломатического статуса.

К этой точке зрения примыкают и взгляды Л. Оппенгейма. Он сделал вывод, что «консулы не пользуются статусом дипломатических представителей, так как ни одно государство не предоставляет

консула к дипломатическому представителю. Они отмечали, что в широком смысле его работу часто считают работой дипломата, но формально в состав дипломатического корпуса он не входит и политических сношений с иностранными государствами без особых полномочий вести не может [1, с. 217]. «Консул, – писал И.П. Блищенко, – это официальное должностное лицо, состоящее на дипломатической службе, представляющее своё государство, но не являющееся дипломатом в полном смысле слова, хотя и выполняющее определённые политические функции» [1, с. 249].

Достаточно близкой позиции придерживался К.К. Сандровский. Он полагал, что консульства «обладают представительным характером, выступают от имени государства в целом и являются одним из видов представительств данного государства за рубежом», но «в отличие от посольств и миссий, они не обладают качеством универсального представительства государства за рубежом, а действуют, как правило, в сфере, не затрагивающей собственно политические аспекты отношений с государством пребывания, которыми занимаются посольства и миссии» [13, с. 282]. Сандровский К.К. рассматривал консульства как государственные органы внешних сношений.

Некоторые отечественные исследователи (Н.Г. Зубков, Н.Ш. Блинков, Ю.Д. Ильин и др.) отмечали тенденцию сближения и даже слияния консульской и дипломатической служб. В результате этого, в советской доктрине появились обоснования для отказа от функционального подхода в определении объёма консульских иммунитетов. Ю.Г. Дёмин в своей работе, посвящённой проблеме служебного иммунитета в международном праве, высказал мысль о необходимости отказа «от использования служебного иммунитета как не только несовершенного с правовой точки зрения, но и таящего потенциальную опасность возникновения конфликтных ситуаций в международных отношениях» [3, с. 213-214]. Он пришёл к выводу, что невозможно чётко определить границы служебного иммунитета, а отсутствие универсального решения проблемы его определения породило тенденцию замены «служебного иммунитета дипломатическим» [3, с. 214]. Вместе с тем он подчеркнул, что проводимая Советским Союзом и другими социалистическими государствами «линия на уравнивание консульских иммунитетов и привилегий с иммунитетами и привилегиями дипломатических работников отражает устойчивое направление развития консульского права» [3, с. 214]. Однако отечественные исследователи стали отказываться от теории признания представительного характера консульских органов. И.И. Лукашук отмечал, что консульские отношения «представляют собой международные административно-правовые отношения, предназначенные для защиты прав и интересов физических и юридических лиц одного государства на территории

другого. Этим они отличаются от дипломатических отношений, которые носят представительный, политический характер, являясь формой взаимодействия государств» [10, с. 57]. Вследствие этого изменилось и отношение к идее сближения консульских и дипломатических иммунитетов и привилегий. Б.В. Ганюшкин писал, что «нельзя согласиться и с утверждениями о существовании тенденции сближения консульских привилегий и иммунитетов с дипломатическими. О наличии такой тенденции можно говорить со значительной долей условности применительно к конвенциям, действовавшим в отношениях между бывшими социалистическими странами», в целом же «в практике нашего государства, – указывал Б.В. Ганюшкин, – никогда не было и сегодня нет ни одной консульской конвенции, в которой привилегии и иммунитеты консульств и их персонала по своему содержанию и объёму полностью совпадали бы с дипломатическими привилегиями и иммунитетами» [2, с.170-171].

Теория функциональной необходимости прослеживается и в Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г., в которой закреплено такое понимание юридической природы консульских привилегий и иммунитетов – привилегии и иммунитеты консульских учреждений и консульских должностных лиц носят функциональный характер.

Действительно, представительная функция у консульских учреждений выражена менее ярко, тем не менее, вообще игнорировать представительную теорию применительно к консульским учреждениям было бы принципиально неверно. Именно поэтому более правильным, соответствующим потребностям современной консульской практики и прогрессивного развития консульского права, является второй подход, суть которого сводится к тому, что консульские привилегии и иммунитеты значительно приближены к дипломатическим, что находит свое международно-правовое закрепление во многих двусторонних консульских конвенциях, заключаемых государствами.

В настоящее время в доктрине международного права широко распространено мнение о необходимости использования теории функциональной необходимости и представительной теории в комплексе. Таким образом, речь идет о так называемой «комбинированной теории». Более подробно хотелось остановиться на проблеме определения функционального иммунитета. И здесь возникают трудности в уяснении таких вопросов, находилось ли консульское должностное лицо в момент преступления при исполнении своих служебных обязанностей или нет, правомочно ли государство пребывания привлекать его к ответственности и в соответствии с какой процедурой.

По мнению Ю.Д. Ильина, государство пребывания не может с уверенностью знать, когда должностное лицо действует фактически как орган своего государства и остаётся в рамках своей компетенции, а когда её нарушает [5, с. 137]. Это утверждение свидетельствует о том, что государство пребывания не в состоянии установить случаи, при которых его юрисдикция распространяется на действия консульского должностного лица. В связи с этим Ю.Д. Ильин, утверждает, что консульское должностное лицо, пользуясь иммунитетом при выполнении служебных обязанностей, теряет всякий смысл. Кроме того, он предлагает отказаться от возможности распространения юрисдикции государства пребывания на консульское должностное лицо, выдвигая спорное, на наш взгляд, утверждение о том, что государству пребывания «значительно выгоднее не прекращать в силу судебного решения или иным способом консульский статус лица, а добиваться возмещения от представляемого государства, которое или возместит таковой или откажется от иммунитета своего должностного лица» [5, с. 141].

О возможности применения к консульским должностным лицам служебного иммунитета указывал известный буржуазный юрист Л. Оппенгейм ещё в 1949 году в работе «Международное право». Он отмечал, что согласно общераспространенной практике консулы не подлежат ответственности «за свои действия, совершенные при исполнении служебных обязанностей от имени своего государства, если такие действия входят в сферу консульских функций, предусмотренных международным правом» [11, с. 370].

Более точное понятие служебного иммунитета было сформулировано советским учёным, кандидатом юридических наук Ю.Г. Дёминым в статье «О проблеме служебного иммунитета в международном праве». Он отмечает, что предоставление служебного иммунитета означает, «что лицо, обладающее им, освобождается от уголовной, гражданской и административной юрисдикции государства пребывания в отношении действий, совершаемых при исполнении служебных обязанностей. Если же правонарушение совершено не при исполнении служебных обязанностей, данное лицо может быть привлечено к ответственности» [4, с. 204]. Это значит, что консульские должностные лица наделены иммунитетами, которые носят функциональный, служебный характер.

При этом необходимо обратить внимание, что Ю.Г. Дёмин пытается раскрыть понятие «служебный иммунитет» путём формулировки понятия «служебная обязанность». В своей статье он указывает, что понятие «действия, совершенные при выполнении своих обязанностей» шире понятия «действия, совершенные при выполнении своих функций», а те в свою очередь шире понятия «официальные действия, совершенные при выполнении своих функций» [4, с. 205]. Тем самым он приходит к выводу, что проблема

служебного иммунитета заключается в неопределенности понятия «служебные обязанности».

Понятие «служебной обязанности» пытался раскрыть и американский юрист Л. Ли. Он придерживался точки зрения, согласно которой термин «служебные обязанности» не включает всех действий, совершенных сотрудниками вооруженных сил в период пребывания на службе, но предполагает только такие действия, которые должны совершаться как функция обязанностей, выполняемая отдельными лицами» [4, с. 206]. Тем самым, Л. Ли выдвинул положение, которое можно рассматривать применительно и к консульским должностным лицам, но только как один из критериев для определения понятия «служебные обязанности».

Интересную классификацию служебных обязанностей предложил английский юрист М. Харди. Все действия лица, пользующегося служебным иммунитетом, он подразделил на три вида: непосредственно официальные служебные действия; действия, которые производны от предыдущих и тесно с ними связанные; действия, которые совершаются при исполнении служебных обязанностей в широком смысле слова [4, с. 206]. Для того чтобы определить, относятся ли действия к понятию «служебной обязанности», он предлагал использовать тест «функциональной необходимости». Это означает, что в отдельном конкретном случае нужно оценивать совершаемые действия с точки зрения их необходимости для надлежащего выполнения официальных функций.

Советские авторы подходили к проблеме служебного иммунитета путём установления круга преступлений, которые заведомо связаны либо не связаны со служебными обязанностями. Так, В.И. Лисовский в работе «Международное право» указывает, что консульские должностные лица по делам о должностных преступлениях освобождаются от местной юрисдикции, как уголовной, так и гражданской. Должностными преступлениями считаются лишь такие действия должностного лица, которые совершаются им в связи с исполнением определенных служебных обязанностей либо осуществлением предоставленных им прав и полномочий по службе [8, с. 233]. Этот подход, хотя и не решает в полной мере проблему служебного иммунитета, однако может быть полезен при рассмотрении конкретных ситуаций.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Анализ доктрины международного права показывает, что до настоящего времени отсутствует универсальное решение проблемы функционального иммунитета. На наш взгляд, универсального решения данной проблемы быть не может. Во-первых, существует множество разнообразных правонарушений, совершаемых консульскими должностными лицами при исполнении служебных обязанностей. Во-вторых, отсутствует исчерпывающий

законодательно закрепленный перечень служебных обязанностей каждого должностного лица, пользующегося служебным иммунитетом. В-третьих, не выработаны чёткие критерии, которые позволяли бы однозначно определить, было или не было данное лицо в момент совершения правонарушения при исполнении своих служебных обязанностей.

Необходимо иметь ввиду, что с учётом новых явлений в области консульских привилегий и иммунитетов, функциональная теория не соответствует современной тенденции расширения объёма консульских привилегий и иммунитетов, которые необходимы для обеспечения эффективного осуществления консульскими должностными лицами своих функций. Таким образом, при определении объёма консульских привилегий и иммунитетов было бы целесообразно исходить не только из функциональной теории, но и представительной, так как консульские учреждения, как и дипломатические представительства, являются зарубежными органами государств и выполняют функции от их имени.

Список цитируемой литературы:

1. Правовая организация внешних сношений государств: дис. канд. юр. наук. М., 1964.
2. Правовое положение консульств и их персонала // Московский журнал международного права. 1999. № 3.
3. О проблеме служебного иммунитета в международном праве // Советский ежегодник международного права. 1988. М., 1989.
4. Основные тенденции в развитии консульского права. М.: Юрид. лит., 1969.
5. . Введение в курс международного права. Одесса: Экономическая типография и литография. 1901.
6. . Советская доктрина о характере консульской службы и правовом статусе консула // Современное право. 2009. № 11.
7. Международное право». М.: Высш. шк., 1970.
8. . Международное право в систематическом изложении / Сокр. пер. Ф. Листа, переработанный и значительно дополненный В.Э. Грабарем. М.: Государственное издательство, 1926.
9. . Международное право. М.: Изд-во иностр. лит., 1949. Т.1.
10. Посольское и консульское право. М.-Л.: Государственное издательство, 1930.
11. К. Право внешних сношений. Киев: Вища школа, 1986.
12. Становление и развитие консульской службы Российской империи в XVIII-начале XX. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.

© О.А. Лаврищева

ГРНТИ 10. 85.45
УДК 343.985

	Vadim Lanovoy
Старший дознаватель ОД ОМВД России по Труновскому району Ставропольского края, адъюнкт	Senior investigator OMVD of Russia on Trunovskiy district of the Stavropol region, adjunct
Белгородский юридический институт МВД России	Belgorod law Institute

XIX

XIX

TO THE QUESTION ABOUT THE CONCEPT OF "STATE" IN THE DOMESTIC LEGAL THE DOCTRINE OF THE XIX CENTURY

Abstract: the article deals with the concept of the state in legal doctrines in Russia in the 19th century, reveals the essence of the state as a politico

комплекса проблем, связанного с понятием государство. Так как в нашей стране на протяжении существования СССР в отечественной правовой доктрине марксистское понимание государства как организации политической власти с антагонистических классовых позиций признавалось единственным правильным и незыблемым. «Государство, - утверждал Ф.Энгельс, - есть ни что иное, как машина подавления одного класса другим» [2, с. 200-201]. Такой подход в известной мере обеднял и искажал представления о государстве, содержал упрощенное и одностороннее понимание его сущности и социального предназначения. Именно сейчас актуально изучение отечественных правовых доктрин дореволюционной России, так как в современных условиях реформирования государства возрастает значение правильно выбранных юридических форм для понимания его сущности, так как последние придают существованию государства легитимный характер.

В начале 19 века России часть государственных и политических преобразований характеризуется реформами Сперанского М.М. «Со времен Ордина-Нащокина у русского престола не становился другой такой сильный ум, - писал В.О. Ключевский, - после Сперанского, не знаю, появится ли третий»[3].

М.М. Сперанский написал целый ряд произведений, посвященных устройству государственной власти в России. Наиболее подробно его мысли изложены во "Введении к Уложению государственных законов" (1809 г.). Сперанским М.М. высоко ценилось на его взгляд прогрессивное развитие западных правовых систем. В своих работах он указывал, что деятельность англосаксонских правовых учреждений основывается на высоком национальном правосознании. В Европе давно господствует принцип неприкосновенности личности, свобода слова, хорошо организовано местное самоуправление. Эти основы Сперанский М.М. считал необходимым ввести в народную жизнь, народ и правительство ещё должны понять их и сделать неотъемлемым для всего бытия [4, с. 87]. Сперанский М.М. формирует понятие «истинная монархия», раскрывающее сущность государства, поясняя, что верховная власть в лице монарха обязана предоставить политические и гражданские права своим подданным. Однако такие перемены должны были произойти не посредством социальных потрясений, а через легитимное законодательство, жалованное императором народу. В основе государства Сперанского М.М. лежат два начала. Первое - это принцип законности. Он предлагал сделать законодательство «коренным», т.е. не преступным для всех. Подразумевая, что в основе формулировки юридических норм лежит воля народа, обращенная к правительству. В данном случае закон, является «первым источником силы правительства» [5, с. 226]. Общество, по мнению Сперанского М.М. существовало раньше появления государства. Слияние воли

отдельных личностей в обществе составляет сущность государственной власти. Таким образом, Сперанский формулирует второй принцип «истинной монархии», который заключается в разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную. То есть институт государства по Сперанскому М.М. организуется на принципе разделения властей, которые в свою очередь реализуются на основании законов и правового порядка. Но он не полагался на одни изменения в законодательстве. В правовом понимании сущности государства и управления им Сперанский М.М. учитывал социально – психологические аспекты, считая, что в отдельности каждый человек имеет присущие только ему волю, закон и исполнение. В государстве Сперанского М.М. права и свободы граждан обеспечиваются концепцией, состоящей из двух пар категорий: рабство политическое и свобода политическая и рабство гражданское и свобода гражданская [6, с. 53]. Под политической свободой понималось подчинение всех и каждого законам, а также возможность участия в действиях законодательной и исполнительной власти. Под политическим рабством подразумевалось подчинение абсолютной воле меньшинству. Гражданское рабство рассматривалось как классовое подчинение одного класса «в повинностях личных или вещественных» другому, а гражданскую свободу как основанную на законе независимость друг от друга всех сословий и групп в обществе [7]. Таким образом, сущностью государства по Сперанскому является прогрессивно развивающееся единство законодательной, исполнительной, судебной властей, источником которых является гражданское общество. Право закрепляет конституирующую роль личности и народа по отношению к государству.

По другому характеризует государство представитель славянофильства Хомяков А.С. Его юридическая философия проводит четкую границу между обществом и государством, потому что славянофильство общественная, а не государственная идеология. В основе государства лежит идея живого общественного организма, а не обезличенного, мертвого государственного механизма. Представителем общественности является сам народ, а не его представители в лице отдельных лиц и общественных учреждений. Сама идея царя у славянофилов — не государственная и даже антигосударственная. Хомяков А.С. выражая русский национальный дух относился к государственной власти по своему анархично, считая, что народ не любит политической власти и отказывается от политической мощи. Религиозность как часть культуры требует освобождения от политического властвования, от бремени государственного управления. Хомяков А.С. отрицает юридические гарантии, отвергает всякий формализм, считая, что они нужны лишь в отношениях между агрессорами и побежденными. Но они не нужны

там, где государственная власть органическая по природе, и народная, по своему происхождению. По мнению Хомякова А.С., власть в государстве изначально принадлежит народу, но народ не любит власти, отрицает ее и не хочет властвовать, понимая власть не как право, а как обязанность. Поэтому русский народ вручает своему избраннику царю «всю власть, какую облечен был сам, во всех её видах. В силу избрания, Государь стал главою народа в делах церковных, так же как и в делах гражданского управления» [7, с. 36]. Хомяков А.С. считал, что власть царя — обязанность, долг, тягота, подвиг, а не привилегия, не право. Он проводит черту между понятиями самодержавие и абсолютная власть монарха. «В границах всенародных понятий царь полновластен; но его полновластие (единовластие) — самодержавие — ничего общего не имеет с абсолютизмом западно-кесарского пошиба. Царь есть «отрицание абсолютизма» именно потому, что он связан пределами народного понимания и мировоззрения, которое служит той рамой, в пределах коей власть может и должна почитать себя свободной» [9, с. 11-12]. Самодержавная власть, по мнению Хомякова А.С. является «носителем народной тяготы» [9, с. 57]. Самодержавная монархия Хомякова А.С. своеобразная сущность государства народной воли. Самодержавие не может быть насилем над волей народа, так как само является выражением его воли. Государство создает сам народ. Таким образом, Хомяков А.С. в самодержавии видит лучшую и единственную форму государственного устройства, способного полностью обеспечить функционирование общественного организма на основе естественно – правовых норм.

Во второй половине 19 века понимание сущности государства формирует новая плеяда ученых, воспитанных на взглядах славянофильства и современной западной философии. Например, Чичерин Б.Н., который изначально стоял на позициях славянофильства, и в последствии работал над теорией государства и права с позиции философии Гегеля. Чичерин Б.Н., используя принципы априоризма, автономных начал и индивидуализма подошел к пониманию сущности государства. Чичерин Б.Н. считал, что идея государства осуществляется постепенно во всемирной истории. Для каждого исторического периода (Древнего мира, Средние века, Новое время) характерно различное понимание сущности государства с различных идеологических и правовых точек зрения во всех его ипостасях. Он считал, что исторически высшей ступенью и наиболее разумной формой в развитии идеи государства является конституционная монархия, где монархическое начало устраивает политический организм, независимый от частных интересов, родов и сословий. Необходимость монархического правления в России Чичерин Б.Н. связывал с неразвитостью общественных связей, низким уровнем правосознания и самоорганизации населения. Общественное

устройство в России «получило бытие от государства» [10, с. 114]. Усиленную роль государственной власти в организации функционирования социальных процессов Чичерин Б.Н. объяснял неблагоприятными географическими и геополитическими факторами. Он отмечал, что «громкость государства, скудость народонаселения, однообразие условий, земледельческий быт, трудность сношений с Европою и доступность азиатским ордам в высшей степени затрудняли внутреннее объединение народа и развитие в нем самостоятельности. Восполнить эти недостатки могла только крепкая власть, которая, стоя на вершине, давала единство государству и направляла общественные силы» [10, с. 117]. Демократические преобразования в обществе, введение в стране политических и гражданских свобод, формирование представительных учреждений, по его мнению, должны осуществляться государством посредством постепенных либеральных реформ «сверху». В своей политико – правовой теории Чичерин Б.Н. не давал одного четкого понятия государства, так как считал, что различные формы государства зависят от соответствующих социально – исторических условий. Работа государственного механизма по Чичерину основывается на принципе разделения властей. В данном случае монархия представляет начало власти, народ или его представители — начало свободы, аристократическое собрание — постоянство закона. Своей философией права, либеральной концепцией государства и права, защитой свободы личности, критикой юридического позитивизма Чичерин Б.Н. внес существенный вклад в развитие учения о государстве в Российской правовой доктрине. Сперанский М.М., Хомяков А.С. и Чичерин Б.Н. рассматривали сущность государства с позиции понимания его типологии и формы.

Другой точки зрения придерживался профессор Коркунов Н.М. Он придерживался социально – психологического толкования права и государственной власти. Государство по Коркунову Н.М. это не политический институт, а юридическое отношение властвования, в котором субъектами права являются все участники государственного общения, а объектом служит государственная власть как предмет пользования и распоряжения. Власть основывается не на чьей-либо воле, а на коллективном сознании людей, на их психологическом единении. Он отмечал, что «власть есть сила, обусловленная не волей властвующего, а сознанием зависимости подвластного» [11, с. 255-256]. В основе состояния постоянного властвования считает Коркунов Н.М. лежит добровольное подчинение. И властвование как юридическая деятельность в совокупности с подчинением образует понятие государства как «общественного союза свободных людей с принудительным мирным порядком посредством предоставления исключительного права принуждения только органам государства»

[11, с. 257-258]. Но такое определение идет в разрез с общепринятым пониманием такого признака правового государства как принцип разделения властей. Коркунов Н.М. поясняет, что сущность разделения власти заключается в «надлежащем распределении функций властвования» [11, с. 260]. Таким образом, как объект правоотношения, единство власти как сила, делает возможным только лишь разделение распоряжения государственной властью. Коркунов Н.М. выступал за правовое государство, считая такие институты как народное представительство, ответственность правительства перед парламентом второстепенными факторами. Он считал, что гарантию законности может обеспечить судебный контроль, обеспеченный изданными государственными органами юридическими нормами. В своем понимании сущности государства Коркунов Н.М. игнорировал его основные элементы: территория, население, суверенитет. По мнению Шершеневича Г.Ф. «юридическое определение не только не способно объяснить реального существа того, что мы называем государством, но оно кроет в себе опасность затемнить пред нами истинную сущность явлений, происходящих в государстве» [12, с. 199-205]. Он говорил, что «понятие о государстве только одно – социологическое» [12, с. 199-205]. И в некотором смысле Шершеневич Г.Ф. прав, давая очень короткое определение государству. Он считал, что «Государство — союз людей, осевших в известных границах и подчиненных одной власти» [11, с. 199-205].

Несмотря на разнообразие и особенности учений о государстве в российской политико-правовой доктрине 19 века, все они, несомненно, представляют ценность для современной юридической науки. Упомянутые в статье авторы, отражая многовековой опыт развития государства и права, сходятся в понимании сущности государства как института социального компромисса и достижения общего блага. Однако данный подход несколько односторонен, так как отражает только лишь общесоциальную и общечеловеческую сторону. Но государство в своей деятельности охватывает два момента: выполнение общих дел, вытекающих из самой природы общества, и специфические функции, имеющие классовую природу. Поэтому изучение политико-правового наследия прошлого позволит избавиться от односторонней оценки сущности государства, понимания как единство все его ипостаси.

Список цитируемой литературы:

1. «Государство» и «государственность»: проблема терминологического соотношения и определения История государства и права. – 2014.- № 22.- С. 42-48.

ГРНТИ 10.01.45
УДК 34.09.

	Aleksey Liventsov
Ассистент кафедры административного и международного права, аспирант	Assistant to department of administrative and international law, graduate student
Белгородский государственный национальный исследовательский университет	Belgorod State National Research University

PROBLEM OF HUMANITARIAN INTERVENTION IN THE CONTEXT OF CIVIL WAR IN LIBYA

Abstract: this article considers the doctrine of humanitarian intervention in system of modern international law on the example of war in Libya as special case of its embodiment in practice. Keywords: humanitarian intervention, international security, sovereignty, human rights, UN Security Council.

Гуманитарная интервенция, не имеющая буквального легального закрепления в общепризнанных международных документах, является понятием сугубо доктринальным и поэтому трактуется крайне широко: это вмешательство неких внешних сил – одного государства, нескольких или же мирового сообщества в целом под эгидой и в лице ООН – для совершения ряда действий: от предотвращения гуманитарных катастроф (например, геноцида) до защиты абстрактных прав граждан страны либо иностранцев. Проблема практической реализации «гуманитарной интервенции» и её легитимации во многом обосновывается своеобразными противоречиями основных международных соглашений – таких как Устав ООН и Всеобщая декларация прав человека. Согласно принятому в 1945 году Уставу (часть 7 статьи 2) [1, с. 15] ООН не правомочна вмешиваться в дела "по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства". Однако

международное сообщество имеет право на проведение в числе возможных мер и военных операций если налицо «существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии» (часть 1 статьи 1, статья 39) [1, с. 27]. Следует оговорить, что такие действие должны применяться, во-первых, коллективно, во-вторых, при невозможности эффективного применения иных мер. Только в этом случае Совет Безопасности ООН может разрешить международную военную операцию, причем ее должен возглавлять Военно-штабной комитет СБ ООН (который на сегодняшний день функционирует лишь формально), а не НАТО или какой-либо иной военно-политический блок (статья 46) [1, с. 33].

Неудивительно, что сторонники современных «гуманитарных интервенций» предпочитают апеллировать не к Уставу ООН, а, в частности, к принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году Всеобщей декларации прав человека, в преамбуле которой подчеркивается, что государства-члены ООН «обязались содействовать, в сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций, всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод» [2]. Однако это также весьма вольное толкование, так как при этом статья 8 относит восстановление нарушенных прав граждан к компетенции национальных судов. На этом основании один из ведущих американских специалистов по международному праву, профессор Чикагской школы права Джек Голдсмит, мягко говоря, расплывчато оценивал правомерность натовских бомбардировок Югославии 1999 года [3]. По его словам, критики бомбардировок имеют «весьма веские аргументы», однако «многие полагают», что исключительный характер «гуманитарных интервенций» определяется «практикой и обычаями». Западные теоретики концепции гуманитарной интервенции, ссылаясь на то, что с момента принятия Устава ООН было более десятка случаев применения силы под "гуманитарными" предложениями без соответствующей санкции Организации Объединённых Наций, делают вывод, что таковые действия "были, видимо, сочтены международным сообществом дозволительными или, в крайнем случае, были встречены им лишь с приглушенным несогласием" [4].

Поэтому лейтмотивом нынешнего толкования основополагающих международных документов могут служить слова Ханса Корелла - бывшего заместителя Генерального секретаря ООН по юридическим вопросам – о его видении проблемы гуманитарной интервенции: "Я уверен, что члены Совета Безопасности согласятся, что в подобных ситуациях они должны будут поступать таким образом, который будет вызывать доверие, иначе они могут не оставить другим иного выбора как действовать по собственной инициативе, игнорируя букву Устава ООН. И будут ли их действия, при условии, что они будут соразмерными, выглядеть в глазах

мирового общественного мнения как нарушение духа Устава? Я думаю, что не будут!" [5].

Гуманитарная интервенция – явление, конечно, далеко не новое, и тем более не нова его произвольная трактовка при воплощении в жизнь, на практике имеющая мало общего с высокими идеалами гуманизма. В частности, под предлогом защиты прав своих подданных Великобританией и Францией были развязаны Первая и Вторая Опиумные войны, имевшие катастрофические последствия для тогдашнего населения Китая. Справедливости ради стоит отметить - фактически до 1945 года не существовало общепризнанного корпуса международных соглашений, ограничивающих подобную деятельность. Однако трудно сказать, что на сегодняшний день ситуация в этом плане изменилась в лучшую сторону. Концепция глобального однополярного мира диктует свои правила, поэтому неудивительно, что "соблюдение и защиту прав человека в самом широком смысле этого слова можно доверить только либерально-демократическим государствам"; при этом "для решения определенных краткосрочных задач... в ограниченных областях" могут быть задействованы силы "далеко не либеральных демократий" – поясняет американский теоретик международной безопасности Ричард Коэн, предлагая, таким образом, свое своеобразное понимание реализации принципа политического плюрализма, столь значимого для цивилизованного мира [6, с. 10 - 12, 15 - 16.].

Как дальнейшее развитие этой идеи выступает инициация извне и последующее мастерское их использование разного рода народных волнений, многократно отработанная технология «бархатных» и подобных им революций. Суть их сводится к переходящему в максимально острую фазу противостоянию существующей власти и по каким-то причинам недовольному ей сегменту общества (как правило, ничтожному по отношению к общей массе населения), после чего данный сегмент начинает рассматриваться мировым сообществом как основной носитель легитимности в стране. Таким образом, возникает своего рода запал войны, троянский конь иностранного вторжения. Подобная система на наших глазах уже разрушила множество режимов национальных государств, начиная от стран бывшей Организации Варшавского Договора и кончая Ливийской Джамахирией.

Все районы «гуманитарного вмешательства» Запада объединяет их геополитическая значимость, в том числе наличие энергоресурсов. Ливия, в частности, занимает первое место в Африке по разведанным объемам запасов нефти и газа, и как раз незадолго до начала нынешней военной операции Муаммар Каддафи предпринял ряд мер по ослаблению позиций иностранных компаний на национальном нефтяном рынке. Это дает основания многим экспертам

охарактеризовать операцию западной коалиции в Ливии не как «гуманитарную интервенцию», а как «нефтяную войну».

Приходится констатировать: суверенитет государства на сегодня является не священной и неприкосновенной твердыней, а разменной монетой в реализации чьих-то наднациональных интересов – и зачастую, довольно близоруких. Фактически, легальность и легитимность правящих режимов определяется (в том числе и высшими межнациональными органами – Организацией Объединенных Наций и её Советом Безопасности) по большому счету выборочно. Режим Каддафи, с 1969 года, де-факто управлявшего страной, в 2011 году в одночасье был признан нелегитимным, а, следовательно, незаконным и преступным. Своей Резолюцией № 1973 [7]. Совет Безопасности ООН под давлением НАТО фактически санкционировал иностранное военное вмешательство, хотя формально декларировал немедленное прекращения огня и насилия в отношении мирного населения в Ливии (не уточняя, правда, с чьей подачи это насилие началось). Вызывает определенное сомнение тот факт, что население Ливийской Джамахирии, сделавшее при Каддафи гигантский скачок из Средневековья к цивилизованной жизни, имевшее одно из лучших, если не лучшее в мире социальное обеспечение, наконец, просто ставшее народом из колониального человеческого материала, вдруг массово хлынуло на борьбу с ненавистным режимом. Однако, как, впрочем, и в случае с распадом Советского Союза, а потом и Югославии демократическое международное сообщество сочло мнение народа необъективным.

Конечно, тому были объективные причины. Ведь «Ливия – это богатейшая страна, и от того, что будет происходить на ее территории с энергоструктурой, будет зависеть во многом и уровень потребления, к которому так привыкли в западных странах. Поэтому этим вопросом Запад рисковать не может. Уровнем своего аппетита никогда он торговаться не собирался» - пояснил постоянный представитель России при НАТО Дмитрий Рогозин [8]. Как заметил в свое время Владимир Ильич Ленин, политика – это концентрированная экономика, и нет ничего удивительного в том, что экономика общества потребления для поддержания своего полнокровного существования изыскивает и реализует соответствующие политические демарши.

Возникает отчетливая параллель с Мюнхенским сговором 1938 года, когда европейские державы под влиянием ряда причин поддались давлению нацисткой Германии и не предприняли серьезных и решительных действий для защиты суверенитета Чехословакии. Хорошо известно, какие это повлекло последствия, в том числе и для стран-участников этого соглашения. Фактически, ООН сегодня повторяет судьбу Лиги Наций, теряя роль международного арбитра. Размещение на долгосрочной основе

многонациональных контингентов, действующих под эгидой Североатлантического альянса, позволит Брюсселю обойти единственное ограничение, которое наложил на операцию в Ливии Совбез ООН. В резолюции № 1973 [9] говорится о возможности применения против режима Каддафи всех необходимых мер, за исключением «оккупации». Перевод воздушной операции в плоскость многонациональной миссии на практике будет означать, как показывает пример Косово, именно наземную оккупацию, однако осененную миротворческими лозунгами. Подобный сценарий США, Великобритания и другие западные державы реализовали также в Афганистане и Ираке. Во всех этих районах и сегодня сохраняется военное присутствие, никак не ограниченное со стороны ООН. Как отмечают многие эксперты, речь идет о попытках если не де-юре, то де-факто обойти ООН, объявив односторонние интервенции «не соответствующими правовым нормам, но легитимными» [10, Р.23]. Более того, как писал (еще касательно интервенции в Югославию) один из американских экспертов, "НАТО начала свою операцию, обосновывая ее проведение необходимостью срочного гуманитарного вмешательства, так как некоторые страны считали, что Совет Безопасности ООН не обладал достаточной легитимностью для того, чтобы санкционировать гуманитарное вмешательство, так как он не был коалицией либерально-демократических государств"[11,с.61]. Такие реалии сегодняшних дней позволяют видному британскому исследователю Айдану Хехиру утверждать, что «призывы к гуманитарной интервенции ставят под сомнение саму основу международной системы» – в первую очередь в таких ее областях, как права человека, государственный суверенитет, международная законность и функции ООН как источника международного права [12, Р. 3 – 4].

Таким образом, в контексте легализации и легитимации гуманитарных интервенций просматривается комплексная неустойчивость существующей на сегодняшний день системы международно-правовых отношений

В связи со всем вышеперечисленным возникает вопрос: почему высшее руководство Российской Федерации (которая, будучи правопреемницей СССР – одного из основателей ООН и постоянного члена его Совета Безопасности, по факту своего существования и исторической миссии обязана по мере возможностей выступать гарантом мира и безопасности человечества) заняло пассивную позицию и не применило свое право вето в Совете Безопасности ООН, а в последующем пошло и на ряд санкций в отношении национального режима Ливии? Вряд ли такая линия поведения поспособствует геополитическому усилению России и еще более сомнительно, что она позволит укрепить её международный авторитет. У автора нет объяснений такой расстановке приоритетов в

государственной внешней политике, остается надеяться, что они есть у руководства страны. Ведь то, каким мир и наша страна в нём будет завтра - решается сегодня.

Список цитируемой литературы:

1. Устав Организации Объединенных Наций (принят в Сан-Франциско 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1956. Вып. XII. С. 14 – 47.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. 5 апреля. № 67.
3. The New York Times, 27.03.1999.
4. *Wheatley S.* Chechnya and Humanitarian Interventions // *New Law Journal*. 2000. 14 January.
5. Address by Mr. Hans Corell, Under-Secretary General for Legal Affairs, the Legal Counsel of the United Nations at the Canadian Council of International Law 1999 Annual Conference "From Territorial Sovereignty to Human Security", Chateau Laurier Hotel, Ottawa, Friday, 29 October 1999. P. 9.
6. Безопасность на базе сотрудничества: от индивидуальной безопасности к международной стабильности // Безопасность на базе сотрудничества: новые перспективы международного порядка. Гармиш - Партенкирхен, 2001. Центра им. Маршалла. Публикация № 3.
7. ¹ S/RES/1970 // <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/>.
8. : В Ливии мы видим конфликт отцов и детей // <http://www.vesti.ru/doc.html?id=432402&cid=520>
9. S/RES/1973 // <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/>.
10. *Nardin T.* The Moral Basis of Humanitarian Intervention // *Just Intervention*. Washington, 2003.
11. Безопасность на базе сотрудничества: от теории к практике. В сборнике: "Безопасность на базе сотрудничества: новые перспективы международного порядка". Гармиш - Партенкирхен, 2001. С. 61.
12. *Hehir A.* Humanitarian Intervention After Kosovo...

© А.А. Ливенцов

ГРНТИ 10.01.45
УДК 34.09.

	Alexey Osavelyuk
д.ю.н., профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права	doctor of legal Sciences, Professor, Professor of Department of constitutional and municipal law
Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)	Moscow state legal University. O. E. Kutafin (MSAL)

PLACE OF INTERNATIONAL AGREEMENTS IN THE SYSTEM AS A SOURCE OF CONSTITUTIONAL LAW

Synopsis: The Constitution of the Russian Federation international Treaty, national legislation, international Treaty, the dualistic concept, monistic concept, the ratio of international and national law.

Keywords: The Constitution of the Russian Federation international Treaty, national legislation, international Treaty international law, the dualistic concept of international law, monistic concept, the ratio of international and national law.

Интернационализация конституционного права разных государств остро ставит на повестку дня исследование вопросов, связанных с проблемой взаимодействия и взаимопроникновения источников международного права и национального права. Данная проблема представляет собой существенный междисциплинарный научный интерес. Особенно с учетом не очень удачной формулировки ч. 4 ст. 15 Конституции РФ: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской

Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Известно, что в международном и конституционном праве сложилось две монистические теории (одна из них исходит из однозначного приоритета международного права над национальным, другая – наоборот). Хотя большинство ученых России и многих зарубежных государств, ссылаясь на положения конституций и национальные законодательства, отдают предпочтение дуалистической теории. Сторонники дуалистической теории считают, что международное и национальное – две относительно самостоятельные и взаимодействующие друг с другом системы права [1; 2; 3;4]. Например, в России в соответствии с уже упомянутой статьей ее Конституции общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью ее правовой системы. А во Франции этот вопрос действующая Конституция увязывает с действием международного договора на территории другой стороны: «международные договоры или соглашения, должным образом ратифицированные или одобренные, имеют силу, превышающую силу законов, с момента опубликования, при условии применения каждого соглашения или договора другой стороной» (ст. 55).

Прежде всего, международные договоры образуют правовую основу межгосударственных отношений, содействуют поддержанию всеобщего мира и безопасности, развитию международного сотрудничества в соответствии с целями и принципами Устава ООН. Кроме того, международным договорам принадлежит важная роль в защите основных прав и свобод человека, в обеспечении законных интересов государств. Российская Федерация выступает за неукоснительное соблюдение договорных и обычных норм, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права – принципу добросовестного выполнения международных обязательств.

Международные договоры – существенный элемент стабильности международного правопорядка и отношений России с зарубежными странами, функционирования правового государства. Вместе с тем они наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права являются в соответствии с Конституцией РФ составной частью ее правовой системы.

Проблема принадлежности международных договоров к источникам конституционного права не получила в отечественной литературе однозначного отношения. Так, некоторые авторы к источникам конституционного права относят «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные

договоры Российской Федерации» [5; 6]. Другие же авторы к источникам конституционного права относят только международные договоры [7; 8].

Во многом это вызвано тем обстоятельством, что «включенная в Конституцию РФ формулировка «общепризнанные принципы и нормы международного права» таит в себе много неясностей, поскольку в мире не существует общепринятого определения указанных принципов и норм. Таковыми называют принципы Устава ООН и «некоторые другие». но даже универсальное признание какой-либо нормы (т.е. подавляющим большинством государств) не порождает обязанности каждого государства соблюдать ее, если эта норма не нашла своего закрепления во внутреннем праве, в акте ратификации или в межгосударственном договоре. Поэтому многие исследователи справедливо задаются вопросом: существуют ли вообще «общепризнанные принципы и нормы международного права», а если существуют, то каково их содержание?» [9].

Если подходить к вопросу об источниках права строго формально и с юридических позиций, то под ними принято понимать «формы, посредством которых устанавливаются и получают обязательную силу правовые нормы» [10]. Наиболее распространенной формой являются нормативные правовые акты. Строго говоря, «общепризнанные принципы и нормы международного права» не подходят на роль источников права.

По указанной проблеме в конституционном праве России можно выделить три взаимосвязанных среза:

- 1) действуют ли международные договоры Российской Федерации на ее территории непосредственно;
- 2) как разрешать проблему противоречия между положениями международного договора и положениями закона, о которой речь идет во втором предложении ч. 4 ст. 15 Конституции РФ;
- 3) какова вообще юридическая сила у международного договора.

Основанием для придания международным договорам России юридической силы является «генеральная отсылка» ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, согласно которой «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Указанные положения ч. 4 ст. 15 Конституции РФ были конкретизированы Федеральным законом РФ «О международных договорах Российской Федерации» (от 25 декабря 2012 г.) [11].

Согласно ч. 3 ст. 5 его положений, официально опубликованные международные договоры Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений ее международных договоров принимаются соответствующие правовые акты.

Следовательно, только некоторая часть международных договоров Российской Федерации, а именно не требующих издания внутригосударственных актов для применения, теоретически могут в определенной степени считаться источниками конституционного права. Все остальные договоры, требующие издания соответствующих нормативных правовых актов органов государственной власти России, вступают в действие на территории Российской Федерации только после издания соответствующего нормативного правового акта.

В этом общем правиле могут быть исключения. В частности М.В. Баглай отмечает, что если предмет договора представляет для государства особый интерес, то договор до момента его ратификации и опубликования может считаться временно действующим, поскольку Конституционный Суд РФ в постановлении от 27 марта 2012 г. признал временное применение договора, затрагивающего права и свободы граждан, не противоречащим Конституции РФ, но указал, что такие договоры должны быть опубликованы [12].

Пленум Верховного Суда РФ Постановлением от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» разъяснил, что «к признакам, свидетельствующим о невозможности непосредственного применения положений международного договора Российской Федерации, относятся, в частности, содержащиеся в договоре указания на обязательства государств-участников по внесению изменений во внутреннее законодательство этих государств.

При рассмотрении судом гражданских, уголовных или административных дел непосредственно применяется такой международный договор Российской Федерации, который вступил в силу и стал обязательным для Российской Федерации и положения которого не требуют издания внутригосударственных актов для их применения и способны породить права и обязанности для субъектов национального права (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, ч. 1 и 3 ст. 5 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", ч. 2 ст. 7 ГК РФ).

Решая вопрос о возможности применения договорных норм международного права, суды должны исходить из того, что международный договор вступает в силу в порядке и в дату, предусмотренные в самом договоре или согласованные между

участвовавшими в переговорах государствами. При отсутствии такого положения или договоренности договор вступает в силу, как только будет выражено согласие всех участвовавших в переговорах государств на обязательность для них договора (статья 24 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.).

Судам надлежит иметь в виду, что международный договор подлежит применению, если Российская Федерация в лице компетентных органов государственной власти выразила согласие на обязательность для нее международного договора посредством одного из действий, перечисленных в ст. 6 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации" (путем подписания договора; обмена документами, его образующими; ратификации договора; утверждения договора; принятия договора; присоединения к договору; любым иным способом, о котором условились договаривающиеся стороны), а также при условии, что указанный договор вступил в силу для Российской Федерации (например, Конвенция о защите прав человека и основных свобод была ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ, а вступила в силу для Российской Федерации 5 мая 1998 г. – в день передачи ратификационной грамоты на хранение Генеральному секретарю Совета Европы согласно ст. 59 этой Конвенции)» [13].

Следует иметь в виду, что об особой роли международных договоров в регулировании конституционно-правовых отношений свидетельствуют не только положения ч. 4 ст. 15 Конституции, но и положения ч. 2 ст. 15 Конституции РФ, которая установила норму: «Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы». Все без исключения субъекты, указанные в данной статье Конституции, являются субъектами конституционных правоотношений. Следовательно, если они не обязаны соблюдать международные договоры, потому что они не указаны в ч. 2 ст. 15 Конституции, то они и не действуют непосредственно на территории Российской Федерации. Другими словами, без их ратификации федеральными законами, международные договоры непосредственно регулировать конституционно-правовые отношения не могут.

Проблема противоречия между положениями международного договора и положениями закона также не получила однозначного разрешения. Это обстоятельство вызвано не только отсутствием прямого действия международных договоров на территории государства, но и тем, что имеются разные виды международных договоров и разные виды законов; и у тех, и у других имеется разная юридическая сила.

В связи с тем, что ратификация международного договора Российской Федерации осуществляется федеральным законом, то с вступлением такого закона в юридическую силу одновременно приобретают юридическую силу положения международного договора и возникают противоречия между ними и положениями действовавшего другого закона. Указанные противоречия могут быть разрешены по принципу: более поздний по времени принятия закон о ратификации отменяет противоречащие ему положения другого закона.

О справедливости указанного замечания свидетельствуют, в частности, заключительные положения федеральных законов РФ о ратификации конкретных международных договоров, отменяющие конкретные нормы противоречащих им других федеральных законов, а также обязывающие Президента РФ и Правительство РФ в установленные сроки привести положения своих указов и постановлений в соответствие с законом о ратификации.

Таким образом, установленная ч. 4 ст. 15 Конституции РФ норма о приоритете положений международного договора Российской Федерации перед законом позволяет говорить как о приоритете применения ратифицированного международного договора (подробнее см.: ниже) перед законом, так и о приоритете закона о ратификации международного договора перед другим федеральным законом (исходя из даты их принятия).

Следует отметить, что и данное предложение также не снимает всех проблем из-за неоднозначности конституционной формулировки, разных видов международных договоров и законов. Например, не все договоры, заключаемые от имени Российской Федерации, утверждаются законом о ратификации. Часть из них утверждается указами Президента РФ о присоединении к договору и поэтому не имеют приоритета перед федеральным законом. Такие виды международных договоров как межправительственные и межведомственные тем более преимущественно по отношению к национальному закону не обладают. Поскольку в соответствии со ст. 20 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ "О международных договорах Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями), утверждение, принятие в отношении договоров, заключаемых от имени Российской Федерации (за исключением договоров, предусмотренных пп. "а" п. 2 данной статьи) осуществляются Президентом РФ, а в отношении договоров, заключаемых от имени Российской Федерации, по вопросам, относящимся к ведению Правительства РФ, Правительством РФ; в отношении договоров, заключаемых от имени Правительства РФ, Правительством РФ [14].

Применительно к законам следует согласиться с позицией, что «термин «закон» в данном случае требует расширительного

истолкования: если международный договор обладает преимуществом перед законом, то тем более он обладает преимуществом перед иными нормативными правовыми актами. Речь идет как о федеральных законах, так и о законах субъектов РФ» [14].

Следовательно, вопрос о противоречиях между положениями международного договора и положениями закона должны решаться исходя из вида международного договора и вида закона.

Проблема юридической силы международного договора. Такую же неоднозначную оценку получил и вопрос о юридической силе международного договора, а также о его месте в системе источников конституционного права. Например, М.В. Баглай считает, что «в иерархии источников права ратифицированный международный договор стоит выше, чем закон, поскольку нормы последнего не могут противоречить нормам такого договора» [15]. Подобное утверждение не бесспорно. Поскольку если согласиться с ним, то тут же возникает вопрос: почему юридическая сила федерального закона о ратификации выше юридической силы другого федерального закона, коль скоро оба они являются федеральными законами?

В иерархии источников конституционного права международный договор Российской Федерации может стоять выше только закона субъекта Федерации. И то при условии, что федеральные органы государственной власти не заключили такой договор по вопросам, которые в соответствии со ст. 73 Конституции РФ находятся в исключительном ведении субъектов Федерации. Если же, заключая международный договор, федеральные органы государственной власти вторглись в исключительное ведение субъектов Федерации, то в соответствии со ст. 73 Конституции РФ Конституционный Суд РФ может признать такой договор противоречащим Конституции РФ.

Видимо, в известной степени следует согласиться с тем, что Конституция РФ, «не устанавливая общий примат международно-правовых принципов и норм над внутригосударственным правопорядком, закрепляет приоритет международного договора Российской Федерации в применении, если и поскольку между ним и нормой национального закона возникла коллизия. Это означает, что нормы закона, предусматривающие иные правила, чем установленные договором, сохраняют свою юридическую силу, но не применяются при разрешении дел, касающихся государства, также участвующего в соответствующем договоре» [16].

Хотя, как представляется, использование формулы: «приоритет международного договора Российской Федерации в применении» это только частичное решение проблемы. Поскольку без ратификации международный договор на территории Российской Федерации не действует, то тут не приходится говорить, ни о его применении, ни о противоречии закону.

Не очень удачная формулировка ч. 4 ст. 15 Конституции РФ порождает еще одну очень важную юридическую неопределенность: место заключенного Российской Федерацией международного договора по отношению к самой Конституции РФ.

Думается, как и по другим подобным проблемам, здесь также необходимо комплексное правоприменение. То есть, необходимо исходить не только из положений ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, но и из содержания ч. 1 ст. 15 Конституции РФ, которая провозгласила, что Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции РФ.

Правда, если учесть то, что «ничто не вечно под Луной», то и в этом вопросе «возможны варианты». В частности, один из таких гипотетических вариантов предусмотрен ст. 22 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», предусматривающий «особый порядок выражения согласия на обязательность для Российской Федерации международных договоров». В ней установлено, что если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции РФ, решение о согласии на его обязательность для России возможно в форме федерального закона только после внесения соответствующих поправок в Конституцию РФ или пересмотра ее положений в установленном порядке [17].

Как следует из процитированной нормы указанного Федерального закона, даже «особый порядок выражения согласия на обязательность для Российской Федерации международных договоров» не отменяет верховенства Конституции РФ и не может изменить Конституцию или действовать вопреки ее положениям. Поскольку в нормативных правовых актах, включая и Конституцию РФ, невозможно наперед предусмотреть все, то гипотетически может возникнуть ситуация описанная выше. В этом случае, сохраняя верховенство Конституции РФ, в нее сначала вносят соответствующую поправку и только после этого приступают к ратификации международного договора РФ [18].

Следовательно, вопрос о том, являются ли международные договоры РФ источниками конституционного права России, действуют ли они на ее территории непосредственно и какова их юридическая сила не имеет однозначного решения и потому, что положения ч. 4 ст. 15 Конституции сформулированы не удачно, и потому что имеются разные виды договоров и законов. Поэтому решение той части указанных вопросов, которые прямо урегулированы законодательством, должно проходить в строгом соответствии с его положениями, а те вопросы, которые вызывают юридическую коллизию, должны решаться индивидуально

применительно к каждой конкретной ситуации Конституционным Судом РФ или судами общей юрисдикции, исходя из подсудности.

Список цитируемой литературы:

1. Права человека и международные отношения. М.: Наука, 1982.
2. Mosler H. The international society as legal community. Alphen an den Rejn. 1980.
3. Являются ли международные договоры источниками конституционного права России? // Международное право и международные организации. 2014. № 3 (апрель, май, июнь). С. 444 – 451.
4. Глобализация, международные гуманитарные стандарты и суверенитет России // Гражданин. Выборы. Власть. 2014. № 3. С. 5 – 8.
5. Конституционное право России. Курс лекций / отв. ред. Ю.Л. Шульженко. М., 2007. С. 32.
6. О современном понимании Конституции Российской Федерации в контексте доктрин конституционализма и судебной правоприменительной практики // Государство и право. 2014. № 11. С. 19 – 20.
7. Конституционное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / отв. ред. М.: Проспект, 2013. С. 33 – 34.
8. Конституционное право. Учебник для бакалавров. М.: МПСУ; Воронеж, 2013. С. 25.
9. Конституционное право Российской Федерации: Учебник. 4-е изд. доп. и перераб. М.: Норма, 2007. С. 36.
10. Конституционное право России: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Велби, Проспект, 2008. С. 25.
11. Собрание законодательства РФ. 199. № 29. Ст. 2757.
12. Конституционное право Российской Федерации. Учебник. 10-е изд. перераб. и доп. М.: Норма – ИНФРА-М, 2013. С. 37.
13. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.
14. Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. С. 2757.
15. Конституционное право Российской Федерации. Учебник. 10-е изд. перераб. и доп. С. 36.
16. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Норма – ИНФРА-М, 2011. С. 159.
17. Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. С. 2757.

© А.М. Осавелюк.

	Stanislav Sulimov
Доцент кафедры философии кандидат философских наук	Professor of department of philosophy Candidate of philosophical Science
Воронежский государственный университет инженерных технологий	Voronezh state University of engineering technologies
	Igor Chernigovskikh
Заведующий кафедрой философии кандидат философских наук, доцент	Head of department of philosophy Candidate of philosophical Science, assistant professor
Воронежский государственный университет инженерных технологий	Voronezh state University of engineering technologies
	Sergey Shahov
Профессор кафедры машин и аппаратов пищевых производств доктор технических наук	Professor, department of machines and equipment for food productions Doctor of technical Sciences
Воронежский государственный университет инженерных технологий	Voronezh state University of engineering technologies

ISLAM IN EUROPE: THE TRIUMPHAL PROCESSION

Abstract: this article analyzes the rapid spread of Islam in Western Europe, identifies external and internal factors that made possible this phenomenon.

Keywords: Islam, migration processes, tolerance.

В эпоху глобализации важную роль играет умение и желание представителей различных культур адаптироваться друг к другу. Ни одно общество уже не живёт в изоляции, и если сто лет назад европейцы селились в колониях и знакомились с местным населением, ревниво оберегая метрополии от проникновения в них чужаков, то в наши дни ситуация кардинально изменилась. Если невозможно представить индийца, вхожего в высшее британское общество викторианской эпохи, то в наши дни в Лондоне и других крупных городах Англии проживает уже немало не только индийцев, но и, например, сомалийцев, многие из которых родились и выросли на Альбионе. Веками считавшая культурно чуждыми даже итальянцев Франция гостеприимно распахнула двери магрибинцам ещё в начале XX в. Россия, традиционно осваивающая и опекающая национальные

окраины, теперь населяет свои мегаполисы туземными выходцами из этих самых окраин. Какое будущее ждёт глобальный мир, в котором все народы действительно могут селиться чересполосицей? Поскольку большинство иммигрантов в Старый Свет – мусульмане, мы рассмотрим отношения бывших метрополий с новичками на примере исламских диаспор во Франции и Великобритании.

Европейское общество не просто толерантно, но даже испытывает перед выходцами из «третьего мира» некий комплекс вины за колониальное наследие. Магрибинцев, алжирцев и сомалийцев не только не притесняют, но аргіогі считают «своими», не обращая даже внимания на наличие или отсутствие у них европейского гражданства. Причин такому отношению много, и одна из них – нехватка непрехотливых, иммунных к идеям коммунизма рабочих рук на европейских предприятиях в 1960-е гг. Отечественный исследователь В. Арсеньев прямо указывает на то, что по-настоящему пригласили иммигрантов в Европу именно промышленники: «Европейским предпринимателям были нужны не только здоровые и, как казалось, непрехотливые работники, готовые обеспечивать экономики стран Западной Европы в самых тяжелых и не престижных сферах за минимальное вознаграждение. Была ещё и задача сорвать классовую борьбу европейских трудящихся, подорвать влияние левых партий и сбить революционную волну, особо остро проявившуюся в 1968-1970 гг. Расчет делался и на то, что иностранцы охотно и без особых угрызений совести сыграют роль штрейкбрехеров» [1, с. 51]. Расчет действительно на первых порах оправдался: алжирцы, марокканцы и сомалийцы оказались такими же прилежными неквалифицированными работниками, какими они до этого были солдатами и моряками. К тому же, метрополии спланировали с колониями общий исторический опыт. Например, во Франции есть 600 могил солдат-мусульман, сражавшихся и погибших за эту страну в обеих мировых войнах, а сомалийские матросы подрабатывали на британских торговых кораблях с начала XX в. В Ливерпуле и Карнарвоне в 1920-е гг. даже существовали несколько ночных клубов, специализировавшихся исключительно на моряках с африканского рога. Религиозное отличие иммигрантов от европейцев тоже не должно играть большой роли, потому что европейские страны уже полтора века официально считаются светскими. Вот как характеризует религиозную политику Франции российский обозреватель Б.В. Долгов: «До настоящего времени взаимоотношения государства и религии регулируются в стране законом 1905 г. В соответствии с ним гарантируется свобода вероисповедания всех конфессий, при этом государство отказывается от финансирования какой-либо из них. (...) Франция – единственная страна в Европейском союзе (ЕС), которая провозгласила светскость в качестве официальной идеологии» [3, с. 27]. Этот же автор отмечает, что

иммигранты компактно селятся в таких крупных городах как Лилль, Страсбург, Париж и Бордо и делят с этническими французами экономические проблемы «деиндустриализации». Например, вывоз за границу заводов «Ситроен» с параллельным закрытием их во Франции сделал одинаково безработными как инженеров-французов, так и рабочих-турок.

Во Франции существует множество совершенно легальных иммигрантских организаций, представляющих диаспору перед властями. Вот самые известные и многолюдные из них:

1. Большая Парижская Мечеть – организация адептов традиционного ислама, в которой преобладают алжирцы.

2. Французский совет мусульманского культа – общественная организация, представляющая интересы мусульман перед правительством.

3. Национальная федерация мусульман Франции – филиал Большой Парижской Мечети, но преобладают в ней турки и марокканцы.

4. Движение светских магрибинцев (Союз мусульман-демократов Франции) – обновленческое движение, требующее адаптации ислама к европейским культурным реалиям.

6. Союз мусульман Франции (Партия мусульман Франции) – радикальная панисламистская организация, требующая сегрегации по религиозному принципу и отстаивающая автономию мусульманских районов во французских городах вплоть до введения в них шариатского права.

Обратим внимание на то, что во всех этих названиях звучит слово «мусульмане», а не, скажем, «алжирцы» или «турки». К примеру, в первой половине XX в. во Франции существовала белоэмигрантская организация «Русский общевоинский союз» (РОВС). «Русский», а не «православный». Члены РОВСа не противопоставляли себя французам и были им безмерно благодарны за то, что обрели в их стране временный, как надеялись вчерашние белогвардейцы, приют. Они вовсе не пытались укорениться во Франции и вытеснить французов с части территории. Сами разговоры о создании «русской Франции» казались им нелепыми. Не так ведут себя сыновья и внуки приехавших во Францию магрибинцев и алжирцев. Для них консолидирующим фактором является именно ислам, что позволяет им противопоставлять себя иноверцам-французам по поводу и без повода. Мечты о «другой Франции» давно уже превращаются в реальность.

Вот как характеризует доминирующую установку французских мусульман В. Арсеньев: «Значительная часть из них, выросшая с детства в маленьких сообществах «родин» своих родителей, перенесённых, скажем, в Иль-де-Франс, воспринимают Францию не как мать, но как мачеху. И то, что они чувствуют себя нелюбимым

дитём этой самой Франции, это – прежде всего, их беда. Это – следствие того, что обстоятельства позволили родителям сохранить культурную идентичность со своей первой родиной и передать её детям – в том числе и в формах бытового поведения, отличного от поведения собственно этнических французов. Создать такую «другую Францию» на территории собственно Франции – опасная иллюзия, страшная утопия. В конечном счёте, она нанесёт удар по самим «бунтующим подросткам». Ибо у них нет другой родины, кроме Франции» [1, с. 21]. Но, опять же, заметим, что речь идёт всё-таки не о «французских алжирцах», а о «французских мусульманах». «Другая Франция» принадлежит не алжирцам, а всё-таки мусульманам. Значит, дело здесь не столько в национализме арабов и берберов, а в какой-то уникальной особенности ислама, которая ускользает от российских и европейских экспертов. Ведь с национализмом европейцы знакомы давно, тем более, что зародился он именно в новоевропейской культуре. И европейские спецслужбы прекрасно умеют с ним бороться, а европейские законы уже почти сто лет как содержат условия для мирного существования этого явления. Ислам же почему-то оказывается для европейцев явлением новым, непредсказуемым и, явно, несовместимым с принципами светскости и толерантности. В чём же дело?

Отечественный философ и богослов о. Даниил (Сысоев) указывает следующую оригинальную особенность исламской доктрины: «Для того чтобы понять эту религию, необходимо помнить, что ислам – не то, что понимают под словом «религия» на Западе. Это не аналог Церкви или секты, чья цель – в преображении души человека. Скорее это некий глобальный социально-религиозный проект построения царства Божия на земле. В этом ислам близок к компартии, национал-социализму или нынешней глобализации. Для мусульман не существует разрыва между политикой и религией – это две стороны одного целого, регулируемого законом (шариатом), приписанным Аллаху. Именно поэтому всякая попытка встроить ислам в неисламский порядок может существовать лишь до тех пор, пока последний достаточно силён, чтобы сдерживать исламский рост» [5, с. 148]. Без преувеличения можно сказать, что национальность мусульманину заменяет вероисповедание. Недаром при всех межэтнических трениях мусульмане всегда выступают единым фронтом против иноверцев, чего христиане не делали со времён крестовых походов. И принцип толерантности адептам ислама просто непонятен: их исповедание состоит именно в действии, а не в вере. Французская «светскость» попросту развязывает мусульманам руки для практической реализации доктрины шариата, потому что другие измерения ислама развиты очень слабо. Например, мусульманский мистицизм (суфизм) не пользуется большой популярностью. Для француза «светскость» – это, в первую очередь, возможность

исповедовать католицизм или атеизм, не пропагандируя его и не подвергаясь чужой пропаганде. Для мусульманина «светскость» – это возможность открытой пропаганды своей религии, сегрегации по религиозному принципу и борьбы с иноверцами, потому что всего этого требует исламская доктрина, прямо охраняемая принципом толерантности. Получается, что своей терпимостью и гостеприимством европейцы не наладили культурный диалог, а проиграли культурную войну, не успев даже заметить её начала.

Несколько иначе, хотя и не менее удручающе обстоит дело с сомалийскими иммигрантами в Великобритании. В этой стране сомалийцев не так много, чтобы они могли предъявлять правительству какие-нибудь требования (на 2001 г. во всём мире было 22 млн. сомалийских беженцев). Зато во всех крупных английских городах (Манчестере, Лондоне, Лейтоне, Ливерпуле и Бирмингеме) существуют исламские общины, где задают тон именно сомалийцы. И, не привлекая к себе внимания, они ведут крайне замкнутый образ жизни, без шума и скандалов реализуя принцип сегрегации по религиозному критерию. Отечественный исследователь Л. В. Иванова, характеризуя ситуацию на 2009 г., пишет: «В Великобритании, проживая в «этнических» районах, сомалийцы чувствуют себя «как в Сомали» и могут сохранять это ощущение, минимально (особенно женщины-домохозяйки) вступая в контакт с местным населением» [4, с. 284]. Общины мусульман в Лейтоне и Бирмингеме имеют свои Советы, занимающиеся судопроизводством по нормам шариата. Для британской юстиции их вердикты являются недействительными, однако сомалийцы предпочитают выполнять именно их, а не обращаться за помощью или консультацией в английские суды. Ещё в 1962 г. было создано Англо-Сомалийское общество дружбы, призванное укреплять взаимопонимание между сомалийцами и британцами. Но его сайт в Internet не обновляется, и ни в каких иммигрантских мероприятиях данная организация не участвует. Скорее всего, это заурядный административно-бюрократический проект, существующий только на бумаге. Зато сайты иммигрантской молодёжи буквально пестрят призывами вернуться к шариату и отвергнуть английский образ жизни. Это звучит вдвойне нелепо потому, что у себя на родине сомалийцы – приверженцы кланового уклада, и исламское право у них почти никогда не применяется. Л. В. Иванова объясняет это несоответствие так: «Если прадеды и деды молодых иммигрантов жили в своей культуре, не осознавая её, а их родители, мигрировав, пытались жить по-современному, изживая пережитки прошлого, то они сами стремятся возродить культуру своих прадедов, осознавая свою культурную принадлежность, и Интернет во многом способствовал и продолжает способствовать этому» [4, с. 300]. Увы, как мы заметили выше, ссылки сомалийских иммигрантов на ислам носят крайне неуместный характер. Это не

попытка возродить культурное наследие, а стремление создать «другую Англию» в границах мусульманских районов больших городов. Это не Сомали и не Англия, а некое иное общество, живущее за счёт страны пребывания и при этом духовно отвергающее её.

Казалось бы, совместный труд европейцев и иммигрантов должен стереть основные различия между ними. Ведь хороший работник всегда уважаем, а в европейских фирмах невозможно хорошо работать, не выучив язык и хотя бы поверхностно не приобщившись к принципу командной работы (team building). К сожалению, молодые мусульмане (дети и внуки иммигрантов) предпочитают либо работать в маленьких предприятиях, принадлежащих единоверцам, либо не работать вообще и жить на пособие по безработице. На все попытки усюветить их жители «этнических» районов резонно отвечают, что их родные страны несколько столетий были колониями и бесплатно обеспечивали метрополии всем необходимым, а теперь внукам колонизаторов пришло время отдавать долги. В таких случаях культурный диалог вообще прекращается, потому что французы и англичане оказываются во всём и всем обязаны алжирским, марокканским, тунисским и сомалийским иммигрантам. Остаётся только открытым вопрос: для чего вообще мигранты приехали в Европу? Неужели только для того, чтобы напомнить европейцам об их исторической вине? Но европейцы, как чиновники, так и обыватели совершенно не против такого порядка вещей. Цитировавшийся нами выше В. Арсеньев недоумевает, почему никому в ЕС не приходит в голову самое простое решение этой проблемы: «Сколько можно культивировать этот комплекс вины одних и комплекс права на историческую ренту, права на безделье – других? Пора осознать, что никто никому ничего не должен! Это – первое условие равенства отношений, уважения и делового настроения» [1, с. 51]. Скорее всего, такой подход невозможен в силу того, что иммигранты прибыли в Европу почти что по официальному приглашению местных предпринимателей. Пусть это не афишируется, но в парламентах Франции и Великобритании наверняка немало лиц, заинтересованных в сохранении status quo.

Какие же перспективы ждут мультикультурную Европу в будущем? Американский исследователь и публицист П. Дж. Бьюкенен с горечью констатирует: «Пока об этом спорят, количество мусульман в Европе возрастает. И причина этого не только в том, что уровень рождаемости у них выше, чем у европейцев (ни в одной европейской стране, исключая мусульманскую Албанию, нет уровня рождаемости, необходимого для воспроизводства нации, – 2,1 ребёнка на женщину). Причина и в том, что Европа стареет, сокращается и вымирает. Чтобы поддержать экономики европейских стран и обеспечить поступление налогов в объёмах, требуемых для социальных выплат пожилым, Европе нужны десятки миллионов новых рабочих рук. А найти эти

руки сегодня можно лишь в странах третьего мира, ибо западный человек вымирает как вид» [2, с. 238-239]. Поскольку демография неотделима от культуры, то остаётся лишь посочувствовать коренному населению Западной Европы. Ведь ценностные установки, приведшие к вымиранию этих народов, появились не вчера и даже не в начале XX в., а, по меньшей мере, двести лет назад или даже в эпоху Возрождения. И теперь мы видим результаты процесса, начавшегося очень давно.

Как же в свете вышесказанного обстоят дела в России? Думается, что в нашей стране набирают силу те же тенденции, что и в Европейском Союзе, с той лишь разницей, что начало исламской иммиграции началось на несколько десятков лет позже. Пока в русских городах не существует исламских кварталов, и ни в одном из субъектов федерации официально не действует шариат. Но полвека назад никто и вообразить не мог, что в Париже будут функционировать мечети. Если усвоение Россией западных культурных ценностей и экономических моделей не прекратится в самое ближайшее время, то процесс исламизации станет необратимым.

Список цитируемой литературы:

1. Багровые закаты над Европой // Азия и Африка сегодня. 2006, № 4.
2. На краю гибели. М.: АСТ, 2008.
3. Мусульманская община во Франции // Азия и Африка сегодня. 2014, № 12.
4. Сомалийская диаспора в Великобритании // Рах Africana: континент и диаспора в поисках себя. Сб. науч. статей. М.: Изд-во гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2009.
5. Можно ли быть хорошим и не спастись? / сост. А.В. Фомин. М.: Новая мысль, 2013.

© С.И. Сулимов

ГРНТИ 10.01.45

УДК 34.09.

	Aleksandr Tyumencev
доцент кафедры теории права и прав человека, кандидат юридических наук, доцент, член Союза журналистов России	associate professor of the Theory of Law and Human Rights Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of science (law), associate professor, member of the Reporters' Union of Russia
Волгоградская академия МВД России	The Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry

SPECIFICS OF INTERACTION BETWEEN MODERN RUSSIAN POLICE, COMMUNITY, AND MASS MEDIA

The article analyzes relevant issues of cooperation between Russian police, community, and mass media in solving the tasks of counteracting crime. The author summarizes successful practical experience of press service of the Volgograd police and indicates ways to solve the problems of interaction between police, community, and mass media.

Keywords: mass media, the department of information and public relations, crime prevention, organization of interaction, public opinion, community council.

Ещё на заре XX века известный криминалист Э. Локар процесс расследования и раскрытия преступления сравнил с «долгой погоней за трудноуловимой истиной» [1, с. 5.]

Многолетний опыт борьбы с преступностью свидетельствует о том, что эффективность подобной деятельности напрямую зависит от используемых средств и методов. Среди них находятся и такие, которые нацелены на взаимодействие с населением, прежде всего, через профессиональное использование сотрудниками полиции средств массовой информации.

Под средством массовой информации (далее: СМИ) понимается: а) периодическое печатное издание (газета, журнал, альманах, бюллетень, иная публикация), имеющее текущий номер; б) радио- теле-, видео-, кинохроникальная программа (совокупность периодических аудио-, аудиовизуальных сообщений и материалов); в) иная форма периодического распространения массовой информации. Все СМИ должны иметь постоянное название и выходить в свет (эфир) не реже одного раза в год [2, с. 2].

С развитием информационных технологий развиваются способы и средства передачи и распространения информации в массы. Сегодня огромная роль отводится интернет ресурсам и социальным коммуникативным сетям [3, с.74].

В современных условиях основной задачей СМИ является передача определенной информации. Но она далеко не единственная. В российском обществе, с развитым аппаратом государственного управления, СМИ используют и для решения государственных задач, среди которых можно выделить следующие :

— во-первых, на средства массовой информации возлагается основная задача информирования людей по различным вопросам жизнедеятельности государства и общества. Это диктуется необходимостью обеспечения устойчивости власти, и СМИ здесь выступают в качестве средства воздействия на сознание людей с целью формирования у них определенных установок, оценок и суждений с тем, чтобы создать положительный стереотип законопослушного поведения граждан, стремления к соблюдению норм права и уважения к закону. В реализацию данной цели органично вписываются решаемые органами внутренних дел задачи по предупреждению преступности, раскрытию и профилактике правонарушений, выявлению и устранению причин и условий, способствующих их совершению, формированию позитивного общественного мнения о работе правоохранительных органов, в том числе сотрудниками полиции [4, с. 560].

— во-вторых, средства массовой информации способны убедительно, наглядно и оперативно подать актуальные материалы многомиллионной аудитории, интенсивнее, чем другие средства, воздействовать на сознание и чувства людей. Это обусловлено специфической способностью современных СМИ воздействовать одновременно на несколько органов чувств человека (зрение и слух): например, восприятие примет разыскиваемого преступника на слух не всегда может сформировать у че-

ловека объективный образ, в то же время демонстрация видеозаписи или фотоизображения данного лица достигает цели;

— в-третьих, средства массовой информации располагают огромными возможностями привлекать к участию в решении определенных задач, стоящих перед органами внутренних дел, наиболее авторитетных специалистов в различных областях жизни (руководителей различного уровня, ученых, писателей и общественных деятелей, политиков). Такие лица своими выступлениями, комментариями и оценками способствуют воспитанию у граждан правосознания, духа уважения к закону, настраивая общество на всемерную помощь органам, занимающимся борьбой с преступностью и предупреждением преступлений;

— в-четвертых, средства массовой информации, реализуя право на свободу слова, могут самостоятельно выявлять негативные явления и факты деятельности государственных и иных формирований, давать оценку событиям внутренней и международной жизни. Это своеобразная трибуна общественного мнения и важный канал отражения настроения граждан, а, значит, и показатель результативности мер, принимаемых государством, в том числе, органами внутренних дел;

— в-пятых, средства массовой информации — это важнейший канал развития демократии, гласности и свободы слова. Каждый член общества имеет право не только получать информацию, но и выбирать ту, которая вызывает у него интерес, например, о состоянии криминогенной обстановки в данной местности или в масштабах страны, о мерах, принимаемых полицией в борьбе с преступностью;

— в-шестых, современные СМИ позволяют поддерживать прямую обратную связь с населением, например, путем оказания помощи в раскрытии и расследовании преступлений, о нарушении закона должностными лицами, возникновении чрезвычайных обстоятельств в той или иной местности.

Своевременное распространение информации о преступлении позволяет предотвратить слухи и домыслы, создать благоприятное общественное мнение по поводу действий сотрудников правоохранительных органов. Это особенно важно, когда совершенное преступление получило значительный общественный резонанс. [5]

При организации взаимодействия подразделений МВД с населением через средства массовой информации нужно учитывать и то обстоятельство, что журналисты в соответствии с законом о СМИ имеют право самостоятельно искать, запрашивать, получать и распространять информацию о совершенном преступлении, излагать при этом свою точку зрения, используя свои источники информации, проводя при этом свое, «журналистское» расследование. Если журналист не обратился за получением объективной информации в

пресс-службу органов внутренних и сам собирает и проверяет материалы, он наравне с редакцией несет полную ответственность за достоверность представленной информации и источники ее получения. В ряде случаев публикации могут стать поводом для возбуждения уголовного дела (ст. 144 УПК РФ).

В органах внутренних дел организация взаимодействия со средствами массовой информации возложена, прежде всего, на отделы информации и общественных связей. За более чем тридцатилетний опыт деятельности по взаимодействию с населением через СМИ, сотрудниками пресс-служб накоплен богатейший опыт. [6]

В современных условиях под воздействием органов внутренних дел со СМИ, как нам представляется, следует считать постоянный двухуровневый управленческий процесс, осуществляемый через отделы информации (пресс-службы либо специально выделенных для данной деятельности сотрудников) с учреждениями средств массовой информации и их сотрудниками на взаимовыгодных условиях для достижения собственных целей. С одной стороны журналисты получают объективную интересующую их информацию, которая пользуется спросом у их зрителей и читателей и позволяет сохранять популярность издания либо другого учреждения массовой коммуникации. С другой стороны взаимодействие позволяет органам внутренних дел получить следующие возможности:

- в короткие сроки установить лиц, причастных к совершенному преступлению, и обеспечить их быстрый розыск;
- проинформировать население о результатах работы;
- осуществить профилактическое воздействие;
- сформировать

нормативными правовыми актами, распоряжениями и указаниями МВД России, перед отделом информации и общественных связей Главного управления МВД России по Волгоградской области приоритетной задачей является проведение ежедневного мониторинга центральных и региональных СМИ, прогнозирование информационных угроз в сфере деятельности органов внутренних дел и внутренних войск МВД России, принятие необходимых мер по своевременному реагированию на них.

Сотрудники ОИ и ОС ГУ МВД России по Волгоградской области (далее ОИ и ОС) ежедневно в утренних эфирах информационных программ «Вести. Волгоград» (ВГТРК «Волгоград - ТРВ») и радиостанции «Вести FM - Волгоград» (106,8 FM) доводят до населения актуальную информацию в сфере борьбы с преступностью.

За 2014 год осуществлено около 250 выступлений в эфире регионального телевидения. При этом, более 90% выступлений сопровождались демонстрацией видеоматериалов, предоставляемых инспекторами по пропаганде безопасности дорожного движения ОБ ДПС ГИБДД ГУ МВД, ОГИБДД УМВД РФ по г. Волгограду.

С учетом требований ведомственных приказов, приоритет отдается конкретным результатам по раскрытию преступлений и задержанию лиц их совершивших, пропаганде добросовестного исполнения служебных обязанностей. За 2014 год в ОИ и ОС было предоставлено более 340 видеоматериалов по задержанию лиц, подозреваемых в совершении преступлений, пресечению преступлений и административных правонарушений.

Для выполнения поставленных задач в 2014 году при содействии ОИ и ОС в центральных и региональных СМИ было размещено около 35 тысяч материалов о деятельности Волгоградской полиции, на сайте МВД России более 100.

Традиционно рейтинговыми для просмотра телезрителями остаются программы «Вести», «Вести. Дежурная часть», «Время», «Сегодня», «ЧП», «Экстренный вызов» федеральных телеканалов (ВГТРК, Первый канал, НТВ, 5 канал, Рен, Звезда).

В 2014 году на основании представленных службами Главного управления материалов, сотрудниками отдела подготовлены для размещения в эфире федеральных телеканалов 296 (АП – 235; +21.8%) видеосюжета о результатах оперативно – служебной деятельности ОВД.

Наряду с этим, сотрудниками ОИ и ОС смонтировано и подготовлено к эфиру 50 еженедельных выпуска телепередачи «Криминальный блок», транслируемых ВГТРК «Волгоград - ТРВ» и 42 выпуска радиопередачи «Ваша безопасность» (Радио России «Волгоград»). В 2014 году в эфире теле и радио передачи вышло более 400 сюжетов о выявлении и пресечении преступлений. Все

материалы дублировались на официальном сайте ГУ МВД по Волгоградской области.

В целях совершенствования взаимодействия с представителями региональных и федеральных СМИ, исключения публикации недостоверных сведений, на постоянной основе проводятся рабочие встречи с главными редакторами, журналистами, пишущими на правоохранительную тематику, оказывается им методическая и консультативная помощь.

ОИ и ОС на постоянной основе реализуется комплекс мероприятий, направленных на информирование населения Волгоградской области о реализуемых органами внутренних дел мерах по защите прав и интересов граждан посредством сети Интернет. Это положительно зарекомендовало в профилактике преступных мошеннических действий, являющихся краеугольной проблемой современного общества.

Учитывая, что большую роль в информировании населения о деятельности ОВД играют электронные СМИ, проведена значительная работа по модернизации и поддержанию работоспособного состояния веб-сайта в сети Интернет.

На сегодняшний день функционируют интернет-ресурсы основных подразделений внутренних дел Волгоградского гарнизона.

Значительная роль в формировании позитивного общественного мнения о деятельности органов внутренних дел отводится ведомственным СМИ, которые также являются важным средством решения профессиональных, воспитательных и социальных задач личного состава полиции. За прошедший год в ведомственных печатных СМИ МВД России опубликовано более 30 материалов, подготовленных непосредственно сотрудниками отдела информации и общественных связей ГУ МВД России по Волгоградской области в газете «Щит и Меч», журналах «Полиция России», «Ветеран МВД», «Участковый», «Вопросы тылового обеспечения» и других.

Сотрудниками отдела подготовлены 3 хронико - документальных фильма, способствующих созданию положительного имиджа сотрудников волгоградской полиции и повышению престижа органов внутренних дел: «Сталинград-Волгоград: хранители традиций спасенного мира» и «Сталинград-Волгоград: 70 лет Великой битве», «Памяти Героя Советского Союза И.В. Морозова».

Завершена работа по созданию цикла видеосюжетов «Их именами названы улицы», рассказывающего об улицах Волгограда и населенных пунктов области, названных в память сотрудников милиции и современной российской полиции погибших при исполнении служебного долга. Кроме демонстрации в эфире региональных СМИ, серии фильма транслируются на интерактивных панелях, кинозале музея ГУ МВД России по Волгоградской области.

В 2014 году продолжена работа по организации взаимодействия с различными институтами гражданского общества, целью которого - проведение совместных мероприятий, направленных на укрепление законности и правопорядка, а также на формирование положительного мнения граждан о деятельности полиции в целом.

На постоянной основе проводится работа по предупреждению преступлений экстремистской и террористической направленности на территории области. Организовано и налажено взаимодействие с органами государственной и муниципальной власти, общественными объединениями и религиозными концессиями.

В составе Общественного совета при ГУ МВД России по Волгоградской области продолжают работу армейский и войсковой благочинный советы Волгоградской епархии РПЦ о. Георгий (Лазарев), председатель регионального духовного управления мусульман Ильяс-хазрат (И.А. Биктимиров) и руководитель МРО Армянской Апостольской Церкви о. Малахия (Р.Н. Оганян). Они принимают самое активное участие в работе по противодействию религиозному экстремизму и ксенофобии.

В 2013-2014 годах позитивно себя зарекомендовало информационное сопровождение значимых мероприятий:

- профилактических рейдов по выявлению нетрезвых водителей;
- визита Помощника Министра внутренних дел И.Ф. Шилова в гор. Волгоград для участия в торжественных мероприятиях, проведении совещания по вопросам работы ветеранских организаций;
- совместного рейда ГУ МВД, Управления ФСКН по Волгоградской области, ГУЗ «Волгоградский областной наркологический диспансер» в увеселительных заведениях города Волгограда и местах массового скопления молодежи;
- мероприятий в рамках празднования Дня защитника отечества;
- профилактического мероприятия ГИБДД Управления МВД России по городу Волгограду, Управления Федеральной службы судебных приставов России по Волгоградской «Злостный неплательщик».
- профилактической операции ГИБДД «Чистый номер»;
- открытия в УМВД России по гор. Волгограду мемориала в память сотрудников, погибших при исполнении служебного долга;
- подведения в зале Государственного историко-мемориального музея-заповедника «Сталинградская битва» итогов ежегодного городского смотра-конкурса на звание «Лучшая добровольная народная дружина Волгограда» в 2012 году;
- очередной смены военно-патриотического лагеря ВПЦ «Вымпел» проходившего на базе ОСМН «Вектор»;
- ОПМ «Надзор», «Путина», «Неформал»;
- акции ГУ МВД «Широкая Масленица»; «Завтра была война...»;
- межведомственных ОПМ «Сообща, где торгуют смертью», «Мак», «Нелегал-2014»;

На примере работы отдела информации и общественных связей ГУ МВД по Волгоградской области, можно сделать вывод, что в настоящее время в Российской Федерации функционирует чётко отлаженная система взаимодействия российской полиции с населением и представителями учреждений массовой информации.

Безусловно, это способствует успешному решению задач по предупреждению преступности в современной России.

Список цитируемой литературы:

1. Руководство по криминалистике. М., 1941.
2. О средствах массовой информации. Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (ред. от 05.04.2013 с изменениями, вступившими в силу 19.04.2013).
3. Общественное мнение о деятельности полиции: учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2011.
4. Роль и ответственность СМИ в освещении деятельности органов внутренних дел // Правовые и социально-экономические аспекты деятельности СМИ. СПб. 1996.
5. Реформирование ОВД в России глазами населения Волгограда (по материалам регионального социологического исследования)//Вестник ВА МВД.2013.№4 (27)
6. Освещение деятельности правоохранительных органов в региональной журналистике.- Краснодар, 2011.
7. Использование средств массовой информации при расследовании и профилактике преступлений: Учебное пособие.- Волгоград: ВА МВД России, 2002
8. Отчет о проделанной работе за 12 месяцев 2014 года отдела информации и общественных связей ГУ МВД по Волгоградской области. Волгоград, 2014. <http://34.mvd.ru/>.

©А.Н. Тюменцев

	Irina Shauro
Заведующий кафедрой теории и истории государства и права кандидат юридических наук, доцент	Head of the Department of the theory and history of the state and the law Candidate of Juridical Sciences, associate professor
МОУ ВПО «Институт права и экономики»	The Municipal educational establishment of Higher Professional Education «Institute of Law and Economy»

Annotation: This article reviews of the main stages of evolution of the universal international legal regulation of the status of refugees.

Key-words: refugees, forced immigrants, migration, United Nations High Commissioner for refugees.

Следует признать, что история вынужденного переселения начинается вместе с историей самого человечества. Различные потоки лиц, которых в современном мире назвали бы беженцами, присутствовали во все эпохи. Достаточно вспомнить библейскую историю об исходе евреев из Египта. В российской истории из «беглецов» возникло казачество. Можно также привести пример Америки, начало массовой колонизации которой, положили как раз люди, спасавшиеся от преследования по религиозным, национальным и иным причинам. Поэтому неудивительно, что вопросы правового положения вынужденных мигрантов и их защиты являются предметом международного диалога государств на протяжении длительного периода времени.

Данным вопросом в глобальном масштабе начала заниматься Лига Наций. После Первой мировой войны, вызвавшей массовые переселения, именно Лига Наций организовала проведение первой международной конференции по вопросу о беженцах. В результате деятельности данной конференции в 1921 году была учреждена

должность «Верховный комиссар по делам русских беженцев». К его функциям относилось:

- определение правового статуса беженцев;
- организация репатриации и размещения беженцев;
- оказание помощи беженцам, в том числе, при содействии благотворительных организаций [6].

Позднее сфера деятельности комиссара была распространена и на другие национальные группы, подвергшиеся преследованию: армян, ассирийцев, ассиро-халдеев и турок.

Существенным стало создание института «нансеновского паспорта» (по имени Верховного комиссара по делам русских беженцев – норвежца Фритьофа Нансена), который выдавался не национальными органами, а от имени Лиги Наций. При этом он представлял собой одновременно документ, удостоверяющий личность, и проездной документ [4].

Однако целостная система международного правового регулирования в области вынужденной миграции не сложилась. Правительства различных стран достаточно легко согласовывали соглашения для решения конкретных задач, но об универсальных нормах единогласного решения выработать не удавалось. Более того, приняв текст той или иной конвенции, государства зачастую не ратифицировали ее. Кроме того, Лига Наций не обладала достаточным авторитетом, организаторскими навыками, а также материальной (финансовой) базой.

В тоже время были выработаны основные направления работы с беженцами:

- содействие в выборе места временного пребывания и обустройстве в нем;
- содействие в легализации в государстве пребывания, в том числе, в получении удостоверений личности и, по возможности, натурализации;
- предоставление беженцам и членам их семей социальных прав, в том числе, на образование и здравоохранение;
- содействие в устройстве беженцев на работу;
- упрощение транспортных и визовых формальностей.

В 1930 году после смерти Ф. Нансена Лига Наций приступила к реорганизации института Верховного комиссара по делам беженцев. Вместо него было учреждено Международное бюро Нансена по делам беженцев (Офис Нансена), просуществовавшее до конца 1938 года.

В этот период резко обострилась ситуация с лицами, покидавшими Германию из-за опасения стать жертвой режима А. Гитлера, и Лига Наций вернулась к концепции «Верховного комиссара». Специальный Верховный комиссар по делам беженцев, прибывающих из Германии, осуществлял деятельность вплоть до 1946

года. Впрочем, по объективным и субъективным причинам, его деятельность не была достаточно эффективной [1].

В 1944 году союзники основали Администрацию Объединенных Наций по вопросам помощи и послевоенного восстановления, к задачам которой, среди прочего, относилось оказание помощи перемещенным лицам.

В 1946 году вопрос о беженцах был включен в повестку I сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных наций. В результате были сформулированы следующие основные идеи, послужившие основой современной системы международной поддержки беженцев:

- признание международного (всемирного) характера проблемы беженцев, в том числе, необходимости создания международного органа (организации) в данной сфере;

- запрет на принудительное возвращение беженцев в страну гражданства;

- указание добровольной репатриации беженцев в качестве основной цели политики и фактической деятельности в данной сфере [3].

В 1947 году под эгидой ООН была учреждена Международная организация по делам беженцев.

Устав Международной организации по делам беженцев, вступивший в силу 20 августа 1948 г., подчеркивал, что беженцы и перемещенные лица составляют срочную и международную «по объему и характеру» проблему [7]. При этом основная задача данной организации заключалась в том, чтобы поощрять к скорейшему возвращению «подлинных беженцев и вынужденных переселенцев» в страну гражданства, «на прежние привычные места жительства» или в «новые жилища в других местах». До возвращения к месту постоянного проживания или до «перехода на оседлое положение», «беженцы и перемещенные» должны быть обеспечены полезным трудом «в целях предотвращения вредных и антисоциальных последствий продолжительной праздности». Финансирование репатриации лиц, перемещенных Германией и Японией, предполагалось, «в пределах возможности», за счет самих побежденных стран.

Однако многие страны социалистического лагеря критиковали деятельность Международной организации по делам беженцев, поскольку вместо помощи в возвращении на родину она, якобы, массово содействовала обустройству лиц в Западной Европе и (или) их дальнейшей миграции на американский континент. Кроме того, страны мира недостаточно финансировали деятельность Международной организации по делам беженцев. В связи с этим в 1951 году данная организация прекратила свое существование.

Основная нагрузка по решению проблем беженцев легла на Управление Верховного комиссара Организации Объединенных наций по делам беженцев [8].

Данная структура создавалась при ООН как временный вспомогательный орган. Предполагалось, что его деятельность завершится после переселения и обустройства мигрантов, которые были вынуждены покинуть место жительства или были депортированных в ходе Второй мировой войны. В связи с этим был закреплен срок деятельности УВКБ ООН в три года, после истечения которого Генеральная Ассамблея должна была решить вопрос о его дальнейшем существовании. Однако международные кризисы, сопровождающиеся грубыми и явными нарушениями прав человека и потоками вынужденных мигрантов, не позволяют говорить о скором завершении миссии этой структуры. Срок его полномочий неоднократно продлевался. В настоящее время Управление Верховного комиссара Организации Объединенных наций по делам беженцев действует бессрочно «до решения проблемы беженцев в общем и их защиты в частности».

УВКБ ООН принимало активное участие в помощи перемещенным лицам практически из всех крупных «горячих точек». В 1956 году УВКБ ООН координировало действия, связанные с массовой миграцией восстания в Венгрии. В 1956 году оно оказывало помощь беженцам в Гонконге. Долгое время проблемой организации было размещение алжирцев, бежавших в Марокко и Тунис после войны за независимость. В 70-х годах имела место миграция жителей Восточного Пакистана в Индию.

Отдельно следует отметить деятельность УВКБ ООН в Африке. УВКБ ООН создавалось как орган, ориентированный на Европу. Однако вскоре до двух третей расходов приходилось именно на африканский континент [2].

В 80-х годах изменилась стратегия ведения боевых действий. В результате даже относительно небольшие конфликты зачастую вели к массовой миграции населения. Это обусловило постоянный рост беженцев, и, как следствие, недостаточность прежних мер. По сути, государства не были готовы выделять прежние денежные средства на помощь мигрантам, а также достигли пределов внутренних административных ресурсов. УВКБ ООН все чаще приходилось подолгу помогать беженцам, обособленно проживавшим в специальных лагерях, как правило, в трудных условиях и небезопасных районах [5].

В обязанности Верховного комиссара входит предоставление международной защиты беженцам и вынужденным переселенцам, а также поиск окончательного решения проблем беженцев и вынужденных переселенцев путем оказания помощи правительственным и частным организациям. При этом деятельность

Верховного комиссара и его управления носит «гуманитарный и социальный характер».

В настоящее время развитие функций УВКБ ООН осуществляется в направлении расширения категорий лиц, которым оно предоставляет международную помощь и защиту. Также это развитие происходит и в направлении углубления уставных функций и появления новых.

Кроме того, УВКБ ООН вынуждено учитывать характер современных миграционных потоков, в состав которых включаются не только лица, ищущие убежище, но и лица, пользующиеся статусом беженца для выезда и пребывания в иностранном государстве, том числе в противозаконных целях. Поэтому УВКБ ООН уделяет особое внимание связи между убежищем и традиционной миграцией, то есть, чтобы лица, которые нуждаются в убежище, получали его, а лица, которые просто хотят мигрировать, реализовывали свои права иными методами.

Следует отметить, что помимо УВКБ ООН существовало еще несколько структур Организации Объединенных Наций, которые целенаправленно занимались проблемами беженцев и вынужденных мигрантов. Например, можно назвать «Орган ООН по восстановлению в Корее» и «Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ».

Таким образом, международное правовое сотрудничество в сфере глобальной борьбы с проблемой вынужденных мигрантов прошло несколько этапов.

На первом этапе, который продлился с окончания Первой мировой войны до начала 40-х годов XX в., была признана проблема беженцев. При этом определение категории «беженец» носило национальный характер, была учреждена должность «Верховный комиссар», был согласован ряд иных мер, но целостная система международного правового регулирования в области вынужденной миграции не сложилась.

Второй этап (40-е годы XX в.) характеризуется наличием большого количества международных организаций, созданных для помощи лицам, мигрировавшим (перемещенным) в связи со Второй мировой войной. Однако, данные образования носили строго целевой характер. Поэтому, подтвердив, что беженцы и перемещенные лица составляют серьезную международную проблему, они не смогли решить ее.

Третий этап, на котором основная нагрузка по решению проблем беженцев легла на УВКБ ООН, начался в конце 40-х годов XX в. и продолжается по настоящее время. УВКБ ООН создавалась как временный вспомогательный орган, но действует бессрочно «до решения проблемы беженцев в общем и их защиты в частности». Она создавалась ориентированной на европейский континент, но

принимала самое активное участие в помощи практически из всех «горячих точек» планеты. То есть данная структура является организацией, осуществляющей деятельность по защите прав беженцев, во всемирном (глобальном) масштабе.

Список цитируемой литературы:

1. Международно-правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции. М., 2013. URL: <http://base.garant.ru/57650896/> (дата обращения: 15.03.2015.).
2. Введение в вопросы международной защиты беженцев: Защита лиц, находящихся в компетенции УВКБ. UNHCR 1 августа 2005 год. URL: http://www.unhcr.ru/files/SS1_Protection.pdf (дата обращения: 15.03.2015.).
3. Международно-правовой статус беженца. Минск, 2006. URL: <http://www.evolutio.info/content/view/1284> (дата обращения: 15.03.2015.).
4. Нансеновский паспорт. URL: <http://www.russkymost.net/spip.php?article44&lang=fr> (дата обращения 15.03.2015).
5. Конвенция 1951 г. о статусе беженцев // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2001. № 2. URL: <http://www.evolutio.info/content/view/418/52/> (дата обращения: 15.03.2015.).
6. Роль Лиги Наций в формировании права беженцев // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2000. № 1 URL: <http://www.evolutio.info/content/view/339/51/> (дата обращения: 15.03.2015.).
7. Устав Международной организации по делам беженцев (1946 г.) URL: http://unhcr.org.ua/img/uploads/docs/1946%20Statute_3.pdf (дата обращен: 15.03.2015.).
8. Устав Управления Верховного комиссара Организации Объединенных наций по делам беженцев от 14 декабря 1950 г. // Консультант Плюс: Высшая школа. - 2015. - Вып. 23. (Весна).

© И.Г. Шауро

ГРНТИ 10.01.45

УДК 343.09

	Irina Shauro
Заведующий кафедрой теории и истории государства и права кандидат юридических наук, доцент	Head of the Department of the theory and history of the state and the law Candidate of Juridical Sciences, associate professor
МОУ ВПО «Институт права и экономики»	The Municipal educational establishment of Higher Professional Education «Institute of Law and Economy»

FEATURES OF DISTANCE EDUCATION IN RUSSIAN FEDERATION

Annotation: In this article to be told about distance learning. The analysis of existing legislation the author came to conclusion that the distance learning has advantages and serious disadvantages.

Key-words: education, students, distance learning, education technologies.

Участники прошедших в 2014 году парламентских слушаний «Нормативное обеспечение реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий» обратили особое внимание на глобальные стратегические, политические, культурные, научные, образовательные и финансово-экономические риски для Российской Федерации, связанные с интенсивным развитием электронного обучения в странах-конкурентах и с нарастающим отставанием нашей страны в данной сфере [1].

Дистанционные формы обучения являются одной из наиболее актуальных тем современного образования. Необходимо отметить, что данный вопрос затрагивают как нормативные акты Российской

Федерации, так и универсальные, и региональные международные соглашения. Так, с соответствии с Международной стандартной классификацией образования ЮНЕСКО, дистанционное образование – это форма образования, при которой образовательная коммуникация осуществляется по преимуществу опосредованно на расстоянии на основе использования самых разнообразных видов связи и средств [2].

Статья 1 модельного закона «О дистанционном обучении в государствах – участниках СНГ» определяет дистанционное обучение как целенаправленно организованный и согласованный во времени и пространстве процесс взаимодействия педагогических работников и обучающихся между собой и со средствами обучения с использованием педагогических, а также информационных и телекоммуникационных технологий [3].

В соответствии с действующим федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» под электронным обучением понимается организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников. Под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников [4].

Прообраз первых форм дистанционного обучения появились еще в середине XIX века. Так, в 1839 году в Лондоне был создан университет, основной целью которого стала помощь и проведение экзаменов на получение аттестатов, степеней для учащихся, студентов, не имевших возможности по каким-либо причинам посещать обычные учебные заведения. В середине 1960 годов в Америке было принято решение об использовании местных телевизионных каналов с целью трансляции учебных курсов для работников ряда корпораций.

В России к началу 90-х годов мало кто знал термин «дистанционная форма обучения», зато хорошо была известна Европейская школа корреспондентского обучения (ЕШКО). Данная организация стала одной из первых в стране, успешно внедривших методы общедоступного образования, опирающиеся на следующие принципы: открытое поступление (отказ от конкурсных вступительных испытаний); свободное планирование обучения (самостоятельный выбор студентом тематики и количества учебных курсов); свобода в выборе времени и темпов обучения; прием

студентов в течение всего года; независимость в выборе места обучения (студенты не должны присутствовать в учебной аудитории, они самостоятельно выбирают, где обучаться); обеспечение студентов всеми необходимыми учебными материалами [5].

Тогда же предпринимались попытки создания государственной системы дистанционного образования. В частности, в 1995 году была утверждена Концепция создания и развития Единой системы дистанционного образования в России [6]. Однако в дальнейшем она не была реализована.

В настоящее время дистанционное обучение является одной из распространенных форм образования. В качестве крупнейших центров дистанционного образования можно назвать, например, Московский центр дистанционного образования и Центр дистанционного образования парка МГУ им. М.В. Ломоносова. Развитию данной формы обучения способствуют объективные факторы: востребованность специалистов с высшим образованием; высокая стоимость очного обучения; развитие сети Интернет и доступа к нему; возможность учиться в другом городе; возможность получить диплом престижного учебного заведения; высокий уровень занятости и, как следствие, невозможность совмещать работу с традиционным обучением.

К преимуществам дистанционного образования, которые обусловили популярность данной технологии, можно отнести:

- доступность (возможность получать образование, находясь в любой точке земного шара);
- гибкость (студенты могут обучаться в удобном месте, в удобное время, в удобном темпе);
- небольшая плата за обучение (обычно дистанционное образование значительно дешевле традиционных форм);
- модульный принцип (учебная программа составляется для каждого студента индивидуально и представляет собой последовательный набор курсов-модулей, отвечающий индивидуальным потребностям студента);
- мобильность (развитие технологий позволяет всегда иметь при себе учебные материалы, лекции и задания, в том числе, применять полученные теоретические знания на практике);
- возможность начать обучение в любой момент (дистанционное образование не предполагает строгих сроков приема студентов);
- социальный аспект (несмотря на то, что всем гражданам России гарантированы равные права на получение образования, на практике, не во всех вузах созданы необходимые условия для лиц с ограниченными возможностями: отсутствуют пандусы, лифты, оборудование для слабослышащих, книги и учебные материалы для слепых).

Между тем существует и ряд серьезных недостатков данной формы обучения:

- необходим высокий уровень самодисциплины и организованности, однако сконцентрироваться в домашних условиях может далеко не каждый студент;

- сложно идентифицировать студента (при дистанционном выполнении заданий практически невозможно установить, что студент выполняет его лично);

- снижение уровня квалификации преподавателей (дистанционное образование зачастую предполагает преобладание тестовых заданий, для проверки которых не требуется высокой квалификации, поэтому руководители вузов могут «экономить» на оплате труда преподавателей);

- необоснованно широкий спектр специальностей, которые можно получить дистанционно (Приказом Минобрнауки России от 20.01.2014 № 22 «Об утверждении перечней профессий и специальностей среднего профессионального образования, реализация образовательных программ по которым не допускается с применением исключительно электронного обучения, дистанционных образовательных технологий» [7] утвержден слишком узкий перечень специальностей, по которым не допускается дистанционное обучение);

- высокая вероятность мошенничества (вывеска «дистанционное образование» предоставляет мошенникам, торгующим дипломами, осуществлять свою деятельность практически легально);

- слишком свободный график обучения (освоение образовательных программ объективно требует определенного времени, однако на практике среди лиц, обучающихся дистанционно, необоснованно часто встречаются «гении», выполняющие задания с невероятной скоростью);

- отсутствие в дипломе указания на дистанционную форму обучения (ранее на оборотной стороне приложения к диплому выпускника учреждений среднего профессионального образования, освоивших образовательную программу с использованием дистанционного обучения, делается запись «Образовательная программа освоена посредством дистанционных образовательных технологий», а в настоящее время в дипломах о среднем и высшем образовании такой записи вообще не предусмотрено).

Таким образом, на сегодняшний день не представляется возможным говорить о полной эффективности данной формы обучения. У нее имеются как преимущества по сравнению с традиционным обучением, так и серьезные недостатки. Причем это понимают, как работники системы образования, так и студенты.

Например, опрос студентов МОУ ВПО «Институт права и экономики» выявил парадоксальную картину. Ответы на вопрос

«Хотели бы вы обучаться по дистанционной форме?» распределились следующим образом:

«да» - 20 % опрошенных;

«нет» - 80 % опрошенных.

На вопрос, о том, может ли быть дистанционное образование качественным, студенты ответили следующим образом:

«да» - 10 % опрошенных;

«нет» - 80 % опрошенных;

«затрудняюсь с ответом» - 10 % опрошенных.

Соответственно, концепция дистанционного обучения актуальна, прежде всего, именно для западной системы образования, имеющей свои традиции и учитывающей местный менталитет. В России данный способ обучения походит только для людей с ограниченными возможностями, а также для прохождения различных курсов, в которых у студентов имеется личная заинтересованность. В иных случаях, к сожалению, дистанционное обучение становится способом получения диплома, а не знаний.

Список цитируемой литературы:

1. Рекомендации парламентских слушаний «Нормативное обеспечение реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий» Москва, 19 мая 2014 года. URL: <http://www.komitet8.km.duma.gov.ru/> (дата обращения: 05.03.2015.).
2. Международная стандартная классификация образования (МСКО 2011). URL: <http://www.uis.unesco.org/Education/Documents/iscled-2011-ru.pdf> (дата обращения: 05.03.2015.).
3. О дистанционном обучении в государствах – участниках СНГ: модельный закон, принят Постановлением от 16 мая 2011 года №36-5 на 36 пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30993159 (дата обращения: 05.03.2015.).
4. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ // Российская газета. 2012. № 303.
5. 10 аргументов в пользу обучения на дистанционных курсах ЕШКО. URL: <http://www.escc.ru/informacija-o-eshko> (дата обращения: 05.03.2015.).
6. Концепция создания и развития Единой системы дистанционного образования в России: утв. постановлением Госкомвуза РФ от 31 мая 1995 № 6 (не действует). URL: <http://de.unicor.ru/science/groundwork/concept.html> (дата обращения:

ГРНТИ 10.09.01
УДК 34.34.09.

	Irina Shauro
Заведующий кафедрой теории и истории государства и права кандидат юридических наук, доцент	Head of the Department of the theory and history of the state and the law Candidate of Juridical Sciences, associate professor
МОУ ВПО «Институт права и экономики»	The Municipal educational establishment of Higher Professional Education «Institute of Law and Economy»

XVIII

SOME FEATURES NATURALIZATION OF RUSSIA IN XVIII - EARLY XIX CENTURY

Annotation: In this article to be told about naturalization as the most common way of getting Russian Citizenship in XVIII - early XIX century. Universal order naturalization was formed in that time. But legislation differed plenty exceptions.

Key-words: naturalization, oath, citizenship foreigners legislation, petition.

Натурализацию можно определить как акт, совершаемый государством, в силу которого оно включает человека в число своих граждан [19, с. 350] или как «принятие иностранца в подданство актом правительственной власти, обусловленное предварительным согласием или его ходатайством» [20, с. 13].

Анализ имперского законодательства XVIII – начала XIX веков позволяет определить следующую картину натурализации в России в данный период.

Приобретение подданства в порядке натурализации распалось на случаи семейного порядка (заключение брака, усыновление) и внесемейного порядка (вступление в подданство, выбор подданства).

В данной статье речь идет именно о внесемейном порядке натурализации.

Натурализация осуществлялась по ходатайству лица, желающего получить подданство путем принесения присяги на верность и вечное подданство по установленной законом форме.

Прежде чем быть допущенному к присяге, иностранцу было необходимо проживать на территории Империи в течение пяти лет подряд. Срок начинал истекать со дня получения иностранцем свидетельства о водворении. Период нахождения иностранца на территории Империи во время разрешения им вопроса о получении свидетельства о водворении в данный срок не засчитывался. В случае, если иностранец периодически покидал пределы государства, срок водворения приостанавливался до его возвращения обратно. Таким образом, в отдельных случаях можно говорить о суммированном сроке проживания.

Прошение о водворении подавалось иностранцем начальнику той губернии, в которой он желал водвориться (поселиться) с объяснением, чем занимался в отечестве и какого рода занятие предполагает избрать в России.

После получения соответствующего объяснения губернатор выдавал свидетельство о водворении, со дня получения которого проситель признавался водворенным в Россию. Важно отметить, что при этом он не переставал считаться иностранцем.

По истечении пятилетнего срока со дня получения свидетельства о водворении иностранец мог подать министру внутренних дел прошение о принятии в подданство. В нем указывалось:

- в каких местах проситель проживал в течение всего времени его водворения в России, чем занимался и какие имеет свидетельства о своем образе жизни;
- к какому состоянию и обществу желает приписаться;
- в каком городе желает быть приведен к присяге;
- ходатайствует ли о применении к нему сокращенного срока водворения, если да, то на какие обстоятельства ссылается.

Помимо свидетельства о водворении и прошения о принятии в подданство, иностранцу необходимо было предоставить следующие документы:

- акты состояния просителя, составленные по формам, принятым в его отечестве, заверенные русскими дипломатическими агентами и (или) Министерством Иностранных Дел;
- удостоверение об отбытии воинской повинности или об освобождении от нее – для лиц мужского пола;
- документы, подтверждающие право на особые условия натурализации в случае, если проситель имеет ходатайство о применении сокращенного срока водворения.

Законодательство в ряде случаев предусматривало также дополнительные условия, которым должен отвечать претендент на укоренение.

Так, иностранцы, стремящиеся приписаться к оседлому населению Мурманского берега, обязаны были предоставить удостоверение местных властей своего правительства о том, что не подвергались и не подлежат ответственности за уголовное преследование и за несостоятельность [14, с. 100].

Для определенных категорий лиц, наоборот, был установлен особый льготный порядок натурализации.

Прежде всего, это касалось иностранцев, состоящих на военной или гражданской российской службе, лиц духовных иностранных исповеданий, приглашаемых по распоряжению Министра Внутренних Дел на службу в Россию. Данные лица по их желанию и по усмотрению непосредственного начальника могли быть допущены к присяге на подданство в любое время и без соблюдения сроков предварительного проживания в местах своего служения. Так, например, в 1870 году были допущены к вступлению в подданство в упрощенном порядке Греко-Униатские Священники [12, с. 421].

Для иностранцев, оказавших пользу России своим талантом, особыми заслугами, научными познаниями, разместивших значительные капиталы в общепользовательных торговых или промышленных предприятиях [15], был предусмотрен сокращенный срок «водворения».

Иногда льготный порядок носил индивидуальный характер. Например, чехам, переселившимся из Австрии в Волынскую губернию, разрешалось вступать в русское подданство ранее пятилетнего срока [11, с. 20]. Состоящим в иностранном подданстве зарубежным старообрядцам и малороссам, заявляющим желание переселиться на казенные земли в Сибири, также дозволялось вступать в русское подданство в упрощенном порядке [16].

Однако не любой желающий мог рассчитывать на получение подданства. Государство оставляло за собой право не удовлетворять соответствующие ходатайства «нежелательных» иностранцев. Так, например, за некоторым исключением [10, с. 487], не могли быть укореняемы евреи [1, с. 1228] и дервиши [3, с. 133].

Исходя из перечня условий, предъявляемого к ходатайствующим иностранцам, можно предположить, что лицам, не предоставившим достаточных доказательств своей благонадежности и не имевшим определенных занятий и средств к жизни, также могло быть отказано.

При приеме иностранцев в русское подданство Гражданским Губернаторам необходимо было придерживаться следующего алгоритма действий:

- соблюдать правила, установленные для австрийских подданных;

- запрашивать предварительное разрешение Министра Внутренних Дел в случае привода к присяге лиц, принадлежащих к сословию дворян других государств;

-информировать Министерство Внутренних Дел о затруднениях, возникших у Губернатора в процессе предоставления иностранцу подданства;

-доводить до Министерства Внутренних Дел сведения о приведенных к присяге иностранцах [17];

-сообщать в Казенную Палату обо всех случаях причисления

присягу на подданство вместо Губернского Правления в городской или земской полиции, а также в Городской Думе или в ином ближайшем к их жительству присутственном месте. Так, например, иностранцам, желающим ходатайствовать о подданстве и проживании в Керчи, Таганроге и Одессе, было разрешено приносить присягу на подданство в Городских Думах. Данная мера была вызвана тем обстоятельством, что указанные города находились на значительном расстоянии от Таврического, Екатеринославского и Херсонского Губернских Правлений. Такого рода присяга приносилась при обязательном присутствии Градоначальника или Военного Губернатора [5, с. 450-451].

В Санкт-Петербурге привод к присяге иностранцев относился к компетенции Канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника.

По ходатайству заграничных агентов при наличии уважительных причин принятие присяги также могло быть допущено в присутствии миссий.

Иностранцы желающие приписаться к оседлому населению Мурманского берега обязаны вступить в подданство России и принять присягу на верность перед местным Становым приставом или чиновником по крестьянским делам и обязательно в выбранном для оседлости месте [14, с. 100].

Определенные исключения были сделаны и для иностранцев, состоящих на русской службе. Так, например, военнотружущих иностранцев, желавших вступить в русское подданство, приводили к присяге по распоряжению воинских начальников в тех полках и командах, в которых иностранцы служили. Присяжный лист составлялся в двух экземплярах, один из которых отсылался в Инспекторский Департамент Военного Министерства для предоставления в Правительствующий Сенат, а другой – хранился в делах полка или команды [6, с. 145-146].

Законом 1859 года были предусмотрены особенности процедуры присяги на верность подданства и службы для евреев. Так, евреям следовало произносить присягу на русском языке, а если не знали такового, то на «простонародном Еврейском наречии». К присяге евреи приводились в синагогах или молитвенных школах, а если таковых не имеется, то в «подлежащем присутственном месте». При присяге должны были присутствовать Раввин, два свидетеля и начальственные лица. Под начальственными лицами подразумевались полицмейстеры и городничие – в городах, земские исправники и окружные начальники государственных имуществ – в уездах [8, с. 124-125].

Между тем нередки были отступления от предусмотренного законом порядка. На практике иностранцев неоднократно приводили к присяге в Городских и Земских Полициях. Мотивировали такой способ тем, что Правления находились на значительном расстоянии, а

также тем, что иностранцы очень часто заявляют о своем желании вступить в подданство, причем не поодиночке, а целыми семьями. В частности, в объяснении Бессарабского Областного Правления говорилось о том, что «в Бессарабию переходят Молдаване семействами, коих простиралось иногда до 152 и более, и что они чувствовали бы стеснение, если бы каждое семейство требовало за несколько сот верст в областной город для приведения к присяге». Правительствующий Сенат не удовлетворился подобным объяснением и выразил недоверие по отношению к Бессарабскому Областному Правлению. Сенат разъяснил, что «не возбраняется местному начальству испросить от вышестоящего разрешения на учинение для них изъятия из общего правила, если бы действительная надобность того требовала» [2, с. 970-971].

В большинстве случаев действительно сложно было разобраться в обоснованном приведении к присяге в Городских и Земских Полициях.

Между тем, если в отношении большинства иностранцев русские власти принципиально настаивали на совершении обряда присяги в присутствии Губернских Правлений, то в отношении некоторых лиц считали возможным отказаться от процедуры присяги вообще.

Высочайше утвержденное положение Комитета Министров от 2 ноября 1862 года вызывает особый интерес. В данном положении говорилось о возможности освобождения от присяги на подданство России поселившихся в Крыму иностранцев, подлежащих к секте малакан. Необходимость применения к малаканам упрощенной процедуры принятия в подданство обосновывалась введением в действие Устава «О предупреждении и пресечении преступлений», предусматривавшего запрет принуждать малакан к присяге по любой форме [13]. Поэтому было предложено вместо присяги ограничиться «отобранием от них подписки, с изложением в ней содержания клятвенного обещания на верность подданства России и с обязательством исполнять законы Русского Правительства» [9, 307].

Вышеизложенное позволяет утверждать, что в XVIII – начале XIX века в Российской Империи сформировался закрепленный правовыми нормами универсальный порядок натурализации.

Процедура натурализации допускалась при соблюдении определенных условий относительно срока жительства в стране, уровня доходов, благонадежности и других. При этом даже соблюдение всех формальных условий не гарантировало положительного решения вопроса. Компетентные органы могли отказать в приведении к присяге без указания причин.

Неоднократно в законодательство вводились нормы, упрощающие определенным лицам прием в подданство. Однако имела и обратная практика, когда на натурализацию некоторых социальных групп налагались ограничения. В целом, действующее

законодательство отличалось большим количеством исключений и оговорок.

Список цитируемой литературы:

1. Полное собрание законов Российской Империи. - Собрание 2. – СПб., 1828. – Т.3. – № 2558
2. Полное собрание законов Российской Империи. - Собрание 2. – СПб., 1835. – Т.10. – № 8409.
3. Полное собрание законов Российской Империи. - Собрание 2. – СПб., 1836. – Т.11. – Ч. 1. - № 8881.
4. Полное собрание законов Российской Империи. - Собрание 2. – СПб., 1837. – Т.12. – Ч.1. - № 10303.
5. Полное собрание законов Российской Империи. - Собрание 2. – СПб., 1840. – Т.15. – Ч.1. - № 13598.
6. Полное собрание законов Российской Империи. - Собрание 2. – СПб., 1846. – Т.21. – Ч.2. - № 20257.
7. Полное собрание законов Российской Империи. - Собрание 2. – СПб., 1852. – Т.27. – Ч. 1. - № 25944.
8. Полное собрание законов Российской Империи. - Собрание 2. – СПб., 1859. – Т.34. – Ч. 2. - № 34975.
9. Полное собрание законов Российской Империи. - Собрание 2. – СПб., 1862. – Т.37. – Ч. 2. - № 38871.
10. Полное собрание законов Российской Империи. - Собрание 2. – СПб., 1866. – Т.41. – Ч. 1. - № 43247.
11. Полное собрание законов Российской Империи. - Собрание 2. – СПб., 1870. – Т.45. – Ч. 2. - № 48551.
12. Полное собрание законов Российской Империи. - Собрание 2. – СПб., 1870. – Т.45. – Ч. 2. - № 48875.
13. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. СПб., 1912.
14. Свод законов о состояниях. СПб., 1912.
15. РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Д. 316.
16. РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 438.
17. РГИА. Ф. 1284. Оп. 112. Д. 137.
18. РГИА. Ф. 1412. Оп. 24. Д. 199.
19. Арановский К.В. Государственное право зарубежных стран: учебное пособие. - М., 1999.
20. Николаев В.Б. Подданство Российской Империи: его приобретение и прекращение (историко-правовой анализ): автореф. дис. канд. юрид. наук. - Н.Новгород, 2008.

© И.Г. Шауро

СЕКЦИЯ УГОЛОВНО - ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО; КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО;
КРИМИНАЛИСТИКА; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

ГРНТИ 10.85.51

УДК 343.98

	Alexander Voly'nskiy
профессор кафедры криминалистики	professor of criminalistics chair
ФГКОУ ВПО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»	the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation behalf of V.Y. Kikot

ORGANIZATION OF DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMES INTERSCIENCE, INTERDEPARTMENTAL PROBLEM

Annotation. Organization investigation of crimes defined as a system of interacting parts, in particular, procedural, operational-investigative, technical and criminalistics and forensic activities.

Key words: organization, activities, interaction, Criminal procedure code, ministries and agencies.

Прежде чем о чем-то рассуждать и дискутировать, утверждали философы еще в древности, необходимо договориться о терминах и понятиях. В специальной литературе по криминалистике и уголовному процессу до сих пор остро дискуссионными остаются вопросы о понятии и содержании организации раскрытия и расследования преступлений, о ее месте в системе этих наук, о возможности и необходимости формирования соответствующего криминалистического учения и др.

Полагаю, что ответы на некоторые из этих вопросов уже даны в научной литературе, где организация представляется как: а)

внутренняя упорядоченность, согласованность взаимодействия более или менее дифференцированных и автономных частей целого, обусловленного его строением; б) совокупность процессов или действий, ведущих к образованию и совершенствованию взаимодействия между частями целого; наконец, в) объединение людей, совместно реализующих некоторую программу или цель и согласованно действующих на основе определенных процедур и правил. При этом не трудно заметить, что во всех приведенных вариантах определений организации ключевым словом является «взаимодействие».

Понятие «организация» употребляется в общем контексте с понятиями структура, система. Первое (организация) динамично, приспособляемо к условиям среды; вторые статичны и характеризуются наличием ряда соподчиненных условий. Следовательно, не только части, но и способы их организации, их состояние определяют свойства целого.

Естественно, возникает вопрос, что представляют собой «дифференцированные и автономные части» организации раскрытия и расследования преступлений и осуществляемые в их рамках «процессы и действия»? Ответ на этот вопрос дает исторически сложившаяся практика использования в этих целях возможностей оперативно-розыскных аппаратов, судебно-экспертных учреждений и экспертно-криминалистических подразделений. Иначе говоря, организация раскрытия и расследования преступлений как целое включает в себя такие «части», как организация процессуальной деятельности, организация оперативно-розыскной деятельности, организация судебно-экспертной деятельности, организация технико-криминалистической деятельности.

Все эти виды деятельности чрезвычайно сложны и специфичны по своему содержанию, решаемым задачам, реализуемым при этом методам и средствам. Они характеризуются иерархической системой управления, обусловливаемой многоуровневой системой организации соответствующих аппаратов, учреждений, и подразделений. Возможно поэтому предпринимаемые в криминалистике попытки сформулировать учение об организации расследования преступлений пока не отличаются убедительным результатом.

Раскрытие и расследование преступлений – одно из важнейших направлений борьбы с преступностью, во многом определяющих ее содержание и результативность. Организация связанной с этим деятельности правоохранительных органов всегда была и остается предметом особого внимания наук уголовно-правового цикла, а прежде всего, уголовного процесса и криминалистики. О важности «организационного построения» всего процесса расследования писали еще родоначальники этих отраслей научного знания как в нашей стране (Я. Баршев, В.Д. Спасович, А.А.

Квачевский, В.И. Лебедев, В.И. Громов, И.Н. Якимов и др.) [1-6], так и в зарубежных странах (Г. Гросс, Э. Локард, А. Бертильон и др.).

Впрочем, строго говоря, и криминалистика и уголовный процесс в значительной их части науки об организации раскрытия и расследования преступлений. Важнейшим элементом предмета их исследования является организационное обеспечение подготовки и проведения следственных действий, тактических операций и комбинаций, применения при этом научно-технических методов и средств; организация взаимодействия следователя с другими субъектами раскрытия и расследования преступлений, розыска преступника; наконец, организация всего процесса расследования преступлений, начиная от планирования.

В последней трети прошлого века ученые-криминалисты обратились к проблемам научной организации труда следователя, появились исследования проблем организации деятельности следственных органов, в которых, естественно, использовались положения науки управления (Г.Г. Зуйков, Н.И. Кулагин, В.В. Степанов, Е.П. Ищенко, В.Д. Зеленский, А.Г. Филиппов и др.) [7-12]. Результаты таких исследований побуждали ученых-криминалистов посмотреть на проблему организации расследования преступлений не только в организационно-тактическом аспекте, в порядке работы по уголовному делу следственных органов и взаимодействующих с ними иных субъектов этой деятельности, но и в стратегическом, начиная от взаимодействия правоохранительных министерств и ведомств между собой и с законодательными органами.

Вместе с тем в конце XX века положение в стране осложнилось в связи с известными историческими событиями. Распад Советского союза и начало по существу стихийного реформаторского перехода от плановой экономики к рыночной, закономерно связанного с первоначальным накоплением капитала, предопределили социально-взрывной разгул преступности, дезориентацию и деморализацию всего нашего общества, в том числе системы правоохранительных органов и судопроизводства.

Анализируя «лихие 90-е», многие ученые-социологи, криминологи, политологи рассматривают происходившие в то время процессы как объективно предопределенные, фатально неизбежные. Хотя последующие события, определяющие вектор развития нашей страны, и опыт некоторых зарубежных стран свидетельствуют, что были и альтернативные варианты решения возникших в то время социально-экономических проблем, в том числе контроля над преступностью, если не борьбы с ней, в тех условиях. Представляется, что определяющую и, мягко говоря, своеобразную роль сыграли в то время многочисленные зарубежные советники, прежде всего из США, то есть внуки и правнуки тех, кто более ста лет назад формировал систему государственного правления и основы той свободы и

демократии, которую эта страна пытается навязать сегодня всему миру.

Уместно, полагаю, в этой связи привести здесь строки из мемуаров суперинтенданта полиции Нью-Йорка Д. Уоллинга, изданных в 1887 году: «Я слишком хорошо знаю, – писал он тогда, – силу столь распространенного у нас союза политиков и полицейских... Город Нью-Йорк практически находится во власти двадцати тысяч «держателей должностей», большинство которых получено благодаря самым злонамеренным элементам и контролируется ими же». В этой власти, продолжает Д. Уоллинг, нет настоящих джентльменов, честных коммерсантов, известных журналистов, ученых. «Зато здесь можно увидеть жестокие лица тех, кто с помощью насилия без зазрения совести стремиться к достижению своих личных целей... Наши прокуроры, юристы, полицейские в основной своей массе выдвигаются и назначаются этими элементами, обезвреживать и наказывать которых им положено по долгу службы... Политики приказывают освобождать преступников, признанных виновными...» По существу, заключает автор мемуаров, это означает только одно – американский идеал свободы – это свобода политического, экономического и уголовного гангстеризма[13].

Воспитанные на идеалах такой свободы советники российских реформаторов и не могли предложить ничего другого как возведенную в абсолют вседозволенность. Естественно, что наряду с некоторыми положительными моментами, это самым отрицательным образом сказалось на реформе нашего уголовного судопроизводства, на организации и правовом обеспечении деятельности правоохранительных органов нашей страны, в том числе на таком ключевом направлении борьбы с преступностью, как раскрытие и расследование преступлений.

Рамки данной статьи не позволяют прокомментировать все изъяны и пороки сложившихся к настоящему времени правового регулирования и организации осуществляемой в этом направлении деятельности. Обозначим по этой причине лишь некоторые, принципиально важные факты, которые убеждают не только в том, что на раннем этапе реформы нашего уголовного судопроизводства и системы правоохранительных органов были допущены ошибки (а кто от них застрахован?), но и в том, что настало время, когда ошибки необходимо исправлять.

Сегодня его не замечают или не желают замечать, пожалуй, только авторы проекта действующего УПК России (амбиции не позволяют?), представители адвокатского сообщества, прежде всего, его лобби в Государственной Думе, и те, кто на личном опыте повседневно убеждается, что в мутной водичке легче рыбака

ловится. Между тем, еще до принятия этого закона (мне приходилось участвовать в обсуждении его проекта) обращалось внимание на отсутствие в его основе самого главного – осмысленной и четко определенной с точки зрения интересов общества, государства и законопослушных граждан концепции. Фактически в этом законе совмещено несовместимое. В его основе УПК РСФСР, разработанный и действовавший в совершенно иных социально-экономических и политических условиях, и положения принципиально различных англо-саксонской и континентальной правовых уголовно-процессуальных систем. При этом из последних в УПК РФ как благие пожелания позаимствованы принципы уголовного процесса, направленные на его либерализацию и демократизацию, но оставлены без внимания те формы, методы и средства раскрытия и расследования преступлений, с помощью которых эти принципы там успешно реализуются и развиваются, которые соответствуют особенностям «рыночной преступности» и отвечают требованиям практики борьбы с ней. Этим во многом обусловлена нестабильность нашего УПК, непосредственно и крайне отрицательно влияющая на организацию раскрытия и расследования преступлений, на эффективность деятельности следственных органов.

За 12 лет существования действующего УПК России в целях его совершенствования принято около 150 Федеральных законов, которыми (по состоянию на апрель 2014 года) в него внесено 2664 изменения, дополнения, уточнения. В результате, и без того не отличавшийся безупречной логикой и системностью изложения правовых предписаний, этот закон стал «ласкутным», по многим положениям противоречивым, что затрудняет их восприятие, не говоря уже о безупречности исполнения.

Особо следует отметить, что в нем серьезно ограничена процессуальная независимость следователя, в чем фактически проявляется недоверие законодателя к нему и к его деятельности. Соответственно, задействован многоуровневый, разноведомственный круг контролирующих и надзирающих органов, что неизбежно связано с генерированием системных коррупционных связей. В таких условиях следователи в их общей массе зачастую оказываются дезориентированными в своих действиях по расследуемым ими делам, испытывают стресс и чувство растерянности, о чем свидетельствуют результаты их опроса. Все это крайне отрицательно сказывается на результатах их деятельности.

Основа основ – само назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) определяется в отрыве от материального права, в нем даже не упоминаются задачи расследования преступлений. На это упущение творцов нашего УПК обращали внимание эксперты Совета Европы, которые в своем отзыве на его проект (1999 г.) отмечали: «... эта статья преувеличивает добрые намерения авторов проекта. Не

может быть никакого сомнения в том, что в первую очередь задачей уголовного процесса является установление факта преступления, розыск подозреваемого и проведение беспристрастного судебного разбирательства с целью установить виновность подсудимого и назначения ему наказания. Утверждение, на первом месте, что задачей уголовного процесса является защита личности, поднимает вопрос, какую личность следует защищать – обвиняемого от органов государства или потерпевшего от преступников?». Однако эти доводы авторами проекта УПК РФ, судя по всему ангажированных идеей демократизации по-американски и желанием «быть святее Папы Римского», оставлены без внимания.

В порядке реформирования правоохранительных органов страны вместо ранее существовавшей по существу их моносистемы (МВД-КГБ) была создана полисистема – известное множество организационно обособленных министерств и ведомств (федеральных служб). Каждое из них, естественно, стремится продемонстрировать свою необходимость, показать свою исключительность, в конечном итоге, вместо того, чтобы взаимодействовать (напомню, ключевой элемент организации) в общих интересах борьбы с преступностью, между ними проявляется своеобразная конкуренция, крайне отрицательно сказывающаяся на организации раскрытия и расследования преступлений, а следовательно, и на результативности осуществляемой в этих целях деятельности.

И это в то время, заметим, когда преступность, будучи в основе своей единой, все более наглядно демонстрирует растущий уровень организованности, технической оснащенности, мобильности. Фактом стала интеллектуализация преступной деятельности, особенно в сфере экономики, которая интегрирует в себе все иные виды преступлений, в том числе такие тяжкие, как терроризм, бандитизм, убийства по найму, похищение людей и т.п.

В дискуссии по этому вопросу мне приходилось слышать заявления, что в США (не оттуда ли и этот опыт?) создано и успешно действует полтора десятка организационно обособленных правоохранительных органов и спецслужб. И это верно, но не следует забывать, что там все они в равной мере пользуются правом применять весь арсенал гласных и негласных методов и средств, всю мощь полицейской техники в решении стоящих перед ними задач в части раскрытия и расследования преступлений. Каждая из них все собранные ею доказательства о событии преступления и лице, его совершившем (безотносительно к моменту возбуждения уголовного дела как у нас), представляет в суд, который оценивает их и использует для установления вины такого лица и вынесения приговора.

Искусственное ограничение правоохранительных органов в использовании в раскрытии и расследовании преступлений данных оперативно-розыскной деятельности – особенность УПК РФ, возведенная в абсолют даже по сравнению с УПК РСФСР.

Даже откровенные противники оперативно-розыскной деятельности, до сих пор спекулирующие на фактах трагического прошлого нашей страны (хотя уже совершенно другой), признают, что серьезные, хорошо организованные преступления, тем более совершаемые конспиративно действующими преступными группами и сообществами, без реализации возможностей этой самой деятельности практически нераскрываемы.

Особенно сложное в этом отношении положение отмечается при раскрытии и расследовании преступлений в сфере экономической деятельности, которые в основе своей длящиеся во времени (иногда до нескольких лет), совершаются под прикрытием законной производственной деятельности, при покровительстве коррумпированных чиновников от власти и использовании услуг находящихся на содержании адвокатов. Сам процесс их расследования, как правило, сопровождается хорошо организованным, активным противодействием (подкуп и запугивание свидетелей, потерпевших, дискредитация следователей и т.п.), выявить и преодолеть которое гласными процессуальными методами и средствами просто невозможно.

Следственный комитет России (СКР), созданный в 2007 году сначала в структуре Генеральной прокуратуры страны, а вскоре организационно обособившийся от нее, как известно, призван раскрывать и расследовать тяжкие и особо тяжкие преступления, но при этом лишен права непосредственно реализовать возможности оперативно-розыскной деятельности. Кто-то может сказать, что такие проблемы следователи СКР имеют право решать на основе взаимодействия с оперативно-розыскными аппаратами системы МВД и ФСБ России. Однако серьезные научные исследования соответствующей практики убеждают даже оптимистов, что взаимодействие на основе приказов, в порядке порученческих предписаний по существу формально, малорезультативно. В такой форме оно проблемно даже в рамках одного ведомства, а в данном случае речь идет о взаимодействии сотрудников различных ведомств, порой психологически, мотивированно по-разному относящихся друг к другу, к совместной деятельности и к ее конечной цели.

Во взаимодействии во многом определяющем в целом организацию рассматриваемой деятельности, безусловно, важна формальная сторона его осуществления, в том числе и правовая регламентация, но не менее значимы личностные, неформальные отношения его субъектов, в основе которых их прямые контакты,

объективно подверженные влиянию социально-психологических факторов.

Судя по всему, это хорошо понимает руководство СКР, которое, прямо скажем, вопреки стыдливым предписаниям УПК РФ (ст. 163 п. 2) о производстве предварительного следствия следственной группой, «к работе которой могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность», один из первых изданных им приказов посвятило организации постоянно действующих следственно-оперативных групп[14].

. Не менее проблематично состояние организации раскрытия и расследования преступлений сложилось в части судебно-экспертного и технико-криминалистического обеспечения осуществляемой в указанных целях деятельности. Причем это касается не только СКР и иных вновь созданных правоохранительных ведомств, но и МВД России, обладающего довольно разветвленной относительно многочисленной по штатам (около 15 тыс. человек) системой экспертно-криминалистических подразделений (ЭКП ОВД), которыми накоплен достойный уважения, весьма поучительный, но далеко не безупречный опыт организации научно-технического обеспечения раскрытия и расследования преступлений.

Формально воспринимая этот опыт в части организации деятельности ЭКП ОВД, вновь созданные правоохранительные ведомства пытаются создать свои ведомственные экспертно-криминалистические службы по аналогии с ЭКП ОВД, не придавая значения тому, что организация деятельности последних, в основе которой совмещение в одном лице функции судебного эксперта и специалиста-криминалиста, себя изжила. Эта система сформировалась еще в 20-е годы прошлого века, но за истекшее время совершенно иными стали криминалистическая техника и решаемые с ее помощью технико-криминалистические и судебно-экспертные задачи[15].

По существу подстать этим задачам сегодня есть все основания говорить о наличии двух видов деятельности, в равной мере важных для практики раскрытия и расследования преступлений, но принципиально различающихся: по задачам (собираение следов преступлений и их исследование); по используемым методам и средствам (поисковые и исследовательские); по месту и условиям их применения (полевые и лабораторные); по профессиональным знаниям и умениям их субъектов (универсальные, в основном криминалистические и узкопредметные из различных отраслей науки); по правовой оценке результатов их применения и т.д.

Различны и формы взаимодействия следователя с судебными экспертами и специалистами. В отличие от первых, выполняющих экспертизу по постановлению следователя, вторые призваны обеспечить технико-криминалистическое сопровождение всего процесса расследования преступления, которое предполагает оказание

помощи следователю не только в поиске и экспресс-исследовании следов, в их проверке по учетам и подготовке на экспертизу, но и в повседневном использовании технических средств выявления и фиксации доказательственной информации, в частности, фотосъемки, аудио и видеозаписи, компьютерной техники. Без этого иллюзорными остаются идеи «электронного судопроизводства», замены понятых видеозаписью. Наконец, заметим, что еще никто не опроверг изречение К. Маркса: «Уровень развития техники определяет систему производства». В нашем случае организации ее применения.

Совмещение функции эксперта и специалиста-криминалиста в ЭКП ОВД порочно еще и потому, что при этом они не заинтересованы в максимально результативной работе на месте происшествия, поскольку не ориентированы на ее конечный результат, а количество изымаемых с их участием следов предопределяет количество ими же выполняемых экспертиз. По существу они сами себе «регулируют» нагрузку. Не этим ли объясняется тот факт, что с одного места происшествия, осматриваемого с участием специалистов-криминалистов ЭКП ОВД, изымается в среднем практически один след преступления? В ряде зарубежных стран этот показатель выше в 3-4 раза[16].

. Не надо быть экономистом, чтобы понять, что узковедомственный подход к формированию системы ЭКП, тем более по образцу и подобию того, что исторически сложилось в МВД России, довольно расточителен и малоэффективен. Сегодня такое подразделение в любом из правоохранительных ведомств, как и учреждение судебной экспертизы Минюста России, невозможно себе представить без современной приборной базы, весьма разнообразной по своему назначению и, как правило, приобретаемой в зарубежных странах за большие деньги. Например, японский электронный микроскоп стоит больше миллиона долларов, приборный комплекс для ДНК-анализа – около того, не считая стоимости расходного материала и т.д. Рассредоточение такой техники по ведомственным ЭКП, это тоже следует учитывать, неизбежно будет связано с ее малой «загруженностью» и, как следствие, с низкой эффективностью ее использования, как и профессиональная подготовка и содержание соответствующих специалистов[17].

В современных условиях во всех отношениях было бы рационально создать, например, на базе ЭКП ОВД, единую государственную систему судебно-экспертных подразделений (ЕГССЭП), общую для всех правоохранительных министерств и ведомств, наряду с существующей в Минюсте и с частными судебно-экспертными учреждениями (что обеспечивало бы конкурентные условия). В отличие от последних, подразделения ЕГССЭП были бы обязаны не только проводить экспертизы и исследования по заданиям

правоохранительных органов, но и вести, опять же межведомственную, АИПС криминалистической регистрации, участвовать в осмотрах мест происшествий по тяжким и наиболее тяжким преступлениям, но непременно с привлечением экспертов по специальности, соответствующей особенностям события преступления (а не «фотографа» по графику дежурств). Таким образом, на базе современных информационных технологий будет формироваться системное взаимодействие правоохранительных министерств и ведомств – основа более эффективной организации раскрытия и расследования преступлений[18].

При этом технико-криминалистическая деятельность должна быть смещена из ЭКП в те подразделения, где она реально востребована в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений. Это значит, что для ее осуществления следовало бы ввести должности специалистов-криминалистов непосредственно в штабы следственных подразделений. По существу они должны быть постоянными помощниками следователей по технике. В этом отношении заслуживает внимания и опыт СКР, где действуют следователи-криминалисты, хотя, по нашему мнению, при современном уровне развития криминалистической техники, возросших объемов и сложности решаемых с ее применением задач, это всего лишь полумера.

Обозначенные в данной статье проблемы организации раскрытия и расследования преступлений разноуровневые и разноведомственные. Они объективно взаимообусловлены, а значит их решение немислимо иначе, как во взаимосвязи и в порядке межведомственного взаимодействия. Того самого взаимодействия, которое, как нами отмечалось в начале этой статьи, составляет основу организации любой деятельности. Это значит, что руководителям всех правоохранительных ведомств необходимо переступить через узковедомственные амбиции и вместе, с позиции интересов общества и государства, выработать согласованные предложения по совершенствованию организации раскрытия и расследования преступлений, добиться их закрепления в программных (по борьбе с преступностью) или даже законодательных актах, обеспечив тем самым правовую основу их выполнения.

Список использованных источников:

1. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб. 1841.
2. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. СПб. 1961.
3. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 г. СПб. 1867.

4. Искусство раскрытия преступлений. I. Дактилоскопия. Спб. 1909.
5. Практическое руководство к расследованию преступлений. М. 1924.
6. Дознание и предварительное следствие (теория и техника расследования преступлений). Руководство для органов дознания и народных следователей. М. 1925.
7. Основы научной организации управления и труда в органах внутренних дел. М. 1971.
8. Организация управления в сфере предварительного следствия. Волгоград. 1980.
9. Научная организация труда следователя как элемент предмета криминалистики // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Вып. 6. Проблемы реализации научных рекомендаций в криминалистике. Саратов. 1987.
10. Реформой правит криминал? М. Юрлитинформ. 2013.
11. Организация расследования преступлений. Криминалистические аспекты. Ростов-на-Дону. 1989.
12. Проблемы криминалистики. Избранные статьи. М. 2007.
13. Век криминалистики. М. 1990. С. 96-97.
14. О совершенствовании деятельности постоянно действующих следственно-оперативных групп по расследованию преступлений, совершенных в условиях неочевидности: Приказ СКП РФ от 2.09.2008 г. №79.
15. Розыск, дознание, следствие. Л. 1984.
16. Взаимодействие следователей следственного комитета Российской Федерации с органами дознания при раскрытии и расследовании преступлений. М. 2011. С. 138-145;
17. Некоторые аспекты проблем организации взаимодействия следователей с оперативными сотрудниками ОВД и других спецслужб при расследовании преступлений в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 2. С. 171 – 175; Недостатки взаимодействия следователя при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 9. 121 – 129;
18. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений в системе криминалистики // Вестник криминалистики. №4/49. 2014.

© А.Ф. Волынский

	Marina Kardachevska
Профессор кафедры криминалистики доктор юридических наук, профессор	Professor at the Department of Criminalistik Full Professor of Juridical Sciences
Московский университет МВД России	The Moskow University of the Russian Internal Affairs Ministry

MODERN VIEWS ON THE FORENSIC CHARACTERISTICS OF CRIMES

Abstract: The article analyzes the views of scientists on forensic characterization of crimes defined by the nature of the relationship of its individual elements and their impact on the disclosure and investigation of crimes.

Keywords: forensic characteristics of crimes; and investigation of crimes; interconnection of individual elements.

Вопрос о том, что такое криминалистическая характеристика преступлений, и каковы ее элементы, неоднократно поднимался в научной литературе, но и по сегодняшний день продолжают споры о необходимости, содержании и структуре криминалистической характеристики преступлений. Наибольшие дебаты возникли после высказанного Р.С. Белкиным мнения, что излагаемая в учебниках криминалистическая характеристика «...включает: 1) данные об уголовно-правовой квалификации преступления; 2) криминологические данные о личности преступника и типичной жертве преступления, о типичной обстановке совершения преступления (время, место, условия); типичном предмете преступного посягательства; 3) описание типичных способов совершения и сокрытия данного вида преступлений и типичной следовой картины (последствий), характерной для применения того или иного способа.

Если провести операцию по удалению из такой характеристики данных уголовно-правового и криминологического характера, то в ней окажется лишь один действительно криминалистический элемент – способ совершения и сокрытия преступления и оставляемые им следы» [1, с. 222 - 223].

Однако большинство ученых-криминалистов не согласились с данным мнением. Возникновение криминалистической характеристики преступлений как системного описания существенных сторон, свойств, признаков и внутренних связей отражаемого в ней объекта не было случайным, а связано, прежде всего, с углубленной разработкой методики расследования отдельных видов преступлений, а также с формированием теоретических основ криминалистики[2].

В последние годы в криминалистической литературе появились различные предложения об уточнении термина «криминалистическая характеристика преступлений». Практическое значение обобщенных данных криминальной практики - очевидно, и этот факт никто из ученых не оспаривает. Сомнение вызывает лишь понятие, которым они обозначаются. Так, ряд ученых предлагает употреблять термин «криминалистическая характеристика механизма преступления» [3]. Обосновывается данное предложение тем, что наука криминалистики изучает именно механизм преступления, а понятие "преступление" – категория, прежде всего, уголовно-правовая. С.Н. Чурилов считает, что уголовно-правовая характеристика разрабатывается наукой уголовного права именно в отношении состава преступления, поэтому и криминалистикой криминалистическая характеристика должна разрабатываться именно в отношении механизма преступления. Данная точка зрения представляется несколько упрощенной. Обеими указанными науками, а также криминологией, теорией оперативно-розыскной деятельности разрабатываются характеристики преступления, однако каждая из наук в данном явлении (преступлении) изучает только те стороны, которые имеют отношение к ее предмету, что отражается в названии характеристики (уголовно-правовая, криминалистическая, криминологическая, оперативно-розыскная). Поэтому вывод о том, что «применявшийся ранее термин "криминалистическая характеристика преступления" по мере развития теории уже не удовлетворяет полностью возрастающие потребности количественного и качественного повышения эффективности процесса накопления, обработки и передачи информации о преступлении, имеющей криминалистическое значение [3]», ошибочен.

В последние годы ряд ученых-криминалистов отмечает важность криминалистической характеристики преступлений для обеспечения автоматизации процесса расследования [4]. Для этого необходимым является выявление и познание взаимосвязей,

взаимообусловленности криминалистически значимых сведений, определение тех из них, которые могут способствовать решению практических задач, связанных с раскрытием и расследованием той или иной группы преступлений. В силу этого набор признаков превращается в криминалистическую характеристику, где каждый признак оказывается, в конечном счете, связанным со всеми другими признаками и не может быть правильно использован в процессе расследования без учета этой связи. Знание о закономерных связях составляет основное содержание криминалистических характеристик, оно кладется в основу построения типовых следственных версий.

В науковедческой литературе отмечается, что свойства системы оказываются не просто суммой свойств, составляющих ее отдельных элементов, а определяются наличием специфической связи и отношений между элементами, т.е. контролируются как интегративные свойства целого. Наличие связей и отношений между элементами системы обеспечивает относительно самостоятельное, обособленное ее существование и функционирование, а в некоторых случаях, и развитие [5].

Связь элементов системного объекта представляет собой частный случай всеобщей связи явлений, которая на диалектико-материалистическом уровне рассматривается в качестве наиболее общей закономерности существования мира, обусловленной универсальным взаимодействием всех предметов и явлений. Связи в природе существуют объективно, однако они являются объектами особого рода и, как правило, непосредственно не воспринимаются. Их можно обнаружить путем выявления зависимости между предметами и их свойствами. Выявленную закономерность исследователь обычно принимает за связь. «Всякая зависимость понимается как связь, - пишет Г. П. Щедровицкий, - а каждая связь реально существует и проявляется в какой-либо эмпирически выявленной зависимости» [6, с. 41 - 42]. О существовании связи между двумя и более различными предметами говорят в тех случаях, когда по наличию или отсутствию тех или иных свойств у одних из них можно судить о наличии или отсутствии некоторых свойств у других. Особая познавательная ценность связей заключается в том, что их выявление позволяет называть предметы не непосредственно, а косвенно, через другие предметы, находящиеся с ними в той или иной связи [7, с. 58 - 59]. Кроме того, системность объекта реально раскрывается, прежде всего, через его связи и их типологию.

В философской литературе обращается внимание на необходимость различения категорий связи и отношения. Так, А. И. Уемов отмечает, что «при наличии взаимосвязи между вещами изменение одной вещи вызывает изменение другой. Взаимоотношение же не означает, что изменение одной вещи определяет какое-то изменение другой. При изменении одной вещи ее

отношение у другой вещи меняется, но сама эта вещь остается неизменной, если нет какой-либо другой причины, вызывающей изменение» [9, с. 50 – 51].

Говоря о связях между элементами криминалистической характеристики, необходимо иметь в виду, что такая связь может быть различной. Чаюк В.К. выделяет два вида основных связей: однозначную (динамическую); вероятностную (статистическую) [10, с. 11].

У С.Б. Ручкина несколько оснований для систематизации, поэтому связи, возникающие при совершении преступлений, он делит на следующие группы: закономерные и случайные; однозначные и многозначные; связи соответствия и несоответствия; связь события во времени и пространстве [11, с. 16].

А.Ю. Головин типовые корреляционные связи между элементами механизма преступления, получающие отражение в его криминалистической характеристике, подразделяет на: однозначные связи; наиболее вероятные связи; связи со средней степенью вероятности; маловероятные связи [12, с. 124].

С точки зрения теории, данные классификации достаточно увлекательны, однако для следователя наибольшую практическую пользу принесет знание именно закономерных связей. При этом возникает вопрос, что считать закономерной связью, как определить, является ли установленная связь закономерной. Приведем пример, описанный у В.В. Радаева, который отражает суть возникшей проблемы. Он говорит о рекомендациях Л.Г. Видонова, в которых содержатся данные о том, что лица, страдающие психическими заболеваниями, удаляются с места совершенного ими убийства скачками или прыжками. В то же время В.В. Радаев, который также проводил исследования преступлений, совершенных лицами с психическими отклонениями, таких особенностей их поведения не обнаружил [13, с. 4]. Таким образом, выявленная Л.Г. Видоновым связь между личностью преступника и способом удаления с места преступления не является закономерной. Однако предлагаемый Л.Г. Видоновым метод установления закономерностей между различными элементами криминалистической характеристики преступлений путем выявления наиболее часто встречаемых определенных сочетаний этих элементов, выраженных количественными показателями в процентном отношении, представляется нам наиболее верным.

Но заметим, что не все ученые-криминалисты согласны с таким методом. Так, к примеру, в учебнике по общей части криминалистики под редакцией В.Е. Корноухова отмечается, что «...попытка вычислить взаимосвязи между отдельными элементами криминалистической характеристики не имеет под собой научного обоснования, так как используемые процентные отношения выражают отношение целого и части, а когда не определено целое (что понимать

под целым?), то произвольный выбор отношений приводит к субъективизму, к необъективным выводам. К тому же, пока нет математического аппарата, который работал бы с качественными признаками, а перевод качественных характеристик в количественные требует большой осторожности, причинно-следственного объяснения» [14, с. 259 – 260].

С данным мнением согласен и С.И. Коновалов: «Камнем преткновения» был и остается вопрос о системных взаимосвязях между криминалистически значимыми признаками преступления, которые последовательно рассматривались как элементы криминалистической характеристики, механизма преступления, а в настоящее время считают актуальными в исследовании структурной, ретроспективной моделей и т.д. Усиливает отмеченные противоречия несостоятельность методов изучения системных взаимосвязей. Здесь мы должны выразить свое принципиальное несогласие с методами статистического изучения взаимозависимости элементов, считая, что ни о каких жестких закономерностях, установить которые пытались многие исследователи, в криминалистике речи быть не может в силу многомерной обусловленности преступных событий различными причинами, факторами и т.д. Как и во многих социальных науках, в криминалистике нет и не может быть жесткой детерминации связей. Все, что связано с действиями и взаимодействиями человека имеет вероятностный характер, отражается не в закономерностях, а в тенденциях, иногда только намечающихся, малозаметных, и уж во всяком случае, практически не измеряемых в требованиях корреляционной зависимости: прямой или обратной.

Там, где бессильна статистика, необходима логика. Логический анализ взаимосвязей нам представляется единственным методом изучения и обобщения системы криминалистически значимых признаков преступления» [15, с. 141 – 143].

Трудно согласиться с приведенным мнением. Разве можно противопоставлять статистику и логику? Они дополняют друг друга, логические выводы строятся на статистических данных. Без них криминалистическая характеристика будет представлять собой набор абстрактно-умозрительных сведений, выделенных по принципу «может быть», без раскрытия возможных связей, и не имеющих существенного практического выхода. В любом случае, взаимосвязь, с точки зрения логики, подразумевает, что так уже было много раз и ни что не мешает этому еще раз повториться.

В этой связи, думается, прав В.П. Лавров, отметивший, что использование как количественной, так и качественной информации о связях между элементами криминалистической характеристики преступления открывает большие возможности для применения в частных методиках математики, вычислительной техники и

моделирования, в том числе и программирования процессов расследования преступлений [16, с. 19].

Мы предлагаем под закономерной связью между различными элементами криминалистической характеристики преступлений понимать такую связь, при которой наличие одного элемента (или взаимосвязанная совокупность таких элементов) однозначно или с определенной степенью вероятности влечет за собой присутствие другого элемента (или их взаимосвязанной совокупности).

В зависимости от характера существующей между элементами криминалистической характеристики преступлений закономерной связи могут быть построены категорические или вероятностные суждения о тех или иных свойствах личности субъекта деяния или обстоятельств расследуемого события.

Так, использование при совершении хищения автомашины свидетельствует о наличии, у одного из преступников навыков управления автотранспортом или о предварительной договоренности с владельцем автомашины о его присутствии в конкретном месте в условленное время.

Такие очевидные связи выявляются на уровне элементарной логики или следственного опыта, более глубокие и менее очевидные – только путем обобщения и обработки по специальной программе представительных массивов уголовных дел, т.е. путем создания криминалистической характеристики преступлений.

Необходимо учитывать, что связь тем достовернее, чем обширнее массив изучаемых преступлений. При очень большом числе изученных преступлений случайность практически исчезает. Естественно, что речь идет о статистических закономерностях при изучении массива однородных преступлений.

Подобного рода закономерности абстрагированы от индивидуальных особенностей совершения отдельных видов преступлений, входящих в совокупность; эти особенности в результате обобщения нивелируются; выражаясь образно, «из множества беспорядков возникает порядок».

Познание данных закономерностей и использование их в процессе расследования преступлений делает его уже не случайным, а вполне предсказуемым. Это и является объяснением широкого использования на практике результатов применения вероятностных (статистических) методов исследования.

Наиболее часто встречаемыми и представляющими интерес для практики будут данные о связях от трех до десяти элементов или компонентов криминалистической характеристики. В этом случае можно четко установить вид связи, оценить ее значение для построения версий.

Список цитируемой литературы:

1. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001.
2. Методика расследования преступлений. М., 2006. С. 159;
.. Судебное разбирательство по уголовным делам об убийствах, предусмотренных ч. 1 ст. 105 УК РФ: криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты // СПС КонсультантПлюс. 2014; Криминалистика. Углубленный курс: учебник / под. общ. ред. проф. М.: ДГСК МВД России, 2012. С. 394 и др.
3. Общие положения методики расследования преступлений. М.: Воен. ин-т, 1990. С. 75 - 85; Он же: Общий метод расследования преступлений. М.: Союз, 1998. С. 135; Он же. Криминалистическая методика: история и современность. М.: ИКЦ "Маркетинг", 2002. С. 167; Он же: Предмет доказывания в уголовном судопроизводстве и криминалистике: Научно-практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2010. С. 23; Теоретические основы криминалистического учения о механизме преступления. М., 1997; . О соотношении криминалистической характеристики и механизма преступления // Вестник криминалистики. 2004. Вып. 2(10). С. 19; . Механизм преступления и криминалистическая характеристика // Вестник криминалистики. 2004. Вып. 2(10). С. 12 и др.
4. Технология использования криминалистической характеристики в раскрытии убийств: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. С. 22.
5. Криминалистическая характеристика преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2007. № 4. С. 117 – 118;
Преступная группа – необходимая составляющая криминалистической характеристики комплексной методики расследования преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2010. №12. С. 135 – 137;
Незаконный оборот драгоценных металлов и камней: монография. М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2011. 279 с.;
Проблемы оперативного документирования преступлений, совершаемых в сфере оборота драгоценных металлов и камней и способы их устранения // Право и государство: теория и практика. 2013. № 9 (105). С. 101 – 104;
О новых подходах в борьбе с преступностью в сфере оборота драгоценных металлов и камней // Перспективы науки. 2013. № 8. 206 – 207.
6. Основания общей теории систем. М., 1974.
7. Проблемы методологии системного исследования. М., 1964.
8. К определению понятия связи // Вопросы философии. 1960. № 6.
9. Вещи, свойства, отношения. М., 1963.
10. Указ раб. С. 11.
11. Указ раб. С. 16.
12. Криминалистическая систематика. М., 2002.
13. . Криминалистическая характеристика преступлений и ее использование в следственной практике. Волгоград, 1987. С. 4;
14. Курс криминалистики. Общая часть / отв. ред. . М., 2000.
15. Теоретико-методологические основы криминалистики: современное состояние и проблемы развития. Ростов н/Д, 2001.
16. . Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений // Курс лекций по криминалистике / под ред. . М., 1998.

М.В. Кардашевская

	Artur Avdalan
Преподаватель кафедры уголовного права и криминологии МОУ ВПО «Институт права и экономики» г. Липецк	lecturer of chair of crime law and criminology, Institute of Law and Economics, Lipetsk
	Valentina Alieva
Студентка 4 курса МОУ ВПО «Институт права и экономики» г. Липецк	Student of 4 policies, Institute of Law and Economics, Lipetsk

-

SOCIAL FOUNDATIONS OF CRIMINAL LAW PROTECTION OF SEXUAL INVIOABILITY

Abstract: the article deals with crimes against sexual inviolability of minors causing a wide range of negative social consequences. Encroaching on sexual integrity, sexual offences thereby violate the sexual integrity of minors, normal physical (mental) development of minors and public morality in the sphere of sexual relations.

Keywords: minors, sexual integrity, sexual maturity, age of consent, indecent assault.

Социально-правовая природа ненасильственных половых преступлений против несовершеннолетних вызывает сложности в понимании, что связано, прежде всего, со спецификой половых преступлений в целом.

В настоящее время к ненасильственным половым преступлениям, против несовершеннолетних можно отнести, прежде всего, ст. 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего

возраста» и ст. 135 УК РФ «Развратные действия». В данных преступлениях страдает сразу несколько объектов:

- 1) половая неприкосновенность несовершеннолетних;
- 2) нормальное физическое (психическое) развитие несовершеннолетнего;
- 3) общественная нравственность в сфере половых отношений.

В недавно принятом постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. №16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» установлено, что уголовная ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, достигшим двенадцатилетнего возраста, но не достигшим шестнадцатилетнего возраста, а равно за совершение в отношении указанных лиц развратных действий (статьи 134 и 135 УК РФ) наступает в случаях, когда половое сношение, мужеложство, лесбиянство или развратные действия были совершены без применения насилия или угрозы его применения и без использования беспомощного состояния потерпевшего лица.

По смыслу закона, уголовной ответственности за преступления, предусмотренные частями 1 - 6 статьи 134 УК РФ и частями 1 - 5 статьи 135 УК РФ, подлежат лица, достигшие ко времени совершения преступления восемнадцатилетнего возраста.

К развратным действиям в статье 135 УК РФ относятся любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, совершенные в отношении лиц, достигших двенадцатилетнего возраста, но не достигших шестнадцатилетнего возраста, которые были направлены на удовлетворение сексуального влечения виновного, или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям.

При этом анализ составов ст. ст. 134 и 135 УК РФ позволяет выделить ряд критериев, на основании которых выстроена система ответственности за посягательства на половую неприкосновенность, в числе которых: а) возраст потерпевшего; и б) общественная опасность личности виновного.

В ст. ст. 134 и 135 УК РФ защищается личность потерпевшего, не достигшего 16 лет. Этот возраст часто в юридической литературе называют «возрастом согласия».

По мнению Л.М. Прозументова, повышенная необходимость подростков к общению ведет к возрастанию их активности в поиске друзей. У подростков на этом этапе появляется чувство взрослости, они стремятся воспроизвести форму взрослых отношений (в том числе и в сексуальной сфере – А.А.), их ведущая деятельность в этот период направлена на установление интимно-личных отношений со сверстниками, через процесс общения [1].

Несовершеннолетние лица не обладают половой свободой, то есть по своим психическим и физическим свойствам не подготовлены к вступлению в половую жизнь без вреда для своего здоровья, не осознают в полной мере характер совершаемых с ним действий и их физические, нравственные, психологические, социальные и иные последствия [2]. В случаях совершения в отношении несовершеннолетних преступлений, предусмотренных ст. ст. 134-135 УК РФ, сексуальные отношения представляются подросткам в циничном ракурсе, это ведет в дальнейшем к вседозволенности и распушенности в половой сфере, может детерминировать проституцию и совершение самими подростками сексуальных преступлений [3].

В современном зарубежном уголовном законодательстве возраст согласия, определен законодателем по-разному, но, как правило, это временной промежуток от 12 до 16 лет.

В уголовных кодексах Болгарии [4], Норвегии [5], ФРГ [6], Сан-Марино [7], установлена уголовная ответственность за преступления против половой неприкосновенности лиц, не достигших 14-летнего возраста.

Австрийский законодатель довольно строго карает за развратные действия в отношении малолетних, а также за склонение малолетнего лица к сексуальному действию с другим лицом. Однако если возраст исполнителя деяния превышает возраст малолетнего лица не более чем на четыре года и не наступили последствия, указанные в законе, исполнитель не подлежит наказанию, за исключением случаев, когда малолетнему еще не исполнилось 12 лет [8]. Также в УК Голландии установлена ответственность за половые преступления, связанные с занятием педофилией с лицами моложе 12 лет [9].

До внесения изменений в ст. ст. 134, 135 УК РФ Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 380-ФЗ ответственность за совершение полового сношения, мужеложства, лесбиянства, а также развратных действий в отношении лица, достигшего четырнадцатилетнего возраста, но не достигшего шестнадцатилетнего возраста, наступала при условии, что потерпевший, кроме того, не достиг и половой зрелости.

В советской уголовно-правовой доктрине утверждалось, что половая зрелость не связана с наступлением определенного возраста, в частности, достижения совершеннолетия – 18 лет, и в значительном числе случаев половая зрелость подростков наступает раньше. Для установления факта половой зрелости у лиц женского пола применялись Правила судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы, утвержденные Министерством здравоохранения СССР 7 января 1966 г., которые определяли, что под состоянием половой зрелости следует понимать окончательное

сформирование женского организма, когда половая жизнь, зачатие, беременность, роды и вскармливание ребенка являются нормальной функцией, не расстраивающей здоровья, и свидетельствуемая способна к выполнению материнских обязанностей.

Каждый из этих признаков в отдельности не является решающим, только совокупность их дает возможность судебно-медицинскому эксперту правильно ответить на вопрос о половой зрелости [10].

В Правилах судебно-медицинской экспертизы половых состояний мужчин, утвержденных Министерством здравоохранения СССР 7 января 1966 г. указывалось, что половая зрелость у лиц мужского пола характеризуется таким состоянием общего физического развития и формирования половых желез, при котором половая жизнь является физиологически нормальной функцией, не вызывает расстройства здоровья и не наносит ущерба дальнейшему развитию организма. При освидетельствовании учитывают: общее физическое развитие организма, развитие наружных и внутренних половых органов, способность к половому сношению и оплодотворению. Каждый из этих признаков в отдельности не является решающим, только их совокупность даёт возможность судебно-медицинскому эксперту правильно ответить на вопрос о половой зрелости.

Считается, что половая зрелость совпадает по времени с окончательным формированием половой сферы (ее биологической составляющей) и ее возрастные границы, как показывают специальные исследования, составляют 15-17 лет для девушек и 17-19 лет для юношей [11].

Включение названного признака в УК РФ породило множество труднопреодолимых проблем для правоприменителей, которые заключались, прежде всего, в понимании термина «половая зрелость». Уголовный закон не давал его определения, отсутствовали официальные разъяснения по данному вопросу и со стороны высшей судебной инстанции Российской Федерации, что вызвало оживленную научную дискуссию по данной проблеме и высказывались преимущественно критические замечания по этому поводу [12].

Простой «возврат» законодателя к признаку половой зрелости не выглядел бы столь удручающим, если он убрал бы возрастной критерий (недостижение потерпевшим определенного возраста) и прописал только половую зрелость, тем более что в литературе существует мнение, согласно которому использование возрастных критериев во всех случаях посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних, приводит к тому, что вступление в половую связь с лицом, достигшим возраста, но не достигшим половой зрелости, является ненаказуемым, хотя объективно причинение вреда ребенку будет налицо.

Гораздо больше вопросов вызывает способ его закрепления в уголовно-правовой норме, когда критерий половой зрелости законодатель безальтернативно «привязал» к возрасту потерпевшего. Получилось, по справедливому замечанию Ю.В. Голика, что «если раньше закон категорически запрещал половое сношение с лицами, не достигшими 16-летнего возраста, вне зависимости от их пола, то сейчас это возможно и допустимо, если лицо достигло половой зрелости, а поскольку в нынешних условиях большинство детей к этому возрасту половой зрелости достигают... то и вопрос об уголовной ответственности отпадает. Выглядит так, будто государство реально встало на защиту педофилов» [13].

В рамках исследования нами было проведено фокусированное интервью (фокус-группа) с четырьмя судебно-медицинскими экспертами ГУЗ «Липецкое областное бюро судебно-медицинской экспертизы». Выявлено, что в современных условиях большая часть подростков женского пола достигает половой зрелости к 15-16 годам, мужского – 16-18. Соответственно, вполне возможен случай, когда лицо достигло половой зрелости, а возраста 16 лет не достигло. При этом все эксперты крайне негативно оценили совмещение критериев «половая зрелость» и «возраст согласия» в диспозициях ст. ст. 134-135 УК РФ. 88% опрошенных нами юристов придерживаются такой же точки зрения.

Федеральным законом РФ от 28 декабря 2013 г. № 380-ФЗ признак половой зрелости из диспозиций составов ст. ст. 134-135 УК РФ был исключен, однако в этой связи особую настороженность вызывает практика принятия Государственной Думой РФ непродуманных законодательных актов, без учета мнения научной общественности.

Вторым критерием дифференциации является общественная опасность лица, а именно указание на наличие судимости за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. При этом вышеуказанный Пленум в п. 14 следующим образом толкует данное положение: К имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего (часть 5 статьи 131 УК РФ, часть 5 статьи 132 УК РФ, часть 6 статьи 134 УК РФ, часть 5 статьи 135 УК РФ) относятся лица, имеющие непогашенную или не снятую в установленном порядке судимость за любое из совершенных в отношении несовершеннолетних преступлений, предусмотренных частями 3 - 5 статьи 131, частями 3 - 5 статьи 132, частью 2 статьи 133, статьями 134, 135 УК РФ. При этом также учитываются судимости за указанные преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет.

Как мы уже отмечали, в ст. ст. 134 и 135 УК РФ защищается личность потерпевшего, не достигшего 16 лет. Следует обратить

внимание на постоянное изменение в подходе законодателя к такому критерию: 14 лет, 16 лет, лица, достигшие половой зрелости. То есть, с одной стороны, возникает вопрос о наличии так называемой половой зрелости, при которой у самого потерпевшего могут быть половые потребности, с другой - устанавливается возможность освобождения от наказания при вступлении в брак. Можно прийти к выводу, что потерпевший 14-15 лет и вопросы его половой защиты очень тесно связаны с половой нравственностью, что также подтверждается наличием возможности у регионов самостоятельно устанавливать брачный возраст и связывание субъекта преступления достижением возраста 18 лет. То есть при вступлении в брак половые отношения вполне допустимы и в этом случае все основывается на представлении о содержании полового уклада в обществе. Тот же подход можно обнаружить в примечании 2 к ст. 134 УК РФ, где законодатель запрещает назначать наказание в виде лишения свободы при наличии разницы в возрасте между потерпевшим и подсудимым менее четырех лет, так как небольшая разница в этом случае также подчеркивает специфику отношений у молодежи. В целом необходимо отметить, что ч. 1 ст. 134 и ч. 1 ст. 135 во многом основываются на принципах половой нравственности, где законодатель помимо защиты несовершеннолетних, также ограничивает возможность лиц, достигших половой зрелости, удовлетворять половые потребности с лицами, достигшими совершеннолетия.

Однако в случае недостижения несовершеннолетним потерпевшим 14-летнего возраста, все вопросы, связанные с половой нравственностью, теряют актуальность и на первый план выходит личность несовершеннолетнего, а государство при этом гарантирует половую неприкосновенность несовершеннолетних. При этом недостижение 12-летнего возраста потерпевшим, согласно примечанию к ст. 131 УК РФ, приравнивается к беспомощному состоянию.

Половая нравственность также является социальным основанием установления в ч. 2 ст. 134 УК РФ ответственности за мужеложство или лесбиянство с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста. Здесь законодатель устанавливает более суровую ответственность (в ч. 1 до 4 лет, а в ч. 2 уже до 6 лет лишения свободы) и уже никак не ограничивает применение лишения свободы из-за разницы в возрасте, хотя совсем недавно, как мы уже отмечали, данные действия при наличии половой зрелости были вообще ненаказуемы. То же в определенном аспекте можно распространить на ч. 4 и 5 ст. 134 УК.

Обратившись к ст. 135 УК РФ, мы можем отметить, что ответственность в соответствии с данным составом предусмотрена за любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и

лесбиянства, совершенные в отношении лиц, достигших двенадцатилетнего возраста, но не достигших шестнадцатилетнего возраста, которые были направлены на: 1) удовлетворение сексуального влечения виновного; 2) вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица; 3) пробуждение лица, не достигшего 16-летнего возраста интереса к сексуальным отношениям. Здесь мы вновь должны отметить, что социальной обусловленностью возникновения данной нормы, помимо интересов несовершеннолетнего, также выступает половая нравственность.

Случай, когда виновный, например, пытался привести к сексуальному возбуждению малолетнее лицо, вряд ли посягает на интересы личности в области охраны его половой неприкосновенности. В данном примере могут совершаться самые разнообразные действия, истинный характер которых, вполне может быть, вообще непонятен несовершеннолетнему. На этом фоне приравнивание развратных действий к изнасилованию и насильственным действиям сексуального характера, которое установлено в примечании к ст. 131 УК РФ, может обосновываться только принципами половой нравственности.

Стоит отметить, что половая нравственность оказывает все более осязаемое влияние на возникновение уголовной ответственности за половые преступления - например, введена уголовная ответственность за получение сексуальных услуг несовершеннолетнего в возрасте от 16 до 18 лет (ст. 240.1 УК) или за привлечение несовершеннолетнего в качестве исполнителя для участия в зрелищном мероприятии порнографического характера (ст. 242.2 УК РФ).

При этом законодатель в ч. 4 ст. 128.1 УК РФ еще и ввел дефиницию «преступления сексуального характера». По мнению Ю.Е. Пудовочкина, преступления сексуального характера в рамках квалифицирующего признака ч. 4 ст. 128.1 УК РФ следует считать не только деяния, предусмотренные ст. ст. 131 - 135 УК РФ, но также преступления, предусмотренные в ст. ст. 240, 241, 242.1 и 242.2 УК РФ. Н.Г. Кадников отмечает, что категория преступлений сексуального характера также не выделена в законе и полагает, что речь идет о преступлениях, ответственность за которые предусмотрена нормами глав 17 и 18 Особенной части УК - ст. ст. 127.1 и 127.2, 131 - 135 УК РФ [14]. При этом совершенно непонятно, а проф. Н.Г. Кадников не разъясняет, по каким критериям к преступлениям сексуального характера отнесены составы статей 127.1 (торговля людьми) и 127.2 (использование рабского труда). Т.Ю. Орешкина строго ограничивает преступления сексуального характера деяниями, предусмотренными ст. ст. 131-135 УК РФ. Того же мнения придерживается и И.А. Ефремова.

Подводя итог, необходимо отметить, что преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних причиняют широкий спектр негативных социальных последствий. В настоящее время в литературе суть половых преступлений определяется через посягательство на интересы личности. Поместив преступления против половой неприкосновенности в главу 18 УК РФ, законодатель определил родовым объектом данных преступлений интересы личности. Однако одним из критериев криминализации деяний в рассматриваемой сфере остается половой уклад в обществе. Посягая на половую неприкосновенность, половые преступления тем самым нарушают половую неприкосновенность несовершеннолетних, нормальное физическое (психическое) развитие несовершеннолетнего и общественную нравственность в сфере половых отношений.

Список цитируемой литературы:

1. Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение: дис. ... докт. юрид. наук. – Томск, 2001. – С. 7, 20-22.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / под ред. ... – 2-е изд. – М: Проспект, 2015 // СПС КонсультантПлюс; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: Научно-практический (постатейный) / под ред. ... – 2-е издание, перераб и доп. – М.: Юриспруденция, 2013. – 912 с.; Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: Учебник / под ред. ... М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2013. – 704 с.
3. Ненасильственные сексуальные посягательства на лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста: дис. ... канд. юрид. наук. - Краснодар, 2000. – С. 46.
4. Уголовный кодекс Республики Болгария / науч. ред. проф. ... ; пер. с болгарского ..., вступ. ст. ... – СПб: Издательство Юридический центр Пресс, 2001. - С. 116-117.
5. Уголовное законодательство Норвегии / науч. ред. и вступ. ст. ... ; пер. А.В. Жмени. - СПб.: Юридический центр Пресс, 200-... с

лакуны современного правового поля // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. II. - С. 14-16;

К вопросу о совершенствовании уголовного законодательства о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА (выпуск шестнадцатый). - Оренбург, 2012. - С. 73-76;

О новеллах в системе сексуальных преступлений // Уголовное право. - 2012. - № 6. - С. 25-27;

Вопросы квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Адвокат. - 2013. - № 3. - С. 20-24;

. Проблемы уголовно-правовой охраны половой свободы и половой неприкосновенности личности в свете изменений закона и судебной практики // Вестник ВЭГУ. - 2013. - №4 (66). - С. 55-59;

Проблемы толкования не достижения половой зрелости потерпевшего в преступлениях, предусмотренных ст. 134 и 135 УК РФ // Юридическая наука. - 2012. - № 3. - С. 58-61;

О дополнительной критерии криминализации общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 134 УК РФ // Вестник Удмуртского университета. - 2012. - Вып. 3. - С. 150-153;

. Генезис законодательной регламентации ответственности за преступление, предусмотренное ст. 134 УК РФ: итоги и перспективы // Общество и право. - 2012. - №2. - С. 336-339.

13. . «У суда нет оснований...» // Независимая газета. - 2012. - 4 сентября.

14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / под ред. . – 2-е изд. – М: Проспект, 2015 // СПС КонсультантПлюс.

© А.Я. Авдалян, В.М. Алиева

	Walid Alaasemi
Аспирант кафедре уголовного права и криминологии	Postgraduate Department of Criminal Law and Criminology
ФГБОУ ВПО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина» / Ирак	Yelets State University. Name I.A. Bunin / Iraq

PROBLEMS OF PREVENTION ENVIRONMENTAL CRIMES IN IRAQ

Abstract: This article discusses common problems of prevention of environmental crimes in Iraq. It analyzes laws of environmental crimes and structure of main law enforcement agencies.

Keywords: environmental crime, law enforcement, Iraq.

В настоящее время в Ираке действует множество законов, регулирующих охрану различных видов природных объектов и ресурсов, в которых, в частности, содержатся номы, предусматривающие уголовную ответственность.[1] Например, в Законе о защите общественного здоровья № 6 от 1929 года, содержится статья, которая предусматривает наказание штрафом в размере не более 500,22 динаров, или лишение свободы на срок не более трех месяцев за загрязнение атмосферного воздуха в результате производственных процессов или в результате сжигания топлива в воздухе сверх установленных нормативов.

В Законе о предотвращении шума № 21 от 1966 в статье 5 предусмотрена ответственность для нарушителей его положений в виде штрафа в размере не менее пяти динаров и не более двадцати динаров, или лишения свободы на срок, не превышающий десяти дней, или одновременно штрафа и лишения свободы. В Законе не исключается возможность принимать и более строгие наказания,

предписанные иными законами. Кроме того, закон предусматривает помимо наказания и конфискацию источника трансляции шума.[2]

В Законе об обращении иракских сельскохозяйственных материалов № 34 от 1970 закреплено положение о недопустимости импорта сельскохозяйственных семян, удобрений и ядов. Нарушение норм Закона, а также всех инструкций изданных на его основании, в соответствии со статьей 9 влечет за собой наказание штрафом в размере не менее десяти динаров и не более ста динаров и тюремным заключением на срок не менее десяти дней и не более чем на шесть месяцев.[3]

В статье 5 Закона о здравоохранении № 6 1929 предусмотрена уголовная ответственность за загрязнение окружающей среды бытовыми и промышленными отходами. Нарушение норм Закона наказывается штрафом в размере не более 22, 500 динаров, или лишением свободы на срок не более трех месяцев.[4]

Закон о защите диких животных и птиц № 21 от 1979 также содержит нормы, предусматривающие уголовную ответственность. В частности, установлен строгий запрет на охоту на животных и птиц, не являющихся домашними, а нарушение этого запрета влечет за собой наказание штрафом в размере не менее десяти динаров и не более пятидесяти динаров, или лишением свободы на срок не менее пяти дней и не более чем на два месяца, или применение штрафа и лишения свободы одновременно.[5]

Однако такой разброс норм, предусматривающих уголовную ответственность за экологические преступления, создает ряд неудобств в правоприменении. Для устранения такого положения, по нашему мнению, необходимо все эти нормы включить в действующий Уголовный кодекс Ирака.

Важным направлением уголовно-правового регулирования охраны окружающей среды в Ираке является создание системы государственных органов, на которые возложены соответствующие функции. Успех реализации политики, касающейся охраны окружающей среды в Ираке, зависит от эффективности и рационального использования институционального потенциала страны. Что касается административных органов Ирака, выступающих в защиту окружающей среды, то следует отметить, что есть многие из них, которые являются заинтересованными в решении экологических проблем как на национальном уровне, так и на местном, региональном уровне.

Тем не менее, экологические проблемы, вызывают озабоченность, в первую очередь местных органов власти, находящихся ближе к гражданину и имеющих возможность эффективно решать повседневные проблемы, особенно те, которые связаны с негативным влиянием на здоровье граждан Ирака и окружающую среду, в которой они живут.[6]

Иракское государство приняло в области охраны окружающей среды множество законов, которые регулируют различные экономические и социальные сферы деятельности, оказывающие существенное влияние на состояние окружающей среды. В соответствии с научными подходами к защите окружающей среды был принят план действий, направленных на укрепление правовой и институциональной базы в этой сфере, а также появились центральные административные органы, которые совместно с муниципалитетами и провинциями, являющимися основными в защите окружающей среды, играют активную роль в разрешении экологических проблем, масштабы которых в Ираке ошеломляют.[7]

В связи с тем, что Министерство окружающей среды Ирака было не в состоянии в одиночку контролировать весь природоохранный сектор, особенно в связи с существенными изменениями, произошедшими в последнее десятилетие в экономической сфере, решение вопросов охраны окружающей среды в Ираке было возложено на ряд созданных специализированных органов, перед которыми были поставлены задачи организации и проведения на подведомственных территориях мер по охране окружающей среды. Таким образом, деятельность этих органов позволила уменьшить нагрузку на Министерство охраны окружающей среды и местные органы, занимающиеся решением экологических проблем.

Среди таких специализированных органов необходимо, прежде всего, выделить Национальное агентство по отходам, Совет по защите и улучшению окружающей среды Ирака и Советы по защите и улучшению состояния окружающей среды в провинциях, Департамент окружающей среды, Национальное агентство по геологии и горному надзору, инспекции по охране окружающей среды на уровне муниципалитетов, муниципальные дирекции общественной гигиены.

Национальное агентство по отходам было создано в 2009 году в соответствии с Законом об охране и улучшении окружающей среды, в котором определен круг полномочий данной структуры, его состав и порядок работы. Основная цель создания Национального агентства по отходам заключалась в необходимости урегулирования комплекса проблем, накопившихся в промышленном секторе, в связи с переизбытком промышленных отходов и выработке национальной концепции по борьбе с отходами производства.[8] Необходимость создания этого агентства была продиктована также международными обязательствами Ирака в связи с присоединением к Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (Базель, 1989 г.), а также Международной конвенции по обеспечению готовности на случай загрязнения нефтью, борьбе с ним и сотрудничеству (Лондон, 1990 г.).[9]

Закон об охране и улучшении окружающей среды определил иракское Национальное агентство по отходам как общественный институт промышленного характера, подведомственный Министерству окружающей среды Ирака и являющийся посредником в отношениях с третьими лицами.[10] Руководство деятельностью Национального агентства по отходам осуществляет Правление директоров, состоящее из министра окружающей среды в качестве президента или его представителя и членов правления, в число которых входят: представители министерства финансов, министерства промышленности, министерства нефти, министерства связи и др.

В Законе о сохранении и улучшении окружающей среды № 27 от 2009 года была поставлена задача сохранения окружающей среды и снижения ущерба, причиняемого ей антропогенными действиями. Основными органами в Ираке, на которые возложены данные задачи, являются Совет по защите и улучшению окружающей среды Ирака и Советы по защите и улучшению состояния окружающей среды в провинциях (далее – Советы), которые формируются Министерством охраны окружающей среды в соответствии с законодательством № 37 за 2008 год о создании соответствующих Советов в Республике Ирак. На Советы может быть также возложена задача по поддержанию надлежащего состояния компонентов окружающей среды и осуществлению мер по предотвращению ее деградации, загрязнения или уменьшению загрязнения. Таким образом, данные Советы рассматриваются в качестве заинтересованных субъектов в регулировании отношений по охране окружающей среды, в том числе и уголовно-правовыми мерами.[11]

В соответствии со статьей 20 Закона об охране и улучшении окружающей среды в Ираке учрежден Департамент окружающей среды, входящий в состав МВД, который определяет его структуру, функции и устав, изданный МВД по согласованию с министром охраны окружающей среды. Этот Департамент является своеобразной экологической полицией, в функции которой входит предупреждение и предотвращение преступлений в экологической сфере.[12]

Еще одним важным государственным органом, в сфере охраны окружающей среды является Национальное агентство по геологии и горному надзору. Это независимый орган, осуществляющий надзор за проведением геологических и горных работ.

В последние годы возросла роль местных общин провинций и муниципалитетов в области охраны окружающей среды. Для обеспечения выполнения задач, стоящих перед государством, по охране окружающей среды стали создаваться инспекции по охране окружающей среды на уровне уезда. Однако процесс создание этих органов проходил очень трудно из-за нехватки как человеческих, так и материальных ресурсов, в особенности финансовых. Было создано всего десять таких инспекций. На основании Исполнительного Указа

96/60, на инспекции возлагаются обязанности, касающиеся, в основном, осуществления контроля за исполнением законов и правил, в сфере защиты окружающей среды.

В области борьбы с загрязнением в городах, инспекторы совместно с мэрами принимают решения по вопросам очищения окружающей среды от твердых бытовых отходов. В соответствии со ст. 2 Указа 96/60 при экологических инспекциях был создан комитет занимающийся проверкой общественных мест, выделенных для складирования мусора.

Экологические инспекции способствуют укреплению процесса развития экологической культуры через возрождение международных дней, связанных с защитой окружающей среды (Всемирного дня окружающей среды, Международного дня борьбы за зеленые насаждения и др.), Таким образом деятельность инспекций является способом усиления верховенства права, повышения роли гражданского общества и позволяет всем гражданам, желающим внести свой вклад в процесс принятия решений на местном уровне., реализовать свое право.[13]

Однако при всем многообразии государственных органов и органов в провинциях, их существующая система не способна в полной мере реализовывать все направления в сфере борьбы с экологической преступностью в Ираке. В отличие от Российской Федерации, в которой созданы и действуют такие специализированные органы, как природоохранные прокуратуры, подразделения полиции, занимающиеся расследованием экологических преступлений, в Ираке подобных правоохранительных структур нет. Это объясняется, как уже неоднократно отмечалось выше, тем, что Уголовный кодекс Ирака не содержит специальной главы, посвященной экологическим преступлениям, а нормы, предусматривающие ответственность в этой сфере, рассеяны по различным нормативно- правовым актам. Кроме того, глубоких научных исследований проблем, связанных с экологической преступностью, в Ираке не проводилось.

Таким образом, законодательство Ирака, предусматривающее уголовную ответственность за экологические преступления, нуждается в серьезном реформировании и дальнейшем развитии. Предстоит еще большая кропотливая работа по повышению качества уголовно-экологического законодательства, эффективность которой, возможна только лишь при условии учета научных разработок данной проблематики.

Список цитируемой литературы:

1. Мохаммед Бенхам Загрязнение окружающей среды и способы противодействия. Каир. – 2009. С. 243 -التلوث البيئي وسبل مواجهته القاهرة -محمد بنهام -2009- ص243.
2. См.: Самир Мохамед Фадель Международные обязательства о не загрязнении окружающей среды // Египетский журнал международного закона. 2014. № 34. С. 54. المجلة المصرية للقانون الدولي -الالتزام الدولي بعدم تلويث بيئة الانسان -د. سمير محمد فاضل -34 العدد -ص54
3. См.: Райда Исмаил Хамдани Промышленное загрязнение микроэлементами и тяжелыми металлами почв и растений - Университет Мосула. 2007. С. 58. رائدة -جامعة الموصل -التلوث الصناعي للعناصر الصغرى والثقيلة على التربة والنبات -اسماعيل الحمداني -ص58
4. См.: Хасан Абдул Баки Муниб Энциклопедия уголовного законодательства в соответствии с последними изменениями. 2004. С. 428. حسن عبد الباقي منيب -428 ص -2004 -الموسوعة في القوانين الجنائية الخاصة وفقا لآخر التعديلات
5. См.: Мерват Мохамед Баруди Уголовная ответственность за мирное использование ядерной энергии. - Каирский университет. 2009. С. 88. محمد مرفت -88 ص -2009 -جامعة القاهرة -المسؤولية الجنائية للاستخدامات السلمية للطاقة النووية -البارودي
6. 6.См.: Усама Хассанейн Обейд Уголовная защита культурного наследия. – Ирак. 2008. С.56. ولى الطبعة الا -الحماية الجنائية للتراث الثقافي الاثري -د. اسامة حسنين عبيد -56 ص -2008 -العراق
7. См.: Рашид Мохаммед Саприни Окружающая среда и ее проблемы // Серия научных знаний. 1984. № 22. العدد -سلسلة علم المعرفة -البيئة ومشكلاتها -رشيد محمد صباريني -22- 1984-
8. См.: Ашраф Тауфик Шамсуддин Уголовная охрана окружающей среды. – Багдад. 2004. С. 194. ص194 -2004 -بغداد -الحماية الجنائية للبيئة -د. اشرف توفيق شمس الدين
9. 9.См.: Ашраф Абдель-Раззак Правовая защита окружающей среды. – Ирак. С. 68. ص68 -العراق -الحماية الشرعية للبيئة -اشرف عبد الرزاق
10. См.: Мохаммед Абдель-Кадер аль-Феки Окружающая среда: проблемы и вопросы защиты от загрязнения. – Багдад. 2009. С. 97. البيئة -محمد عبد القادر الفقي -97 ص -2009 -ومشاكلها وقضاياها وحمايتها من التلوث بغداد
11. См.: Мерват Мохамед Баруди Указ. соч. С. 105. المسؤولية الجنائي -مرفت محمد البارودي -105 ص -2009 -للاستخدامات السلمية للطاقة النوويةجامعة القاهرة
12. См.: Мохаммед Хассан Аль-Кандари Уголовная ответственность за загрязнение окружающей среды. - Багдад. 2011. С. 62. محمد حسن الكندري -62 ص -2011 -بغداد -المسؤولية الجنائية عن التلوث البيئي
13. .: Хассан Ахмед Шехата Загрязнение окружающей среды. - Багдад. 2007. С. 157. ص157 -2007 -بغداد-التلوث البيئي -حسن احمد شحاته

© Альаасеми Валид Кадем Хуссейн

	Vladimir Abramov
Заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук, доцент. МОУ ВПО «Институт права и экономики»	Candidate of legal sciences, associate professor, Head of the Department of Criminal Law and criminology of the Municipal educational establishment of Higher Professional Education «Institute of Law and Economy».

TO THE QUESTION OF THE REDUCED FORM OF INQUIRY IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation: This article reviews the features of formation and development institute of reduced criminal proceedings of the Russian Federation, a comparative analysis of the criminal procedural legislation governing general and reduced forms of inquiry.

Key-words: criminal procedure, simplified form of criminal proceedings, general form of the production inquiry, reduced form of the production inquiry.

Уголовно-процессуальное законодательство, а на наш взгляд, как и все законодательство России, не обладает таким признаком как стабильность, а наоборот характеризуется динамичностью, что наглядно подтверждается постоянными изменениями и дополнениями, которые вносятся в УПК РФ[1]. Все эти изменения имеют своей целью совершенствование деятельности органов предварительного расследования и суда, осуществляющих уголовное судопроизводство, обеспечение защиты прав и законных интересов участников процесса. Наиболее существенные изменения, касающиеся деятельности органов предварительного расследования в досудебном производстве были внесены федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, которым в УПК РФ была введена глава 32.1

«Дознание в сокращенной форме», имеющая своей целью упростить данное производство.

Хотелось бы отметить, что институт сокращенной формы досудебного уголовного процесса не является абсолютно новым для российского уголовно-процессуального законодательства. Упрощенная форма досудебного производства первоначально был введен УПК 1922 г. в виде так называемых дежурных камер и судебных приказов. В дежурные камеры судов направлялись «все те дела о задержанных обвиняемых, которые, по мнению органов, производивших задержание, не требуют особого расследования или по которым обвиняемые признали себя виновными. Одновременно с делом должны быть доставлены в дежурную камеру обвиняемый и вещественные по делу доказательства, а также, по возможности, свидетели» (ст. 398). По делам о некоторых преступлениях народный судья единолично в случае бесспорности нарушения постановлял приговор судебным приказом, который выносился без вызова сторон, т.е. без судебного разбирательства, но явившиеся на суд обвинитель и подсудимый допускались к даче объяснений в случае их о том просьбы. Однако в силу ряда недостатков в применении и развернувшейся дискуссии вокруг допустимости упрощения судопроизводства эти формы не получили должного развития и к середине 30-х гг. фактически перестали действовать.

В УПК 1960 г. упрощенная форма производства вообще не была воспринята, что рассматривалось как важная тенденция развития уголовного процесса в направлении единства форм судопроизводства по всем уголовным делам. Однако уже в 1985 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР, Глава 34 УПК РСФСР стала называться «Протокольная форма досудебной подготовки материалов». В нормах данной главы были установлены: а) особый порядок досудебной подготовки материалов по делам о преступлениях, перечисленных в ст.414, - протокольная форма (ст.415); б) сокращенный срок дознания по этим делам (ст.417); в) особый порядок возбуждения уголовных дел.

Можем ли мы говорить о том, что глава 32.1 «Дознание в сокращенной форме» действующего УПК РФ является ремейком главы 34 УПК РСФСР «Протокольная форма досудебной подготовки материалов». Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо хотя бы бегло сравнить основные положения «нового» и «старого» уголовно-процессуальных законов, регламентирующих особый порядок деятельности органов дознания, при производстве так называемой «упрощенной формы дознания».

Прежде всего, обратим внимание на сроки производства сокращенной формы дознания и протокольной формы досудебной подготовки материалов.

продолжении произво

дозС %

Ю ор

имевшей место в УПК РСФСР протокольной формой досудебной подготовки материалов.

Список цитируемой литературы:

1. Проблемы оперативного документирования преступлений, совершаемых в сфере оборота драгоценных металлов и камней и способы их устранения // *Право и государство: теория и практика*. 2013. № 9 (105). С. 101 – 104;
О новых подходах в борьбе с преступностью в сфере оборота драгоценных металлов и камней // *Перспективы науки*. 2013. № 8. 206 – 207.
2. . Генезис дознания как формы предварительного расследования в российском уголовном процессе до революции 1917 года / *Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы и тенденции развития современного общества: теоретико-методологические и прикладные аспекты»*, Элиста, 2014. С. 74.
3. *Правоохранительные органы: учебник для вузов* / под ред. [авторы: _____]. М.: Юнити-Дана, 2013. С. 126.
4. *Криминалистика: учебно-метод. пособие*. Тамбов-Липецк, 2014. 420 с.
5. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 3 томах* / под общей редакцией [_____]

./. ФГКОУ ВПО "Санкт-Петербургский университет МВД России, МОУ ВПО "Институт права и экономики". Тамбов; Санкт-Петербург; Липецк, 2014. Том 3 Особенная часть (по состоянию на 4 июня 2014 года)/ С. 214.

© В.А. Абрамов

-	Ekaterina Aleshina-Alekseeva
Преподаватель кафедры уголовного права	Lecturer, Department of Criminal Law
Санкт-Петербургский университет МВД России	St. Petersburg University of the Russian Interior Ministry

ACTUAL PROBLEMS OF DOMESTIC VIOLENCE AGAINST MINORS PREVENTION

Abstract: This article considers the problems of crimes committed in the family against minors and children. Particular attention is paid to the prevention of domestic violence against them because of their age.

Keywords: domestic violence, family, crime, minor children.

Появляясь на свет, первое, что формирует нравственность человека - его семья, в которой он растет и развивается, где прививаются ему социальные нормы, должное поведение. Семья является базисной ячейкой общества, которая воплощает в себе целый комплекс важнейших потребностей человека, в связи с чем, видится острая необходимость по защите ее со стороны государства.

Рождение ребенка в семье приносит кому-то радость, а кому-то огромную и не подъемную ношу. От того как воспитывается ребенок, во много зависит социальная адаптация гражданина в социуме. Дети в силу своего возраста не способны защитить себя от произвола в семье, так как их физиологическая и психоэмоциональная особенность подталкивает их родителей, законных представителей и т.п., чувствующих свое превосходство и безнаказанность, на бытовое насилие. Дети в свою очередь, в неведении как поступать в таких ситуациях молчат. Впоследствии, принимают такое поведение, как должное. Проецируют во взрослом возрасте такие поступки на себя и сами совершают преступления уже против своих чад.

Состояние бытового насилия в Российской Федерации вызывает серьезное опасение у сотрудников правоохранительных органов. Под бытовым насилием обычно рассматриваются уголовные дела,

связанные с семейными отношениями. При рассмотрении уголовных дел в практике часто встречается тот фактор, что детерминация насильственной преступности, как и преступности в целом, имеет преимущественно социальный характер: причины и условия преступности лежат в обществе, в котором существует и которому своими действиями наносит вред.

Мы согласны с мнением А.И. Долговой, которая называет одну из причин, непосредственно провоцирующие совершение насильственных преступлений, пережитки патриархальных представлений о необходимости полного подчинения жены мужу, а детей - родителям, включающих необходимость применения насилия как мотора «воспитания» и поддержания авторитета [1, с. 583 - 584]. Вымещение своей несостоятельности, злости, эмоциональных агрессий, каких-то личных проблем на менее защищенных детях – не знает ни каких границ. Статистика показывает на то, что в ходе бытового насилия, часто случаются убийства детей одним из родителей [2], вплоть до убийства ребенком обоими родителями, пример которому может послужить нашумевшее дело девятимесячной Ани Шкапцовой убитой своими родителями в марте 2012 года, которым 24.06.2013 года Брянский областной суд вынес приговор [3].

Исследования ведущих криминологов показывают, что возраст жертв сексуальных посягательств в семье колеблется от 4 до 15 лет, чаще всего подвергаются насилию дети от 3 до 9 лет. Вследствие этого тысячи детей в возрасте до 14 лет уходят из дома, спасаясь от жестокого обращения со стороны взрослых, находясь в розыске как без вести пропавшие, отсюда порождается детская безнадзорность и беспризорность, вовлечение детей в систематическое употребление спиртных напитков, наркотиков. В проституцию и иную преступную деятельность [4, с.17].

Следует отметить, что в юридической литературе немало внимания уделяется насилию в семье, физическому и сексуальному насилию среди опекунов, принуждению к занятию проституцией, насилию над детьми находящимися в детских учреждениях, в том числе и государственных. Достаточно разработанными являются и вопросы предупреждения преступления против несовершеннолетних.

Тема предупреждения преступлений в отношении несовершеннолетних всегда была и останется одним из приоритетных направлений деятельности всех правоохранительных органов, ведь дети — это самая незащищенная категория населения, которые не могут не только противостоять насилию, но и в силу своего возраста не всегда осознают те противоправные действия, которые совершают в отношении них взрослые [5, с. 510 - 512].

1.06.2014 года выступивший уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка Павел Алексеевич Астахов в передаче «Доброе утро» на первом канале признал, что «в России бытовое насилие в

семье процветает. Грань же между насилием и воспитанием, лежит в Уголовном кодексе РФ: Уголовный кодекс РФ четко определяет, что является преступлением против своего ребенка, а что – нет. Прежде всего, своего ребенка нужно воспитывать в любви и уважении, - подчеркнул Павел Астахов. –

правоохранительные органы, а стараются своими силами разрешить возникшие конфликты, а если такие уголовные дела и возбуждаются, то прекращаются, в связи с примирением с потерпевшим. Данная категория уголовных дел связанная с бытовым насилием считается не выходной в суд и тяжелой[9]. В большинстве случаев, сами потерпевшие мешают производству предварительного расследования, прощают потерпевших объясняя это тем, что написали заявление в силу временно вспыхнувшего душевного переживания, обиды, которая через пару дней проходит, и никто обидчика наказывать уже и не хочет.

По нашему мнению, одним из основных факторов профилактики новых преступлений совершенных на бытовой почве в отношении несовершеннолетних кроется в выявлении причин, способствующих совершению преступлений в ходе расследования конкретного уголовного дела и их устранение, предупреждение для совершения новых общественно опасных деяний. Одной из форм профилактики может стать предмет по изучению семейных конфликтов в школе, где учащимся будут доносить и рассказывать о том, что молчать о таких проблемах нельзя, а необходимо сообщать. Ведь большинство безнадзорных детей оказываются на улице из-за данных проблем, конфликтов «отцов и детей», так как никто в нужную минуту им не подсказал, не помог, как можно было действовать, куда обратиться. Следует доносить до родителей, что не насилие, а любовь достойны их дети, которая впоследствии сможет сдержать подростков от совершения уголовной деятельности.

Для противодействия бытовому насилию должна стать информационно-образовательная сфера, которую еще предстоит сформировать юристам, психологам, педагогам. Положительную роль в нейтрализации социально негативных факторов, могут сыграть и образование психологических служб специализирующихся для реабилитации жертв бытового насилия, для обучения людей уже подверженных насилию по избеганию и профилактике подобных криминогенных ситуаций, желание сотрудников правоохранительных органов помочь в решении конкретного случая. В связи с этим, необходимо помогать таким семьям, доводя до людей информационно о средствах защиты от домашнего насилия, об учреждениях, оказывающих помощь людям, попавшим в такую беду, решать проблему по дефициту квалифицированных кадров в данных проблемах, проводить профилактические беседы в школах. Размещать информацию на информационных стендах школ, дополнительных образовательных учреждениях, гипермаркетах о службах готовых помочь несовершеннолетним в таких ситуациях.

В Стамбуле 11.05.2011 года была подписана Конвенция Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье, СДСЕ №:210 [10], ее подписание и

ратификация на территории России может стать одним из первых шагов в решении одного из сложных вопросов связанным с домашним насилием.

В российском законодательстве до сих пор отсутствует понятие «насилие в семье», не закреплены меры защиты жертв насилия, сотрудники органов внутренних дел не наделены конкретными функциями реагирования на насилие в домашних условиях. Сложилась парадоксальная ситуация, при которой полицейские, даже имея огромное желание оказать потерпевшему реальную помощь, разводят руками: “мы не в силах ничего сделать”.

Решение такой сложной проблемы как предупреждение бытового насилия в отношении несовершеннолетних не потерпит суеты и быстроты. Альтернативным путем является принятие закона, регламентирующего данный аспект.

Список цитируемой литературы:

1. Криминология: учебник для вузов/ под общ. ред. . 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007.
2. Официальный сайт ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Режим доступа: <http://78.mvd.ru/news/item/2179071/>.
3. Режим доступа: <http://smartnews.ru/regi>.
4. Преступность и общество: сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 2010.
5. Понятие насилия в отношении несовершеннолетних // Молодой ученый. - 2013. - №5. Режим доступа: <http://www.moluch.ru/archive/52>.
6. Режим доступа: http://www.1tv.ru/sprojects_video/si33/p33548.
7. Индивидуальная криминологическая профилактика в семейной сфере// Борьба с преступностью и проблемы нейтрализации криминогенных факторов сферы семьи и быта. М., 2002.
8. Насильственная преступность / под ред. М.: Спарк, 1997.
9. Уголовное право. Общая часть: учебно-метод. пособие / под ред. М.: Юнити-Дана, 2015. 271с.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 3 томах / под общей редакцией /

ФГКОУ ВПО "Санкт-Петербургский университет МВД России, МОУ ВПО "Институт права и экономики". Тамбов; Санкт-Петербург; Липецк, 2014. Том 3 Особенная часть (по состоянию на 4 июня 2014 года). С. 214.

10. Режим доступа: <http://conventions.coe.int/Treaty/Commun/QueVoulezVous.asp?CL=RUS&NT=210>

11. Режим доступа: asozd2.duma.gov.ru

© Е.Н. Алешина-Алексеева

ГРНТИ 10.85.45

УДК 343.98

	Valeriy Beketov
Преподаватель кафедры Уголовного процесса и криминалистики	Lecturer, Department of Criminal Procedure and Criminalistics
МОУ ВПО «Институт права и экономики»	Lipetsk, Institute of Law and Economics

INTERACTION OF INVESTIGATORY DIVISIONS WITH OPERATIVE DEVICES AT DISCLOSING AND INVESTIGATION OF CRIMES

Annotation: In article questions of interaction of investigatory and operatively-search divisions are considered during disclosing and investigation of crimes. The most frequent remedial and organizational-tactical forms of interaction which are used at investigation of crimes. As offers on legislation perfection are made.

Проблема взаимодействия между различными службами органов внутренних дел, следственными и оперативно-розыскными подразделениями неоднократно освещалась в юридической литературе, разработаны рекомендации по организации и основным направлениям взаимодействия, вопросы координации деятельности структурных подразделений МВД по борьбе с преступностью регулируются ведомственными нормативными документами. Однако налицо тот факт, что подобное взаимодействие недостаточно эффективно.

Кражи, в том числе и с металлургических предприятий, являются преступлениями, совершаемыми, как правило, в условиях неочевидности, в связи с чем, на первоначальном этапе расследования крайне затруднена возможность даже примерно определить основные направления поиска преступников. Это требует максимального

сосредоточения всех возможностей, которыми располагают сотрудники органов внутренних дел по расследованию данного вида преступлений. Преступники, как правило, продумывают способ их совершения, применяют новейшие достижения науки и техники, стараются оставить как можно меньше следов, предпринимают меры по их сокрытию, намеренно вводят следствие в заблуждение. В борьбе с подобными преступлениями следователю невозможно и, наверное, было бы ошибочно полагаться только на свои силы. Ведь практика убедительно показывает, что одних процессуальных действий для установления истины недостаточно.

Преодоление возникающих трудностей требует применения специальных средств и методов, в том числе тех, которыми располагают различные службы милиции.

Для установления преступной группы, а тем более организованной, поиска доказательств ее преступной деятельности по совершению краж с металлургических предприятий взаимодействие следователя и работника дежурной части, оперуполномоченного уголовного розыска, участкового уполномоченного милиции, специалиста-криминалиста приобретает особую актуальность.

Взаимодействие органа предварительного следствия и дознания базируется на общих теоретических и правовых основах, заключающихся в следующем[1].

Во-первых, процессуальные и оперативно-розыскные мероприятия имеют единое целевое назначение, основывающееся на общности задач, стоящих перед уголовным судопроизводством в целом. Такими задачами являются: защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, соблюдение и укрепление законности, раскрытие и расследование преступлений, их предупреждение, обеспечение правильного применения закона и пр.

Предварительное следствие и оперативно-розыскная работа – две самостоятельные функции в деятельности органов внутренних дел, предусмотренные нормами уголовно-процессуального законодательства и Федеральным законом РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 г. № 144-93. Но именно единство задач служит стержнем их взаимозначимости, важной теоретической основой существования взаимодействия.

Во-вторых, следственные и оперативно-розыскные мероприятия имеют общие правовые основания, под которыми понимаются «предписания законов и подзаконных нормативных актов, определяющие задачи и порядок взаимодействия, его организацию, права и обязанности следователя и органа дознания»[2]. Такими основаниями являются нормы УПК (например, ст. 38 ч. 2 п. 4; 89; 152; 157; 163; 210), Федеральный закон РФ «Об оперативно-розыскной

деятельности» от 12.08.1995 года № 144-93, ведомственные документы (например, Приказ МВД РФ от 26.03.2008 г. № 280дсп «Об утверждении Положения по организации взаимодействия подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при раскрытии и расследовании преступлений»), Постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Статья 89 УПК РФ содержит важное положение о том, что результаты оперативно-розыскной деятельности, используемые в процессе доказывания, должны отвечать общим требованиям, предъявляемым к доказательствам (то есть быть относимыми, допустимыми, достоверными).

В-третьих, сочетание следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий гарантирует наступательный характер расследования, полноту и объективность установления фактических обстоятельств дела и быстроту изобличения виновных. Посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий могут быть выявлены связи преступников, которые не представляется возможным установить следственным путем, обнаружены источники доказательственных фактов; выявлены условия, способствовавшие совершению преступления; произведено задержание преступников, обнаружены вещественные доказательства; подготовлены условия для проведения следственных действий правильно определен момент возбуждения уголовного дела. В свою очередь, в результате следственных действий могут быть получены данные, реализация которых потребует проведения оперативно-розыскных мероприятий, например данные о готовящемся преступлении, предотвратить которое можно только оперативным путем. Таким образом, следователь и оперативный работник обогащают друг друга сведениями, представляющими взаимный интерес.

За полноту и качество расследования уголовного дела отвечает следователь, поэтому именно он является организатором и руководителем взаимодействия. Однако органам дознания не отводится роль пассивного исполнителя. Взаимодействие по расследованию групповых краж должно быть активным, инициативным и основываться на следующих принципах[3]:

1. Взаимной ответственности за полное раскрытие всех преступлений, совершенных группой и установление, изобличение ее соучастников.

2. Совместной деятельности в течение всего расследования уголовного дела и полной, взаимной, объективной информированности о ходе следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, касающихся преступной группы в целом и каждого ее члена в отдельности.

3. Знание всеми участниками взаимодействия возможностей каждой из взаимодействующих сторон по установлению преступной

группы.

4. Организации взаимодействия с учетом имеющейся информации о типе преступной группы, характере ее действий по подготовке, совершению и сокрытию преступлений.

Наиболее частыми процессуальными и организационно-тактическими формами взаимодействия[4], которые используются при расследовании краж с металлургических предприятий, совершенных группой лиц, являются:

- организация «дежурных» следственно-оперативных групп с участием следователя, оперуполномоченного, участкового уполномоченного милиции, специалиста-криминалиста, инспектора по делам несовершеннолетних для выезда на место преступления;

- создание «специализированных» следственно-оперативных групп по раскрытию преступлений по «горячим следам», расследованию сложных, многоэпизодных и трудоемких дел;

- совместное планирование расследования преступлений;

- взаимный обмен информацией между следователем и сотрудником оперативного аппарата;

- совместный анализ и оценка результатов деятельности следователя и оперативного работника;

- оказание следователю помощи со стороны оперативного аппарата при производстве им следственных действий и розыскных мероприятий;

- дача следователем поручений органу дознания.

Особой процессуальной формой является следственно-оперативная группа, под которой понимается наиболее целесообразная в конкретной ситуации организованная структура целевого типа, создаваемая соответствующим субъектом управления для постоянной или временной работы, состоящая из следователей, оперуполномоченных, иных специалистов, которые на основе разделения и кооперации труда при строгом соблюдении законности и руководящей роли следователя выполняют задачи по раскрытию и расследованию преступлений[5]. Однако ст. 163 УПК РФ не предусматривает функционирования следственно-оперативных групп, указывая только на возможность создания следственных групп. Приказ МВД РФ от 26.03.2008 г. № 280 дсп, в свою очередь, предусматривает создание дежурных и специализированных следственно-оперативных групп[6], что указывает о практической необходимости их существования. Данное положение поддерживает и ряд ученых.

Регламентация в законе деятельности следственно-оперативной группы способствовала бы расширению процессуальных возможностей в расследовании сложных и (или) объемных уголовных дел и прекращению ненужных дискуссий о правомерности деятельности следственно-оперативных групп, которые на практике

иногда называют следственными бригадами.

Между тем следственно-оперативные группы широко практикуются в работе следственных подразделений и оправдывают свое предназначение эффективностью своей деятельности в ходе раскрытия и расследования преступлений. Поэтому в ст. 163 УПК РФ должны были найти свое процессуальное закрепление следственно-оперативные группы. Вместо этого законодатель указывает на возможность привлечения в следственные группы работников оперативно-розыскного аппарата. Однако условия и формы деятельности этих работников в законе не предусмотрены. Коль скоро законодатель упоминает о привлечении в следственную группу оперативных работников, значит, вывод из этого может быть однозначным – УПК допускает создание наряду со следственными группами следственно-оперативных групп, и этот вид метода группового расследования должен быть упомянут в ст. 163 УПК РФ. Также не определен характер взаимодействия следователей с оперативно-розыскными службами, не установлен порядок разрешения разногласий между членами группы и др. Законодатель, рассматривая вопрос о разъяснении и осуществлении прав личности, предусмотрел в законе норму об отводе следователя (ст. 67 УПК РФ), однако ч. 2 ст. 163 УПК РФ не обеспечивает права и законные интересы всех участников уголовного процесса, ограничиваясь в этом отношении только подозреваемым и обвиняемым.

С учетом вносимых предложений по уточнению, дополнению и конкретизации положений ст.163 УПК РФ предлагается внести следующие изменения и дополнения:

– в названии статьи и в ее содержании слово «следственной» заменить словом «следственно-оперативной»;

– в ч. 2 после слов «принимает руководитель следственного органа» дополнить словами «совместно с начальником органа дознания», после слов «производство предварительного следствия» дополнить словами «также все должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» слова «к работе следственной группы могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.» исключить, после слов «объявляется подозреваемому, обвиняемому» дополнить словами «защитнику, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям»;

– в ч. 3 слова «других следователей» заменить словами «всех членов группы»;

– в ч. 5 слова «следователями» заменить словами «участниками группы», дополнить следующим содержанием «должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, входящие в состав группы, могут осуществлять оперативно-розыскные мероприятия в пределах своих полномочий,

предусмотренных федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности»);

– дополнить частью шестой следующего содержания: «В случае несогласия членов следственной группы либо следственно-оперативной группы с решениями руководителя группы эти решения могут быть обжалованы руководителю следственного органа».

Указанное дополнение ст.163 УПК РФ могло бы способствовать:

– повышению эффективности работы по раскрытию и расследованию преступлений; взаимопониманию следователя и оперативного сотрудника в достижении основной уголовно-процессуальной задачи – неотвратимости наказания;

– нейтрализации некоторых субъективных факторов, отрицательно влияющих на эффективность взаимодействия. Практика показывает, что трения и разногласия происходят из-за непонимания тех уголовно-процессуальных задач, которые они призваны совместно решать. Так, оперативный сотрудник иногда полагает, что его задача выполнена при установлении лица, совершившего преступление. Однако известны случаи, когда легче установить лицо, чем доказать его вину. В свою очередь, следователь иногда не понимает значения и возможности оперативных аппаратов в раскрытии и расследовании преступлений, пренебрежительно относится к оценке оперативной информации;

– повышению эффективности комплексного применения имеющихся сил и средств, для раскрытия и расследования преступления;

– улучшению психологии взаимодействия, так как письменные поручения следователя у отдельных руководителей органа дознания нередко вызывают отрицательные эмоции[7].

Список цитируемой литературы:

1. Сущность и правовые формы взаимодействия органов предварительного следствия и дознания: учеб. пособие. Волгоград, 1985. С. 6–12.
2. Сущность и правовые формы взаимодействия органов предварительного следствия и дознания: учеб. пособие. Волгоград, 1985. С. 10.
3. Взаимодействие следователя с органом дознания при расследовании групповых преступлений против личности // Юридические записки. Вып. 10: Криминалистические средства и методы исследования преступлений / под ред. Воронеж, 1999. С.161.
4. Некоторые аспекты проблем организации взаимодействия следователей с оперативными сотрудниками ОВД и других спецслужб при расследовании преступлений в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 2. С. 171 – 175; Недостатки взаимодействия следователя при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // Вестник Московского университета МВД России. 2010.

	Olga Belokobylskaya
Доцент кафедры ОРД и СТ кандидат юридических наук	Associate Professor, Department of ORD and ST
Волгоградская академия МВД России	The Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry

THE TESTIMONY VERIFICATION ON CRIME SPOT IN CASES OF MURDER COMMITTED BY AN ORGANIZED GROUP

Abstract: This article discusses preparation and organization of testimony verification on the spot for the murders committed by organized groups.

Keywords: testimony verification on the crime spot; organized criminal group; murder

Расследование практически каждого преступления об убийстве, в том числе, совершенного организованной группой не обходится без проведения такого следственного действия как проверка показаний на месте.

В целях установления новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, показания, ранее данные подозреваемым или обвиняемым, а также потерпевшим или свидетелем, могут быть проверены или уточнены на месте, связанном с исследуемым событием.

Проверка показаний на месте заключается в том, что ранее допрошенное лицо воспроизводит на месте обстановку и обстоятельства исследуемого события, указывает на предметы, документы, следы, имеющие значение для уголовного дела, демонстрирует определенные действия (ст. 194 УПК РФ)[1].

УПК РСФСР 1960 г. Такого следственного действия не предусматривал. Однако в следственной практике его производство практиковалось, причем нередко. Названный способ собирания и

проверки доказательств успешно применялся и при расследовании убийств [2].

Вопросы, связанные с тактикой производства проверки показаний на месте, исследовались такими учеными, как П. С. Белкин, А. Н. Васильев, А. А. Соя-Серко, С. С. Степичев, В. В. Степанов и др. В то же время проблемы процессуального и тактического характера остались. К ним можно отнести вопросы психологии подготовки и проведения следственного действия, организации проведения проверки показаний на месте.

Сущность этого следственного действия состоит в сопоставлении доказательств, содержащихся в показаниях свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, и фактической обстановки на месте проверки. Оно, как уже было сказано, заключается в том, что ранее допрошенное лицо воспроизводит на действительном или предположительном месте происшествия [3, с.21] обстановку и обстоятельства исследуемого события, указывает на предметы, следы, имеющие значение для уголовного дела, демонстрирует определенные действия.

Проверка и уточнение показаний на месте, сочетая в себе черты ряда следственных действий, имеет комплексный характер и своеобразную тактику проведения. Как и при допросе, свидетель или обвиняемый дает показания о конкретных обстоятельствах дела. Однако проверка показаний на месте обязательно проводится в присутствии понятых и в большинстве случаев с целью показа каких-либо объектов. Ее дополнительной целью может быть демонстрация действий в каком-то определенном месте. Действия и обстановка воспринимаются следователем и понятыми непосредственно, лично. Иногда это следственное действие напоминает предъявление для опознания или следственный эксперимент. Однако не является ни тем, ни другим [4, с. 626].

Так, место проведения следственного эксперимента определяет следователь, а место проведения проверки показаний на месте – лицо, показания которого проверяются.

При проведении указанного следственного действия неизменными тактическими элементами должны быть добровольность участия, инициативность действий, органическое сочетание рассказа и показа лицом объектов или деталей обстановки, удостоверяющих правдивость его слов, а также демонстрация действий, которые подтверждают показания. С тактической точки зрения согласие или отказ, например обвиняемого, от участия в проверке показаний на месте дает следователю определить свое отношение к его показаниям, характер произошедшего конфликта, поиск других средств доказательств,

выбрать организационные меры при подготовке и проведении проверки показаний на месте.

Цель проверки показаний на месте – не только исследовать и восполнить имеющиеся доказательства, но и получить новые.

В литературе указывают четыре ситуации, при которых проведение проверки показаний на месте необходимо:

1) если в показаниях допрошенного есть данные о месте или маршруте, но он не смог назвать и описать их должным образом, чтобы следователь получил о них полное представление;

2) если в показаниях допрошенного лица имеются сведения о местонахождении следов преступления или предметов, могущих служить вещественными доказательствами;

3) если необходимо сопоставить показания двух или более допрошенных лиц относительно события, произошедшего в определенном месте, или маршрута следования к этому месту;

4) если в показаниях допрошенного лица есть сведения об обстановке места, где произошло расследуемое событие. В таких случаях при проверке показаний на месте иногда удается восстановить эту обстановку и тем самым проверить осведомленность лица относительно обстоятельств произошедшего события[5, с. 16 – 17].

Как правило, проверка показаний на месте при расследовании убийств, совершенных организованными группами, производится с участием подозреваемого или обвиняемого.

Разумеется, перед проведением данного следственного действия работникам органа дознания и следователю придется приложить немало усилий, чтобы склонить подозреваемого или обвиняемого к даче правдивых показаний и получить возможность проверить их на месте события. Кроме того, надо постоянно помнить, что в любой момент, подозреваемый или обвиняемый может отказаться от своих показаний, либо защитники других обвиняемых, проходящих по расследуемому уголовному делу, постараются сделать все, чтобы подвергнуть сомнению их доказательственную силу.

В следственной практике по расследованию убийств, совершенных организованной преступной группой, показания наиболее часто проверяются на месте совершения преступления и на месте сокрытия трупа.

До выезда на место обвиняемый (подозреваемый) или свидетель (потерпевший) подробно допрашиваются относительно всех обстоятельств, связанных с интересующим следствие местом. При допросе следует выяснить признаки этого места или пути движения. Так как проверка показаний может и должна осуществляться только при добровольном согласии допрошенного, то в ходе допроса необходимо зафиксировать, что последний желает указать определенное место и рассказать о совершенном событии. Не лишены

оснований тактические рекомендации производства дополнительного или повторного допроса, так как возможен значительный разрыв во времени между первым допросом и проверкой показаний на месте, когда следователь располагает новой информацией о линии поведения проверяемого лица.

При подготовке к данному следственному действию следователю необходимо провести ряд тактических действий, таких как, во-первых, предварительное ознакомление с местом производства следственного действия, уточнение организационных моментов его охраны, решение вопроса о количественном составе участников следственного действия, составление подробного посменного плана проведения следственного действия, где должны быть отражены стадии проверки показаний, их последовательность, путь и способ продвижения к месту проверки, научно-технические средства фиксации, во-вторых, выбор наиболее благоприятного времени его производства. Оно должно быть выбрано с таким расчетом, чтобы обеспечить ориентировку на местности лицу, чьи показания будут проверяться, а также возможность завершить следующие действия в дневное время суток.

До начала следственного действия необходимо проверить готовность технических средств (фото- и видеокамеры, магнитофона) и проинструктировать о порядке действий всех участников проверки показаний на месте, в том числе водителя транспортного средства, если оно будет применяться.

В состав группы, принимающей участие в производстве данного следственного действия, обязательно должен включаться специалист, осуществляющий видеозапись, которая должна начинаться еще до выхода группы. Необходимо запечатлеть разъяснение следователем сущности предстоящей проверки показаний, согласие лица на участие в следственном действии. Видеозапись во время поездки осуществлять не обязательно, если только группа не движется по тому же маршруту, каким прибыл на место свидетель (обвиняемый). В этом случае маршрут тоже является частью проверяемой обстановки и подлежит фиксации. После прибытия на место видеозапись возобновляется.

Как было отмечено, проверка должна проводиться на основе сочетания рассказа и показа. Сначала участнику следственного действия (свидетелю, подозреваемому и т. д.) предлагают описать свои действия, которые им были совершены ранее. Затем он движется от одного узла обстановки к другому. Одновременно должна происходить фиксация происходящего с помощью видеозаписи. Во время перемещений оператор должен идти сзади. Следователь также находится в кадре позади подозреваемого.

Очень важна для расследования убийств, совершенных организованной группой, проверка показаний обвиняемого на месте и его готовность указать место сокрытия трупа, когда он еще не

обнаружен. В этом случае в состав группы обязательно должен быть включен судебно-медицинский эксперт, а также вспомогательный персонал, если обнаружение трупа сопряжено с техническими трудностями (вскрытие фундамента, обследование дна водоема и др.).

Прибыв на место проверки, следует предложить подозреваемому (обвиняемому) описать место и действия по сокрытию трупа и конкретно свою роль в этом. Обнаружение тела происходит в ходе обследования узла обстановки – точки, на которую было указано как на тайник с телом. Место обнаружения трупа тщательно осматривается, принимаются меры к обнаружению вещей, предметов, принадлежащих обвиняемому, потерпевшему, орудий преступления. Установленные в ходе проверки показания на месте свидетели должны быть тщательно опрошены, а информация детально проверена в ходе продолжения проверки показаний на месте. Все это нужно зафиксировать в протоколе и на видеокассете.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, Кнорус, 2011.
2. Настольная книга следователя / под ред. М., 1949. С. 368; . Выезд на место как тактический прием проверки доказательств // Законность. 1955. № 12. С. 29.
3. Особенности тактики производства отдельных следственных действий последующего этапа расследований преступлений в сфере оборота драгоценных металлов и камней // Исторические, политические, философские и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1-1 С.145 – 147; Проблемы оперативного документирования преступлений, совершаемых в сфере оборота драгоценных металлов и камней и способы их устранения // Право и государство: теория и практика. 2013. № 9 (105). С. 101 – 104; Преступная группа – необходимая составляющая криминалистической характеристики комплексной методики расследования преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2010. №12. С. 135 – 137; Незаконный оборот драгоценных металлов и камней: монография. М.: Юнити-Дана, 2011. С. 89; Сущность и тактика проверки показаний на месте. М., 2004. С. 21; Правоохранительные органы: учебник для вузов / под ред. [авторы:] М.: Юнити-Дана, 2013. С. 126.
4. Криминалистика: учебник для вузов. М., 2000. С. 626.
5. - Проверка показаний на месте. М., 1996.
© О.И. Белокобыльская

	Olga Belokobylskaya
Доцент кафедры ОРД и СТ кандидат юридических наук	Associate Professor, Department of ORD and ST
Волгоградская академия МВД России	The Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry

IDENTIFICATION PARADE IN CASES OF MURDERS COMMITTED BY ORGANIZED GROUPS

Abstract: In this article, the author highlights the problematic issues tactics identification parade in cases of murders committed by organized groups such as the preparation of the commission of this investigative action, tactical features of his conduct, especially questioning identified.

Keywords: identification parade; organized criminal groups.

Согласно ст. 193 УПК РФ предъявление для опознания производится в тех случаях, когда допрашиваемый заявляет, что может опознать лицо или предмет, который он видел и сохранил в памяти его характерные признаки.

Процесс предъявления для опознания позволяет решить ряд важных задач расследования: получение новых и проверка имеющихся доказательств по делу, проверка выдвинутых версий. При расследовании убийств, совершенных организованными группами, это приобретает особое значение.

По мнению большинства следователей, предъявление для опознания относится к числу следственных действий, содержащих высокую степень тактического риска [1, с.136].

Для следователя не должно быть неожиданностью изменение показаний при опознании, отказ от участия в опознании, опознание другого человека вместо того, кого он наблюдал в момент совершения преступления.

В целях избежания тактических ошибок при подготовке предъявления для опознания следователь должен исходить из понимания ситуации расследования, наличия достаточных оснований для производства анализируемого следственного действия.

Таковыми основаниями можно считать фактические данные, указывающие на то, что:

- предполагаемый опознаваемый действительно ранее наблюдал человека или предмет;
- предполагаемый опознающий сохранил в своей памяти существенные признаки наблюдаемого объекта;
- предполагаемый опознаваемый заявляет, что сможет опознать в ходе следственного действия наблюдаемый ранее объект.

Эффективность предъявления для опознания и доказательственное значение его результатов в значительной степени зависят от подготовки к этому следственному действию.

Подготовка к предъявлению для опознания включает следующие тактические приемы:

- предварительный допрос опознающего и лица, которое будет предъявлено для опознания (ч. 2 ст. 193 УПК РФ);
- воссоздание при необходимости условий, наиболее приближенных к тем, в которых воспринимался объект;
- подбор сходных объектов, в числе которых опознающему будет предъявлен объект, интересующий следствие, и определение места каждого объекта среди других;
- подбор и подготовка статистов, реквизита и технико-криминалистических средств, которые будут использованы в процессе производства опознания;
- приглашение понятых, необходимых специалистов, их инструктаж, а также охрана места производства следственного действия.

Допрос опознающего является наиболее ответственным моментом подготовки к опознанию. Это связано с тем, что, во-первых, среди опознающих лиц и предметов по делам об убийствах, совершенных организованными группами, могут быть:

- лица, совершившие убийство;
- автотранспорт, использованный при совершении преступления;
- имущество, похищенное преступниками у потерпевшего;
- орудия совершения убийства.

С позиции тактической целесообразности во время производства допроса у опознающего необходимо выяснить:

- события, которые предшествовали моменту восприятия объекта;
- обстановку в момент его непосредственного восприятия;

- отличительные признаки объекта, которые запомнил опознающий;
- может ли допрашиваемый опознать объект, в случае его предъявления;
- время и продолжительность восприятия;
- место нахождения допрашиваемого относительно наблюдаемого объекта;
- было ли наблюдение длительным или кратковременным, целенаправленным или случайным;
- события, которые имеют место после восприятия объекта до момента допроса;
- имеются ли у допрашиваемого дефекты органов восприятия, которые могут отразиться на характере и полноте осознания [2, с. 60];
- наличие желания допрашиваемого принять участие в производстве опознания.

Важнейшим уголовно-процессуальным и криминалистическим условием предъявления для опознания является обеспечение безопасности опознающего [3]. Безопасность предполагает, во-первых, различную направленность опознающего, его близких и родственников, во-вторых, исключение психического воздействия на опознающего опознаваемыми в ходе проведения анализируемого следственного действия.

Обобщенная практика к числу тактических приемов предъявления для опознания в условиях, исключающих наблюдение опознающего опознаваемым, относит следующие:

- концентрация внимания следователем на права опознающего ходатайствовать о применении мер безопасности (ч. 3 ст. 11 УПК РФ);
- всем предъявляемым для опознания разъясняется сущность и порядок проводимого следственного действия и предлагается занять любое место среди других, предъявляемых по своему выбору;
- следователь, понятые, опознающий, защитник (если он присутствует) подозреваемого находятся в отдельной комнате и через зеркальное стекло наблюдают за происходящим следственным действием. Руководителем следственного действия является следователь. В случае опознания одним из арестованных членов организованной преступной группы другого члена группы необходимо принять меры к тому, чтобы обезопасить опознающего от вероятного на него давления со стороны остальных участников организованной преступной группы, остающихся на свободе. Возможно опознание по фотографии. Однако при таком варианте часто во время судебного разбирательства защите удается поколебать доказательственное значение данного следственного действия, так как у следствия была возможность проведения опознания «в живую».

На практике встречаются случаи проведения опознания по видеозаписи. В этом случае опознаваемого вместе с другими лицами снимают с помощью видеокамеры, фиксируя всю внешность и давая крупные планы лица, отдельных черт облика и др.

После этого видеозапись демонстрируется опознающему. Данный метод эффективен тем, что позволяет предотвратить непосредственные контакты опознающего и опознаваемого и в то же время не нарушает целостности восприятия. Эта методика выдвинута некоторыми авторами как «альтернатива «скрытому» опознанию, применяемому в ряде западных стран» [4, с. 43 – 45].

По делам анализируемой категории опознание, осуществляемое потерпевшим, встречается очень редко, так как жертва в большинстве случаев мертва. Кроме того, лицо, на которое покушались, либо родственники или близкие не всегда готовы участвовать в опознании.

По делам об убийствах, совершенных организованной группой, опознание предметов (особенно – орудия преступления) также очень распространено. В связи с тем, что в основном такие убийства совершаются с применением огнестрельного оружия, то оно чаще всего и подвергается опознанию.

Однако в силу массового использования преступниками фабрично изготовленных орудий убийства, индивидуальная идентификация возможна лишь в случаях использования лицом конкретного оружия достаточно длительное время, и сам предмет должен обладать бросающимися в глаза отличительными особенностями, чтобы его запомнили. Поэтому чаще всего лицо может опознать лишь вид, марку, систему стрелкового оружия.

Опознанию подлежат также предметы, принадлежавшие жертве и обнаруженные рядом с трупом. Здесь описание осуществляется близкими и родственниками погибшего, и оно имеет существенное значение для установления его личности, если опознание по признакам внешности не представляется возможным.

Список цитируемой литературы:

1. Действия следователя в условиях тактического риска при предъявлении лиц для опознания // Конфликты и конфликтные ситуации на предварительном следствии. Сборник научных трудов. Волгоград, 2003.
2. Методика расследования убийств, совершенных с применением взрывных устройств. М., 2001;
3. Криминалистическая характеристика преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2007. № 4. С. 117 – 118;
Преступная группа – необходимая составляющая криминалистической характеристики комплексной методики расследования преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2010. №12. С. 135 – 137;
Незаконный оборот драгоценных металлов и камней: монография. М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2011. 279с.; Проблемы оперативного документирования преступлений, совершаемых в сфере оборота

драгоценных металлов и камней и способы их устранения // Право и государство: теория и практика. 2013. № 9 (105). С. 101 – 104;
Опознание // Законность. 1999. № 10. С. 19; Предъявление для
опознания и допрос опознающих в уголовном судопроизводстве. 2001. № 4. С.
170; Предъявление для опознания на
предварительном следствии. М., 2001.; Правоохранительные органы: учебник
для вузов / под ред. А.В. Ендольцевой, И.И. Сыдорука [авторы:

]. М.: Юнити-Дана, 2013. С. 126.

4. Проведение опознания при отказе опознающего от
непосредственного опознания // Дальневосточные криминалистические чтения.
Владивосток, 1997. Вып. 2.

© О.И. Белокобыльская

	Svyatoslav Biryukov
Начальник кафедры предварительного расследования кандидат юридических наук, доцент	Head of the preliminary investigation department Candidate of Juridical Sciences
Волгоградская академия МВД России	The Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry

SOME FEATURES OF MIGRATION PROCESSES, FORMED RECENTLY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: The article focuses on illegal migration in Russia, specified ethnic diasporas, controlling illegal business in Russia, revealed the danger of this phenomenon for the country's economy.

Keywords: migration process; ethnic diasporas; ethnic organized crime.

Активное проникновение и закрепление иммигрантов в регионах страны и создание на их территории организованных этнических "землячеств". Именно землячество как форма существования иностранцев на территории Российской Федерации является достаточно опасной для поддержания этнического баланса в стране. И эта особенность заключается в том, что данный вид этнического образования ориентирован как на сохранение своей национальной идентичности, так и на всемерное расширение и захват все новых позиций в принимающем обществе [1, с.28].

Наибольшая концентрация незаконных мигрантов на территории Российской Федерации образовалась в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области, Приморском, Краснодарском, Хабаровском краях, Амурской, Иркутской, Новгородской и Калининградской областях, республиках Бурятия и Карелия, а также в Северо-Кавказском регионе [2, с.17].

С экономической точки зрения незаконная миграция является неотъемлемой частью структуры преступного бизнеса, а потому сказывается на состоянии всей системы экономических отношений, приводя к криминализации российской экономики, расширению ее теневой составляющей, развивающейся вне налогового и иного экономического законодательства [3, с. 11].

Этнической принадлежностью во многом детерминированы профессиональные ориентиры мигрантов. В этом кроется причина происходящей этнотизации определенных отраслей экономики, тех или иных сфер жизни. Опираясь на коррумпированные связи и значительный капитал, этнические мигранты путем контроля за товаропотоками активно влияют на экономику целых регионов. Одной из наиболее ярких особенностей характеристики криминальных структур, созданных на базе контингента нелегальных мигрантов, является их внедрение в наиболее доходные сферы коммерческой деятельности. Коммерческие структуры здесь носят ярко выраженный этнический характер, корни которых находятся в национальных диаспорах, расположенных на территории Российской Федерации, в том числе:

- азербайджанская диаспора, наиболее многочисленная из числа незаконных мигрантов-иностранцев, контролирует российский потребительский рынок;
- армянская — товарный рынок гастрономических товаров, автосервис;
- грузинская — ресторанный бизнес и посреднические операции;
- китайская - рынок товаров, произведенных в Китае;
- вьетнамская - рынок промышленных швейных изделий, в том числе спортивных товаров.

В целом их преступная деятельность нацелена на ограничение конкуренции, установление и поддержание единых монопольно высоких цен.

Количество иностранных граждан, приезжающих на заработки в Россию, по предварительным данным составляет 3,5-3,8 млн. человек, но из них только 8-10% получают официальное разрешение на работу на территории Российской Федерации[4], поэтому все большее число незаконных мигрантов оказывается втянутым в «теневой» сектор российской экономики. Потери экономики от этого, по экспертным оценкам, составляют до 54 млрд. рублей в год, учитывая неуплаченные налоги и пошлины за право работы на российской территории.

По экспертным оценкам, в 2010 – 2011 годах в Россию прибыло около десяти миллионов нелегальных мигрантов. В результате анализа, проведенного специалистами Федеральной налоговой службы, было выявлено, что только прямые убытки, ежегодно

наносимые нелегальными мигрантами, составляют более 200 миллиардов рублей. Для сравнения: 200 миллиардов рублей сопоставимы с расходами федерального бюджета, выделяемыми в 2006 году на образование или на социальную политику. По оценкам ФМС РФ, сумма денежных переводов, отправляемых грузинскими мигрантами из России к себе на родину, составляет примерно 20 процентов от валового внутреннего продукта Грузии. В Молдову поступает 30 процентов от валового внутреннего продукта этой страны. В Таджикистан при национальном бюджете в 485 миллионов долларов находящиеся в России мигранты, вывозят и пересылают домой более миллиарда долларов, то есть два бюджета страны, при этом легальными переводами отправляется не более 500 миллионов[5].

Снижение уровня коренного населения Российской Федерации. Только за последние пять лет, по данным Росстата, численность постоянного населения России уменьшилась в 1,3 раза (с 147 млн. чел. в 2007 г. до 109 млн. чел. в 2013 г.), а численность городского населения уменьшилась в 1,4 раза (с 142 млн. чел. в 2007 г. до 103 млн. чел. в 2013 г.). Кроме того, согласно прогнозу демографов ИСПИ РАН (2009 г.) при сохраняющейся тенденции естественной убыли численность населения России к 2050 г. по благоприятному варианту составит 89,6 млн., по наиболее вероятному (среднему) - 80,2 млн., по неблагоприятному - 71,4 млн. человек [6, с. 48].

Чуть более оптимистичными, но также неутешительными являются прогнозы, подготовленные известным российским этнографом А. Вишневым (Центр демографии и экологии Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН). По его оценкам, к 2050 г. население России сократится на треть, т.е. к 2025 г. численность населения составит 118 - 130 млн. человек, а к 2050 г. - 86 - 111 млн. чел. Кроме того, если в 2001 - 2005 гг. прирост трудовых ресурсов страны был довольно значителен - 2,5 млн. человек, то уже с 2006 г. естественная убыль трудоспособного населения России приобретет обвальный характер (оценочно 3,2 млн. чел. в 2005 - 2010 гг., 5,2 млн. чел. в 2010 - 2015 гг.). Поэтому к 2015 г. на смену поколению, вышедшему на пенсию, придет почти на четверть численно меньшее поколение работающих граждан [7, с. 214].

Здесь уместно отметить, что проблема нехватки трудовых ресурсов для российской экономики, по нашему мнению, представляется несколько преждевременной по ряду причин. Наиболее важной из них является то, что более чем 144-миллионное население России, включая 90,4 миллиона россиян трудоспособного возраста (больше, чем когда-либо в нашей истории), является не катастрофой для страны, а активным двигателем экономического прогресса [8, с. 14].

В качестве примера можно привести тот факт, что экономика Японии с ее 127-миллионным населением втрое превышает экономику России, по крайней мере "белую". При этом возрастная структура населения Японии ощутимо отличается от российской в худшую сторону с более низким коэффициентом рождаемости, что не мешает этому государству проводить жесткую политику ограничения въезда трудовых иммигрантов.

В этой связи интересен исторический факт, что в 1926 г. население РСФСР составляло 93,2 млн. чел., в т.ч. в трудоспособном возрасте 48,5 млн. чел., однако это не помешало мобилизовать силы на проведение индустриализации, а в первое десятилетие после окончания Великой Отечественной войны 67,3 млн. чел. населения РСФСР в трудоспособном возрасте активно возводили "великие стройки коммунизма", создавали военно-промышленный комплекс и фундаментальную науку [6, с. 48].

Отсюда вытекает мысль о том, что количество жителей не является определяющим фактором развития экономики, наоборот, во многих случаях создает дополнительную нагрузку на экономику страны. Эта мысль подтверждается множеством примеров из истории развития густонаселенных стран Африки и Азии, население которых, спасаясь от нищеты и голода, вынуждено эмигрировать в менее населенные, но экономически развитые страны Европы и Северной Америки.

Необходимо отметить, что поток иммигрантов из стран СНГ, Африканского и Азиатско-Тихоокеанского регионов может значительно увеличиваться по мере развития экономики Российской Федерации и активного обустройства регионов, а также в результате дальнейшего быстрого роста населения этих стран при подавляющей его бедности и безработице.

По статистическим данным МОТ 2010 года, нелегальная миграция в Российскую Федерацию составляет от 700 тысяч до 1,2 миллиона человек. Это число включает трудящихся мигрантов, а также лиц без гражданства [9, с. 33].

Во всем мире помимо количественного роста незаконной миграции (с учетом невозможности получить точные данные количество экономически активных лиц, вовлеченных в процесс незаконной миграции, оценивается от 15 до 30 миллионов)[10,р.115] наблюдается также изменение самой природы этого процесса. Нелегальная миграция не только превращается в хорошо организованную коммерческую деятельность на международном уровне, но и с недавнего времени зачастую соседствует с другими видами международной организованной преступности (торговля наркотиками, оружием, "живым товаром" и пр.)[10, р. 116].

Список цитируемой литературы:

1. Особенности расследования организации незаконной миграции: Дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008.
2. . Влияние миграции на социально-экономические проблемы // Миграция и внутренняя безопасность. Аспекты взаимодействия. М., 2004.
3. Методика расследования организации незаконной миграции: уч. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2007;
4. Криминалистическая характеристика преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2007. № 4. С. 117 – 118;
Преступная группа – необходимая составляющая криминалистической характеристики комплексной методики расследования преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2010. №12. С. 135 – 137;
Незаконный оборот драгоценных металлов и камней: монография. М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2011. 279 с.;
Проблемы оперативного документирования преступлений, совершаемых в сфере оборота драгоценных металлов и камней и способы их устранения // Право и государство: теория и практика. 2013. № 9 (105). С. 101 – 104;
О новых подходах в борьбе с преступностью в сфере оборота драгоценных металлов и камней // Перспективы науки. 2013. № 8. 206 – 207;
Правоохранительные органы: учебник для вузов / под ред. [авторы: _____]. М.: Юнити-Дана, 2013. С. 126.
5. Незаконные мигранты в России: ситуация, тенденции, политика // материалы конференции, Москва, 24 апреля 2013 года /<http://demoscope.ru/weekly/attachment>
6. Доклад в Государственной Думе (15 марта 2006 г.) по теме «Об основных приоритетах миграционной политики Российской Федерации и о мерах, принимаемых правительством РФ по совершенствованию действующего законодательства в этой сфере».
7. Миграция в России: проблемы, прогнозы и перспективные направления государственной политики. М.: ЛАВЕНТА, 2010.
8. Демографическая революция // Избранные демографические труды. Т.1. Демографическая теория и демографическая история. М., Наука, 2005.
9. Особенности расследования организации незаконной миграции: уч. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2010. С. 14.
10. Улучшение методов миграционной статистики в Центральной и Восточной Европе". Издание Бюро МОТ в Москве. Москва, 2000.
11. Travailleurs - migrants. ВІТ. Geneve. 1999. P. 115.

© С.Ю. Бирюков

	Svyatoslav Biryukov
начальник кафедры предварительного расследования кандидат юридических наук, доцент	Head of the preliminary investigation department Candidate of Juridical Sciences
Волгоградская академия МВД России	The Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry

THE CHARACTERISTIC OF THE MODERN MIGRATION IN RUSSIA

Abstract: This article describes the modern migration processes in Russia, and its effect on the growth of organized ethnic crime.

Keywords: migration; organized ethnic crime; classification of migration processes.

Возникновение человеческой цивилизации обуславливается миграциями отдельных народностей и целых наций. Это неотъемлемая черта образа жизни общества, выполняющая важные функции перераспределения трудовых ресурсов, преодоления различий в образе жизни, сближения и взаимопроникновения культур.

Двадцатый век, особенно его вторая половина, придали этим процессам новое качество. Распад и формирование новых государств, такие катаклизмы, как мировые войны, расширение международных связей и изменения характера взаимоотношений между народами - все это сопровождается возрастающими потоками людей, пересекающими границы государств [1, с. 4]. Убегая от бедности и угроз в поисках лучшей жизни, огромное количество людей стремится к новым возможностям, становясь при этом мигрантами.

Миграции формируют новый облик человеческих сообществ и являются мощнейшим конфликтогенным фактором.

Термин «миграция» происходит от латинского «*migratio*» - переселение и означает переселение, перемещение населения [2, с. 309]. С.И. Ожегов определяет миграцию как перемещение,

переселение, например населения, внутри страны или из одной страны в другую[3, с. 361].

В демографической и юридической литературе выделяют такие виды миграции, как: законная и незаконная; легальная и нелегальная; массовая и единичная (индивидуальная); международная и внутригосударственная; подготовленная и спонтанная; криминальная; принудительная; этническая; конфессиональная; транзитная; «маятниковая»; экономическая (трудовая); семейная и т.д.[4]

Современное состояние миграционных процессов дает основание классифицировать данное явление по следующим основаниям:

1. По типу перемещения. Выделяют внутреннюю и внешнюю миграцию.

Внутренняя миграция представляет собой перемещение людей в пределах территории Российской Федерации с целью постоянного или временного изменения места жительства.

Внешняя миграция - перемещение людей из Российской Федерации в другие государства (эмиграция) и из других государств, в Российскую Федерацию (иммиграция) с целью изменения постоянного и временного проживания.

2. По временным критериям. В данном случае миграция может характеризоваться как возвратная и безвозвратная.

3. В зависимости от факторов, влияющих на мотивацию к перемещению. По данному основанию можно выделить миграцию добровольную и вынужденную. Наиболее тяжелой как для личности, так и для общества является вынужденная миграция. Она может иметь различные характеристики, быть внешней (перемещение в поисках убежища, в том числе беженцами) или внутренней (осуществляется вынужденными переселенцами) [5, с.20].

Одной из разновидностей добровольной миграции является экономическая или трудовая миграция, которая, в свою очередь, может также быть внешней либо внутренней. В различных международных документах, как на универсальном, так и на региональном уровне приводится несколько определений трудящегося-мигранта.

Принятая в 1990 году ООН Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей определяет термин "трудящийся-мигрант" следующим образом: "лицо, которое будет заниматься, занимается или занималось оплачиваемой деятельностью в государстве, гражданином которого он или она не является".

Статья 11 Конвенции МОТ о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения (№ 143 от 1975 года) гласит: "В целях применения настоящего раздела Конвенции термин "трудящийся-

мигрант" означает лицо, которое мигрирует или мигрировало из одной страны в другую с целью получения любой работы, кроме как за собственный счет, и включает в себя любое лицо, законно въехавшее в страну в качестве трудящегося-мигранта".

В ст. 2 модельного рекомендательного акта "Миграция трудовых ресурсов в странах СНГ" под "трудящимся-мигрантом" понимается лицо, которое на законном основании будет заниматься, занимается или занималось оплачиваемой трудовой деятельностью в государстве, гражданином которого оно не является. Что же касается незаконных мигрантов, то, по мнению Н.Н. Тоцкого [6,с.153], к таковым относятся иностранные граждане и лица без гражданства, въезжающие по недействительным документам или без документов в Российскую Федерацию, а также объявленная цель въезда которых не соответствует их намерениям. Н.Н. Тоцкий объединяет такие действия как «въезд в Российскую Федерацию, пребывание и выезд с ее территории иностранных граждан и лиц без гражданства с нарушением российского законодательства, регулирующего порядок въезда, пребывания, транзитного проезда и выезда иностранных граждан, а также произвольное изменение ими своего правового положения в период нахождения на территории России» единым понятием «незаконная миграция». Аналогичное определение «незаконной миграции» дают и ученые из Ростова-на-Дону[7,с.10].

По смыслу ст. 2 Конвенции МОТ № 143 от 1975 года "О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения" нелегальная миграция представляет собой "...какое-либо миграционное движение трудящихся, ищущих работу, в процессе которого трудящиеся-мигранты либо во время переезда, либо по прибытии, либо во время пребывания и работы помещаются в условия, противоречащие соответствующим актам или многосторонним или двусторонним международным соглашениям или национальному законодательству и постановлениям"[8].

В Официальной Концепции Безопасности России, утвержденной в 1997 году, отмечено, что "неконтролируемая миграция способствует усилению национализма, политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма и создает условия для возникновения конфликтов"[9].

От незаконной миграции следует отличать криминальную миграцию. Это немаловажно, т.к. ряд практических работников и ученых нередко путают эти два понятия, считают их идентичными или соотносят их как часть и целое, что в корне неправильно.

Термин «криминальная миграция» был введен в криминологическую науку в 1996 году С.Е. Метелевым. Автор формулирует его следующим образом: «Криминальная миграция – это социальное, относительно массовое, общественно опасное явление,

Наиболее значимыми факторами, оказывающими влияние на развитие как позитивных, так и негативных миграционных тенденций, являются:

- процессы глобализации в мире, активно вовлекающие в мировой хозяйственный и соответственно миграционный оборот колоссальные трудовые ресурсы;

- увеличивающиеся темпы роста народонаселения стран Азии и Африки, являющихся основными поставщиками незаконной миграции в страны ЕС и Россию;

- высокий уровень бедности в большинстве государств СНГ, Африканского и Азиатско-Тихоокеанского регионов, способствующий активному оттоку населения в страны с более благоприятным социально-экономическим и политическим климатом;

- более прочное экономическое положение России и гораздо более высокий уровень жизни, как в рамках СНГ, так и в сравнении со многими странами дальнего зарубежья (Ближнего и Среднего Востока, Африки, Азии);

- самая протяженная в мире Государственная граница Российской Федерации, 13 тысяч километров которой на ключевом азиатском направлении не устроены и даже не проведены на земле, а это, в свою очередь, во многом способствуют беспрепятственному перемещению нелегальных иммигрантов. Характерно, что этот участок является границей с бывшими союзными республиками [12, с. 48];

- географическое положение, удобное для транзита из Азии в Европу;

- развитие в результате рыночных реформ альтернативных форм занятости на российском рынке труда, связанных с расширением частного сектора, индивидуальной трудовой деятельности, смешанных форм собственности с участием иностранного капитала, быстрый рост теневой экономики;

- несовершенство и слабость законодательства в отношении въезда, пребывания и занятости иностранцев, а также лиц, являющихся пособниками незаконной миграции;

- наличие в России диаспор многих государств, связи которых с этнической родиной облегчают начальный момент миграции [13, с.493];

- геополитическое переустройство постсоветского пространства, изменение национально-политических ориентаций в государствах нового зарубежья;

- отсутствие хорошо организованного пограничного контроля и эффективной системы иммиграционного контроля;

- нехватка технических, кадровых и финансовых ресурсов для эффективного контроля;

8. Определение, косвенно данное в ст. 2 Конвенции N 143, процитировано по Сборнику Конвенций и Рекомендаций МОТ. Том II. С. 1779. МБТ, Женева, 1991. С. 1781. См. также: Сборник Конвенций и Рекомендаций МОТ. II том. Издание 1991 года. С. 1779; Сборник Конвенций и Рекомендаций МОТ. II том. Издание 1991 года. С. 1787.
9. Официальная Концепция Безопасности России // Независимое Военное Обозрение. - 2000. -14 янв.
10. Указ. сочинение.
11. Влияние незаконной миграции на преступность в Ставропольском крае // «Черные дыры» в российском законодательстве. М., 2005, № 3.
12. Миграция в России: проблемы, прогнозы и перспективные направления государственной политики. М. ЛАВЕНТА, 2007.
13. Лихолет Е.Н. Отечественные и зарубежные проблемы в области нелегальной миграции // «Черные дыры» в Российском законодательстве. М., 2006, № 2. С. 492 - 494;
14. Криминалистическая характеристика преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2007. № 4. С. 117 – 118;
Преступная группа – необходимая составляющая криминалистической характеристики комплексной методики расследования преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2010. №12. С. 135 – 137;
Незаконный оборот драгоценных металлов и камней: монография. М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2011. 279 с.;
Проблемы оперативного документирования преступлений, совершаемых в сфере оборота драгоценных металлов и камней и способы их устранения // Право и государство: теория и практика. 2013. № 9 (105). С. 101 – 104;
О новых подходах в борьбе с преступностью в сфере оборота драгоценных металлов и камней // Перспективы науки. 2013. № 8. 206 – 207.;
Правоохранительные органы: учебник для вузов / под ред. А.В. Ендольцевой, И.И. Сыдорука [авторы:
Ю. М.: Юнити-Дана, 2013. С. 126;
К вопросу о возникновении и становлении горного и уголовного законодательства в сфере оборота драгоценных металлов и камней в дореволюционной России // Мир юридической науки. 2013. № 9. С. 2 – 6.
15. Нелегальная миграция и ее влияние на экономическую безопасность страны // «Черные дыры» в российском законодательстве. М., 2007, № 1. С. 298 - 301.
16. Особенности расследования организации незаконной миграции: Дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008.

© С.Ю. Бирюков

ГРНТИ 10.77.01
УДК 343.2

	Natalia Bugera
Доцент кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел кандидат юридических наук, доцент	Assistant professor of criminal law teaching and research complex preliminary investigation in the internal affairs
Волгоградская академия МВД России	The Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry

-

IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA

Summary: The paper reflects the main interpretations and approaches to criminal law doctrine. The article analyzes the relationship between the

Keywords: community, organization, organized group, stability, unity and structuring.

Действующий Уголовный кодекс России предусматривает дифференциацию ответственности за организованную преступную деятельность: пять статей устанавливают ответственность за деятельность конкретных разновидностей организованных групп (ст. 208, 209, 239, 282.1, 282, 2 УК). В ст. 210 УК РФ само создание и функционирование преступного сообщества (преступной организации) имеет статус самостоятельного преступления. Однако столь сложный механизм правовой регламентации неизбежно создает трудности при законодательном согласовании указанных норм, их теоретическом осмыслении и практическом применении. Например, в ст. 282.1 УК РФ говорится об экстремистском сообществе, хотя фактически

диспозиция статьи раскрывает признаки организованной группы. Так, в ст. 35 и 210 УК РФ преступное сообщество и преступная организация определяются единым понятием, то есть обладают совокупностью идентичных признаков, эти два термина являются синонимами, то в ст. 282.1 УК РФ и ст. 282.2 УК РФ эти понятия различны. Тем более что они не обладают всеми признаками преступного сообщества, определенными в ст. 35 УК РФ. Для того чтобы определить такие понятия как «сообщество», «организация» и «организованная группа» необходимо выделить типичные сходные, а также отличительные черты. С точки зрения русского языка организация – это объединения людей, а также общественных групп и государств, выполняющее определенные общественно - политические задачи [1, С. 330]. Сообщество – это объединения людей, стран, наций, связанных общими условиями жизни, интересами [1, С. 550].

Ранее понятие «преступное сообщество (преступная организация)» рассматривалось в Уголовном кодексе России как сплоченная (здесь и далее курсив наш. – Н. Б.) организованная группа (организация), созданная для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединение организованных групп, созданное в тех же целях (ч. 4 ст. 35).

В связи с изменениями, которые произошли в части 4 ст. 35 УК РФ от 3.11.2009г. № 245-ФЗ под преступным сообществом (преступной организацией) в настоящее время понимается структурированная организованная группа или объединение организованной группы, действующие под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ, под структурированной организованной группой следует понимать группу лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, состоящую из подразделений (подгрупп, звеньев и т.п.), характеризующихся стабильностью состава и согласованностью своих действий. Под структурным подразделением преступного сообщества (преступной организации) следует понимать функционально и (или) территориально обособленную группу, состоящую из двух или более лиц (включая руководителя этой группы), которая в рамках и в соответствии с целями преступного сообщества (преступной организации) осуществляет преступную деятельность [2]. Произошла лишь замена термина «сплоченная» на «структурированная», что так же остается оценочным понятием.

Таким образом, преступное сообщество (организация), являясь формой (особым родом) соучастия, само, в свою очередь, выступает в двух формах, а именно как: а) структурированная организованная

группа (организация); б) объединение организованных групп. В обеих формах стержневым понятием является организованная группа. В ч. 3 ст. 35 УК РФ дается определение организованной группе как устойчивой группе лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений.

Исходя из анализа ч.3 и ч. 4 ст. 35 УК РФ, можно прийти к выводу, что понятие «сообщество» предполагает иной смысл, носит структурированный (сплоченный) характер между соучастниками, т.е. имеет более организационно-структурную форму соучастия, чем в организованной группе. «Сплоченность», «структурированность», как и «устойчивость», - это оценочные признаки, не имеющие единого законодательного определения. Поэтому в теории их трактуют по-разному.

Так, например, одни ученые считают, что слова «устойчивость» и «сплоченность» являются синонимами. Однако нельзя не согласиться с теми, кто считает оба признака весьма близкими по содержанию. Вопрос о различии сплоченности и устойчивости является до сих пор спорным. Хлебушкин А.Г. справедливо отмечает, что интересы борьбы с организованной преступностью требуют очень четких законодательных формулировок и смешивание понятий «организованная группа» и «сообщество» недопустимо[3]. Кроме того, двойное наименование наиболее опасной формы соучастия в УК РФ («преступное сообщество» и «преступная организация») является информационно избыточным и усложняет восприятие уголовного закона. Поэтому более целесообразным представляется использование в данном случае лишь термина «сообщество» [4]. Согласно ч. 4 ст. 35 УК РФ, термины «сообщество и организация» - синонимы. В свою очередь в другом случае законодатель использует понятия «сообщество» и «организация» отдельно, например, в статьях 282.1 и 282.2 УК РФ». Понятие «экстремистское сообщество» употребляется как идентичное понятию «организованная группа». Так, в ч. 1 ст. 282.1 УК РФ дано понятие экстремистского сообщества. Им признается организованная группа лиц, созданная для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности, а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности. Учитывая понятие преступного сообщества, предусмотренного в ч. 4 ст. 35 УК РФ, можно сделать вывод, что не все преступления, для совершения которых создается именно экстремистское сообщество, относятся к тяжким и особо тяжким. Следовательно, в ст. 282.1 УК РФ речь по существу идет не о создании «сообщества», а о создании экстремистской организованной группы. В тексте Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О

противодействию экстремистской деятельности» не содержится ни слова о понятии экстремистского сообщества. Закон указывает лишь понятие экстремистской организации, под которым понимается общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых, по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности (статья 1 Закона). Среди ученых существует мнения о возможности объединения ст.ст. 282.1, 282.2 УК РФ в единую универсальную норму, устанавливающую ответственность за создание, руководство и участие в экстремистской организованной группе и экстремистском сообществе. В частности, Узденов Р.М. отмечает, что в этой связи необходим пересмотр существующего легального определения понятия экстремистского сообщества и экстремистской организации, а также формулирование определения экстремистской организованной группы [6]. Экстремистское сообщество (организация) есть преступное сообщество (организация), созданное в целях осуществления экстремистской деятельности, либо объединение организованных групп, созданное в тех же целях. Преступное сообщество признается экстремистским, если хотя бы одно из его структурных подразделений осуществляет экстремистскую деятельность. Под экстремистской организованной группой он понимает преступную организованную группу, созданную в целях осуществления экстремистской деятельности. Организованная группа признается экстремистской, если хотя бы одно из ее структурных подразделений осуществляет экстремистскую деятельность [7,8,9]. Анализируя вышеизложенного, приходим к выводу, что из-за несовершенства законодательных формулировок на практике возникают проблемы, связанные с применением ст. ст. 282.1, 282.2 УК РФ, поэтому, на наш взгляд, считаем нецелесообразно переполнять УК РФ специальными составами преступления, и предлагаем исключить их из УК РФ. Тем более преступления экстремистской направленности совершаемые организованной группой по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, уже предусмотрены в статьях Особенной части УК РФ (например, ст. ст. 148, 149, ч.1,2 ст. 213, ст. 214, 243, 244, 280 и 282 УК РФ) и в Общей части УК РФ (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ), а также выражены в качестве квалифицирующих признаков во многих статьях (например, п. «л» ч. 105, «п. «б» ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 214 и др.).

Таким образом, целесообразно исключить из уголовного закона смешение понятий и терминов, дублирующих друг друга, поскольку в соответствии с правилами законодательной техники нельзя одному и

тому же придавать разное значение. Кроме того, текст уголовного закона должен быть написан понятным, простым, доступным для всех языком и не содержать никаких неопределенностей и двусмысленных толкований.

Список цитируемой литературы:

1. Малый толковый словарь русского языка: 2-е изд., стер. М.: Русский язык, 1993.
2. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 12 // КонсультантПлюс (дата обращения: 11 марта 2015 г.).
3. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография / отв. ред. Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2007;
4. Криминалистическая характеристика преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2007. № 4. С. 117 – 118;
Преступная группа – необходимая составляющая криминалистической характеристики комплексной методики расследования преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2010. №12. С. 135 – 137;
Проблемы оперативного документирования преступлений, совершаемых в сфере оборота драгоценных металлов и камней и способы их устранения // Право и государство: теория и практика. 2013. № 9 (105). С. 101 – 104; О новых подходах в борьбе с преступностью в сфере оборота драгоценных металлов и камней // Перспективы науки. 2013. № 8. 206 – 207.
5. Соотношение понятий экстремистского сообщества и экстремистской организации (статья). Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями экстремисткой направленности: всерос. науч.- практ. конф. / ред. кол.: [и др.]. Волгоград: ВА МВД России, 2010; Структура организованных преступных групп, совершающих преступления в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // Мир экономики и права. 2013. № 9. С. 51 – 55.
6. Экстремизм: Криминологические и уголовно-правовые противодействия: дис. канд. юрид. наук. М., 2008;
7. Уголовное право. Общая часть: учебно-метод. пособие / под ред. Д.И. Аминова, А.М. Багмета [авторы: Д.И. Аминов, А.М. Багмет, С.Л. Никонович, А.Я. Авдалян, А.С. Климов, М.Е. Белокобыльский, В.А. Канубриков, В.Н. Галузо, А.Л. Иванов]. М.: Юнити-Дана, 2015. 271с.;
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 3 томах / под общей редакцией [

ФГКОУ ВПО "Санкт-Петербургский университет МВД России, МОУ ВПО "Институт права и экономики". Тамбов; Санкт-Петербург; Липецк, 2014. Том 3 Особенная часть (по состоянию на 4 июня 2014 года). С. 214.

© Н.Н. Бугера

	Andrey Bulatetskiy
адъюнкт кафедры криминалистики	postgraduate of criminalistics chair
ФГКОУ ВПО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»	the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation behalf of V.Y. Kikot

SOME FEATURES OF USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE RESOLUTION OF INVESTIGATIVE SITUATIONS OF CASES OF THEFT OF CRUDE OIL AND PETROLEUM PRODUCTS FROM PIPELINES

Annotation. This article discusses the features of use of special knowledge in the resolution of investigative situations, arising at the detection and investigation of theft of crude oil and petroleum products from pipelines, identified during the analysis of criminal cases of this category of crimes.

Key words: special knowledge, expertise, investigative situation, theft of crude oil and petroleum products from pipelines.

Институт и само понятие «специальные знания», а также формы взаимодействия обладающих ими лиц со следственными подразделениями, достаточно широко освещены в различной криминалистической литературе[1]. В аспекте проблем следственных ситуаций применительно к раскрытию и расследованию краж нефти и нефтепродуктов из трубопроводов специальные знания представляются как совокупность современных теоретических знаний и практических навыков в области науки, техники, искусства и ремесла, полученных в результате специальной подготовки или профессионального опыта, необходимых для их анализа, оценки и разрешения.

Общеизвестно, что лицами, обладающими специальными знаниями, необходимыми для раскрытия и расследования преступлений, являются эксперты и специалисты. Научный подход к разграничению функций указанных субъектов сложился давно. Так, еще И.Н. Якимов различал две категории сведущих лиц: «научные» эксперты и «справочные» эксперты. По его мнению, научные эксперты дают заключения по поставленным вопросам, в свою очередь, справочные эксперты не решают вопросов по существу, а дают сведения, необходимые для понимания какого-нибудь обстоятельства. Роль первых самостоятельна, роль вторых – подсобна, так как без них иногда можно обойтись, если производящий расследование обладает соответствующими сведениями, или может получить их другим путем[2].

Однако, несмотря на продолжительную историю развития институтов экспертов и специалистов, современная организация их деятельности, прежде всего, взаимодействия со следственными подразделениями и оперативно-розыскными аппаратами, мягко говоря, не отличается требуемым совершенством, что негативно отражается на уровне раскрытия и расследования преступлений, в том числе на анализе, оценке и разрешении возникающих при этом следственных ситуаций. Между тем, именно взаимодействие, справедливо замечает профессор А.Ф. Волынский, является основой в целом организации расследования преступлений[3]. Организационное разграничение функций экспертов и специалистов-криминалистов экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел (ЭКП ОВД), довольно убедительно доказывает он, означает не что иное, как организационное сближение (укрепление взаимодействия) последних со следователями[4].

Истинность подобных выводов и основанных на них предложений подтверждается результатами нашего исследования, в процессе которого было изучено 170 уголовных дел по кражам нефти и нефтепродуктов из трубопроводов. Фактически во всех из них (96%) в осмотрах мест происшествий в качестве специалистов участвовали эксперты ЭКП ОВД. Результатом их взаимодействия со следователями стало изъятие в большинстве случаев следов химического происхождения (нефти и нефтепродуктов) – 86%, а также орудий и средств совершения преступлений (конструкций врезок, отводов, автомобилей с емкостями для перевозки похищенного и т.п.) – 100%.

Необходимо заметить, что указанные следы в большей мере свидетельствовали о наличии преступления, о способе его совершения, но практически мало что давали для установления лиц, совершивших кражу. А вот следы, содержащие информацию о признаках и свойствах таких лиц, использованных ими орудий и средств преступлений изымались относительно редко: рук – 2%,

обуви – 12%, автотранспорта – 11%, микрообъекты, в том числе биологического происхождения – 4%, иные – 3%, примерно в одном из десяти случаев изымались образцы почвы.

В худшую сторону зачастую отмечается качество данных следов. Так, из общего количества изъятых сугубо криминалистических следов (рук, обуви, транспортных средств и т.п.) более трети оказались непригодны для сравнительного исследования, по такому же количеству не были представлены соответствующие образцы, а в результате только по 9% уголовных дел были получены заключения экспертов, в последующем признанные доказательствами.

Крайне важно и то, что в абсолютном большинстве осмотров мест происшествий (83%) участвовали специалисты-криминалисты, прикрепленные к территориальным ОВД, которые по этим следам в большинстве случаев затем проводили и экспертизы. При этом естественно возникает вопрос об их заинтересованности в максимально возможном результате работы на месте происшествия, который обуславливает растущий объем их экспертной нагрузки. Показателен и тот факт, что, согласно проведенного нами исследования, только 67% из числа таких специалистов имеют базовую криминалистическую подготовку, как основу их специальных знаний, полученную в порядке обучения в юридическом учебном учреждении. Остальные же имеют естественно-техническое и экономическое образование. Обращает на себя внимание и стаж их работы в этом статусе: в пределах трех лет – 42%, до 5 лет – 74%.

Показательна в своем негативе также практика назначения и производства экспертиз, которые имели место в 73% изученных нами уголовных дел. Из них наиболее часто (54%) назначались судебные экспертизы, связанные с определением химического состава и общего источника происхождения нефти и нефтепродуктов[5]. При этом недоразумения или разночтения проявляются, начиная от названия подобных экспертиз, решающих фактически однотипные вопросы. Так, по делам проводились «экспертизы нефтепродуктов», «криминалистические экспертизы материалов, веществ и изделий», «экспертизы по исследованию нефтепродуктов и ГСМ», «химические экспертизы». Данное обстоятельство свидетельствует об отсутствии не только у следователей, но и консультирующих их специалистов-криминалистов однозначного, научно обоснованного представления о классификации данного рода и вида экспертиз. А результаты их проведения более чем убедительно подтверждают верность теоретического положения о том, что результативность работы специалистов-криминалистов на месте происшествия есть основа эффективности в целом института судебных экспертиз.

Обращает на себя внимание и тот факт, что объектами криминалистических экспертиз при расследовании рассматриваемого вида краж крайне редко становятся материальные следы

преступлений, изымаемые при производстве иных следственных действий, в частности, обыска, проверки показаний на месте, что однозначно свидетельствует о слабой профессиональной подготовке в этом отношении самих следователей и об ограниченных физических возможностях специалистов-криминалистов. К примеру, тот же обыск проводился по большинству изученных нами уголовных дел из числа тех, по которым были установлены лица, подлежащие привлечению в качестве обвиняемых, а по некоторым дважды и более, но только в 3% от них отмечается участие в нем специалиста-криминалиста.

Между тем, практика имеет показательные в этом отношении примеры. Так, в ходе расследования кражи сырой нефти из магистрального нефтепровода была проведена криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий, которая установила, что волокнистый материал, изъятый при обыске в жилище обвиняемого Ш., и волокнистый материал, обнаруженный на месте происшествия, являются льняной паклей и имеют общую родовую принадлежность[6].

Подобный анализ современного состояния организации деятельности ЭКП ОВД и ее результатов, на примере использования специальных криминалистических знаний в раскрытии и расследовании даже одного конкретного вида преступлений объясняет закономерные причины кардинального реформирования системы судебно-экспертных учреждений в Республике Беларусь и указывает на то, что подобная реформа назрела и в нашей стране[7].

Кражи нефти и нефтепродуктов из трубопроводов являются продолжаемыми преступлениями, так как преступники зачастую изначально имеют целью неоднократное хищение максимального объема сырья на протяжении длительного временного периода, что обуславливает способ их совершения путем врезки в трубопровод – более 90% изученных уголовных дел. Однако факт неоднократного хищения нефти и нефтепродуктов через врезку доказывался и вменялся обвиняемым лишь в 17% случаев. Хотя обстоятельства совершения краж, изложенные в материалах большинства уголовных дел, давали основание полагать, что соответствующие хищения могли происходить не единожды.

Так, Г. и Х. были задержаны при попытке совершить кражу дизельного топлива из магистрального нефтепродуктопровода через ранее изготовленную ими несанкционированную врезку в его конструкцию. В ходе предварительного следствия они полностью признали свою вину и сообщили, что изготовили указанную врезку за день до попытки совершения кражи, а в момент задержания хотели совершить хищение через нее впервые. Данный факт должным образом не проверялся, а показания указанных лиц легли в основу предъявленного им обвинения по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ (покушение на кражу)[8].

Описанная в указанном примере следственная ситуация является типичной для последующего этапа расследования краж нефти и нефтепродуктов из трубопроводов. Исходя из нее, возникает вполне логичный вопрос, не могла ли данная врезка быть изготовлена раньше срока, указанного подозреваемыми, и если да, то не совершались ли через нее иные хищения теми же лицами? Подобные версии необходимо проверять путем производства комплекса следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, которые, по всей видимости, при расследовании данного уголовного дела выполнены не были. Представляется, что следствие пошло по наиболее легкому пути: получило признательные показания обвиняемых и заявления на проведение судебного разбирательства в особом порядке, что, как известно, делает следственную ситуацию крайне благоприятной и бесконфликтной. При этом не был учтен такой элемент следственной ситуации, как прогнозируемая (предполагаемая) информация, т.е. не были проверены версии, например, о возможном скрытом противодействии расследованию, выраженном в попытке сокрытия иных фактов хищений через указанную врезку, а возможно и наличии других несанкционированных врезок, других соучастников и т.п.[9].

По нашему мнению, разрешению данной следственной ситуации могло бы способствовать проведение экспертизы по установлению давности изготовления врезки в трубопровод, результаты которой могли бы опровергнуть показания обвиняемых. Однако, изучение нами различной научной, в том числе технической литературы, а также мониторинг сети Интернет, опрос разной категории экспертов, показали, что методики производства такого экспертного исследования не существует. Вместе с тем потребность следственной практики раскрытия и расследования указанного вида преступлений в такой методике более чем очевидна[10].

Анализ уголовных дел по рассматриваемой категории преступлений позволил выявить факты хищения и последующего сбыта нефти и нефтепродуктов на мини-НПЗ (нефтеперерабатывающие заводы) и автозаправочные станции. В таких случаях, как нам представляется, более полному анализу, оценке и последующему разрешению возникающих следственных ситуаций могли бы способствовать судебно-бухгалтерские или экономико-аналитические экспертизы, позволяющие установить обстоятельства, связанные с приемом, хранением, реализацией товарно-материальных ценностей, поступления и расходования денежных средств. Кроме того, в целях выявления скрытой компьютерной информации об указанных фактах может быть назначена комплексная судебно-бухгалтерская и компьютерно-техническая экспертиза[11,12,13,14]. Это дало бы возможность:

- установить факт неоднократности поставок похищенного сырья, а, следовательно, возможно многоразового использования врезки в трубопровод;
- определить минимальное общее количество похищенного сырья за весь период совершения продолжаемого преступления;
- подтвердить организованный характер преступной группЦ

6. Организация раскрытия и расследования преступлений: понятие, содержание, современное состояние / Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: формирование и практическая реализация: материалы межвузовского научно-практического семинара «Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт» (г. Москва, 25 марта 2014 г.). М.: Юрлитинформ. 2014. С. 9-15.

7. Судебно-экспертная и криминалистическая виды деятельности: общее и особенное // Эксперт-криминалист. 2013. №2. С. 18-20.

8. Общий источник происхождения нефти определяется методом хромато-масс-спектрометрии по соотношению и составу биомаркеров – веществ, образующихся в ней при ее формировании в толще земной коры (их состав и соотношение находятся в прямой связи с условиями формирования нефти: из какого сырья (растительности) она произошла, температура, давление, микроорганизмы и т.д.) – см.: Пути криминалистического сравнения нефтей с помощью анализа состава биомаркеров / Сайт физико-химической лаборатории ЭКЦ при УВД Томской области [Электронный ресурс] URL:

	Sergei Bychkov
Доцент кафедры уголовного права кандидат юридических наук, доцент	Assistant professor of criminal law
Санкт – Петербургский университет МВД России	Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

**THE CRIMINAL CHARACTERISTIC OF ILLEGAL
HOSPITALIZATION IN MEDICAL ORGANIZATION PROVIDING
PSYCHIATRIC CARE UNDER STATIONARY CONDITIONS
(ARTICLE 128 OF THE CRIMINAL CODE)**

This article discusses some issues of criminal - legal characteristic of illegal hospitalization to medical organization providing psychiatric care in stationary conditions. Author pays attention to some problems of qualification this social - dangerous act, in particular relating to the subject of crime.

Illegal hospitalization; illegal withholding; personal freedom; organization providing psychiatric care in stationary conditions; subject of a crime; using his official position; other serious consequences.

Уголовная ответственность за незаконную госпитализацию в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (психиатрическую больницу – УК РСФСР; психиатрический стационар – УК РФ) была установлена в 1988 году.

Общественная опасность этого преступления обуславливается тем, что незаконная госпитализация влечет за собой ограничение личной свободы человека (свободы передвижения, выбора места

нахождения, трудовой деятельности, круга общения, принятия и реализации решений и т.п.). К тому же данное деяние может представлять угрозу жизни и здоровья, отношениям собственности. Негативно может отразиться, незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях и на репутации потерпевшего.

На основе анализа судебно – следственной практики можно сделать вывод о том, что незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях – это госпитализация человека страдающего психическим расстройством, но не нуждающегося в принудительной госпитализации либо здорового человека без его согласия.

Совершение преступления предусмотренного ст.128 УК РФ причиняет существенный вред, прежде всего, общественным отношениям гарантирующим защиту Конституционного права человека на личную свободу. Ведь незаконная госпитализация предполагает ограничение свободы передвижения рамками медицинской организации или даже конкретного помещения (палаты). Так же оказывается негативное воздействие на общественные отношения обеспечивающие охрану жизни, здоровья, телесной неприкосновенности, отношения собственности. Могут быть нарушены и такие правоохраняемые категории, как честь, достоинство, репутация.

Незаконной госпитализации, может быть, подвергнут любой человек, вне зависимости от состояния его психического здоровья. Это может быть, как нуждающийся в психиатрической помощи и, в частности в стационарном лечении, так и абсолютно здоровый.

Совершения данного преступления сопровождается совершением активных действий, заключающихся в незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. Незаконное удержание в данной организации характеризует поведение виновного как уголовно – наказуемое бездействие. Незаконность является обязательным признаком, как в отношении госпитализации, так и в отношении удержания. Незаконность определяется отсутствием оснований для госпитализации и (или) нарушением установленного законом порядка.

Основания и порядок госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях определяются Законом Российской Федерации от 2.07.1992 года № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»; Законом Российской Федерации от 31.05.2001 года №73-ФЗ «О государственной судебно – экспертной деятельности в Российской Федерации» УК РФ; УПК РФ; ГПК РФ; УИК РФ.

В статье 4 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» закреплено положение в соответствии с которым, госпитализация в психиатрический стационар осуществляется преимущественно добровольно при наличии согласия пациента, полученного в соблюдением условий, указанных в статье 11 этого Закона. Основаниями госпитализации в психиатрический стационар в соответствии со статьей 28 указанного Закона являются: наличие у лица психического расстройства и решение врача психиатра о проведении обследования или лечения в стационарных условиях либо постановление судьи. Специальный порядок госпитализации лиц, страдающих психическим расстройством, без их согласия или без согласия их законных представителей, если их обследование или лечение возможно только в стационарных условиях, установлен статьей 29 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». В соответствии с положениями этой статьи, принудительная госпитализация, если она является неотложной, допустима по решению врачей психиатров, если психическое расстройство является тяжелым, а больной представляет непосредственную опасность для себя и окружающих или он находится в беспомощном состоянии, то есть не способен самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности, либо его оставление без психиатрической помощи может нанести существенный вред его здоровью в следствии ухудшения его психического состояния[1].

Принудительная госпитализация лица нуждающегося в психиатрическом лечении урегулирована нормами главы 35 ГПК РФ, а также ст. 32-36 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». В соответствии с названными нормами лицо, госпитализированное в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях в недобровольном порядке, подлежит обязательному освидетельствованию в течение 48 часов комиссией врачей – психиатров медицинской организации оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях которая принимает решение об обоснованности либо необоснованности госпитализации. При признании госпитализации обоснованной, заключение комиссии врачей – психиатров в течение 24 часов направляется в суд по месту нахождения психиатрического учреждения для решения вопроса о дальнейшем пребывании лица нем. Одновременно с заключением представитель психиатрического учреждения подает в суд заявление о госпитализации лица в психиатрический стационар в недобровольном порядке. Принимая такое заявление, суд одновременно дает санкцию на пребывание лица в медицинской организации, оказывающей психиатрическую

помощь в стационарных условиях на срок, необходимый для рассмотрения заявления в суд, но не более пяти дней с момента его принятия. Постановление суда об удовлетворении заявления является основанием для госпитализации и дальнейшего содержания лица в данной организации. При признании госпитализации необоснованной и отсутствии согласия госпитализированного на дальнейшее пребывание в названной медицинской организации, он должен немедленно быть выписан из медицинской организации оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях. Так же принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, возможно при применении принудительных мер медицинского характера по основаниям, предусмотренным статьями 97, 101 и 102 УК РФ. Основанием для помещения в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях может служить и необходимость проведения психиатрической экспертизы. Порядок такой госпитализации регламентируется статьями 6, 27-30 Федерального Закона «О государственной судебно - экспертной деятельности в Российской Федерации»[2]. Для производства судебно – психиатрической экспертизы лицо помещается в психиатрический или судебно – психиатрический экспертный стационар только на основании судебного решения. На основании статьи 30 вышеуказанного Закона помещение в судебно – психиатрический экспертный стационар не может превышать 30-ти дней. В случае необходимости этот срок может быть продлен постановлением суда еще на 30-ть дней.

Если недобровольная госпитализация осуществлена при заведомом отсутствии оснований, без согласия госпитализированного, а также при получении согласия путем обмана, шантажа, угроз помещение в психиатрический стационар следует признавать незаконным.

Ответственность по данной статье должна наступать не только за незаконное помещение в психиатрический стационар, но и за незаконное удержание в нем.

Место – медицинская организация, оказывающая психиатрическую помощь в стационарных условиях, является одним из обязательных признаков рассматриваемого состава преступления.

Для квалификации содеянного по статье 128 УК РФ «Незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях» необходимо установить статус организации, в которую помещают госпитализируемого, это должна быть только медицинская организация, оказывающая психиатрическую помощь в стационарных условиях. Помещение потерпевшего в иные лечебные учреждения не подлежит квалификации по данной статье.

В соответствии с пунктом 1 «Положения об учреждениях, оказывающих внебольничную и стационарную психиатрическую помощь», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 мая 1994 года «О мерах по обеспечению психиатрической помощи и социальной защите лиц, страдающих психическими расстройствами» [3], учреждениям, оказывающим стационарную психиатрическую помощь, является учреждение государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения, прошедшее в установленном порядке лицензирование и получившее право на деятельность по оказанию психиатрической помощи, виды которой указаны в лицензии.

Психическое отношение лица к незаконной госпитализации характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла. Виновный осознает, факт незаконного помещения лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, лицо при отсутствии к тому оснований и (или) с нарушением установленного порядка или факт незаконного удержания в этой организации и желает совершать это деяние. Мотив и цель не оказывают влияния на квалификацию, но могут быть учтены судом при назначении наказания.

Субъект преступления предусмотренного ч.1 ст.128 УК РФ – физическое, вменяемое лицо, достигшее 16-ти летнего возраста, то есть по общему правилу субъект общий. По нашему мнению субъектом исследуемого преступления должно признаваться лицо принимающее решение о недобровольном помещении в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (лечащий врач или иной врач – психиатр, оказывающий неотложную помощь, дежурный врач приемного отделения психиатрического стационара, медсестра, фельдшер) или лицо согласие которого на госпитализацию необходимо при недобровольном ее осуществлении (близкие родственники, законные представители)[4, с. 51].

Определение понятий близкого родственника или законного представителя содержится в п.4 и 12 ст.5 УПК РФ, круг законных представителей определен ст. 7 Закона Российской Федерации от 2.07.1992 года № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» к законным представителям в частности относятся наряду с родителями усыновители, опекуны и попечители. Другие родственники, не являющиеся близкими, а также иные лица совершившие действия, направленные на незаконную госпитализацию, в медицинскую организацию оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях могут быть привлечены к уголовной ответственности по статье 128 УК РФ в качестве организатора, подстрекателя или пособника.

К признакам, повышающим общественную опасность этого преступления согласно части 2 статьи 128 УК РФ относятся:

- незаконная госпитализация, совершенная лицом с использованием своего служебного положения;

- незаконная госпитализация, повлекшая по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия.

Под использованием служебного положения традиционно понимается использование, для совершения преступления, возможностей предоставленных виновному в силу занимаемой должности либо определяющихся характером выполняемой работы [5, с. 39].

Применительно к рассматриваемому квалифицирующему признаку это может быть лицо, непосредственно не участвующее в принятии решения о незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, но в силу занимаемой должности способное влиять на принятие решения о незаконной недобровольной госпитализации, либо необоснованном оставлении лица в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, (председатель врачебной комиссии, руководитель стационара, главный врач и др.). Если действия направленные на незаконную госпитализацию в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, совершаются за взятку, необходима дополнительная квалификация по статье 290 УК РФ «Получение взятки». Вынесение судьей заведомо неправосудного решения о принудительной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, влечет ответственность по ст. 305 УК РФ «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта»[6].

Неосторожное причинение смерти или иные тяжкие последствия должны быть связаны с незаконной госпитализацией в медицинскую организацию оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, и (или) пребыванием там. Причиной смерти может быть неправильное применение лекарственного препарата, его передозировка, нападение агрессивного больного, самоубийство потерпевшего, неудавшаяся попытка самоосвобождения и др. Дополнительной квалификации по статье 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности» не требуется. При умышленном причинении смерти необходима дополнительная квалификация по ст. 105 УК РФ «Убийство».

Понятие «иные тяжкие последствия» является оценочным. К ним, в частности, могут быть отнесены: смерть родственников или близких, причинение вреда здоровью лица незаконно госпитализированного и (или) удерживаемого в медицинской

организации оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, тяжкое физическое заболевание или психическое расстройство здоровья родственников или близких потерпевшего, существенный материальный ущерб и др. Наступление иных тяжких последствий, при неосторожном к ним отношении, охватывается ч. 2 ст. 128 УК РФ и дополнительной квалификации не требует. В случае умышленного причинения вреда здоровью потерпевшего необходима квалификация содеянного по совокупности со статьями 111,112,115 УК РФ в зависимости от тяжести вреда причиненного здоровью человека.

Список цитируемой литературы:

1. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: Закон Российской Федерации от 2.07.1992 года № 3185-1.
2. О государственной судебно - экспертной деятельности в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 31.05.2001 года №73-ФЗ; Правоохранительные органы: учебник для вузов / под ред. [авторы: _____]. М.: Юнити-Дана, 2013. С. 261.
3. Положение об учреждениях, оказывающих внебольничную и стационарную психиатрическую помощь: утв. Постановлением Правительства Российской Федерации 25. 05. 1994 года «О мерах по обеспечению психиатрической помощи и социальной защите лиц, страдающих психическими расстройствами».
4. Преступления против свободы чести и достоинства личности: учебное пособие. СПб., 2013. 84 с.
5. Преступления против свободы человека по Российскому праву. Иркутск, 2007. 74 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 3 томах / под общей редакцией _____ [_____]

ФГКОУ ВПО "Санкт-Петербургский университет МВД России, МОУ ВПО "Институт права и экономики". Тамбов; Санкт-Петербург; Липецк, 2014. Том 3 Особенная часть (по состоянию на 4 июня 2014 года). С. 214.

© С.Н. Бычков.

	Dmitry Vasiliev
Преподаватель кафедры предварительного расследования УНК по ПС в ОВД	Lecturer, Department Head of the preliminary investigation department
Волгоградская академия МВД России	The Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry

IX-XX

THE DEVELOPMENT HISTORY OF PRELIMINARY INVESTIGATION INSTITUTE ON XIX-XX CENTURIES IN RUSSIA

Abstract: The article focuses on the rise and development of the Institute of the preliminary investigation in Russia in the 19th - 20th centuries, the reform of the preliminary investigation.
Keywords: reform of the preliminary investigation; development history of the preliminary investigation.

В исторический период обвинительные функции, такие как возбуждение, осуществление уголовного преследования и судебские функции – рассмотрение материалов дела и наделения статуса судебных доказательств, были сосредоточены в руках полиции. Данное построение до судебной стадии не могло устранить неоднократные факты злоупотреблений. В связи с этим, разработчики реформы, и в частности Стоянский Н.И., положили в основу реформы идею разделения судебной и административной власти. Из представленных материалов дела следователь должен был бы, собрать и оценить все доказательства, и предварительно решить вопрос о виновности наказанных полицией лиц. Фактически следователь в данном случае выступал в качестве следственного судьи[1].

Должности судебных следователей были учреждены Законом от 8 июля 1860 года [2,с.8]. В дополнение к данному Закону было издано два наказа – Судебным следователям, о необходимости проводить предварительное следствие, и полиции, об осуществлении розыска и дознания.

Производство предварительного следствия, которое возникло в результате реформы 1860-1864 гг. как предварительное судебное исследование, должно было являться значительной гарантией принятия судом справедливого и законного приговора. Вопрос о полном отделении судебной власти от власти административной решался не последовательно. Предварительное следствие, которое появилось в России в начале 60-х годов 19 века, было, в большей мере, результатом компромисса между юридической наукой и административной политикой государства. Если не вдаваться в изложение содержания института судебного следователя, то можно заметить, что его архитектура по Судебным уставам 1864 года была неудачной.

Основными отрицательными чертами являлись: 1) двойственность подчинения судебного следователя – прокурор осуществлял процессуальный надзор, а судебный контроль – окружной суд и судебная палата; 2) верховенство «розыскных начал» в органах предварительного следствия, проявлялось, прежде всего, в многофункциональности деятельности следователя; 3) организационные возможности для осуществления своей деятельности отсутствовали у судебного следователя, в связи с тем, что полиция ему не подчинялась, а специальной судебной полиции тогда не было создано [3, с. 103 – 105].

Тогда, когда речь заходила о реформировании органов предварительного следствия, солидарность в критике деятельности данного органа пропала. Данное независимое положение судебной и следственной власти, от административной пытались упразднить на законодательном уровне. Так, Высочайше утвержденные 29 сентября 1862 года Основные положения об устройстве судебных мест в России, установили обязательность разделения судебной и административной власти, а также провозгласили следователей членами окружных судов.

Указанные положения были закреплены в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года и статье 212 Учреждения судебных установлений от 20 ноября 1864 года. В соответствии с указанными документами судебные следователи назначались на должность высочайшей властью по представлениям Министра юстиции. Однако, к 1898 году из почти полутора тысяч судебных следователей только 150 были назначены данным образом. Данный порядок, противоречил ст.212 Учреждения судебных установлений, и складывался постепенно. Соединенные Департаменты считали необходимым «дать на сей только раз разрешение губернаторам допускать избранных ими, по соглашению с губернским прокурором, судебных следователей к отправлению этой должности прежде утверждения их министром юстиции, доводя о том до его сведения»[4, с. 74]. Впоследствии данная практика была упразднена.

Компромисс, который был положен в основу реформирования, привел к тому, что после возникновения в России института предварительного следствия, ученые не могли определенно сказать, судебный следователь представитель какой власти является. При составлении Устава уголовного судопроизводства говорилось об отнесении судебного следователя к той или иной власти. Мнения разделились. В результате дискуссии пришли к выводу: «По фундаментальным положениям, судебные следователи имеют особый характер и занимают среднее положение между обвинительной и судебной властью»[6]. Неудивительно, что и определение его полномочий и функций, используемых средств, статуса его решений приобрели так же своеобразный характер.

Так какую же власть на самом деле представлял следователь в то время? Думается, что с верным решением данного вопроса, над которым думали ученые того времени и современные ученые, определятся пути исправления всех указанных недостатков в деятельности органов следствия. После проведения реформы органов предварительного следствия в 1860-1864 гг., появляется первый опыт деятельности судебных следователей и наблюдается рост появления юридической литературы, посвященной организации и эффективности проведения расследования. Интерес к данным проблемам объясняется главным образом тем, что реформа не привела к ожидаемому положительному результату.

Оглядываясь в прошлое, к истории того или иного вопроса, есть важный путь к устранению современных проблем. В связи с этим, чтобы выявить недостатки и попытаться устранить их негативное влияние на органы следствия, представляется важным и необходимым чаще обращаться в прошлое и извлекать из нее ценные уроки.

На первом этапе вопросы улучшения предварительного следствия как самостоятельной стадии уголовного судопроизводства были отодвинуты на второстепенный план все то, что и послужило главной причиной неоконченностью и половинчатости реформирования, превратившейся на практике в увеличение количества чиновников, которые были специально предназначены для расследования преступлений и схожих по своему организационному и правовому статусу к прежним станovým приставам.

Второй этап реформирования осуществлялся в формате судебной реформы 1864 года. Реформа следствия получила более последовательное и завершенное оформление как логическая часть судебной и правовой реформы. Она создала стройную модель организации процесса расследования преступлений, с формальной и юридической стороны отвечавшая лучшим европейским образцам того времени. Однако вместе с тем, недостаточно учитывавшая российские особенности.

Таким образом, до проведенной реформы 8 июня 1860 года процесс расследования преступлений являлось одной из функций административных органов. Основой следственного аппарата являлась полиция. Порядок и общие условия процесса расследования преступлений отвечали всем требованиям розыскного процесса. Благодаря реформе 1864 года судебная власть была отграничена от административной власти.

Список цитируемой литературы:

1. Формирование органов дознания в России после революции 1917 года. // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. URL: <http://www.science-education.ru/116->

	Kristina Vinogradowa
Следователь 1 отдела по РОПД СЧ СУ	1 Department investigator on ROPD MF SU
УВД ЮАО ГУ МВД России (г.Москва)	ATC SAD Research Affairs of Russia (Moscow)

PREPARATION AND TACTICS OF searched IN THE HOME ENVIRONMENT

Abstract: The article deals with questions of tactics of search in a residential area, in particular the features of the preparation, conduct and recording of the investigative action.
Keywords: the tactics of the search; training, an investigative action in the room.

Одним из наиболее сложных следственных действий является обыск в жилом помещении. Сложность в основном заключается в принудительном характере данного действия, во вторжении в частную жизнь обыскиваемых лиц, затрагивании их интересов, а так же обыск несет собой большую психологическую нагрузку для всех участников производимого мероприятия.

Перед проведением впервые этого следственного действия у следователя встает множество вопросов, касающихся успешного хода обыска, для чего требуется тщательная подготовка процессуального и тактического характера, а так же следовать ряду рекомендаций, таких как:

- не проводить обыск в усталом, болезненном или возбужденном состоянии;
- при производстве обыска основное тактическое правило - внезапность. Готовясь к обыску, следователь должен принять все необходимые меры для обеспечения внезапности обыска, вплоть до исключения возможности утечки информации о предполагаемом

- установление целей и задач обыска (отыскание с последующим изъятием орудий преступления, документов, предметов, ценностей, добытых преступным путем или других предметов имеющих значение для дела);
- собирание информации об объекте обыска;
- изучение личностей граждан, у которых намечено провести обыск (наличие судимостей, наличие оружия, наличие намерения оказывать противодействие следствию);
- изучение помещений, где должен быть произведен обыск и составление плана обыска (изучение расположения на местности, количество выходов, окон, планировки комнат; установить количество проживающих в помещении лиц, наличие собак или охранных сигнализаций);
- выбрать время производства обыска. Проводить обыск в жилых помещениях целесообразно в утренние часы, так проще соблюсти его внезапность. Как правило, часов в 6 - 7 утра в квартире есть кто-нибудь из жильцов. Это касается и квартир соседей, жильцов которых можно пригласить в качестве понятых. Понятые обязаны присутствовать и наблюдать за проведением данного следственного действия;
- определение состава оперативной группы и ее предметный инструктаж;
- в многоквартирном жилом помещении, тактически правильно заранее решить и вопрос о том, последовательно или одновременно будут проводиться обыски в различных помещениях, принадлежащих субъекту преступления, в какой последовательности обыскивать помещения членов преступной группы, и другие организационные вопросы. Если предстоит произвести одновременно обыск в нескольких местах, то заранее должны быть подготовлены средства транспорта и связи для всех групп, организован штаб, который будет получать и анализировать информацию с обыскиваемых объектов, координировать деятельность всех групп и принимать решения при возникновении конфликтных и непредвиденных ситуаций, а также решать организационные вопросы.¹ В том случае, если обыск производится в одном помещении, но в разных его частях, например, одновременно в разных комнатах жилого дома, то в каждой из таких комнат должны присутствовать по два понятых и не менее одного члена семьи. Несоблюдение органами следствия данного требования повлечет признание в суде протокола такого следственного действия недопустимым доказательством;
- обеспечение следственно-оперативной группы необходимыми научно-техническими и специальными средствами;
- в состав оперативно-следственной группы целесообразно включать тех специалистов, чьи познания могут пригодиться при обыске, исходя из специфики личности обыскиваемого, искомых

предметов и обстановки помещения. К примеру, бухгалтеров, программистов и специалистов в области компьютерной техники и связи и др. При производстве обыска нередко проводится личный обыск присутствующих в соответствии с ч. 2 ст. 184 УПК РФ, для чего следует заблаговременно позаботиться, чтобы в группе находились лица обоих полов.

- часто происходят случаи воспрепятствования проникновению следственной группы к месту обыска. Следовательно заранее стоит продумать, как он будет производиться, вызов специальных служб для вскрытия помещения. Помощь может быть оказана аварийными службами, службами спасения, подразделениями Министерства по чрезвычайным ситуациям и др. При наличии злостного неповиновения оправданным будет возбуждение следователем на месте уголовного дела по ч. 2 ст. 294 УК РФ о воспрепятствовании осуществлению правосудия и производства предварительного расследования, после чего могут быть применены соответствующие меры принудительного характера.

На начальном этапе расследования обыск может являться неотложным действием, и тогда времени на подготовку практически не остается. Неотложность обыска диктуется обстановкой только что совершенного преступления где, например, произведено задержание с поличным; неотложное производство обыска необходимо для пресечения дальнейшей преступной деятельности; имеются данные о том, что лицо, в распоряжении которого находятся имеющие значение для расследования уголовного дела объекты, принимает меры к их уничтожению или сокрытию.

В исключительных случаях, когда производство обыска в жилище не терпит отлагательства, следователь может вынести от своего имени постановление и произвести указанное следственное действие без получения согласия руководителя следственного органа и судебного решения. Однако должно быть исключено несвоевременное уведомление прокурора о проведенном без его согласия обыске. Срок уведомления в 24 часа начинает истекать именно с момента начала производства обыска и заканчивается моментом направления судье уведомления о том, что данное следственное действие было совершено произвольно.

К уведомлению следователь обязан приложить копии постановления о производстве обыска и протокола обыска, для проверки законности не только решения о производстве обыска в жилище в случаях, не терпящих отлагательства, но и непосредственно проведенного самого протокола следственного действия, что означает направление уведомления судье только после того, как обыск в жилище будет уже закончен. Поэтому, следователю необходимо внимательно отнестись ко времени, которым он располагает для производства обыска и привлечь нужное количество сотрудников для

качественного и быстрого окончания указанного следственного действия, чтобы вовремя предоставить уведомление. И в том случае, если следователь запоздает с направлением в суд такого уведомления, то проведенное следственное действие будет являться недопустимым доказательством по делу.

При заранее спланированном и подготовленном обыске в жилом помещении целесообразно заранее получить судебное решение. Для этого следователь должен вынести обоснованное постановление с указанием на наличие достаточных данных полагать, что в жилом помещении могут находиться предметы, документы и ценности, имеющие значение для расследуемого дела. В постановлении должен содержаться минимум информации по уголовному делу, так как оно предъявляется обыскиваемому лицу и может произойти утечка информации. Следователь с согласия прокурора возбуждает ходатайство перед судом о производстве обыска, которое рассматривается судьей единолично в порядке ст. 165 УПК РФ.

В большинстве случаев в постановлении о проведении обыска можно встретить фразу, что данными для производства обыска в жилище послужили материалы оперативно-розыскного дела.

Такой записью следователь, как говорят, убивает сразу «двух зайцев», он указывает в своем постановлении фактические данные производства обыска, как того требует закон, и одновременно лишает сторону защиты возможности проверить содержание оперативно-розыскного дела на предмет наличия в последнем информации, давшей основание для производства обыска, поскольку материалы оперативно-розыскного дела являются секретными и для ознакомления стороне защиты не будут представлены[3].

В резолютивной части постановления о разрешении проведения обыска в жилище следователь указывает:

- 1) жилище, в котором будет проводиться следственное действие;
- 2) лиц, в отношении которых проводится следственное действие.

При производстве обыска различают следующие этапы: подготовительный, рабочий и заключительный. Рабочий условно можно разделить на 2 стадии - обзорную и детальную.

В подготовительный этап входит прибытие следователя и сопровождающих его лиц на место обыска. Для того, чтобы появление следственно-оперативной группы не было заранее замечено и было неожиданным, для обыскиваемого, не позволило бы ему уничтожить или выбросить какие-либо предметы, а также оказать возможное сопротивление, целесообразно:

1. средства транспорта расположить на некотором удалении от объекта обыска, чтобы они не привлекли внимание обыскиваемых лиц или их соседей;

2. подходить к объекту обыска по одному - два человека, а не всем участникам вместе;

3. используя лифт, подняться на один-два этажа выше нужной лестничной площадки;

4. обеспечить наличие, среди прибывших, лица, которому обыскиваемый или члены его семьи открыли бы дверь, как знакомому, сотруднику домоуправления и т. п.;

5. располагаться у входной двери так, чтобы через дверной глазок или замочную скважину был виден только один из пришедших, желательно знакомый обыскиваемому человек;

6. при обыске в коммунальной квартире пользоваться общим звонком или звонить не обыскиваемому, а кому-либо из других жильцов;

7. с момента прибытия на объект установить наблюдение за окнами, вторым выходом, с тем, чтобы ничего не было выброшено, и никто не мог покинуть помещение;

8. при наличии в помещении собаки желательно обеспечить присутствие, среди прибывших, человека, которого она знает;

9. пригласить понятых для участия в следственных действиях и входить в обыскиваемое помещение вместе с ними, таким образом, обеспечивается их свидетельствование обо всем происходившем с самого первого момента обыска;

10. замки и запоры вскрываются только после отказа обыскиваемого их открыть или в случае, если обыск проводится в отсутствие обыскиваемого, руководствуясь ч. 6 ст. 182 УПК РФ принудительно;

11. при наличии сведений или предположений, что обыскиваемый может оказать сопротивление (тем более, если у него имеется оружие), следователя должны сопровождать вооруженные сотрудники милиции[4].

Следственно-оперативная группа должна хорошо знать расположение комнат, чтобы не обращаться за информацией к обыскиваемому и быть проинструктирована о последовательности обыска применительно к его отдельным участкам. Следователь не должен инструктировать группу в процессе обыска, так как это понизит планку профессионализма обыскивающих в глазах обыскиваемого[5].

Последовательность действий после проникновения на обыскиваемый объект заключаются в том, что следователь:

1. предъявляет обыскиваемому или проживающим с ним лицам свое служебное удостоверение и знакомит его с постановлением о предстоящем обыске, что подтверждается подписью обыскиваемого на постановлении;

осмотре всего помещения логичнее всего называть последовательным

Уточняются вопросы организации проведения обыска:

целесообразно провести лично, а что поручить другим сотрудникам.

Начало поиска целесообразно соотнести с условной фразой, произнесенной следователем. На месте обыска должно быть обеспечено минимальное общение между сотрудниками для создания образа профессионалов.

Детальную стадию обыска можно разделить на последовательный поиск (осмотр всего помещения или всей территории) и выборочный поиск - поиск на отдельных участках обыскиваемой территории или помещения, а также осмотр конкретных предметов, иногда на основании оперативных данных.

Именно на детальной стадии бывает особо результативно применение ультрафиолетовых осветителей. Их использование основано на способности многих веществ люминесцировать, т.е. давать холодное свечение под воздействием ультрафиолетовых лучей[9]. Причем большинство веществ имеют свою, только им

позволяет выявлять невидимые или слабо видимые следы крови, спермы, слюны, клея, различных химических веществ, продуктов питания и т.д., а также дифференцировать внешне одинаковые, однако различающиеся по химическому составу.

В поиске предметов со специфическим запахом, или предметов, на которых мог сохраниться запах преступника, если имеются его образцы, используется служебно-розыскная собака.

Если в ходе обыска в жилых помещениях изымаются объекты для компьютерно-т .ил Ц не ых

объектах в месте обнаружения их. Такая тактика исключит возможные сомнения в том, где и как именно они были найдены. По возможности рекомендуется место обнаружения искомых объектов в дополнение к детальному описанию в протоколе зафиксировать видеозаписью или фотосъемкой.

Фиксация происходящего с помощью видеозаписи психологически действует на участников обыска, сдерживает от вступления в открытый конфликт и исключает последующие жалобы и заявления. Важно зафиксировать обстановку в помещении на момент начала и окончания обыска во избежание необоснованных жалоб на учинение неоправданного беспорядка, уничтожение или повреждение предметов обстановки.

Копия протокола и отметкой о применении видеозаписи и других технических средств, вручается лицу, в помещении которого был произведен обыск, либо совершеннолетнему члену его семьи[10].

Отечественные исследователи рекомендуют сразу после обыска произвести допрос и очную ставку, чтобы закрепить при обыске сведения новыми данными. Данная рекомендация актуальна в силу того, что обнаружение в ходе обыска изобличающих обвиняемого предметов ставит его в трудное психологическое положение, приводя к дезорганизации многих психических процессов, ослаблению волевых установок, направленных на сокрытие причастности к совершению преступления[11].

В соответствии с ч. 12 ст. 182 УПК при производстве обыска составляется протокол, в соответствии со ст.ст. 166 и 167 УПК, происходит это либо по окончании обыска, либо по ходу его. Согласно ч. 4 ст. 166 УПК следователь в протоколе обыска обязан описывать все свои процессуальные действия в том порядке, в каком они производились, а также выявленные при их производстве существенные для данного уголовного дела обстоятельства, к которым, при производстве обыска, и следует отнести обнаружение тех или иных предметов в том или ином конкретном месте (выданы они добровольно или получены принудительно, количество изымаемых объектов, размер, вес, индивидуальные признаки, стоимость; отражается в протоколе попытка присутствующих уничтожить или спрятать подлежащие изъятию объекты, и меры, предпринятые оперативно-следственной группой по предотвращению такого поведения). Кроме этого, ч. 13 ст. 182 УПК напрямую обязывает следователя указывать в протоколе, в каком месте и при каких обстоятельствах были обнаружены предметы, документы или ценности[12]. Отсутствие указанной информации в протоколе обыска будет являться дополнительным основанием к признанию протокола обыска недопустимым доказательством по делу.

Не упакованные, не опечатанные и не заверенные подписями участвующих в обыске лиц предметы или документы, как того

требует ч. 10 ст. 182 УПК, могут привести к тому, что протокол обыска будет признан как недопустимое доказательство по делу.

При необходимости одновременно с проведением обыска может быть наложен арест на имущество лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. В соответствии с ч. 1 ст. 115 УПК РФ арест может налагаться и на имущество лиц, которые несут по закону материальную ответственность за действия субъекта преступления.

Список цитируемой литературы:

1. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика: Научно-практическое пособие. - М.: Издательство «Экзамен», 2003. С. 161.
2. «Обыск и выемка. Процессуальный порядок, тактика и доказательственное значение» Ростов н/д, Изд-во «Феникс», 2005
3. «Особенности расследования взяточничества»: учебное пособие. СПб., 2002. 108 с.;
Криминалистика: учебно-метод. пособие. Тамбов-Липецк, 2014. 420 с.; Правоохранительные органы: учебник для вузов / под ред. А.В. Ендольцевой, И.И. Сыдорука [авторы:
Юнити-Дана, 2013. С. 126.
] М.:
4. Производства обыска с участием защитника // Журнал - Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета, 2011. Вып. № 70.
5. Обыск. Справочник следователя. М, 1983. С. 51-52.
6. Некоторые психологические аспекты проведения обыска // Вестник ТГУ, 2011. Вып. № 348. // [http:// cyberleninka.ru](http://cyberleninka.ru)
7. Обыск. Справочник следователя. М, 1983. С. 53-54.
8. Обыск и выемка. Процессуальный порядок, тактика и доказательственное значение. Ростов н/д: «Феникс», 2005.
9. Справочник следователя. Практическое пособие. М., 1990. С. 212.
10. Обыск и выемка. Процессуальный порядок, тактика и доказательственное значение. Ростов н/д: «Феникс», 2005.
11. Особенности расследования взяточничества: учебное пособие. СПб., 2002. 108с.
12. Некоторые психологические аспекты проведения обыска, Вестник ТГУ, 2011. Вып. № 348. // [http:// cyberleninka.ru](http://cyberleninka.ru)

© К.А. Виноградова

	Elena Gorkina
Доцент кафедры предварительного расследования УНК по ПС в ОВД	Associate professor of the preliminary investigation department
Волгоградская академия МВД России	The Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry

SOME FEATURES OF THE DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO ILLEGAL ARMS AND AMMUNITION TRAFFICKING

Abstract: This article discusses the features of the detection and investigation of crimes in the area of illicit arms and ammunition trafficking.

Keywords: detection and investigation; illicit arms trafficking; investigative actions.

Преступления в сфере незаконного оборота оружия представляют повышенную общественную опасность, так как, как правило, предваряют собой совершение других более тяжких преступлений против личности, собственности, общественной безопасности, в том числе терроризма, бандитизма, убийств и др.

Согласно статистическим данным МВД России за последние пять лет в Российской Федерации выявлено преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия: 2010 г. – 30,4 тыс., 2011 г. – 28,1 тыс., 2012 г. – 26,5 тыс., 2013 г. – 27 тыс., 2014 г. – 26, 2 тыс[1]. Просматривается тенденция снижения уровня преступности данного вида, но анализ более длительного периода времени показывает, что она не является устойчивой.

К подследственности следователей ОВД относятся преступления, предусмотренные ч.ч. 2,3 ст. 222, ч.ч. 2,3 ст. 222.1, ч.ч. 2,3 ст. 223, ст. 223.1, ст.ст. 225 и 226. Остальные составы, предусмотренные ст.ст. 222-224 расследуются дознавателями ОВД.

Данные статьи входят в главу 24 Уголовного кодекса РФ «Преступления против общественной безопасности». То есть

указанные преступные деяния посягают на отношения в сфере общественной безопасности.

Необходимые понятия и категории, касающиеся оборота оружия, незаконного оборота в Российской Федерации, вопросов квалификации и расследования содержатся в Федеральном законе от 13.12.1996 N 150-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «Об оружии» и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 N 5 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств».

Обратим внимание на основные особенности возбуждения уголовного дела и предмета доказывания по преступлениям рассматриваемой категории. Данные особенности связаны с предметом преступления, то есть с предметами указанными в диспозициях норм ст. 222 УК РФ и др. на момент возбуждения уголовного дела должно быть предварительно установлено, а на момент привлечения лица в качестве обвиняемого должно быть доказано, что изъятые предметы являются огнестрельным оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами[2].

Следующей особенностью при возбуждении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 222 УК РФ является то, что данные уголовные дела в большинстве своем возбуждаются в отношении конкретных лиц. И лишь при расследовании незаконного приобретения выделяются материалы и возбуждаются уголовные дела по факту незаконного сбыта оружия, без установления лица, совершившего преступление.

Особенностью является также организация хранения вещественных доказательств в виде предметов преступлений данной категории. Так в соответствии с Инструкцией о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, ценностей и иного имущества органами предварительного следствия, дознания и судами (18 октября 1989 г. № 34/15) хранение изъятого в ходе предварительного следствия огнестрельного и холодного оружия, боеприпасов производится только в органах внутренних дел. Вещественные доказательства в виде взрывчатых веществ передаются на хранение на склады войсковых частей или соответствующих предприятий (организаций).

Рассматриваемые преступления в большинстве своем выявляются сотрудниками органов внутренних дел:

- при осуществлении целенаправленных оперативно-розыскных мероприятий по выявлению преступлений данного вида (оперативные уполномоченные);

- при осуществлении службы по основным направлениям деятельности (участковые уполномоченные, сотрудники ППС, ДПС и др.);

- в ходе осуществлении проверки информации или расследования иных преступлений (оперативные уполномоченные, следователи).

Таким образом, типичным поводом для возбуждения данных уголовных дел является сообщение, полученное из иных источников, оформленное рапортом об обнаружении признаков преступления, составленным выявившим его сотрудником ОВД.

Следующий момент, на который следует обратить внимание, это установление оперативным путем лиц, которые незаконно приобретают, хранят или сбывают огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства. Представляется, что нормы об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств только после их проверки в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством следует расценивать как возможность обеспечения процессуальных гарантий истинности, получаемых таким путем фактических данных[3].

Эти данные могут содержаться в следующих материальных результатах оперативно-розыскной деятельности:

- в рапортах, справках, актах, составленных лицами, осуществлявшими данные мероприятия, а также объектах, приобщенных к перечисленным письменным источникам;

- на технических средствах, электронных носителях фиксации информации (фото-, кино-, видеосъемках, аудиокассетах и т.п.);

- в объяснениях лиц, участвующих в оперативно-розыскных мероприятиях;

- в сообщениях конфиденентов.

Все перечисленные источники доказательств при соблюдении требований законодательства об ОРД уголовно-процессуального законодательства, могут быть использованы на стадиях предварительного расследования. Сбор первичной информации традиционно считается самым сложным этапом при осуществлении предварительного расследования. От степени профессионализма в работе оперативных и следственных подразделений по документальному закреплению доказательств в условиях острого дефицита времени и противоречивости информации, которые способствуют начальному этапу расследования абсолютного большинства уголовных дел, зависит успешность всей дальнейшей деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств[4].

В процессе предварительной проверки по делам о незаконном сбыте огнестрельного оружия подлежат установлению следующие обстоятельства:

1) имели ли место незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, ношение огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Для установления любого из указанных деяний в первую очередь необходимо определить, относится ли обнаруженный предмет к огнестрельному оружию, его основным частям, боеприпасам, взрывчатым веществам, взрывным устройствам, а для решения этого вопроса практически всегда проводится предварительное исследование. В случае установления принадлежности предмета к огнестрельному оружию, его основным частям, боеприпасам, взрывчатым веществам, взрывным устройствам, производство проверки необходимо для выяснения других обстоятельств, а в противном случае необходимость в ней отпадает;

2) при каких обстоятельствах имели место незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, ношение огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Если для приобретения, передачи и сбыта указанных предметов необходимо и возможно установление конкретного времени и места их совершения (по месту жительства, по месту работы, на рынке и т. п.; время суток, день недели), то для их ношения и перевозки такой необходимости обычно нет. На практике в таких случаях ограничиваются установлением периода, в течение которого лицо их носило при себе или перевозило. Выяснение точного времени пребывания лица с оружием важно в криминалистическом отношении, так как без этого в ряде случаев невозможно установить степень общественной опасности виновного и правильно решить вопрос о возбуждении уголовного дела;

3) каковы мотивы и цель совершения преступления.

Для квалификации незаконного распространения рассматриваемых предметов преступления мотив и цель не имеют значения. Однако при расследовании дел данной категории их установление весьма важно;

4) кем совершено преступление, характеристика личности виновного[5,6,7,8].

Устанавливая возраст виновного, необходимо учитывать, что уголовной ответственности за данные преступления подлежат лица, достигшие как 16, так и 14 лет в зависимости от квалификации. При изучении личности выясняется, как виновный характеризуется, был ли ранее судим, какие принимал меры к сокрытию своей преступной деятельности, и др.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что большинство организационных особенностей раскрытия и расследования преступлений данного вида обусловлены их латентным характером. Выявление их осуществляется в большинстве случаев лишь путем целенаправленной оперативно-розыскной деятельности и работы по расследованию других преступлений.

Список цитируемой литературы:

1. Официальный сайт МВД России. [http://:www.mvd.ru](http://www.mvd.ru)
2. Проблема расследования особо тяжких преступлений // «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики». Актуальные проблемы юридической науки. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Ч. II. Тольяти. Изд-во Волжск. Ун-та В.Н. Татищева. 2014. С. 178.
3. *Kravets E.* Cognitive activity efficiency factors during investigative actions, performed using information and communication technologies. *Kravets E., Steshenko Yu., Likholetov A., Kairgaliev D., Vasilev D.* // Communications in Computer and Information Science, Knowledge-Based Software Engineering: 11th Joint Conference, JCKBSE 2014 Volgograd, Russia, September 17–20, 2014.
4. К вопросу о содержании следственной ситуации // Актуальные проблемы и тенденции развития современного общества: теоретико-методологические и прикладные аспекты: материалы Всероссийской научно-практической конференции 19-20 мая 2014 года. Э.: КФ МФПУ «Синергия», Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2014. С. 71.
5. Структура организованных преступных групп, совершающих преступления в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // Мир экономики и права. 2013. № 9. С. 51–55; Противодействие расследованию со стороны организованных преступных группировок, действующих в сфере оборота драгоценных металлов и камней, способы его устранения // Исторические, политические, философский и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4-2. С. 141 – 144;
Криминалистика: учебно-метод. пособие. Тамбов-Липецк, 2014. 420 с.
6. Некоторые вопросы применения меры пресечения в виде заключения под стражу. // Naukowa mysl informacyjnej powieki – 2014 Volume 11: материалы 10 международной научно-практической конференции (07-15 марта 2014) Prawo.: Prezemysl. Nauka I studia. С. 17;
7. Правоохранительные органы: учебник для вузов / под ред. [авторы: _____]. М.: Юнити-Дана, 2013. С. 126.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 3 томах / под общей редакцией _____ /

ФГКОУ ВПО "Санкт-Петербургский университет МВД России, МОУ ВПО "Институт права и экономики". Тамбов; Санкт-Петербург; Липецк, 2014. Том 3 Особенная часть (по состоянию на 4 июня 2014 года). С. 228.

© Е.В. Горкина.

	Elena Gorkina
Доцент кафедры предварительного расследования	Associate professor of the preliminary investigation department
Волгоградская академия МВД России	The Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry

WORKPLACE INVESTIGATOR (INQUIRER) AS AN ELEMENT IN THE SCIENTIFIC ORGANIZATION OF WORK FOR THE CRIME INVESTIGATION UNITS

Abstract: The article is devoted to contemporary issues scientific organization of work investigator (inquirer) for the crime investigation units.

Keywords: scientific organization of work investigator (inquirer).

НОТ следователя (дознателя) представляет собой непрерывный процесс совершенствования форм и методов следственной деятельности, повышения производительности труда следователей, создания благоприятных условий для работы по расследованию преступлений, внедрения в деятельность следственных подразделений новых компьютерных и информационных технологий.

Одним из направлений научной организации труда является создание наиболее благоприятных условий для работы, что подразумевает совершенствование санитарно-гигиенических и эстетических условий труда, обеспечение служебных кабинетов и рабочих мест сотрудников более удобной мебелью, средствами криминалистической и организационной техники.

Факторы, определяющие условия труда следователя и дознавателя можно разделить на следующие группы: санитарно-

гигиенические, психофизиологические, эстетические, социально-психологические.

Санитарно-гигиенические факторы определяют внешнюю производственную среду. К ним относятся метеорологические условия производственной среды (микроклимат), шум, освещенность общая и местная, санитарно-бытовое состояние и обслуживание рабочих (служебных) помещений и др.

Психофизиологические факторы. Эти факторы обусловлены конкретным содержанием деятельности работника, характером его труда. К важнейшим психофизиологическим факторам относятся: физическая нагрузка, нервно-психическое напряжение, монотонность труда, ритмизация труда, рабочая поза, режим труда и отдыха.

Эстетические факторы. Производственная эстетика играет важную роль в создании благоприятных условий труда. Ее внедрение способствует формированию положительных эмоций у работника и повышению эффективности труда. К эстетическим факторам относятся: архитектурное, конструкторское, художественное оформление интерьера, служебного оборудования, оснастка рабочих мест, озеленение, применение функциональной музыки.

Социально-психологические факторы. Данный вид факторов характеризует взаимоотношения людей, сложившиеся в коллективе органа внутренних дел, их настроение и отношение к своей работе, стиль руководства коллективом органа и многие другие социально-психологические явления.

Рабочее место следователя – это часть территории, на которой расположены элементы процесса деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, где следователь в определенных условиях осуществляет свою трудовую деятельность [1, с. 48].

Общие эргономические требования к рабочим местам и их безопасности и другие установлены государственными стандартами (ГОСТ), разработанными в 80-90 х. гг. XX века [2, с. 189].

Рациональное оборудование рабочего места означает разгрузку работающего от излишних физических усилий в процессе работы. С учетом этого располагаются предметы и орудия труда на рабочем месте. Легко достать предмет труда можно тогда, когда он находится на доступном месте, будь то клавиатура компьютера или том уголовного дела, а поза работника и его движения удобны. В этой связи важное значение имеет рациональная планировка самого рабочего места. Она предполагает выявление наиболее и наименее удобных зон для выполнения трудовых операций и, в соответствии с этим, размещение всего необходимого для работы. Размеры рабочих зон во многом определяются конструкцией служебной мебели (письменными столами, рабочими креслами, сейфом, шкафами и др.). Эффективность их использования во многом зависит от соблюдения

правил размещения и применения оргтехники канцелярских принадлежностей, уголовных дел и т.д.

Согласно обоснованным научными исследованиями и требованиям рабочее место следователя должно быть оборудовано с учетом следующих норм.

1. Должно соответствовать требованиям государственных стандартов (ГОСТов).

2. Оснащение рабочего места должно обеспечивать безопасность, удобство и работоспособность.

3. Сотрудник должен быть обеспечен достаточным количеством воздуха, света, окружен правильным сочетанием окраски интерьеров и помещений, их освещенности, с поддержанием нормального температурного и вентиляционного режима в помещениях.

4 Рабочее место должно организовываться с учетом различных шумовых помех, соблюдением требований к снижению уровня шума на рабочем месте.

5. Концентрации опасных и вредных факторов, воздействующих на следователя (дознавателя) на рабочем месте (различные виды излучений от технических средств), не должны превышать установленных предельно допустимых значений [3, с. 55].

При организации рабочих мест, оборудованных персональными электронно-вычислительными системами, существуют нормативные предписания устанавливающие следующее:

- размещение рабочих мест с ПЭВМ должно отвечать параметрам: расстояние между рабочими столами с видеомониторами (в направлении тыла поверхности одного видеомонитора и экрана другого видеомонитора) не менее 2,0 м, а расстояние между боковыми поверхностями видеомониторов - не менее 1,2 м;

- рабочие места с ПЭВМ при выполнении творческой работы, требующей значительного умственного напряжения или высокой концентрации внимания, рекомендуется изолировать друг от друга перегородками высотой 1,5 - 2,0 м;

- конструкция рабочего стола должна обеспечивать оптимальное размещение на рабочей поверхности используемого оборудования с учетом его количества и конструктивных особенностей, характера выполняемой работы. При этом допускается использование рабочих столов различных конструкций, отвечающих современным требованиям эргономики. Поверхность рабочего стола должна иметь коэффициент отражения 0,5 - 0,7;

- конструкция рабочего стула (кресла) должна обеспечивать поддержание рациональной рабочей позы при работе на ПЭВМ, позволять изменять позу с целью снижения статического напряжения мышц шейно-плечевой области и спины для предупреждения развития утомления. Тип рабочего стула (кресла) следует выбирать с

учетом роста пользователя, характера и продолжительности работы с ПЭВМ[4];

- рабочий стул (кресло) должен быть подъемно-поворотным, регулируемым по высоте и углам наклона сиденья и спинки, а также расстоянию спинки от переднего края сиденья, при этом регулировка каждого параметра должна быть независимой, легко осуществляемой и иметь надежную фиксацию;

- поверхность сиденья, спинки и других элементов стула (кресла) должна быть полумягкой, с нескользящим, слабо электризующимся и воздухопроницаемым покрытием, обеспечивающим легкую очистку от загрязнений [5].

Отдельным видом рабочего места по степени автоматизации выделяется «Автоматизированное рабочее место следователя» (АРМ).

АРМ представляет собой комплекс индивидуальных технических и программных средств, предназначенных для автоматизации информационной поддержки процесса предварительного следствия, позволяющий организовывать и планировать рабочее время следователя, автоматизировать составление процессуальных и иных документов, обеспечивать получение, передачу и обработку любой необходимой для расследования справочной, методической и правовой информации, расположенный непосредственно на его рабочем месте [6, с. 77].

Основные принципы конструирования АРМ в органах расследования:

1. Ориентированность на пользователя с учетом его уровня технической подготовленности и возможности обучения.

2. Предоставление с помощью АРМ возможности решения новых задач.

3. Направленность системы на решение определенного класса задач.

4. Обеспечение сопряжения АРМ с другими системами обработки информации.

5. Эргономичность, комфортные условия труда и доступный интерфейс.

К сожалению, как показывает практика и научные исследования рабочие места следователей в большинстве территориальных подразделениях далеко не соответствуют этим требованиям. 70,2% сотрудников органов расследования преступлений не соответствуют научно-разработанным требованиям, в том числе безопасности труда, общим эргономическим требованиям, предъявляемым к производственной среде и др.[7, 8,9]

Реальное количество и качество технических средств, обеспечивающих рабочие места следователей (дознавателей), не соответствует ни нормам положенности, ни современным научным разработкам в этой области.

Список цитируемой литературы:

1. Проблемы обеспечения безопасности свидетелей и иных лиц, содействующих уголовному судопроизводству // Актуальные проблемы предварительного расследования: сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. Волгоград: ВА МВД России, 2013. Т.2. С. 48.
2. Проблемы повышения эффективности противодействия преступности в современных условиях // Управление в правоохранительной сфере: направления развития теории и практики: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Заслуженного работника МВД полковника милиции в отставке Валерия Павловича Пустого, 18 апреля 2014 г. / Челябинск. Издательский центр ЮУрГУ. 2014. С. 189.
3. Научная организация труда в органах расследования преступлений: учебно-практическое пособие. – М.: Академия управления МВД России, 2013. С. 55;
4. Особенности тактики производства отдельных следственных действий последующего этапа расследований преступлений в сфере оборота драгоценных металлов и камней // Исторические, политические, философские и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1-1 С. 145 – 147; Незаконный оборот драгоценных металлов и камней: монография. 2011. С. 89; Противодействие расследованию со стороны организованных преступных группировок, действующих в сфере оборота драгоценных металлов и камней, способы его устранения // Исторические, политические, философский и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4-2. С. 141 – 144;
Криминалистика: учебно-метод. пособие. Тамбов-Липецк, 2014. 420 с.
5. О введении в действие санитарно-эпидемиологических правил и нормативов СанПиН 2.2.2/2.4.1340-03: Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 03.06.2003 N 118 (ред. от 03.09.2010).
6. К вопросу о совершенствовании информационного обеспечения раскрытия и расследования преступлений. // Современные концепции развития науки: сборник статей Международной научно-практической конференции 15 мая 2014 г.: / отв. ред. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С. 222.
7. Правовые основы применения научно-технических средств в процессе производства отдельных следственных действий. // Наука и образование XXI века: сборник статей Международной научно-практической конференции 29 мая 2014 г.: / отв. ред. . Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С. 77.
8. Научная организация труда в органах расследования преступлений: учебно-практическое пособие. – М.: Академия управления МВД России, 2013;
9. Правоохранительные органы: учебник для вузов / под ред. А.В. Ендольцевой, И.И. Сыдорука [авторы:

]. М.: Юнити-Дана, 2013. С. 126.

© Е.В. Горкина.

ГРНТИ 10.81.01

УДК 316.624

	Larisa Gotchina
начальник кафедры уголовного права доктор юридических наук, доцент	head of the chair of criminal law, Doctor of Law Sciences, Assistant Professor
Санкт-Петербургский университет МВД России	Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

SOME ISSUES OF SOCIAL CONTROL ON YOUTH DRUG-RELATED CRIME

Summary: The number of registered drug crime and domination of teenagers and young adults committing crime against peers has been increasing in Russia. They all fall victims to youth drug addiction. groups of at-risk youth drug crime are defined.

Key words: socialization defects in the family; youth narcotism; drug addict family.

«Продолжительность жизни наркомана после знакомства с наркотиками составляет от 4 до 5 лет. Ежегодно от 30 до 40 тысяч молодых россиян погибает от передозировки. Около 37% наркоманов ВИЧ-инфицированы через внутривенные инъекции общими шприцами». [1, с. 1]

На основании результатов нашего исследования выделены факторы групп риска молодёжной наркопреступности»: семейный (укрепление семьи – 34,8%; обучение способам психологической коррекции и психологической защиты молодежи в семье – 14%); фактор здоровья или здорового образа жизни (здоровый образ жизни – 39,5%; недостаточная пропаганда органов здравоохранения – 4,7%); средовый (организация молодежного досуга – 32,56%; формирование идеологических, социально-психологических и культурных барьеров на пути к наркотизму в молодежной среде – 11,6%; слабый контроль по месту жительства подростков – 10,1 %) и правовой (улучшение и

расширение антинаркотической пропаганды – 20,2%; совершенствование нормативной правовой базы – 9,3%)¹.

Представляются обоснованными следующие прогнозируемые классификации «групп риска молодежной наркопреступности» на основании выделенных критериев. Остановимся на двух из них.

1. Семейный фактор. Так, Д.А. Шестаков, являясь основателем отечественной кримиофамилистики [2, с. 1; 3, с. 4; 4, с. 24], раскрывает в своих трудах понятие криминогенной семьи, под которой понимается «конкретная семья, способствующая или не противодействующая совершению преступлений ее членами или против ее членов» [5, с. 189]. Во всех случаях криминогенное влияние семьи связано с невыполнением ею функции социализации [2, с.33; 6, с. 60-66; 7]. Суть криминогенного процесса семейной десоциализации заключается во взаимодействии определенных негативных компонентов семейной микросреды с личностью, вследствие которого происходит отрицательная коррекция личностной направленности, либо в дезорганизации семейной ячейки, приводящей к отчуждению личности от семьи с переориентацией на антисоциальное окружение. Кроме того, криминологически значимым признаётся такое состояние семейных отношений, которое заключается в невыполнении семьей функции ограждения от внешних криминогенных влияний» [2, с. 39]. Выработке склонности к совершению преступления подростка способствуют такие обстоятельства, как отсутствие одного из родителей (чаще отца); их неумение воспитывать детей, создавать дома спокойную доброжелательную обстановку; материальные трудности; дурной пример; вовлечение близкими родственниками несовершеннолетних в аморальную и преступную деятельность [8, с. 216].

В соответствии с Руководством по проведению программ обучения навыкам жизни в семье [9] основными семейными факторами, приводящими к возникновению риска злоупотребления психоактивными веществами для детей и подростков, являются: отсутствие близости, содержательных отношений с родителями, обеспечивающими уход; неумелое воспитание; хаотичная атмосфера в доме; ситуация, когда родители или братья и сестры злоупотребляют наркотиками, страдают умственными расстройствами или занимаются преступной деятельностью; социальная изоляция [9, с. 9].

Выделим «группы риска молодежной наркопреступности»:

- 1) подростки, воспитываемые одним родителем;
- 2) несовершеннолетние, имеющей членов с отрицательной девиацией поведения. Такие семьи более криминогенны, чем неполные;

¹ Ответы на вопрос «Назовите факторы, влияющие на формирование групп риска молодёжного наркотизма» авторского социологического исследования. Предлагался выбор не более трех вариантов ответов.

3) дети с высоким уровнем предоставленной неконтролируемой самостоятельности в виду высокой занятости родителей и высоким уровнем предоставленных денежных средств;

4) беспризорн и

Необходимость добиться понимания того, что хорошая переносимость эйфории – первый признак первой стадии болезни. В связи с этим, существует острая необходимость в коррекции наркологической грамотности у педагогов, юристов, родителей, подростков и молодежи.

Выработка навыка у детей говорить «нет» в провоцирующих ситуациях, заложенного в систему социально-культурного воспитания.

Недопущение формирования и разрушение молодежных групп, культивирующих наркокультуру, нарушающих моральные и правовые нормы. Однако такое нарушение – не самоцель, а средство в реализации потребности в психологической защите, в самоутверждении среди сверстников. Так, Я.И. Гишинский пишет: «Субкультурные сообщества тем более сплочены и отличны от господствующей культуры, чем более жестко категорически ею отвергаются. Поэтому, например, группа наркоманов интегрирована больше, чем компания алкоголиков, но меньше, чем криминальная или тюремная субкультуры» [10, с.89]. С этим высказыванием нельзя не согласиться.

Так, в современной России за короткое время получило широкое распространение течение Эммо, для которого характерны суицид, половая переориентация, употребление психоактивных веществ. Моральные и правовые нормы не позволяют лояльно относиться к этим подростковым группам. Использование ими одного из эффективных каналов распространения субкультурных идей, привлечения потенциальных участников – Интернет, позволило пополнить их ряды подростками и детьми. Их яркие одежды, искусственная внешность, создаваемая сине-зелено-красными оттенками цвета волос, косметики, аксессуарами, вызывают у взрослых дистанцирование.

Однако недопущение формирования и разрушение таких группировок крайне необходимы. Социально-психологические факторы формирования асоциальных субкультур очень весомы: «... они бегут не «куда», а «откуда». От нас они бегут, из нашего мира они бегут в свой мир... Мир этот не похож на наш и не может быть похож, потому что создается вопреки нашему, наоборот, от нашего и в укор нашему. Мы этот их мир ненавидим и во всем виним, а винить-то надо нам самих себя» [11, 12, 13,14 с.31,15].

Формирование в сознании молодежи понятия «полного дома» через обязательные программы школьного, среднего специального и высшего образования.

Пропаганда здорового образа жизни.

Волонтерское молодежное движение.

Снижение риска наркозависимости в раннем детстве путем: домашнего воспитания ребенка до 3 лет матерью; посещение им после

3 лет дошкольных учреждений и введения развивающих программ; недопущение отказа от них и снижения успеваемости в возрасте 10-12 лет (возрастные критерии взяты с учетом психолого-медицинских особенностей развития ребенка).

Перечисленные нами направления воздействия на молодежь, пополняющую ряды наркопреступников, являются проблемами социального контроля его субъектами. Они обладают определенным ресурсным потенциалом для работы, однако существующие сложности в их деятельности снижают эффективность. Невозможно создать систему профилактики молодежной наркопреступности, при которой определенное ведомство или даже отрасль могли бы действовать самостоятельно и изолированно от других.

Нами отмечается повышение роли правоохранительных органов, как субъектов профилактики. Констатируем, что их взаимодействие, особенно, ФСКН России и МВД России, получило правовое закрепление. Кроме того, определенные задачи в сфере профилактики решаются ФСБ России, ГТС России, ФСИН России. Более детальное определение содержания профилактической деятельности правоохранительных органов, включающей в себя социальный контроль, нашло отражение в федеральных целевых программах. Однако наблюдаются ресурсное несоответствие обеспечения субъектов профилактики молодежной наркопреступности их потребностям. В частности, кадровое улучшение представляется нам с помощью:

- разработки требований к профессиональным компетенциям специалистов. Разумеется, они заняты в разных сферах деятельности, но возможен некий алгоритм обязательных требований в отношении того, что непременно должен знать и уметь любой работник, занимающийся наркопрофилактикой;

- методического обеспечения образовательных программ подготовки, переподготовки и повышения квалификации для специалистов.

Кроме того, предупреждение наркопреступности требует оценки и контроля со стороны координирующего органа, которым является:

- в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в области противодействия их незаконному обороту – ФСКН России;

- в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров – Генпрокуратура РФ;

- для координации деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления муниципальных образований по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров – Государственный антинаркотический комитет;

следует считать: сочетание государственных начал с участием общественности в организации профилактической работы и контроль за ее эффективностью; территориальный принцип формирования системы предупреждения (учёт региональных особенностей); взаимообусловленность и взаимодействие процессов воспитания, социально-правовой охраны прав несовершеннолетних и недопущения их личностных деформаций; индивидуальный подход к применению профилактической мер; нацеленность на опережение правонарушения на основе прогнозирования. На посткриминальном уровне большими потенциальными профилактическими возможностями располагают государственные и общественные учреждения, в функции которых входит ресоциализация молодежи.

Представляется, что целесообразна дальнейшая модернизация применения санкций за совершение наркопреступлений в следующих направлениях:

а) более полная и последовательная дифференциация и индивидуализация ответственности лица с учетом степени тяжести содеянного, личности виновного, причин поступка, в первую очередь, без изоляции от общества;

б) расширение практики замены юридических наказаний общественными мерами;

в) сочетание методов исправления и перевоспитания виновных с педагогическим воздействием.

Список цитируемой литературы:

1. Пресс-релиз международной конференции по проблеме: «Незаконный оборот наркотиков. Угроза национальной безопасности России»: Комитет Государственной Думы Российской Федерации по безопасности, Национальный Антикриминальный и Антитеррористический Фонд. М.: Б.и., 2010.
2. Введение в криминологию семейных отношений. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980.; Борьба с половыми преступлениями средствами электронного мониторинга подконтрольных лиц: анализ опыта США // Право и государство: теория и практика. 2014. №2 (110). С. 121 – 125.
3. Об одном из аспектов криминогенной ситуации // Вестник Ленинградского университета. 1976. № 11.
4. Об одном из аспектов криминогенной ситуации // Криминология: вчера, сегодня, завтра: Труды СПб.; криминологического клуба. 2009. № 1 (16); Новеллы в уголовном кодексе РФ, связанные с половой неприкосновенностью несовершеннолетних: лакуны современного правового поля // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12-2. С. 14 – 16.
5. Термины, введенные в научный оборот // Труды СПб. криминологического клуба. 2009. № 2 (17).
6. Семья как объект криминологического исследования // Правоведение, 1982, № 4.

7. Десоциализирующая семья как фактор формирования личности преступника // Вестник ЛГУ. 1985. № 6. С. 84–88.
8. Криминология: новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.
9. Семья как субъект политики // Российская газета. 2009. 9 октября.
10. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009;
11. Об особенностях производства по уголовным делам с участием иностранных граждан // Право и государство: теория и практика. 2014. № 12 (120). С. 128 – 133; Противодействие расследованию со стороны организованных преступных группировок, действующих в сфере оборота драгоценных металлов и камней, способы его устранения // Исторические, политические, философский и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4-2. С. 141 – 144;
12. Уголовное право. Общая часть: учебно-метод. пособие / под ред. . М.: Юнити-Дана, 2015. 271с.;
13. Правоохранительные органы: учебник для вузов / под ред. А.В. Ендольцевой, И.И. Сыдорука [авторы:]. М.: Юнити-Дана, 2013. С. 126.
14. . Отягощенные злом, или сорок лет спустя // Юность. 1988. № 6.
15. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 3 томах / под общей редакцией /

ФГКОУ ВПО "Санкт-Петербургский университет МВД России, МОУ ВПО "Институт права и экономики". Тамбов; Санкт-Петербург; Липецк, 2014. Том 3 Особенная часть (по состоянию на 4 июня 2014 года). С. 231.

© Л.В. Готчина.

ГРНТИ 10. 85.45

УДК 343.98

	Svetlana Domovetz
Старший преподаватель кафедры криминалистики УНК по ПС в ОВД МВД	Lecturer, Department of Criminology
	Veronika Sinkevich
Ст. преподаватель кафедры уголовного процесса УНК по ПС в ОВД МВД России	Lecturer Department of Criminal Procedure
Волгоградская академия МВД России	The Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry

PRODUCTION PROBLEMS OF SURVEY ON STAGE INITIATE CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract: This article deals with the problems of production at the stage of examination a criminal case, the algorithm proposed investigative actions and other events related to this investigation.

Keywords: survey; stage of a criminal case; personal injury; traces of the crime.

правоприменительной практике остается не реализованной [1, с. 84]. Так остается не решенным вопрос в отношении кого проводить такое следственное действие до возбуждения уголовного дела. Ведь до возбуждения уголовного дела мы можем говорить о заявителе, пострадавшем, их представителях, лице, в отношении которого решается вопрос о возбуждении уголовного дела, специалисте, переводчике, понятом, очевидце. Но таких участников уголовного процесса как подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и свидетель еще нет в ходе предварительной проверки и быть не может, так как соответствующим статусом они наделяются в ходе расследования уже возбужденного уголовного дела в установленном порядке. А так, как лица, вовлекаемые в орбиту уголовного судопроизводства в ходе проверки сообщения о преступлении, процессуальными правами и обязанностями указанных в ст. 179 УПК РФ участников процесса не наделены, поэтому производство освидетельствования без нарушения требований процессуального закона и существенного ограничения прав личности в стадии возбуждения дела невозможно. То есть, в рамках существующей регламентации производство освидетельствования на стадии возбуждения уголовного дела возможно лишь формально, но реального механизма реализации данного положения УПК РФ законодатель не предусмотрел.

Какой же законодательный выход можно было бы предусмотреть? Думается, в УПК РФ следовало бы ввести таких участников уголовного процесса как лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, включая в число таковых всех лиц, чьи права и (или) свободы в ходе рассмотрения заявления (сообщения) о преступлении были затронуты в связи с проверкой их причастности к совершению преступления и лицо, чьи права и (или) свободы в ходе рассмотрения заявления (сообщения) о преступлении могут быть затронуты, но это не связано с проверкой их причастности к преступному деянию.

Термин «действие, затрагивающее права и (или) свободы» в данном контексте использован в значении действий (решений), реализация которых не позволяет лицу, обладающему правами и свободами, воспользоваться ими всеми либо любой частью таковых без учета того воздействия, которое имеет, будет или же может иметь осуществление данного действия (решения).

Под правами «лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении» или «лица, чьи права могут быть нарушены в связи с проверкой», понимаются закрепленные в законе и обеспеченные государственным принуждением его возможности.

Началом осуществления рассматриваемых процессуальных действий (решений), затрагивающих права и (или) свободы таких лиц является оглашение ему соответствующего постановления (об

освидетельствовании, назначении судебной экспертизы, о получении образцов для сравнительного исследования и т.п.)[2].

Мы согласны с точкой зрения А.П. Рыжакова, что анализ статусов таких участников, как «лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, и например, «подозреваемый, обвиняемый» конечно же будет совпадать по следующим группам прав:

а) права, одинаковые с правами всех других участвующих в уголовном процессе лиц;

б) права участника следственного действия;

в) права «лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении», как одной из сторон;

д) специфические права «лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении».

Таким образом, следователь (дознаватель и др.), руководствуясь требованиями ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ, обязан разъяснять «лицу, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении», следующие права.

1) знать свои права, обязанности и ответственность (ст. 144 УПК РФ);

2) делать заявления, давать объяснения, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с процессуальными документами на своем родном языке или другом языке, которым он владеет;

3) пользоваться помощью переводчика бесплатно (ч. 2 ст. 18 УПК РФ);

4) представлять письменные документы и (или) предметы для приобщения их к материалам предварительной проверки заявления (сообщения) о преступлении в качестве доказательств;

5) заявлять ходатайства (ч. 1 ст. 119 УПК РФ);

6) заявлять отводы;

7) приносить жалобы на действия (бездействие) и (или) решения следователя (дознавателя и др.) (ч. 1 ст.123, ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ).

8) быть уведомленным о применении при производстве следственного действия технических средств (ч. 5 ст. 166 УПК РФ);

9) знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, а также подавать на них замечания;

10) требовать внесения в протокол следственного действия уточнений;

11) требовать дополнения протокола следственного действия (ч. 6 ст. 166 УПК РФ);

12) удостоверить правильность записи показаний и всего содержания протокола следственного действия, в котором он принимал участие (ч. 7 ст. 166 УПК РФ);

13) отказаться подписать протокол следственного действия (ч. 1 ст. 167 УПК РФ);

14) дать объяснение причин отказа подписать протокол следственного действия, которое заносится в данный протокол (ч. 2 ст. 167 УПК РФ);

15) знакомиться с текстом протокола следственного действия в присутствии защитника, законного представителя, представителя или понятых, если он в силу физических недостатков или состояния здоровья не может подписать протокол (ч. 3 ст. 167 УПК РФ);

16) не сообщать никаких сведений против самого себя, своего супруга (своей супруги) и (или) кого-либо из близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ (ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ);

17) пользоваться письменными заметками, когда им сообщаются данные, которые трудно удержать в памяти;

18) читать документы, относящиеся к его объяснениям;

19) подписать каждую страницу объяснения.

20) собирать письменные документы и (или) предметы для приобщения их к материалам предварительной проверки заявления (сообщения) о преступлении в качестве доказательств;

21) участвовать с разрешения следователя (дознателя и др.) в следственных действиях, производимых по его ходатайству, ходатайству его защитника и (или) законного представителя.

22) защищать свои права;

23) пользоваться помощью защитника, в том числе бесплатно в случаях, предусмотренных УПК РФ;

24) в случае своего несовершеннолетия или душевного заболевания иметь законного представителя;

25) знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы;

26) заявлять отвод эксперту и (или) ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении;

27) ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении;

28) ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту;

29) ставить вопросы эксперту;

30) присутствовать с разрешения следователя (дознателя и др.) при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту;

31) знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение;

32) ходатайствовать о назначении дополнительной либо повторной судебной экспертизы.

33) знать, что в отношении него проводится проверка и по поводу совершения какого именно преступления;

34) давать объяснения по поводу имеющегося в отношении него

подозрения, а также отказаться от дачи объяснений;

35) иные права.

У «лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении», кроме того, предполагается наличие обязанностей:

1) явиться к следователю (дознавателю и др.) в назначенный срок либо заранее уведомить о причинах неявки;

2) подчиниться решению об освидетельствовании (ст. 179 УПК РФ), получении образцов для сравнительного исследования (ч. 3 ст. 202 УПК РФ), о назначении судебно-медицинской экспертизы;

3) не разглашать данные досудебного производства, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ (ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ);

4) иные обязанности.

Подобным образом можно предусмотреть права и обязанности лица, чьи права могут быть нарушены в связи с проверкой, проводимой на основании ст. 144 УПК РФ.

К ним можно отнести следующее:

1) знать свои права, обязанности и ответственность (ст. 144 УПК РФ);

2) делать заявления, давать объяснения, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с процессуальными документами, составленных по результатам следственных действий, в которых он участвовал, на своем родном языке или другом языке, которым он владеет;

3) пользоваться помощью переводчика бесплатно (ч. 2 ст. 18 УПК РФ);

4) представлять письменные документы и (или) предметы для приобщения их к материалам предварительной проверки заявления (сообщения) о преступлении в качестве доказательств;

5) заявлять ходатайства (ч. 1 ст. 119 УПК РФ);

6) заявлять отводы;

7) приносить жалобы на действия (бездействие) и (или) решения следователя (дознавателя и др.) (ч. 1 ст.123, ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ).

8) быть уведомленным о применении при производстве следственного действия технических средств (ч. 5 ст. 166 УПК РФ);

9) знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, а также подавать на них замечания;

10) требовать внесения в протокол следственного действия уточнений;

11) требовать дополнения протокола следственного действия (ч. 6 ст. 166 УПК РФ);

12) удостоверить правильность записи показаний и всего содержания протокола следственного действия, в котором он принимал участие (ч. 7 ст. 166 УПК РФ);

13) отказаться подписать протокол следственного действия (ч. 1

ст. 167 УПК РФ);

14) дать объяснение причин отказа подписать протокол следственного действия, которое заносится в данный протокол (ч. 2 ст. 167 УПК РФ);

15) знакомиться с текстом протокола следственного действия в присутствии защитника, законного представителя, представителя или понятых, если он в силу физических недостатков или состояния здоровья не может подписать протокол (ч. 3 ст. 167 УПК РФ);

16) не сообщать никаких сведений против самого себя, своего супруга (своей супруги) и (или) кого-либо из близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ (ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ);

17) пользоваться письменными заметками, когда им сообщаются данные, которые трудно удержать в памяти;

18) читать документы, относящиеся к его объяснениям;

19) подписать каждую страницу объяснения.

20) собирать письменные документы и (или) предметы для приобщения их к материалам предварительной проверки заявления (сообщения) о преступлении в качестве доказательств;

21) защищать свои права;

22) пользоваться помощью защитника (адвоката);

23) в случае своего несовершеннолетия или душевного заболевания иметь законного представителя;

24) знакомиться с постановлением о назначении проводимой в отношении его судебной экспертизы и заключением эксперта;

25) иные права.

У «лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении», кроме того, предполагается наличие обязанностей:

1) явиться к следователю (дознавателю и др.) в назначенный срок либо заранее уведомить о причинах неявки;

2) подчиниться решению об освидетельствовании (ст. 179 УПК РФ), получении образцов для сравнительного исследования (ч. 3 ст. 202 УПК РФ), о назначении судебно-медицинской экспертизы;

3) не разглашать данные досудебного производства, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ (ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ);

4) иные обязанности[3,4,5].

Либо можно предложить изложить ч. 1 ст. 179 УПК РФ в следующей редакции по аналогии со ст. 202 УПК РФ:

1. Следователь вправе произвести освидетельствование подозреваемого, обвиняемого свидетеля с его согласия, за исключением случаев, когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности его показаний, а также в соответствии с частью первой статьи 144 настоящего Кодекса у иных физических лиц в случаях, если возникла необходимость обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений,

выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы. В случаях, не терпящих отлагательства, освидетельствование может быть произведено до возбуждения уголовного дела.

Список цитируемой литературы:

1. Освидетельствование при расследовании преступлений (проблемы эффективности): монография. Волгоград: ВА МВД России, 2007. С. 84;
2. Криминалистика: учебно-метод. пособие. Тамбов-Липецк, 2014. 420 с.
3. У лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, может быть защитник // СПС КонсультантПлюс. 2013;
4. Правоохранительные органы: учебник для вузов / под ред. А.В. Ендольцевой, И.И. Сыдорука [авторы:
]. М.: Юнити-Дана,
2013. С. 126.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 3 томах / под общей редакцией /

ФГКОУ ВПО "Санкт-Петербургский университет МВД России, МОУ ВПО "Институт права и экономики". Тамбов; Санкт-Петербург; Липецк, 2014. Том 3 Особенная часть (по состоянию на 4 июня 2014 года). С. 228.

© С.С. Домовец, В.В. Синкевич

ГРНТИ 10.81.31

УДК 343.14

	Ivan Kaznachev
Преподаватель кафедры уголовного процесса УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России	Lecturer of the Postgraduate Course of Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia

ISSUES OF DETERMINING THE LEGAL STATUS OF THE SECRETARY OF TRIAL IN PROCEDURAL ACTIONS HELD BY THE COURT WITH THE VIDEO CONFERENCING SYSTEM

Abstract: article provides the concept of technical means of communication and their use in court proceedings.

Keywords: video conferencing; Secretary of trial; procedural means; proceedings.

Система видеоконференц-связи (ч. 4 ст. 240; ст. 278.1; ч. 8 ст. 389.13 Уголовно-процессуального кодекса России [1]), как и любые средства коммуникации (п. 14.1 ст. 5 УПК РФ), средства связи и информационно-телекоммуникационная сеть Интернет (п. 4 ч. 7 ст. 107 УПК РФ), абонентские устройства и их соединения (ст. 186.1 УПК РФ), телевидение и иные средства массовой информации (ч. 3 ст. 136 УПК РФ) можно относить к адаптированному для уголовного судопроизводства авторскому понятию «технические средства коммуникации» т.е – средства технического обеспечения процессов сбора, хранения, передачи, проверки и использования сведений, полученных из различных источников информации. Доминирующим признаком каждого из отмеченных средств является их конструктивное предназначение для работы с информацией вне зависимости от ее формы, количества ретрансляционных источников и радиуса их удаленности. Отмеченный критерий способствует обособлению названных технических средств в отдельную группу.

Констатируя наличие в УПК РФ особой категории технических средств (средства коммуникации), следует обратить внимание на субъектов уголовного судопроизводства применяющих их по роду своей профессиональной деятельности. В первую очередь речь идет о судьях, следователе и дознавателе как участников процесса доказывания отмеченных в ст. 86-88 УПК РФ. Осуществляя в ходе уголовного судопроизводства следственные и процессуальные действия, следователь и дознаватель применяя технические средства коммуникации, руководствуется положениями, закрепленными в ст. ст. 168, 164 УПК РФ устанавливающими целесообразность привлечения специалиста. Более того, в ряде норм УПК РФ таких как ст. ст. 182, 183 УПК РФ федеральным законом № 143-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее по тексту – федеральный закон № 143-ФЗ) [2], установлено обязательное участие специалистов в случаях, связанных с изъятием в ходе производства по уголовному делу электронных носителей информации как неотъемлемых составных частей технических средств коммуникации (например: каждая из разновидностей систем видеоконференц-связи имеет устройство накопления информации - жесткий диск). Изложенное свидетельствует о том, что на стадии предварительного расследования законодатель последовательно закрепляет необходимость участия специалиста при производстве процессуальных действий связанных с использованием технических средств коммуникации. Аналогичная точка зрения присуща большинству ученых в области юриспруденции В.Г. Глебову [3, с. 57-61], Е.А. Зайцевой, А.Ю. Федюкиной [4, с. 7-13], С.Н. Кабелькову [5, с. 7-11] и других[6].

Иным образом обстоят дела на этапе судебного уголовного судопроизводства. Статья 270 УПК РФ регламентирует лишь общие положения об участии специалиста устанавливая вариативный характер его привлечения при производстве процессуальных судебных действий связанных с использованием технических средств коммуникации как то: ч. 4 ст. 240; ст. 281.1 УПК РФ, ч. 6 ст. 35; ч. 3 ст. 376; ч. 2 ст. 407 УПК РФ, ч. 8 ст. 389.13 УПК РФ.

Обращаясь к опыту зарубежного законодательства, следует отметить, что использование технических средств передачи информации при производстве судебных действий является устоявшейся нормой в уголовном процессе ряда европейских государств. Уголовно-процессуальное законодательство Швеции с 1980-х гг. допускает допрос свидетеля и потерпевшего (с их согласия) посредством применения телефонной линии связи только в условиях обеспечения участия специалиста при производстве отмеченного процессуального действия [7, с.118]. Примерно в это же время законодатель Великобритании установил правила дистанционного допроса свидетеля, находящегося на значительном удалении от органа

дознания и суда в условиях обеспечения его проведения специалистами в сфере телекоммуникационных технологий [7, с. 16].

В отечественных судах, применяющих подобные технические системы, функцию специалиста исполняет технический помощник, он же часто секретарь судебного заседания. Так, Э. П. Доржиев указывает, что в случае использования в судебном производстве систем видеоконференц-связи необходимы специальные познания для работы с ней [8, с.15-18]. Возможными специалистами, имеющими навык работы по применению систем видеоконференц-связи в суде, выступают помощники судей. При этом Э. П. Доржиев подчеркивает, что: «Помощникам судей необходимы навыки работы с названными техническими средствами, поскольку соответствующие функции могут выполняться ими наряду с секретарями судебных заседаний» [9, с.17].

Таким образом, специальные навыки в работе с использованием систем видеоконференц-связи обязательны для технических помощников и секретарей судебного заседания. Подтверждением является необходимый комплекс действий, подлежащий выполнению в случае применения систем видеоконференц-связи для организации судебного разбирательства. Так, техническому помощнику или секретарю судебного заседания в этом случае надлежит: 1) выяснить вопросы обеспечения технической возможности установления коммуникационной связи между судом, производящим допрос, и судом, исполняющим поручение, при использовании систем видеоконференц-связи; 2) осуществить подключение систем видеоконференц-связи, т. е. провести пробное включение для проверки работы всех механизмов, обоими сторонами до начала судебного разбирательства. Отслеживать работу всех частей и механизмов систем видеоконференц-связи в ходе ее эксплуатации, в случае возникновения технических неполадок устранить их; 3) произвести копирование на единый сервер хранения данных сведений, полученных в ходе судебного разбирательства, при условии, что применяемые в системах видеоконференц-связи видеокамеры не записывают и не сохраняют видеосигнал [10]. Запись возможна только в случае применения устройств видеозахвата [11]. Очевидно, что перечисленный комплекс действий может осуществить только лицо, сведущее в определенной области знаний, т. е. специалист. И. И. Черных констатирует, что: «Сложившаяся практика судебного разбирательства с применением систем видеоконференц-связи предусматривает присутствие секретаря судебного заседания или помощника судьи как специалистов, осуществляющих контроль над обеспечением технической возможности проведения судебного заседания с использованием отмеченных систем» [12, с.36,13]. О.И. Виляк в определении наличия специальных знаний у технического помощника судьи указывает, что его присутствие при работе судов с

системами видеоконференц-связи «обусловлено необходимостью снизить нагрузку на судей и дать им возможность сосредоточиться на осуществлении основной функции – осуществлении правосудия, освободив их от работы, носящей технический характер».

Тем ни менее, несмотря на сложившуюся практику обращения суда к помощи технического помощника или секретаря судебного разбирательства остается открытым вопрос: «Каков их процессуальный статус при производстве судебных действий проводимых с помощью технических средств коммуникации?». Неясно также и то, каков объем прав и обязанностей отмеченных лиц, непосредственно принимающих участие в использовании систем видеоконференц-связи при производстве судебных действий. В этом контексте будет не лишним вспомнить положения ст. 245 УПК РФ в которой закреплено, что секретарь судебного разбирательства, не являясь участником уголовного судопроизводства ориентирован на ведение протокола судебного заседания и осуществления организационных действий обеспечительного характера выражающихся в извещении и проверке явки лиц вызываемых судом. Роль технического помощника суда не установлена нормами УПК РФ ни в разделе II (Участники уголовного судопроизводства) ни в части третьей обращенной к судебному производству.

Стало быть, недопустимо отождествлять или каким либо иным образом проводить аналогию между секретарем судебного разбирательства, технический помощник судьи и таким самобытным участником уголовного судопроизводства как – специалист.

Возможным выходом из сложившейся ситуации видится необходимость дополнения редакции ст. 270 УПК следующим положением:

«Участие специалиста во время использования систем видеоконференц-связи обязательно. Суд, принявший решение о проведении процессуальных действий с использованием систем видеоконференц-связи обеспечивает участие специалиста в порядке, установленном статьей 58 настоящего Кодекса».

Закрепляя статус лица применяющего по указанию суда технические средства коммуникации для производства вышеизложенных действий максимально достигается положительный эффект, направленный на:

- получение качественного результата по итогам проведения судебных действий с помощью систем видеоконференц-связи. Аргументом выступает компетентность привлекаемого специалиста обеспечивающего применение указанных систем;
- соблюдение процессуальной формы при проведении судебных действий, связанных с использованием технических средств

Список цитируемой литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (принят ГД ФС РФ 22.11.2001) [Электронный ресурс] (ред. от 23.01.2015). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 16.02.2015). Далее по тексту УПК РФ
2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 28.07.2012 г. № 143-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 31. Ст. 4332.
3. Уголовный процесс: учебник в 3 ч. Ч. 2. Досудебное производство по уголовным делам / под ред. В. Г. Глебова, Е. А. Зайцевой. 4-е изд., перераб. и доп. Волгоград: ВА МВД России, 2013. 248 с.
4. Регулирование производства экспертизы в досудебном производстве по уголовным делам: российский и китайский опыт // Судебная экспертиза. Волгоград: ВА МВД России, 2013. № 1 (33). 201 с.
5. Реализация принципов уголовного процесса при назначении и производстве экспертизы по уголовным делам на стадии предварительного расследования // Судебная экспертиза. Волгоград: ВА МВД России, 2013. № 3 (35). 197 с.;
6. Поисковая техника и средства связи в криминалистике. Липецк: МИПЭ, 2004; Криминалистика: учебно-метод. пособие. Тамбов-Липецк, 2014. 420 с.;
7. Противодействие расследованию со стороны организованных преступных группировок, действующих в сфере оборота драгоценных металлов и камней, способы его устранения // Исторические, политические, философский и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4-2. С. 141 – 144.
8. Введение в шведское право. М.: Юрид. лит., 1986. С. 220.
9. Законодательство Великобритании: использование технических средств связи для производства допроса. Police. 1988. № 12. Р. 16.; Об особенностях производства по уголовным делам с участием иностранных граждан в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2014. № 12 (120) С.128 – 133.
10. Применение информационно-коммуникационных технологий в работе помощника судьи арбитражного суда // Администратор суда. 2013. № 3. 119 с.
11. ПОЛИКОМ» (Polysom) – видеоконференции и аудиоконференции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pjlycom.com.ua> (дата обращения: 12.02.2015)15.
12. Что такое «Устройства видеозахвата»? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.Kramer.ru> (дата обращения: 15.02.2015)
13. Использование видеоконференц-связи в арбитражном процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 10.
14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 3 томах / под общей редакцией /

ФГКОУ ВПО "Санкт-Петербургский университет МВД России, МОУ ВПО "Институт права и экономики". Тамбов; Санкт-Петербург; Липецк, 2014. Том 3 Особенная часть (по состоянию на 4 июня 2014 года)/ С. 235.

© И.В. Казначей

	Daniyar Kargaliew
Доцент кафедры криминалистической техники УНК ЭКД, к. биол. наук	Assistant professor of forensic technology UNK ECD to. Biol. Sciences
	Vadim Gladirew
Главный эксперт ЭКЦ МВД России	Chief Expert of the Forensic Science Center Russian Interior Ministry
	Roman Mogutin
Зам. начальника кафедры криминалистики УНК по ПС в ОБД, к.т.н., доцент	Deputy. Head of the Department of Criminology CMD PPP ATS, Ph.D., Associate Professor
Волгоградская академия МВД России	The Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry

THE QUESTION METROLOGICAL SOFTWARE FORENSIC ACTIVITIES

Abstract: This article highlights the issues of metrological support forensic activities, Forensic Center Russian Interior Ministry, which planned a series of organizational and organizational and methodological activities aimed at improving and monitoring the quality of examinations for each specific genus and species, based on best expertise.

Keywords: Forensic Center MOI of Russia; forensic activities; metrological support.

На современном этапе развития международных отношений важным фактором стабильного экономического подъема Российской

Федерации и научно-технического прогресса общества становится безотлагательное решение значимых вопросов защиты законных прав граждан от негативных последствий недостоверных результатов измерений[1]. Терминология, применяемая в России для описания аппарата теории ошибок, противоречит европейской концепции управления качеством товаров и услуг, оказываемых на основе стандартов ISO 9000 и ISO 9001. Устоявшийся в нашей стране термин «ошибка» (англ. *the error*) не отвечает стратегии управления качеством, что требует от нас внесения корректив в логические подходы при оценке качества не только производимых по заданию суда и следствия измерительных операций, но и к оцениванию качества результатов всего экспертного исследования, а также реализации безошибочного выполнения всех проводимых измерительных операций. Однако, исключить ошибки из экспериментальных данных не представляется возможным в силу ограничений, накладываемых точностью самих измерительных приборов, стоящих на вооружении экспертно-криминалистических подразделений МВД России.

В 1993 г. семь международных организаций издали «Руководство по выражению неопределенности», приобретшее международное значение в регламентации метрологического обеспечения[2], и направленное на снабжение потребителя (суд, следствие) информацией обо всех погрешностях, получаемых при производстве измерений, обеспечение международной унификации отчетов (заключение эксперта) об измерениях для сопоставимости результатов на международном уровне.

Экспертами и специалистами МВД России, Министерства юстиции РФ, Федеральной таможенной службы и др. проводится основной объем измерений при производстве процессуальных действий.

Судебно-экспертная деятельность правоохранительных органов, направленная на раскрытие, расследование и предупреждение преступлений, должна строго учитывать требования Федерального закона РФ «Об обеспечении единства измерений», и может быть реализована лишь на основе выработки единых подходов в метрологическом её обеспечении.

Необходимость освоения и применения в судебно-экспертной практике современных подходов оценки качества криминалистических исследований назрела давно и актуализировалась по следующим причинам:

- во-первых, вступление Российской Федерации во Всемирную Торговую организацию (ВТО);
- во-вторых, потребность судов и органов предварительного следствия в получении доказательства – заключения эксперта, учитывающего требования к прослеживаемости (контроль качества)

исследования, измерений и анализа, по уголовным делам, возбужденным в отношении граждан стран-участниц ВТО или Европейского Союза;

- в-третьих, потребность оценивать экспертом заключение другого эксперта при производстве повторной судебной экспертизы, его достоверности органами судебной власти и прокуратуры.

К первоочередным задачам метрологического обеспечения следует отнести:

- 1) унификацию и обеспечение единства измерений при разработке криминалистических методик решения экспертных задач, производстве судебных экспертиз вещественных доказательств – объектов судебной экспертизы;

- 2) анализ и установление рациональной номенклатуры измеряемых параметров и оптимальных норм точности измерений при производстве экспертных исследований, контроле характеристик и метрологическом обслуживании (учет, хранение, поверка, калибровка, юстировка, наладка, ремонт) криминалистического измерительного оборудования экспертных подразделений;

- 3) аттестация и внедрение в судебно-экспертную деятельность государственных методик проведения измерений, гарантирующих необходимую точность измерений (или заданную неопределённость);

- 4) контроль измерительного оборудования в реальных условиях производства судебной экспертизы, соблюдение установленных метрологических правил и норм;

- 5) разработка и внедрение нормативных документов, регламентирующих вопросы метрологического обеспечения.

Следующим этапом является повышение эффективности метрологического обеспечения.

Руководством Экспертно-криминалистического центра МВД России запланирован комплекс организационных и организационно-методических мероприятий, нацеленных на совершенствование и контроль качества экспертиз по каждому конкретному роду и виду, на основе передового экспертного опыта, включающий в себя:

- 1) оптимизацию парка криминалистического (контрольного, измерительного) оборудования, исходя из принципа необходимости и достаточности;

- 2) замену морально устаревшего криминалистического оборудования современным оборудованием, внедрение новых экспертных технологий;

- 3) автоматизацию процессов применения экспертных методов;

- 4) оптимизацию точности измерений по экономическому критерию: использование точных средств измерения (СИ) при производстве судебных экспертиз в сравнении с применением СИ с

более грубым классом точности в деятельности специалиста-криминалиста на месте происшествия;

5) совершенствование процедур поверки, калибровки, ремонта средств измерения с учетом экономической эффективности;

6) повышение профессионального уровня государственных судебных экспертов в рамках факультетов переподготовки, повышения квалификации Вузов МВД России по вопросам метрологического обеспечения судебно-экспертной деятельности.

Ранее количественной мерой достоверности измерений в судебной экспертизе, близости результата к истинному значению измеренной величины (твердость клинка, масса наркотического средства или толщина автомобильного лакокрасочного покрытия), служило метрологическое понятие «погрешность измерения», научно обосновывающее возможность использования заключения эксперта следователем (судом) в качестве доказательства.

Система современных критериев обеспечения качества[3] судебно-экспертных исследований, выполняемых с использованием измерительных методов, основывается на концепции описания результатов измерений и учетом следующих положений:

- замена понятий «погрешность» и «истинное значение измеряемой величины» понятиями «неопределенность» и «оцененное значение измеряемой величины» соответственно;

- переход от разделения погрешностей по природе их проявления (случайные, систематические) к классификации по способу оценивания неопределенности измерений (тип А – методами математической статистики, тип В – другими методами)[4].

Отличительной особенностью предлагаемой концепции метрологического обеспечения является различное толкование основных понятий метрологии: истинное значение измеряемой величины и результат измерения.

Погрешность технико-криминалистического средства (или результата измерений) понимали как разницу между результатом измерения и истинным значением измеряемой величины[5]. Например, содержание наркотического средства героина (диацетилморфина), в изъятом у гр. А. порошкообразном веществе, определяли хроматографическим методом измерения концентрации наркотически активного компонента в растворе представительной пробы (проб) исследуемого объекта, получаемый результат имел единственное значение, которое при симметричном законе распределения находится в середине вероятностного интервала. В пределах этого интервала с определенной вероятностью находится уникальное (искомое) истинное значение концентрации контролируемого вещества, и погрешность результата измерения, представляющая собой разницу между результатом измерения и истинным значением, которая является детерминированной.

Новая метрологическая концепция утверждает (и с этим невозможно спорить): поскольку истинное значение измеряемой величины неизвестно, тогда и погрешность измерения также является неизвестной величиной. В отечественной метрологии погрешность измерений, в отличие от погрешности результата измерений, которая имеет вероятностный характер, оставалась неизвестной.

Современные воззрения[6,7] на процесс измерения доказали:

- любая физическая величина непрерывно изменяется во времени и в пространстве;
- любое средство измерений имеет конечные временные и пространственные интервалы измерения;
- любая измеряемая величина может характеризоваться набором численных значений, находящихся в пределах некоторого интервала, называемого неопределенностью определения измеряемой величины, выражающего неполноту знания значения измеряемой величины, а также являющееся количественной характеристикой неполноты этого знания.

Неопределенность является количественной характеристикой рассеяния значений, которые может принимать измеряемая величина. С математической точки зрения неопределенность может быть описана двумя значениями:

- стандартной неопределенностью, которая является аналогом среднеквадратичного отклонения случайной величины;
- расширенной неопределенностью, которая является аналогом доверительного интервала.

Помимо указанных общностей необходимо отметить, что в классической теории оценки точности проведенных измерений и концепции неопределенности по-разному трактуется понятие дисперсии, которая характеризует разброс наблюдаемых значений. В первом случае она относится к истинному значению измеряемой величины, а во втором – к результату измерения. Такой подход позволяет получить степень свободы при интерпретации результатов проведенного исследования в части определения интервала обоснованных значений измеряемой величины (при предположении, что при выполнении измерений экспертом не было допущено ошибок). «Точность» измерений определяется значением доверительного интервала с установленной доверительной вероятностью, приписываемого измеряемой величине. В качестве примера допустим, что при измерении некоторой величины получен результат 100 ± 1 . С точки зрения концепции погрешности значение 100 является результатом измерения, а значение ± 1 является погрешностью результата измерения. С точки зрения новой концепции (неопределенности) полученные значения представляют собой неотрицательный интервал 99-101, который приписывается измеряемой величине.

Согласно положениям теории неопределенности, различают два типа неопределенностей, составляющие которых оцениваются различными способами соответственно:

- тип «А» получают из закона распределения вероятностей;
- тип «В» получают из функции вероятности наступления события или частоты его наступления.

Оба типа неопределенности (без выявления различий в их природе) позволяют оценить распределение вероятностей по величине дисперсии или стандартного отклонения.

Для удовлетворения требований в области производства судебно-экспертных исследований используют три основных параметра[7]:

- стандартную неопределенность (u_c);
- расширенную неопределенность (U) – величину, характеризующую интервал относительно результата измерения, в пределах которого ожидается появление значений, которые могли быть с достаточным основанием приписаны измеряемой величине;
- коэффициент охвата (k), который выбирается на основе уровня доверия измеряемой величины Y в интервале $y - U \leq Y \leq y + U$, где U рассматривается как интервал относительно результата измерения $Y = y \pm U = y \pm k u (y)$, который содержит основную часть распределения вероятностей и характеризуется стандартной неопределенностью. Величина является « 2σ » или « 3σ » для указанного выше интервала. Величина k изменяется в пределах $2 \leq k \leq 3$. Экспертный опыт свидетельствует, что при $k = 2$ уровень доверия составляет 95%, а при $k = 3$ уровень доверия составляет 99%.

Расширенная неопределенность вычисляется как произведение суммарной стандартной неопределенности на коэффициент охвата:

$$U = k u (y)$$

Очевидно, что все величины, оказывающие влияние на конечный результат измерения, изменяются. Соответственно их неопределенность можно оценить методами математической статистики на основе математической модели измерения и законе распространения неопределенности. Моделирование измерений может производиться с заданной точностью. Причем параметры точности закладываются на стадии научного планирования эксперимента по методу полнофакторной модели. Построение такого эксперимента позволяет выявлять и отсеивать грубые ошибки («промахи») на стадии регистрации данных или при обработке экспериментальных данных.

В общем виде, новая методика дает схему определения неопределенности, но не заменяет критичность мышления судебного эксперта, его умение отыскивать ошибки и раскрывать причины их

происхождения. Оценка неопределенности не является ни рутинной работой, ни чисто математической; зависит от детального знания природы, измеряемой величины, и измерения. Качество и ценность определения неопределенности результата измерения, в конечном счете, зависят от понимания, критического анализа получаемых результатов исследования.

Из приведенных рассуждений следует вывод о соблюдении требований метрологического и методического обеспечения экспертных исследований, обязательности оценки достоверности результатов проведенного исследования. Оценка результатов судебной экспертизы следователем и судом достоверности заключения эксперта должна начинаться с установления метрологической надежности используемой методики, от которой зависят сущность и содержание процесса решения экспертной задачи в данном конкретном случае: действия, последовательность, условия, набор методов, приемов и технических средств. Только полномасштабная оценка самого заключения эксперта, хода и результатов проведенного исследования дает возможность следователю (суду) использовать заключение при доказывании.

Список цитируемой литературы:

1. Об обеспечении единства измерений: федер. закон Рос. Федерации от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ // Рос. газ. 2008. 2 июля. <http://www.rg.ru/2008/07/02/izmereniya-dok.html>.
2. Руководство по выражению неопределенности измерения. Guide to the expression of uncertainty in measurement; ISO/TAG-/WG3, Geneva, June 1993. ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025-2006. Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий.
3. Теория измерений. Основы теории точности средств измерений: учеб. СПб.: СЗТУ, 2006. 154 с.
4. Неопределенность и погрешность в современной метрологии // Законодательная и прикладная метрология. 2009. № 5.
5. Экспериментальные методы исследований. Погрешности и неопределенности измерений: учеб. пособие. СПб: СПбГУ ИТМО, 2006. С. 112; Криминалистика: учебно-метод. пособие : Тамбов-Липецк, 2014. 420 с.
6. Метрология, стандартизация, сертификация: учеб. пособие. Дубна, 2007. С. 132; Потенциальная точность измерений: учеб. пособие / под ред. СПб.: АНО НПО «Профессионал», 2005. С. 104; МИ 2552-

	Vitaliy Kanubrikov
заместитель начальника кафедры уголовного права, кандидат юридических наук, доцент	Deputy Chief of Department of Criminal Law, Candidate of Juridical Sciences
Волгоградская академия МВД России	The Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry

QUALIFICATIONS ILLEGAL EXTRACTION (CATCH) OF AQUATIC BIOLOGIKAL RESOURCES

Summary: The article investigates the application of the criminal law qualification evaluation signs of illegal harvest (catch) of aquatic biological resources.

Keywords: criminal law, criminal law principles, assessment features, violation of the principles of criminal law.

При квалификации деяний по статьям УК РФ, имеющим оценочные понятия, усмотрение лиц, применяющих уголовно-правовые нормы, является чрезмерным. Исключить его полностью невозможно, по большому счету, не нужно, но его необходимо ограничить определенными рамками, разработав правильное применение этих понятий, обозначив устойчивые во времени и пространстве критерии, помогающие уточнить их содержание в том смысле и значении, который имел в виду законодатель.

В научной литературе описано большое количество видов оценочных признаков. Непосредственно на квалификацию преступлений влияют собственно (абсолютно) и относительно (условно) оценочные признаки [1, с. 268]. Первые не могут быть формализованы, описаны посредством указания на размеры ущерба, способ и т. д.

Для такого вида оценочных понятий Н. Ф. Кузнецова предлагает правила квалификации составов преступлений:

«а) при их толковании следует исходить из того, что характер их общественной опасности определяет уголовное законодательство, называя родовые, видовые и непосредственные объекты соответствующего преступления, признаки потерпевшего, содержание ущерба, причиняемого объектам и потерпевшим, умыслом, мотивом и целью;

б) правоприменитель конкретизирует обобщенные оценочные признаки по степени опасности соответствующих элементов состава в зависимости от ситуационных обстоятельств дела, измеряя величину ущерба, времени, места, обстановки совершения преступления; в) при конкретизации степени общественной опасности элементов деяния с оценочными признаками недопустим выход за пределы категории деяния и характера опасности преступления, т. е. за рамки объекта, предмета, потерпевшего, содержания ущерба, умышленной формы вины, мотивов и целей деяния;

г) описание содержания ущерба, как и во всех других преступлениях, производит законодатель, поэтому моральный вред оценивается по объективным критериям, а не по субъективным, эмоциональным представлениям потерпевшего;

д) во избежание квалификационных ошибок при применении норм с оценочными признаками акцент делается на законодательную формулировку специфических криминообразующих элементов;

е) если в уголовно-правовой норме содержится слово «незаконные», это означает ее бланкетность;

ж) при раскрытии оценочных признаков следует прибегать к приему систематического толкования, сопоставляя такие признаки с одноименными либо близкими терминами УК, других отраслей права, подзаконных актов;

з) при коллизии норм федерального законодательства при квалификации предпочтение отдается не нормам уголовного права, что вытекает из принципа гуманизма и уголовно-процессуального закона о толковании неустранимых противоречий в пользу подсудимого» [2, с. 156 – 157].

Наглядным примером использования в уголовном законе оценочных понятий может служить глава 26 УК РФ «Экологические преступления», в которой имеются различные оценочные признаки: «значительный ущерб» (ст. 255, 260, 262 УК РФ), «крупный ущерб» (ст. 256, 258, 260 УК РФ), «особо крупный ущерб» (ст. 260 УК РФ), «иные тяжкие последствия» (ст. 246, 249, 257 УК РФ), «существенный вред животному или растительному миру» (ст. 250, 257) и т. д. При этом из 18 составов преступлений указанной главы только четыре не содержат обязательных квалифицирующих оценочных признаков. По остальным составам преступлений, ответственность за которые предусмотрена в указанной главе, определить криминализирующие факторы правоприменителю довольно затруднительно.

Сложившееся положение дел предоставляет возможность для применения аналогии, которая может допускаться в тех составах, где количественный эквивалент не определен. «Проблема изучения практически всех экологических составов преступлений (прежде всего объекта и объективной стороны) – это фактически всегда проблема анализа бланкетных диспозиций. В то же время применение уголовно-правовой нормы с такого рода диспозицией является для практических работников одной из самых трудных и нередко неразрешимых задач» [3, с. 27]. Так при рассмотрении диспозиции ст. 256 УК РФ «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов» одним из наиболее дискуссионных вопросов выступает именно понятие «крупного ущерба» как альтернативного признака основного состава названного преступления (п. «а» ч. 1 ст. 256 УК РФ).

В связи с тем, что состав данного преступления является материальным, для его установления необходимо совершение общественно опасного действия – незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, а также наличия последствий в виде крупного ущерба и причинной связи между деянием и причиненным ущербом.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 16 Постановления от 5 ноября 1998 г. № 14 рекомендовал судам при решении вопроса о том, является ли крупным ущерб, причиненный незаконной добычей водных животных, учитывать количество добытого, поврежденного или уничтоженного, распространенность животных, их отнесение к специальным категориям, например к редким и исчезающим видам, экологическую ценность, значимость для конкретного места обитания, охотничьего хозяйства, а также иные обстоятельства содеянного.

Кроме того, практические органы в установлении крупного ущерба использовали Постановление Правительства РФ от 25 мая 1994 г. № 515 (в ред. Постановлений Правительства РФ от 26.09.2000 N 724, от 10.03.2009 № 219) «Об утверждении такс для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный уничтожением, незаконным выловом или добычей водных биологических ресурсов». Таксы установлены в рублевом исчислении за один экземпляр рыбы независимо от его размера и веса.

Данное обстоятельство приводит к тому, что практические органы применяют нормы на свое усмотрение: одни при квалификации ст. 256 УК РФ крупный ущерб определяют в зависимости от веса выловленного, другие принимают решение в зависимости от количества выловленных особей либо от размера ущерба в стоимостном выражении.

Не разъяснен порядок определения крупного ущерба и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. №

26 «О некоторых вопросах применения законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов», согласно п. 4 которого «при отнесении ущерба, причиненного незаконной добычей (выловом) водных биологических ресурсов, к крупному (пункт «а» части 1 статьи 256 УК РФ) судам надлежит исходить из количества и стоимости добытого, поврежденного и уничтоженного, распространенности особей, их отнесения в установленном порядке к специальным категориям, а также учитывать нанесенный их добычей ущерб водным биологическим ресурсам.

К такому ущербу следует, в частности, относить: гибель большого числа неполовозрелых рыб (мальков), вылов или уничтожение рыб и растений, занесенных в Красную книгу Российской Федерации или Красную книгу субъекта Российской Федерации, уничтожение мест нереста, зимовальных ям, нагульных площадей, ухудшение качества среды обитания водных биологических ресурсов и нарушение процесса их воспроизводства. Для правильной оценки причиненного ущерба могут привлекаться соответствующие специалисты или эксперты».

Представляется, чтобы определить крупный ущерб, необходимо определить денежное выражение с установлением при расчете причиненного ущерба всех перечисленных обстоятельств, т. е. определяются тарифы стоимости с учетом распространенности, ценности и др. (заложить их в стоимость), а в УК РФ установить сумму крупного ущерба, кроме того, каждый субъект Российской Федерации (с учетом территориальных особенностей) определяет важность пород, распространенность, «экологическую ценность и выполнение определенной экологической функции в экологической системе»[4, с. 82] именно для конкретного субъекта: определяет периоды нереста по видам, на основании указанных данных устанавливает коэффициенты к общей стоимости.

Таким образом, вред, причиненный от незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, будет рассчитан согласно общей тарифной сетки с учетом умножения на коэффициенты в конкретной области. Кроме того, итоговую сумму ущерба необходимо определять не относительно отдельно взятой нормы, а применять ко всей главе[5,6,7].

Таким образом, применительно к экологическим преступлениям целесообразно исключить примечания к ст. 260, 261 УК РФ и внести однозначно трактуемое примечание для всей главы в ст. 246 УК РФ.

Подводя итог, необходимо сделать следующий вывод: использование оценочных понятий в случаях, когда имеется возможность законодательного фиксированного количественного выражения в денежном эквиваленте с установлением при расчете

причиненного ущерба всех обстоятельств, характерных для конкретного состава преступления, противоречит принципам уголовного законодательства.

Список цитируемой литературы:

1. Оценочные понятия в законодательстве // Проблемы юридической техники: Сб. ст. Т.1 / под ред. Н. Новгород, 2001.
2. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М., 2007.
3. Применение следователем уголовно-правовых норм с бланкетной диспозицией. Волгоград, 1985.
4. . Предмет экологического преступления: монография / под ред. Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 2010;
5. . Об особенностях производства по уголовным делам с участием иностранных граждан в России » транн ст с

	Andrei Klimov
Доцент кафедры теории и истории государства и права, уголовного права, кандидат юридических наук	PhD. jurid. Sciences, Associate Professor
ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал	Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk branch

ESPECIALLY THE IMPACT OF THE DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE GENERAL PART OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: The article describes the main aspects of sentencing juvenile offenders in complicity identified problems are discussed and directions of their solution.

Keywords: Constitution of the Russian Federation; The Criminal Code of the Russian Federation; constitutional review; criminal law; collision; compulsory medical measures; the death penalty; exemption from criminal liability; conviction.

В соответствии с ч. 2 ст. 1 Уголовного кодекса РФ действующее уголовное законодательство основывается на Конституции РФ и общепризнанных принципах и нормах международного права. В ст. 15 Конституции РФ указано, что она имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории РФ, законы и иные правовые акты, принимаемые в РФ, не должны противоречить Конституции. Конституция РФ выступает основной, идеологической базой для построения уголовной политики, что в свою очередь предreshает возможные рамки и объем репрессий со стороны

государства за совершение деяний, признанных преступными. Соответственно все коллизии норм Уголовного кодекса РФ с Конституцией РФ разрешаются в пользу последней.

Действующий Уголовный кодекс РФ был принят Государственной Думой 24 мая 1996 г., подписан Президентом РФ 13 июня 1996 г. и вступил в силу с 1 января 1997 г. и в целом отвечает требованиям международного права, основным идеям современной политики России, ориентирован на приоритетную охрану прав и законных интересов личности [1, с. 23]. Однако, в то же время, необходимо осознавать возможные коллизии, которые могут быть связаны как с несовершенством законодательной техники, так и с особенностями применения уголовного закона на практике, в целом, наш законодатель не застрахован от законодательных ошибок, которые в свою очередь могут повлечь существенное нарушение прав и свобод человека.

В нашем государстве существует институт конституционного контроля за действующим законодательством, который позволяет исследовать те или иные нормы права на своё соответствие действующей Конституции. Такая функция предоставлена Конституционному Суду РФ, который самостоятельно и независимо осуществляет судебную власть посредством конституционного судопроизводства.

В Конституционный Суд РФ достаточно часто поступают заявления о необходимости исследования тех или иных норм Уголовного кодекса РФ на соответствие Конституции РФ, однако, в большинстве случаев все заканчивается отказом в рассмотрении таких жалоб со ссылкой на её недопустимость. В то же время в тех случаях, когда Суд исследует нормы уголовного законодательства РФ на их соответствие Конституции РФ, можно обнаружить огромный пласт глубокого и всестороннего исследования уголовно-правовой нормы, который оказывает существенное влияние на науку и правоприменение.

А.Э. Жалинский следующим образом высказался о решениях Конституционного Суда РФ: «Правовые позиции и в целом тексты, принимаемые Конституционным Судом РФ, должны осваиваться уголовно-правовой доктриной и соответственно практикой, прежде всего, в сфере понимания наиболее общих инструментов уголовного права и его отдельных предписаний. Разумеется, понимание позиций Конституционного Суда требует исследовательской работы и может быть в той или иной части дискуссионным» [2, с. 324].

Количество решений Конституционного Суда РФ по Особенной части УК РФ меньше по сравнению решениями, касающихся вопросов Общей части. По мнению А.В. Елинского это обусловлено тремя факторами. Во-первых, нормы Особенной части УК РФ реже становились предметом конституционных обращений, нежели нормы

Общей части. Во-вторых, по жалобам граждан на нарушение конституционных прав нормами Особенной части Конституционный Суд РФ чаще приходил к выводу о том, что за требованием о проверке конституционности уголовно-правовой нормы в обращении фактически усматривается обжалование конкретных правоприменительных решений. В-третьих, нормы Особенной части УК РФ, являясь, по своей сути, отражением воли законодателя в криминализации того или иного общественно опасного деяния, в большей мере относятся к его конституционно гарантированной дискреции в области уголовного законодательства, вследствие чего проверка таких норм была бы сопряжена с оценкой целесообразности конкретного уголовно-правового запрета, и, соответственно, с выходом Конституционного Суда РФ за пределы его полномочий и недопустимым вмешательством в сферу компетенции законодательной власти.

Нам, в целом, хотелось бы в данной статье осветить ряд последних решений Конституционного Суда РФ, которые играют особую роль для дальнейшего развития Общей части уголовного законодательства.

1. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 21 мая 2013 г. № 10, в котором рассмотрена ч. 2 и 4 ст. 443 УПК, исключаящие для суда возможность назначить принудительные меры медицинского характера лицу, совершившему в состоянии невменяемости запрещенное уголовным законом деяние, отнесенное к преступлениям небольшой тяжести, и при этом по своему психическому состоянию представляющему опасность для себя или окружающих. В п. 4 своего решения обращает внимание на особенности разграничения уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений, указав на превалирующее значение Уголовного кодекса РФ при регулировании соответствующих отношений: «Определение оснований и условий применения принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим в состоянии невменяемости деяния, запрещенные уголовным законом, либо оснований передачи необходимых материалов органам здравоохранения для решения вопроса о лечении этих лиц или направлении их в психоневрологические учреждения социального обеспечения в порядке, предусмотренном законодательством РФ о здравоохранении, находится в сфере уголовно-правового регулирования и уголовно-правовых отношений. Следовательно, с положениями УК РФ, предусматривающими - с учетом целей и задач уголовного законодательства - основания и цели применения принудительных мер медицинского характера за совершение запрещенных уголовным законом деяний, виды таких мер, продление, изменение и прекращение их применения (статьи 21, 97 - 102), должны быть согласованы и соответствующие положения УПК РФ». В конце пункта делается соответствующий вывод: «Таким

образом, дефектность ч. 2 ст. 443 УПК РФ, ее несогласованность как с другими положениями данного Кодекса, так и с положениями УК РФ - единственного закона, образующего уголовное законодательство, которым определяются уголовно-правовые последствия совершения запрещенного уголовным законом деяния, порождают неопределенность, которая не позволяет единообразно понимать и толковать правовые нормы, создает противоречивую правоприменительную практику, что приводит к нарушению конституционного принципа равенства, ставит под угрозу неприкосновенность личности, ее честь и достоинство, право на жизнь и охрану здоровья».

Данное решение позволяет более четко понять сферу уголовно-правового регулирования, особенности соотношения уголовного законодательства со смежными отраслями права и те последствия, которым это приводит.

2. Конституционный Суд РФ Постановлением от 2 февраля 1999 года № 3-П приостановил применение на всей территории РФ смертной казни, до тех пор, пока не обеспечено на всей территории РФ реализации права обвиняемого в преступлении, за совершение которого федеральным законом в качестве исключительной меры наказания установлена смертная казнь, на рассмотрении его дела судом с участием присяжных заседателей. Данное положение приостановило применение смертной казни до 2009 года, пока на всей территории не был введен суд с участием присяжных заседателей. Затем, Конституционный Суд РФ в определении от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р снова подтвердил отсутствие возможности применения смертной казни, в том числе по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей, мотивируя это тем, что в системе действующего правового регулирования, на основе которого в результате длительного моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права человека не быть подвергнутым смертной казни и сложился конституционно-правовой режим, в рамках которого - с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя РФ, - происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни, как исключительной меры наказания, носящей временный характер («впредь до ее отмены») и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода, т.е. на реализацию цели, закрепленной статьей 20 (ч. 2) Конституции РФ.

Таким образом, своим решением Конституционный суд РФ фактически заблокировал положения Уголовного кодекса РФ о смертной казни как виде уголовного наказания и предопределил упразднение данного вида наказания в будущем.

3. Достаточно интересная позиция Конституционного Суда РФ по отношению к освобождению от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, так в п. 4.4 Постановления Конституционного Суда РФ от 18 июля 2013 г. № 19-П указано, что такое освобождение не влечет признание его виновным или невиновным в совершении преступления; принимаемое в таких случаях процессуальное решение не подменяет собой приговор суда и по своему содержанию и правовым последствиям не является актом, которым устанавливается виновность подозреваемого (обвиняемого) в том числе, как это предусмотрено статьей 49 Конституции РФ; подобного рода решения констатируют отказ от дальнейшего доказывания или рассмотрения вопроса о виновности лица, несмотря на то что основания для осуществления в отношении него уголовного преследования сохраняются.

Данная позиция позволяет понять сущность института освобождения от уголовной ответственности и более четко уяснить понятия уголовного закона, как, например, «совершение преступления впервые» и «неоднократно».

4. Более глубокое понимание сущности судимости можно извлечь из Постановления Конституционного Суда от 10. 10. 2013 года № 20-П, в п. 4 которого указано, что по своей правовой природе институт судимости как уголовно-правового средства, направленного на обеспечение конституционного принципа равенства всех перед законом и судом в сфере уголовно-правовых отношений, служит для достижения конституционно значимых целей дифференциации уголовной ответственности и наказания, усиления его исправительного воздействия на осужденного, предупреждения новых преступлений и тем самым - защиты личности, общества и государства от преступных посягательств.

Кроме того, в российском законодательстве предусмотрены также правовые последствия судимости, не преследующие цель реализации уголовной ответственности, которые проявляют себя в иных отраслях и связаны с запретом на занятие определенных должностей (в частности, судей, работников прокуратуры, сотрудников полиции и др.) либо на занятие определенными видами деятельности, на обращение с предметами повышенной опасности (например, оружием) и др. За пределами уголовно-правового регулирования судимость приобретает автономное значение и влечет за собой не уголовно-правовые, а общеправовые, опосредованные последствия, которые устанавливаются не Уголовным кодексом РФ, а иными федеральными законами исходя из природы и специфики регулирования соответствующих отношений, не предполагающих ограничений уголовно-правового характера. В таких случаях возможные ограничения прав (в том числе связанные с занятием публичной должности), не будучи уголовным наказанием, тем не

менее, являются общеправовым последствием судимости, а потому сроки, на которые они вводятся, по общему правилу, также должны соответствовать срокам судимости.

Также в резолютивной части данного решения проанализирован новый аспект применения ст. 10 УК РФ, которая регламентирует обратную силу уголовного закона, так в п. 3 устанавливается: «Признать положения пп. «а» п. 3.2 ст. 4 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» и ч. 1 ст. 10 УК РФ в их взаимосвязи - в той мере, в какой данные законоположения по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, служат основанием для отказа в восстановлении пассивного избирательного права гражданам, которые были осуждены к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений и судимость которых снята или погашена, в случае принятия нового уголовного закона, в соответствии с которым совершенные ими деяния более не признаются тяжкими или особо тяжкими преступлениями, - не соответствующими Конституции РФ, ее статьям 19 (часть 1), 32 (части 1, 2 и 3) и 54 (часть 2)».

Влияние решений Конституционного Суда РФ на развитие уголовного законодательства, несомненно, невозможно переоценить. При этом, исследуя прецеденты Конституционного Суда РФ, можно наблюдать дальнейшее выстраивание системы уголовного права, закономерности, взаимосвязи и взаимодействия уголовного права с другими отраслями права[3,4].

Список цитируемой литературы:

1. Российское уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. д.ю.н., проф. . М.: Юрлитинформ, 2012.
2. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009; . Об особенностях производства по уголовным делам с участием иностранных граждан в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2014. № 12 (120) С.128 – 133.
3. Уголовное право. Общая часть: учебно-метод. пособие / под ред. Д.И. Аминова, А.М. Багмета [авторы: Д.И. Аминов, А.М. Багмет, С.Л. Никонович, А.Я. Авдалян, А.С. Климов, М.Е. Белокобыльский, В.А. Канубриков, В.Н. Галузо, А.Л. Иванов]. М.: Юнити-Дана, 2015. 271с.;
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 3 томах / под общей редакцией [

ФГКОУ ВПО "Санкт-Петербургский университет МВД России, МОУ ВПО "Институт права и экономики". Тамбов; Санкт-Петербург; Липецк, 2014. Том 3 Особенная часть (по состоянию на 4 июня 2014 года). С. 214.

© А.С. Климов

	Dmitriy Kokin
Адъюнкт кафедры уголовного права. Санкт-Петербургский университет МВД России.	Postgraduate of the Department of criminal law. Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PERPETRATORS OF CRIMES UNDER ARTICLES 222, 223 THE RUSSIAN FEDERATION CRIMINAL CODE

Abstract: The article deals with criminal statistics characterizing the perpetrators of crimes in illicit arms trafficking in Russia in general and in St. Petersburg and Leningrad region.

Keywords: illicit arms trafficking, criminological characteristics, statistics, dynamics, criminal situation, a person commits a crime.

Криминологическая характеристика лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст.ст. 222, 223 УК РФ должна производиться с учетом того места, которое занимают данные статьи в структуре кодекса и той группы преступлений, к которой они относятся. В связи с этим данная характеристика должна учитывать:

- характеристику лиц, совершивших преступления против общественной безопасности и общественного порядка (Раздел IX УК);
- характеристику лиц, совершивших преступления против общественной безопасности (Глава 24 УК РФ);
- характеристику лиц, совершивших преступление в сфере незаконного оборота оружия (ст.ст. 222-226 УК РФ и другие преступления, связанные с использованием оружия в качестве орудия преступления).

Вместе с тем, объект уголовно-правовой охраны, по которому производится классификация преступлений ни как не связан с криминологической характеристикой лиц, совершающих

соответствующие преступления. В связи с чем, преступления из одной и той же главы кодекса могут быть настолько разными, что не позволяют применить какие-либо общие меры к лицам, их совершившим. Это учитывается и в правоприменительной практике.

Так, рассматривая трудовые ограничения для лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, предусмотренные разделом IX Уголовного кодекса РФ, Конституционный суд указал, что «...например, такие преступления против общественной безопасности, как предусмотренные ч.1 ст. 215 «Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики» или ч.1 ст. 215.1 «Прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения» УК Российской Федерации» не могут быть связаны с «невозможностью осуществления совершившими их лицами профессиональной деятельности, предполагающей регулярные и непосредственные контакты с несовершеннолетними» [1, с.19]. Таким образом, объединение криминологических характеристик лиц, совершивших преступления, предусмотренные данным разделом УК РФ представляется искусственным и не приводящим к каким-либо объективным результатам. Несколько иная ситуация складывается в отношении группировки криминологических признаков лиц, совершивших преступления, предусмотренные отдельными главами кодекса. С большинством глав ситуация такая же как и с разделами. Пожалуй единственным исключением является глава 18, в которой объединены преступления против половых свобод и неприкосновенности личности. Данная группа преступлений совершается лицами, имеющими определенные общие черты в личных половых предпочтениях.

Наиболее объективные результаты, на наш взгляд, представляет собой объединение преступлений по определенным группам, что и использует уголовная статистика. Подобная практика объединения преступлений в группы в зависимости от криминологической характеристики личности, а не от объекта посягательства является перспективной и может быть использована не только в статистических, но и законодательных целях. Подобная мера позволит более эффективно использовать меры уголовной ответственности и иные внеуголовные ограничения прав для соответствующих категорий преступников.

По данным ГИАЦ МВД РФ всего в РФ за период январь-декабрь 2013 г. выявлено 1012563 лиц, совершивших преступление (0,2%) [2]. В 2014 году зарегистрировано снижение выявленных лиц до 1006003 [3]. Наибольший процент среди выявленных в 2013 г. (65,7%) занимают лица, не имеющие постоянного дохода. Второе место, из категории учитываемых лиц занимают ранее совершавшие

преступления. В отношении первой категории граждан зафиксировано незначительно снижение (-1,4%) по сравнению с предыдущим годом, а по второй группе зафиксирован наибольший рост (6,7%). В рамках второй группы наибольший рост показала подгруппа лиц, признанных опасным либо особо опасным рецидивистом (8,4%), иные «ранее судимые лица» совершили преступлений меньше, чем в предыдущем году. Наибольшее снижение зафиксировано по безработным лицам (-16%), незначительный прирост фиксируется по несовершеннолетним и женщинам. При общем снижении количества преступлений, совершенных в составе группы (-3,8%), значительный прирост показывают преступления в составе устойчивого преступного сообщества (8,6%). Все также распространенными условиями, способствующими совершению преступления, являются алкогольное (+9,4%) и наркотическое (+18,7%) опьянение. Продолжает оставаться криминогенной ситуация с деятельностью иностранных граждан на территории России, увеличилось как количество иностранцев, совершающих преступления (+10,2%), так и число потерпевших из их числа (+6,2%).

Таким образом, общая динамика количества лиц, совершивших преступления, свидетельствует о следующем. При незначительном росте общего количества выявленных лиц наибольшую опасность продолжают представлять собой устойчивые преступные сообщества, рецидивисты и особо опасные рецидивисты, что свидетельствует об устойчивости их профессиональной нацеленности, обоснованности придания им соответствующих уголовно-правовых статусов, неэффективности выработанных мер профилактики их преступной деятельности. Основным мотивом совершения преступлений является отсутствие постоянного дохода, а преступная деятельность в этом отношении выступает условием выживания. При этом лица, зарегистрированные в качестве безработных, показывают положительную динамику, что говорит о достаточности мер их социальной поддержки и реабилитации. Не снижается актуальность комплекса мер по контролю за оборотом алкогольной продукцией, борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, контролем за находящимися в стране иностранцами. При этом Санкт-Петербург и Ленинградская область не входят в число регионов с наибольшими показателями, совершаемых с участием перечисленных групп лиц. Анализ данных, предоставленных в отчетах ИЦ ГУМВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области за 2013 год показывают, что социально-криминологическая характеристика преступности несколько отличается, от общефедеральной. Как и России в целом, в Санкт-Петербурге наибольшее количество преступлений совершено лицами, не имеющими постоянного дохода (64,9%), в Ленинградской области — 65,2%. На втором месте в этих регионах находятся лица, ранее совершавшие преступления. Значительный рост в обоих

регионах, превышающий в целом по России, показывает динамика преступлений, совершенных в наркотическом опьянении (прирост более 30%). Вместе с тем диаметрально различаются по регионам показатели в отношении несовершеннолетних, женщин и безработных, что, в большей мере, связано со спецификой криминогенной обстановки, чем с деятельностью территориальных подразделений. Всего в 2013 г. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области выявлено 23150 лиц, совершивших преступления. Из них в возрастном отношении наиболее «криминальным» (более 47%) является возраст 39-40 лет (11081 лиц, совершивших преступление), наименее — 14-15 лет. В образовательном отношении наибольшее число преступников (более 45%) имело среднее общее образование (10622), наименьшее — высшее профессиональное. 3260 преступлений совершено женщинами (14%). 89% преступлений совершено гражданами России, из них местными жителями являлись более 81%. Более 36% преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления [2,3].

Таким образом, социально-криминологическая характеристика лиц, совершивших преступления по ст.ст. 222, 223 УК РФ, в целом соответствует общей картине преступности. Ниже, чем по преступности в целом стали процент участия женщин, несовершеннолетних и лиц, ранее совершавших преступления. В этой связи общие профилактические меры борьбы с преступностью в полной мере могут быть использованы и относительно исследуемых категорий преступлений. Среднестатистический преступник по ст.222, 223 УК РФ это мужчина 39-40 лет, с общим средним образованием, гражданин РФ местный, ранее не совершавший преступления.

Список цитируемой литературы:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2013 г. № 19-П.
2. Статистические данные ГИАЦ МВД России, ИЦ ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области за январь-декабрь 2013. СПб, 2014.
3. . Об особенностях производства по уголовным делам с участием иностранных граждан в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2014. № 12 (120) С.128 – 133; Уголовное право. Общая часть: учебно-метод. пособие / под ред. [авторы:]. М.: Юнити-Дана, 2015. 271с.; Правоохранительные органы: учебник для вузов / под ред.

Дана, 2013. С. 285.

]. М.: Юнити-

© Д.М. Кокин

	Andrei Kolovorotny
ст. преподаватель кафедры предварительного следствия УНК по ПС в ОВД	Lecturer of the preliminary investigation department
	Dmitriy Skorikov
преподаватель кафедры предварительного следствия УНК по ПС в ОВД	Lecturer of the preliminary investigation department
	Vladimir Sharkov
преподаватель кафедры предварительного следствия УНК по ПС в ОВД	Lecturer of the preliminary investigation department
Волгоградская академия МВД России	The Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry

WAYS TO OVERCOME COUNTERACTION TO INVESTIGATION

Abstract: The article discusses the main ways to counter the investigation, characterization and classification of actions, as well as methods to overcome them.

Keywords: fight against the investigation; investigation; criminal proceedings.

В настоящее время противодействие вышло далеко за рамки сокрытия способа совершения преступления и, как отмечают А. Ф. Волынский и В. П. Лавров, «по существу, стало противодействием деятельности правоохранительных органов в целом и в этом смысле приобрело характер крайне негативного и очень опасного социально-правового явления» [1, с. 94].

Такое противодействие особенно ярко проявляется при раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых преступными группами, что является одной из главных проблем правоохранительных органов. Ни один из видов преступности не оказывает столь сильного сопротивления расследованию. В результате оказываемого противодействия не всегда удается

установить и привлечь к уголовной ответственности всех членов преступной группы, многие совершенные ими преступления остаются нераскрытыми.

Недостаточно эффективное преодоление противодействия расследованию является одной из причин ухудшения показателей деятельности правоохранительных органов и высокого уровня латентности деятельности преступных групп.

Проблемы противодействия достаточно широко освещены в трудах многих ученых криминалистов [2]. Противодействие со стороны преступных структур В.П. Кувалдин рассматривает как реакцию криминальной среды на охраняемую деятельность государства с широким использованием различных механизмов, обеспечивающих защищенность этих структур от правосудия. Импульс защиты в криминальной среде ввиду неизбежности применения уголовных санкций в случае изобличения является доминирующим по отношению ко всем ее действиям [3, с. 56 – 58].

А.В. Бутырская под противодействием уголовному преследованию, оказываемым преступной группой, понимает систему спланированных организатором действий участников преступной группы, их знакомых, родственников, коррумпированных должностных лиц и участников уголовного судопроизводства, затрудняющих уголовное преследование путем умышленного создания препятствий уголовному преследованию, осуществляемому в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства органами дознания, следователем, прокурором, а также суду в целях пресечения криминальной деятельности преступной группы и осуждения его участников[4].

Как показывает практика, выявлению, раскрытию и расследованию организованной преступной группы во многом препятствует активная деятельность его членов и лиц, стремящихся оказать им содействие. Тщательно планируя совершение преступлений, члены преступной группы стремятся к тому, чтобы данные преступления не были выявлены правоохранительными органами. Организаторами преступных групп разрабатываются подробные схемы сокрытия преступной деятельности. Это могут быть маршруты движения к месту встречи организаторов и руководителей преступных групп для обсуждения преступной деятельности группы, заранее подготовленные алиби, разные средства маскировки. Кроме этого, организаторы и руководители преступных групп с целью противодействия разрабатывают правила поведения членов группы при их задержании правоохранительными органами.

Так, в 2005 г. Верховным Судом РФ было рассмотрено уголовное дело в отношении преступного сообщества, осуществлявшего экстремистскую деятельность. В ходе расследования было установлено, что организатором заранее была

подготовлена инструкция для членов преступного сообщества о том, как вести себя с правоохранительными органами – в случае задержания не давать показаний о деятельности сообщества, незамедлительно сообщать обо всех контактах с правоохранительными органами руководителю сообщества и др.[5]. В 2002 г. Московским городским судом было рассмотрено уголовное дело в отношении преступного сообщества, специализирующегося на хищениях чужого имущества. Среди членов сообщества были те, в обязанности которых входило оказание морально-психологического воздействия на потерпевших с целью убеждения их не обращаться в правоохранительные органы [6]. В 2005 г. Верховным Судом РФ рассмотрено уголовное дело в отношении членов преступного сообщества, среди которых были федеральные судьи районных судов г. Москвы. Члены преступного сообщества специализировались на хищениях чужого имущества – квартир, путем мошеннических действий. Для сокрытия преступной деятельности судьи выносили заведомо неправосудные решения в отношении неприватизированных квартир, оставшихся после смерти проживающих в них лиц. Эти решения не только скрывали преступную деятельность, но и использовались другими членами сообщества для хищения данных квартир и продажи их на рынке недвижимости[7]. Такие действия приводят к высокому уровню латентности рассматриваемого вида преступности и порой к непреодолимым препятствиям в выявлении совершенных преступлений.

Не меньшая активность преступных сообществ наблюдается и в противодействии раскрытию и расследованию уже выявленных преступлений, что существенно отражается на полноте и всесторонности расследования. Преступные сообщества организуют противодействие, которое представляет собой систему продуманных действий, препятствующих установлению истины по уголовному делу, в осуществлении которых задействованы не только члены преступного сообщества, но и лица, так или иначе причастные к его деятельности.

Поэтому противодействие расследованию может быть определено как умышленная деятельность с целью воспрепятствования решению задач расследования и, в конечном счете, установлению истины по уголовному делу[8]. Ряд ученых указывают, что противодействие может осуществляться в отношении сотрудников правоохранительных органов, расследующих конкретное преступление, а создание помех работе правоохранительных органов в целом – это высший уровень противодействия правоохранительной деятельности (стратегический уровень)[9, с. 79].

Основными причинами данного положения являются высокая степень организованности преступных групп, их техническая и материальная оснащенность, эффективные способы противодействия,

основанные на знаниях криминалистики, нормативно-правовых актах
и т.д.

преодолеть противодействие. Однако, как правило, члены преступного сообщества на этой стадии также активизируют свою деятельность по противодействию расследованию. Для этого они используют все свои возможности, привлекают к противодействию всех членов преступного сообщества и других лиц, которые могут быть полезны в этом. В таких условиях, несмотря на все предпринимаемые меры, достаточно сложно сохранить в тайне все планируемые и произведенные следственные действия. По делам о преступных сообществах часто встречаются случаи разглашения данных предварительного следствия коррумпированными сотрудниками правоохранительных органов. Даже если следователь предпринимает все необходимые меры, чтобы сохранять в тайне содержание следственных действий, то сам факт проведения этих следственных действий в тайне сохранить достаточно сложно. Учитывая высокий интеллектуальный уровень организаторов и руководителей преступного сообщества, им нетрудно определить, с какой целью проводились те или иные следственные действия, и понять, какой результат был достигнут.

Поэтому вполне обоснованно утверждение В.Е. Корноухова о сложности сохранения тайны. Так, он пишет, что в настоящее время сохранить тайну следствия в полном объеме вряд ли возможно. В связи с этим представляется заслуживающей внимания данная им рекомендация: «Поскольку не всегда можно скрыть от причастных к делу лиц свои намерения, то выполнять необходимые действия подчас лучше так, чтобы вывод о целях следователя был многозначным и допускал множество толкований»[12]. Данная рекомендация полностью применима для преодоления противодействия, оказываемого преступными сообществами. Но ее выполнение является лишь общим условием для такого преодоления противодействия. Поэтому для эффективного преодоления противодействия расследованию, оказываемого членами преступного сообщества, необходимо выполнение и иных требований по обеспечению тайны проводимых следственных и иных процессуальных действий, а именно:

- инструктаж следователей следственной группы о правилах работы с закрытой информацией, предупреждение об ответственности за ее разглашение;

- всей информацией, составляющей тайну предварительного расследования, должны обладать только руководитель следственной группы и руководитель следственного органа. Остальные члены следственной группы допускаются только к той части данной информации, которая им необходима для производства следственных и иных процессуальных действий;

- проведение служебных проверок по каждому случаю разглашения тайны предварительного расследования;

- по возможности определить последовательность следственных и иных процессуальных действий так, чтобы действия с участием или в отношении лиц, по поводу которых есть сомнения, что они будут хранить тайну предварительного расследования, были произведены в последнюю очередь, после того, как будет собрано достаточно доказательств;

- соблюдение конспирации при подготовке и производстве следственных и иных процессуальных действий с целью обеспечения фактора внезапности;

- обеспечение строгого хранения, использования, порядка учета, выдачи, использования и возвращения документов и иных носителей, содержащих криминалистически значимую информацию;

- обеспечение охраны служебных помещений, в которых хранятся уголовное дело и вещественные доказательства;

- установка системы защиты информации в компьютерах членов следственной группы для исключения возможности несанкционированного проникновения к находящейся в них информации;

- предупреждение участников следственных действий об уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ за разглашение данных предварительного следствия[13];

- к проведению следственных действий в качестве понятых рекомендуется привлекать лиц, незнакомых с членами преступного сообщества, чтобы избежать разглашения данных предварительного расследования;

- применение мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных лиц, содействующих расследованию преступления (сохранение в тайне данных о них).

Для эффективного преодоления противодействия на стадии предварительного следствия необходимо, чтобы активно проводилась оперативная работа по установлению незаконных намерений стороны защиты и планируемых ею действий, которыми она стремится воспрепятствовать установлению истины по уголовному делу. В этом случае следователь может своевременно предпринять действия на опережение, которыми сделает противодействие неэффективным. Однако чтобы достичь этого, необходимо взаимодействие следователя с должностными лицами органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Список цитируемой литературы:

1. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики) // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации: материалы научно-практической конференции

- (29 - 30 октября 1996 г., г. Руза). М.: ЮИ МВД России, 1997;
 Преступная группа – необходимая составляющая криминалистической характеристики комплексной методики расследования // Вестник Московского университета МВД России, 2010. № 12. С. 135 – 137;
- Криминалистика:
учебно-метод. пособие. Тамбов-Липецк, 2014. 420 с.
2. Современныe проблемы криминалистической теории преодоления противодействия уголовному преследованию. М., 2002;
 Расследование преступлений экстремистской направленности: дис. ... канд. юрид. наук / . Волгоград, 2014. 226 с. ;
 Проблемы обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и иных лиц, содействующих уголовному судопроизводству // Вестник Волгоградской академии МВД России. Выпуск 3 (10) 2009. Волгоград: ВА МВД России, 2009. С. 89 – 94;
 К вопросу современного состояния распространения наркотиков на территории Российской Федерации // Материалы международной научно-практической конференции: Закономерности и тенденции развития науки. 2014. С. 135 – 137 и др.
 3. Противодействие как активная форма защиты криминальной среды от общества // Совершенствование борьбы с организованной преступностью и наркобизнесом. М., 1998. Вып. 1.
 4. Методика расследования создания преступного сообщества (преступной организации): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 145;
 Особенности организации и производства процессуальных действий: учеб. пособие / . Волгоград: ВА МВД России, 2011. 104 с.
 5. Уголовное дело № 02-17/2005 // Архив Верховного суда Республики Башкортостан.
 6. Уголовное дело № 2-103/2002 // Архив Московского городского суда.
 7. Уголовное дело № УК-ПИ 04-1 // Архив Верховного суда РФ.
 8. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. проф. Т.В. Аверьяновой и Р.С. Белкина. М., 1997. С. 129;
 Преступления, связанные с незаконным распространением порнографии // Актуальные проблемы современной науки: сборник статей Международной научно-практической конференции (25 ноября 2014 г., г. Уфа). В 2 ч. Ч. 2. Уфа: Аэтерна, 2014. С. 159-162.
 9. Расследование вооруженных разбоев и бандитизма. М., 2004.
 10. Противодействие расследованию со стороны преступных группировок, действующих в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и камней, и способы его преодоления // Исторические, философские, политические и юридические науки. Культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4-2 С. 141 – 144;
 Методы нейтрализации противодействия при расследовании должностных преступлений коррупционной направленности // Российский следователь. 2012. № 8. С. 2–5;
 Проблемы противодействия экстремизму // Современные гуманитарные проблемы: сб. науч. тр. / редкол: . Волгоград: ВА МВД России, 2010. Вып. 12. С. 114 - 122.
 11. Нейтрализация утраты криминалистически значимой информации при производстве следственных действий в ситуациях противодействия расследованию: дис... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 60 – 81;
 . Проблемы

расследования преступлений экстремистской направленности // Роль правовой науки в развитии общества: сборник статей Международной научно-практической конференции (1 ноября 2014 г., г. Уфа). – Уфа: Аэтерна, 2014. С. 46 – 49.;
Особенности производства отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // Закон и право. М., 2011. № 10; Правоохранительные органы: учебник для вузов / под ред. А.В. Ендольцевой, И.И. Сыдорука [авторы:

]. М.: Юнити-Дана, 2013. С. 126.

12. Тактическая задача «нейтрализация противодействия со стороны заинтересованных лиц» // Курс криминалистики. Особенная часть / отв. ред. . М.: Юристъ, 2001. Т. 1: Методики расследования насильственных и корыстно-насильственных преступлений. С.125;
Особенности планирования расследования преступлений // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6; URL: www.science-education.ru/120-15912 (дата общ.: 15.12.2014).
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 3 томах / под общей редакцией [

ФГКОУ ВПО "Санкт-Петербургский университет МВД России, МОУ ВПО "Институт права и экономики". Тамбов; Санкт-Петербург; Липецк, 2014. Том 3 Особенная часть (по состоянию на 4 июня 2014 года). С. 214.

© А.А. Коловоротный, Д.Г. Скориков, В.А. Шарков

	Andrei Kolovorotny
Ст. преподаватель кафедры предварительного следствия УНК по ПС в ОВД	Lecturer of the preliminary investigation department
	Dmitriy Vasiliev
Преподаватель кафедры предварительного расследования УНК по ПС в ОВД	Lecturer of the preliminary investigation department
	Dmitriy Skorikov
Преподаватель кафедры предварительного следствия УНК по ПС в ОВД	Lecturer of the preliminary investigation department
Волгоградская академия МВД России	The Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry

PROVIDING SECURITY FOR PARTICIPANTS OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract: This article highlights some of the security concerns of participants in criminal proceedings.

Keywords: witness, victim; counteraction the investigation; criminal community.

Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства – одно из важных направлений борьбы с организованной преступностью. Вместе с тем незаконное воздействие на потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, содействующих правосудию, стало в последние годы весьма распространенным явлением.

Для противодействия расследованию преступлений, как правило, используются подкуп, запугивание, а также иные формы воздействия в отношении потерпевших, свидетелей и членов их семей. При этом основной целью такого противоправного поведения

является желание заставить потерпевших и свидетелей отказаться от дачи показаний или изменить ранее данные показания.

В этой связи А.И. Бастрыкин отмечает, что расследование деятельности преступных сообществ, как правило, связано со сложным процессом собирания доказательств. Значительная часть доказательств по данным уголовным делам относится к показаниям потерпевших и свидетелей, незаконное воздействие на которых резко увеличилось. При этом воздействие может носить как открытый, так и скрытый характер, а реализовываться посредством угроз убийства, причинения телесных повреждений и т.д. Следствием этого является отказ потерпевших, свидетелей от ранее данных показаний либо дача заведомо ложных показаний в пользу подозреваемых, обвиняемых[1].

Результаты расследования преступления и обоснованность приговора зависят от собранных в ходе предварительного следствия доказательств, в том числе показаний потерпевших и свидетелей со стороны обвинения, а по определенной категории уголовных дел установить обстоятельства преступлений вообще невозможно без участников уголовного судопроизводства, способствующих расследованию преступлений. Потерпевшие и свидетели наиболее подвержены насильственным посягательствам. Данные некоторых авторов, изучающих настоящую проблему, подтверждают факты незащитности этих процессуальных лиц перед противоправными посягательствами[2]. Часто расследование преступлений осложняется тем, что потерпевшие и свидетели, опасаясь насилия над ними и их близкими, угроз в открытой или завуалированной форме, уклоняются от участия в расследовании преступлений, отказываются давать показания или изменяют их. В результате чего преступники избегают уголовной ответственности и продолжают свою преступную деятельность.

Незаконное воздействие на лиц, содействующих уголовному судопроизводству, в целях воспрепятствования установлению истины по уголовному делу, в основном, осуществляется членами организованных преступных групп. Повышенную общественную опасность представляют преступные посягательства на участников уголовного судопроизводства, совершаемые членами преступных сообществ. В этой связи эффективность борьбы с организованной преступностью зависит от способности правоохранительных органов обеспечить безопасность потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, содействующих правосудию. Обновление форм деятельности организованной преступности актуализирует необходимость защиты участников уголовного судопроизводства. В этих условиях законодателем были приняты нормы обеспечения безопасности указанных лиц.

Законодательство Российской Федерации о государственной защите основывается на Конституции РФ и состоит из Уголовного

кодекса РФ, Уголовно-процессуального кодекса РФ, Уголовно-исполнительного кодекса РФ, Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» и иных нормативных правовых актов.

В УПК РФ законодатель определил виды мер безопасности, а также порядок и основания их применения. Так, в ч. 3 ст. 11 УПК РФ указано, что при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ, а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации.

Вместе с тем ряд авторов критически высказываются в отношении данной нормы, так как, по их мнению, меры безопасности могут применяться только тогда, когда угроза уже состоялась и преступники знают лиц, которым угрожают. Поэтому меры безопасности становятся неэффективными. Государственная защита должна осуществляться тогда, когда возникла возможность посткриминального воздействия, а не состоялась адресная реальная угроза совершения преступления [3, с. 2-5].

В этой связи мы согласны с мнением Д. Воронова, который считает, что «ст. 11 УПК РФ призвана не ограничивать следователя, а требовать от него принятия мер безопасности при наличии определенных условий. Основания применения конкретных мер безопасности, предусмотренных УПК РФ, формулируются законодателем так, что позволяют их использование, в том числе в тех случаях, когда угрозы еще не имели место, но возможны для сохранения в тайне данных о личности или применения любой другой меры безопасности закон не требует, чтобы в адрес лица, подлежащего защите, звучали угрозы убийством или иным преступлением. Установление достаточности данных, образующих основание для обеспечения безопасности, представляет собой оценку совокупности сведений, облеченных в предусмотренную законом форму, в целях разрешения вопроса о степени вероятности существования угрозы посткриминального воздействия или ее осуществления. Такая достаточность должна определяться: 1) наличием данных, указывающих на какие-либо из признаков угрозы; 2) отсутствием данных, указывающих на невозможность угрозы, а

также данных, свидетельствующих об отсутствии возможности установить такие данные; 3) невозможностью сбора дополнительных сведений, подтверждающих либо опровергающих наличие угрозы; 4) отсутствием обоснованных сомнений в достоверности полученных данных, указывающих на признаки угрозы безопасности; 5) возможностью производства разумного вывода о возможности посягательства на безопасность на основе полученных данных» [4, с. 114 - 122].

В соответствии со ст. 1 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» под государственной защитой участников уголовного судопроизводства понимается осуществление предусмотренных законом мер безопасности, направленных на защиту их жизни, здоровья, имущества, а также мер социальной поддержки указанных лиц в связи с их участием в уголовном судопроизводстве уполномоченными на то государственными органами.

Меры государственной защиты могут быть применены не только в ходе расследования преступлений, но и на стадии возбуждения уголовного дела, а именно, в отношении жертвы преступления, очевидца или заявителя, либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления. Защите подлежат и близкие родственники потерпевшего, а также родственники и близкие лица, противоправное посягательство на которых оказывается в целях воздействия на потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства.

В качестве видов государственной защиты закреплены следующие меры безопасности: обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице; личная охрана, охрана жилища и имущества; временное помещение в безопасное место; выдача специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности; замена документов, изменение внешности; переселение на другое место жительства; изменение места работы (службы) или учебы.

Принятые законодателем нормы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, безусловно, способствуют борьбе с организованной преступностью. Однако анализ данных норм и практика их применения свидетельствуют о том, что имеется еще немало проблем, которые требуют своего разрешения.

Так, Е.И. Замылин, рассматривая вопросы обеспечения безопасности лиц, подлежащих государственной защите, выделил следующие проблемы:

- разобщенность правоохранительных органов, на которые возложена реализация мер безопасности, что ведет к ведомственной «замкнутости», обособленности в решении данных вопросов;

- создание самостоятельных структурных подразделений в ряде правоохранительных органов не только снижает эффективность проводимых мероприятий, но и затрудняет обеспечение материально-техническими средствами каждого из них в отдельности, приводит к значительным издержкам, в том числе на обучение (сотрудники должны иметь специальную подготовку);

- возможная не востребуемость на региональном уровне может привести к нерентабельности (неокупаемости) действий означенной службы в одной из правоохранительных структур. Что вполне естественно приведет к реорганизации данных подразделений и возложению на них выполнения дополнительных, не свойственных им функций (такие примеры уже есть), и др. [5, с. 142].

Кроме того, практика применения Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» свидетельствует о недостаточном финансировании данного направления деятельности. Так, в случае гибели защищаемого лица, наступившей в связи с его участием в уголовном судопроизводстве, членам семьи погибшего защищаемого лица (женам (мужьям), детям, не достигшим 18-

стороны обвиняемого и его соучастников, поскольку потерпевшие своевременно не сообщают об этом. Одной из причин такого положения является неверие граждан в эффективность мер, применяемых правоохранительными органами.

Практически все развитые страны мира применяют программы защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Их опыт в данной области опережает российский. В этой связи следует признать положительным опыт зарубежных стран, в которых решение данных проблем уже имеет свою историю. В частности, Г.П. Лозовицкая и Н.С. Винокурова отмечают, что высокая эффективность защиты потерпевших и свидетелей обеспечивается за счет концентрации усилий государства по данному направлению деятельности в рамках специально принятых государственных программ. Для этих программ выделяются денежные средства в количествах, необходимых для организации постоянной физической защиты охраняемых лиц, сменой ими места жительства (вплоть до смены гражданства и выезда для постоянного проживания в другие страны), изменения внешности и т.д.[6,7,8,9].

Решение обозначенных проблем должно способствовать повышению эффективности государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных лиц, содействующих уголовному судопроизводству и принятию адекватных мер в отношении лиц, оказывающих противодействие расследованию.

Список цитируемой литературы:

1. Интервью Председателя Следственного комитета Российской Федерации «Новой газете» [Электронный ресурс]. URL: <http://sledcg.Lew/>

ew/

преодоления // Исторические, философские, политические и юридические науки. Культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4-2 С. 141 – 144;

Криминалистика: учебно-метод. пособие. Тамбов-Липецк, 2014. 420 с.

4. Характеристика угрозы посткриминального воздействия как основания для применения мер безопасности в отношении участников уголовного процесса // Уголовное право. 2013. № 4. С. 77-83;
Проблемы противодействия экстремизму // Современные гуманитарные проблемы: сб. науч. тр. / редкол.: . Волгоград: ВА МВД России, 2010. Вып. 12.
5. Теоретические основы, организационно-правовые и тактико-психологические проблемы обеспечения безопасности лиц, подлежащих государственной защите: монография / . Волгоград: ВА МВД России, 2012. С. 142.;
Незаконный оборот драгоценных металлов и камней. Теория и практика расследования: монография / . М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2011. 279 с.
6. Особенности криминологической характеристики посягательств, совершенных в составе организованных групп и преступных сообществ на участников правосудия / // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2006. № 1. С. 411;
Особенности планирования расследования преступлений // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6; URL: www.science-education.ru/120-15912 (дата обращения: 15.12.2014);
7. Типичные следственные ситуации и организация расследования преступлений в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 1 (28) С. 109 – 114;
Преступления в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и камней. Особенности производства отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования данных преступлений // Закон и право. 2011. №10. С. 69 – 72.
8. Правоохранительные органы: учебник для вузов / под ред. А.В. Ендольцевой, И.И. Сыдорука [авторы:

]. М.: Юнити-

Дана, 2013. С. 218.

9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 3 томах / под общей редакцией [

ФГКОУ ВПО "Санкт-Петербургский университет МВД России, МОУ ВПО "Институт права и экономики". Тамбов; Санкт-Петербург; Липецк, 2014. Том 3 Особенная часть (по состоянию на 4 июня 2014 года). С. 214.

© А.А. Коловоротный, Д.В. Васильев, Д.Г. Скориков

	Maria Kononenko
Адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров. Санкт-Петербургский университет МВД России	Adjunct faculty training of the teaching and research staff, Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

IMPERFECT LEGAL ENGINEERING AND PROBLEMS OF STANDARDS ABOUT ACTIVE REPENTANCE

Annotation: in this article problems of realization of norms on active repentance in connection with imperfection of legislative equipment are considered, some gaps and shortcomings of norms on active repentance are revealed, possible ways of their elimination and improvement are offered.

Keywords: active repentance, release from criminal responsibility, criminal policy.

Уголовная политика Российской Федерации на современном этапе характеризуется гуманизацией уголовного законодательства и оптимизацией применения институтов смягчения наказания, освобождения от уголовной ответственности и наказания. Одним из основных институтов, реализующих данную политику является деятельное раскаяние. Это подтверждается официальной статистикой ГИАЦ МВД России и Судебного департамента при Верховном суде РФ: за январь-декабрь 2013 года сотрудниками правоохранительных органов возбуждено 1761545 уголовных дел [1], при этом 13179 этих дел прекращено в связи с деятельным раскаянием лица, совершившего преступление, 216 из которых прекращено на основании примечания к статьям УК РФ (в связи с деятельным раскаянием ч. 2 ст. 28 УПК РФ) [2]. За январь – октябрь 2014 года возбуждено 1454444 уголовных дел [1], из которых за 6 месяцев текущего года 5611 дел прекращено в

связи с деятельным раскаянием обвиняемого, из них 171 прекращено на основании примечания к статьям УК РФ (в связи с деятельным раскаянием ч. 2 ст. 28 УПК РФ) [2]. Однако несовершенство юридической техники, наличие коллизии норм о деятельном раскаянии в Общей и Особенной частях Уголовного кодекса РФ, а также несогласованность с нормами о деятельном раскаянии, закрепленными в иных нормативно-правовых актах (например, ст.18 ФЗ «Об ОРД» [3]), не дает возможности правоприменителям надлежащим образом и эффективно реализовать данные нормы.

Первое, что обращает на себя внимание, это содержание ч.1 ст.75 УК РФ, согласно которому при буквальном толковании буквы закона, следует, что для освобождения лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием по данной части, последнее должно выполнить перечень таких действий как: явиться с повинной, способствовать раскрытию и расследованию преступления, возместить причиненный ущерб или иным образом загладить вред, причиненный в результате преступления. При этом невыполнение хотя бы одного из действий аннулирует возможность применения норм о деятельном раскаянии. Именно так и представляется гражданину, который впервые взял в руки Уголовный кодекс РФ и имеет либо весьма скудные, либо не имеет вовсе никаких представлений об особенностях применения норм о деятельном раскаянии. Всем нам известна правовая презумпция – «незнание закона – не освобождает от ответственности», но тем не менее не стоит забывать, что для того закон и создается, для того он и формализуется, чтобы быть доступным и понятным всем и каждому, чтобы каждый член общества смог реализовать свои права и защитить законные интересы посредством правильного и однозначного уяснения и толкования законодательных норм. Однако разъяснение данного положения (ч.1 ст.75 УК РФ) дано в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года №19 (о котором зачастую знают лишь юристы и правоприменители).

В данном Пленуме делается оговорка о том, что виновному лицу необходимо выполнить лишь те из альтернативных действий, которые оно имеет объективную возможность совершить. Такие же признаки как: совершение преступления впервые, категория преступления – небольшая или средняя тяжесть, утрата лицом общественной опасности, - являются обязательными и незаменимыми.

Сторонниками положения, закрепленного в Пленуме, являются известные ученые-юристы А.Г. Калугин [4, с.44-45], А.М. Крепышев [5, 6, с.102] и другие. Представляется возможным согласиться с данной позицией, но с определенной оговоркой, которая касается такого элемента как непосредственно само деятельное раскаяние. Из анализа ч.1 ст.75 УК РФ и п.4 Постановления Пленума следует, что

выполнение одного или нескольких из этих действий говорит о том, что лицо раскаялось посредством их осуществления. Если рассматривать правовую природу деятельного раскаяния, то деятельное раскаяние возможно и правильно рассматривать через набор этих действий, однако, на наш взгляд, целесообразно учитывать как нравственную, так и морально-психологическую составляющую личности виновного, а прежде всего мотивацию. Ведь для того, чтобы освободить лицо не только от наказания, но и от уголовной ответственности, для того, чтобы утрата им общественной опасности произошла не только де-юре, но и де-факто необходимо установить, какая мотивация была положена в основу позитивного посткриминального поведения преступника, если при совершении преступления данное лицо осознавало, что преступает закон, но его это не остановило. Таким образом, элемент раскаяния должен найти свое самостоятельное закрепление среди обязательных признаков данного института, а не выделяться лишь как результат определенного поведения, кроме того возможно его законодательное закрепление в такой формулировке как «чистосердечное раскаяние». Учет этого положения будет положен в основу того, что лицо может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием только после тщательного изучения морально-психологической природы деятельного позитивного постпреступного поведения лица, совершившего преступление.

Дискуссионным является и вопрос о противоречии общей и специальных норм о деятельном раскаянии. Если ст. 75 УК РФ содержит две самостоятельные и автономные части, одна из которых (ч.1) устанавливает условия применения деятельного раскаяния к преступлениям небольшой или средней тяжести, а вторая (ч.2) является отсылочной нормой и отправляет правоприменителя к статьям Особенной части, содержащим примечания, в которых прописаны специальные случаи освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, то в чем же тогда коллизия?! Ответ на этот вопрос лежит в содержании примечаний-освобождений к статьям Особенной части УК РФ (прим. ст. 126, 127.1, 206, 208, 210, 222, 223, 228 и др.). Дело в том, что абсолютно во всех примечаниях, предусматривающих специальные случаи освобождения от уголовной ответственности на основании деятельного раскаяния, законодатель искусственно сужает количество условий, необходимых для его реализации. Вот и получается противоречивая ситуация: преступление относится к категории тяжкого или особо тяжкого, а для освобождения преступника от ответственности требуется выполнение одного-двух условий, при этом и намек нет на то, что преступление должно быть совершено впервые, а также что преступник в результате перестал быть общественно опасным (например, для освобождения по ст. 126 –

похищение человека – достаточно просто добровольно освободить похищенное лицо и чтобы в действиях виновного отсутствовал иной состав преступления; по ст. 205 - террористический акт – своевременно предупредить органы власти или иным способом способствовать предотвращению осуществления террористического акта + отсутствие в действиях иного состава). Естественно это подразумевается нормотворцем, но доступно для понимания лишь отдельных лиц с определенным уровнем правосознания. Возможно, это компенсируется тем, что при специальных случаях освобождения в связи с деятельным раскаянием установленных законодателем не берется во внимание наличие объективной возможности выполнения тех или иных действий, а конкретно указываются те признаки, наличие которых обязательно для приведения в действие механизма деятельного раскаяния. На этот вопрос вероятно ответ знает лишь законодатель.

Итак, подводя итог изложенному, очевидно, что институт деятельного раскаяния является мощным и весьма эффективным компромиссом противодействия преступности, но требует существенных доработок и совершенствований для того, чтобы начать работать правильно и качественно выполнять свои цели и назначение.

Список цитируемой литературы:

1. Электронный ресурс. Официальный сайт МВД РФ, 2014. URL: <https://mvd.ru> (дата обращения 31.03.2015);
2. Электронный ресурс. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ, 2009-2015. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения 31.03.2015);
3. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон РФ от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 21.12.2013) // Российская газета. 1995. № 160. 18 августа.
Прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием: дис. к.ю.н. М., 1999; Новеллы в уголовном кодексе РФ, связанные с половой неприкосновенностью несовершеннолетних: лакуны современного правового поля // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12-2. С. 14 – 16.
4. Уголовное право. Общая часть: учебно-метод. пособие / под ред. [авторы: _____]. М.: Юнити-Дана, 2015. 271с.; Правоохранительные органы: учебник для вузов / под ред. _____]. М.: Юнити-Дана, 2013. С. 126.
5. Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности: дис. к.ю.н. Ниж. Новгород, 2000.

ГРНТИ 10.85.45

УДК 343.98

	Eugene Kravets
Преподаватель кафедры предварительного расследования	Lecturer of the preliminary investigation department
Волгоградская академия МВД России	The Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry

-

предлагаемых нами преобразований. Также наша работа отличается заложенным в ней выраженным экономическим эффектом. Подобный вывод становится очевидным в результате использования средств технико-экономического анализа.

Технико-

на командировочные расходы составляет важную часть работы ведомства.

В условиях реформирования Минобороны России и МВД России в 2010-2011 гг. в нормативной правовой базе, регулирующей выплату командировочных расходов военнослужащим и сотрудникам ведомств силового блока, произошли серьезные изменения, направленные на улучшение социально-бытовых условий указанных лиц при их нахождении в командировках.

В соответствии с действующим постановлением Правительства Российской Федерации от 2.10.2002 г. № 729 «О размерах возмещения расходов, связанных со служебными командировками на территории Российской Федерации, работникам организаций, финансируемых за счет средств федерального бюджета», командировочные расходы делятся на следующие виды: на наем жилого помещения, на выплату суточных, на оплату проезда к месту служебной командировки и обратно [2].

Порядок организации служебных командировок и возмещения расходов по ним регламентируется приказом МВД России от 5.10.2006 г. № 780 «Об организации служебных командировок сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск МВД России на территории Российской Федерации». При этом каждый вид командировочных расходов регулируется также отдельными нормативными правовыми актами.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 21.06.2010 г. № 467 «О возмещении расходов по бронированию и найму жилого помещения, связанных со служебными командировками на территории Российской Федерации, военнослужащим и сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти за счет средств федерального бюджета» определены рамочные нормы возмещения расходов, связанных с проживанием в служебных командировках указанных лиц, в том числе категории номеров для их проживания. В то же время документом не установлены размеры расходов на проживание, подлежащие возмещению за счет бюджетных средств.

С целью обеспечения необходимых социально-бытовых условий сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск МВД России, а также определения реальных потребностей на данный вид командировочных расходов ежегодно в I квартале проводится мониторинг расценок на проживание в гостиницах субъектов Российской Федерации. Поступившая от региональных органов внутренних дел информация анализируется и с учетом изменения расценок на гостиничные услуги используется при подготовке указаний МВД России о размерах возмещения расходов на проживание сотрудников в командировках. Результаты мониторинга, проведенного в I квартале 2012 г., свидетельствует о повышении цен

на однокомнатные (одноместные) гостиничные номера в большинстве регионов по сравнению с 2011 годом. В 47 регионах (56 %) средняя стоимость однокомнатного (одноместного) номера в гостинице составляет 2000 рублей и более.

На основании полученных результатов подготовлено указание МВД России от 8.04.2011г. № 1/2695 «О размер оплаты проживания

значительно возросла средняя продолжительность командировок – с 2,9 до 4,4 дней, этот показатель очень важен для вычисления расходов. Если за весь 2011 год следователи находились в командировках 31400 дней, то только первую половину 2012 года – 22742 дня.

Как мы уже отмечали выше, командировочные расходы делятся на следующие виды: на наем жилого помещения, на выплату суточных, на оплату проезда к месту служебной командировки и обратно. По полученным сведениям [4], средняя стоимость проезда внутри субъекта федерации составляет 2140 рублей, при межрегиональных выездах – 8790 рублей. Расчетная величина суточных 200 рублей, расходов на проживание 2000 рублей. Таким образом, исследуемые командировочные расходы составили в 2011 г. – 169 669 900 рублей, в первой половине 2012 г. – 122886397 рублей.

Теперь перейдем к расчету средств, необходимых для оборудования помещений ВКС. При штатной численности более 34 000 человек, следственные подразделения нуждаются не менее, чем в 1700 таких помещений. Реализация задач программы «Создание Единой информационной телекоммуникационной сети органов внутренних дел России» (ЕИТКС) позволила в короткие сроки создать во многих регионах фрагменты информационной мультисервисной телекоммуникационной сети ОВД, включающие транспортную сеть по передаче данных, качественную внутреннюю цифровую телефонную связь, единое региональное номерное поле IP-телефонии, IP-видеосвязь, аудио-, видеоконференцию и интегрировать их в ЕИТКС органы внутренних дел. Система в окончательном варианте обеспечит связь с каждым подразделением в формате видеоконференции.

Уточним, что для расчета мы провели личный мониторинг розничных цен на необходимое оборудование. Естественно, при централизованных поставках по результатам проведенных тендеров потребителю (МВД РФ) будут предоставлены более выгодные условия, и общая стоимость проекта будет ниже. Итак, оборудование должно включать в себя: Спикерфон эхоподавляющий – 6600 руб. Видеокамера 49000 руб. Программное обеспечение 3400 руб. Источник бесперебойного питания 4600 руб. Компьютер – 24000 руб. Монитор – 11000 руб. МФУ – 8800 руб. Общая стоимость данного оборудования 117 400 рублей. Оборудование 1700 пунктов ВКС обойдется в 199580000 рублей.

Как видно из приведенных расчетов, расходы на единовременное повсеместное оборудование помещений для ВКС сопоставимо с командировочными расходами на один год. Но ведь амортизационные нормы для большинства образцов используемой техники позволяют её эксплуатировать не менее пяти лет.

Что касается других, ранее упоминавшихся, статей расходов – на этапирование участников расследования, привлечение специалистов, переводчиков – здесь нам будет трудно привести точные значения виду отсутствия соответствующей статистической базы. Но и без этого очевидно, что здесь кроются значительные резервы для экономии. Ежегодное перемещение только в конвойном порядке составляет свыше 2,2 млн осужденных и лиц, заключенных под стражу, из них осужденных свыше 1,6 млн человек [5]. Все это происходит в условиях недостаточной обеспеченности транспортом. На 1 января 2012 г. для организации и обеспечения перевозок заключенных под стражу, в оперативном использовании УИС находится 190 спецвагонов при норме 211 единиц и 473 специальных автомобиля при норме 735 единиц [6]. В соответствии со ст. 76 Уголовно-исполнительного Кодекса России, при перемещении осужденных им обеспечиваются необходимые материально-бытовые и санитарно-гигиенические условия, само такое перемещение осуществляется под конвоем. Пребывание в учреждении пенитенциарной системы не лишает человека права на санитарно-эпидемиологическое благополучие - состояние здоровья, среды обитания человека, при котором отсутствует вредное воздействие факторов среды обитания на человека и обеспечиваются благоприятные условия его жизнедеятельности [7]. Указанным требованиям имеющийся транспорт практически не соответствует.

Конкретный экономический эффект от предлагаемых преобразований мы считаем не менее важным результатом, чем собственно научные итоги исследований[8]. Ведь высвободившиеся средства можно перенаправить на решение не менее острых проблем: изучение реальной криминологической ситуации[9]; независимый мониторинг общественного мнения о работе правоохранительных органов; развитие системы видеонаблюдения «Безопасный город»; разработка новых криминологической методик [11] и мн. др.[12].

Список цитируемой литературы:

1. Техничко-экономический анализ деятельности предприятия: учебное пособие. Улан-Удэ:Изд-во ВСГТУ, 2000. С.20.
2. О размерах возмещения расходов, связанных со служебными командировками на территории Российской Федерации, работникам организаций, финансируемых за счет средств федерального бюджета: Постановление Правительства Российской Федерации от 2.10.2002 г. № 729 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 40. Ст. 3939.
3. Аналитический обзор Центра по обеспечению деятельности органов предварительного следствия Министерства внутренних дел Российской Федерации за 2012 год.
4. Итоговая справка Департамента по финансово-экономической политике и обеспечению социальных гарантий Министерства внутренних дел Российской Федерации за 2012 год.

5. О количестве перемещенных специальными подразделениями УИС по конвоированию осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в период с 2002 по 2007 г.: Письмо ФСИН России от 30 января 2008 г. № 10/10 — 106.
6. (начальник Управления конвоирования и спецперевозок ГУИН Минюста России). Служба конвоирования: перевезено более двух миллионов осужденных и заключенных под стражу // Ведомости УИС. 2012. № 2.
7. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: Федеральный Закон РФ от 30.03.99 г. № 52-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.
8. Современные возможности накопления, передачи и анализа информации, значимой для расследования преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. № 2 (13). 2010.
9. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия незаконному игорному бизнесу: автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 22.
10. Назначение и производство экспертиз по уголовным делам, связанным с легализацией доходов, полученных в результате совершения преступлений / Materialy X mezinarodni vedecko-prakticka konference «Veda a technologie: krok do budoucnosti – 2014». – Dil 13. Pravni vedy. Historie.: Praha. Publishing House «Education and Science». С. 25 - 29.;
11. Особенности производства следственных действий последующего этапа расследования преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и камней // Образование. Наука. Научные кадры. 2011. № 4. С. 73 – 76; Преступления в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и камней. Особенности производства отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования данных преступлений // Закон и право. 2011. №10. С. 69 – 72.
12. Использование специальных экономических знаний в процессуальной форме для сбора исходной криминалистически значимой информации и доказывания преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. № 2 (13);
Поисковые приборы и средства связи в криминалистике: учеб. пособие. Липецк: МИПЭ, 2004.

© Е.Г. Кравец

	Vladislav Kuzovlev
Главный эксперт Базовой ЭКС Управления ФСКН РФ по г. Москве	Chief expert of the Base AIX Management FSKN the Russian Federation across Moscow
	Daniyar Kargaliev
Доцент кафедры криминалистической техники УНК ЭКД к. биол. н., доцент	Associate Professor in the Department of forensic technology UNK EKD K. Biol. D., associate Professor
	Leonid Napkin
Зам. Начальника ЭКЦ УМВД по Тульской области	Zam. The chief of the forensic science center UMVD on the Tula area
	Vadim Gladirew
Главный эксперт ЭКЦ МВД России	Chief expert of the forensic science center of the Ministry of internal Affairs of Russia
	Roman Mogutin
Зам. Начальника кафедры криминалистики УНК по ПС в ОВД к.т.н., доцент	Zam. The head of the Department of criminology ESC by COP in the police Department Ph. D., associate Professor
Волгоградская академия МВД России	The Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry

ESTABLISHING A SINGLE SOURCE OF DRUGS BY CHROMATOGRAPHIC METHODS

Abstract: the article describes the method of determining a single source drugs by chromatographic methods.

Keywords: chromatography; drugs; alkaloid of opium; the selectivity of the column.

На территории России и стран ближнего зарубежья не прекращаются контрабандные поставки опиатов. Степень общественной опасности наркотиков очевидна, их употребление

приводит к гибели. Экспертно-криминалистические подразделения правоохранительных органов ведут поиск эффективного решения экспертных задач противодействия наркоэкспансии.

Источником получения ацелированного опия и героина является опий, в состав которого входят две группы соединений, имеющих алкалоидную структуру (производные фенантрена: морфин, кодеин, тебаин; производные изохинолина: наркотин, папаверин, 2-гидроксикотарнин). Помимо диацетилморфина (ДАМ), при ацелировании образуется множество ацетильных алкалоидов опия: 3-моноацетилморфин (3-МAM), 6-моноацетилморфин (6-МAM), ацетилкодеин (АС), ацетилтебаол (АТ), ацетилкотарнин (АКо), и минорные их компоненты. При хранении продукты ацелирования опия гидролизуются. Диацетилморфин подвергается гидролизу по 3-му положению с образованием 6-МAM[1]. Т.о., «уличный героин» содержит в своем составе примеси, обусловленные исходным сырьем и способом приготовления[2].

Для целей правосудия необходима информация о степени сходимости параметров нескольких, полученных из разных источников, криминальных образцов наркотиков, общности образцов на уровне их качественного и количественного состава. Анализ проводят методом газо-жидкостной хроматографии, общность источника происхождения устанавливают по сырью и методу синтеза героина (ацелированного опия). Современные методики[3] сравнения опиатов не обеспечивают полного разделения сравниваемых компонентов (3-МAM, АС, 6-МAM, тебаин и АТ), что может привести к судебной ошибке.

Целью статьи является создание методики газохроматографического разделения компонентов наркотических средств. В качестве объектов исследования изучались образцы ацелированного опия и героина. Навески исследуемых объектов по 1 г растворяли в 1 мл хлороформа. Исследование растворов проводилось на газовом хроматографе «Agilent 6890 N» (США) с пламенно-ионизационным детектором, хромато-масс-спектрометре с детектором электронного удара (70 эВ) «Agilent 6890N-5973N» (США). Разделение осуществлялось на кварцевой капиллярной колонке DB-5 (длина – 30 м, внутренний диаметр – 0.25 мм, толщина пленки фазы – 0.25 мкм) с неподвижной жидкой фазой (5%-дифенил)ди-метилполисилоксан (неполярная). Газ-носитель – гелий. Неудерживаемый компонент – воздух.

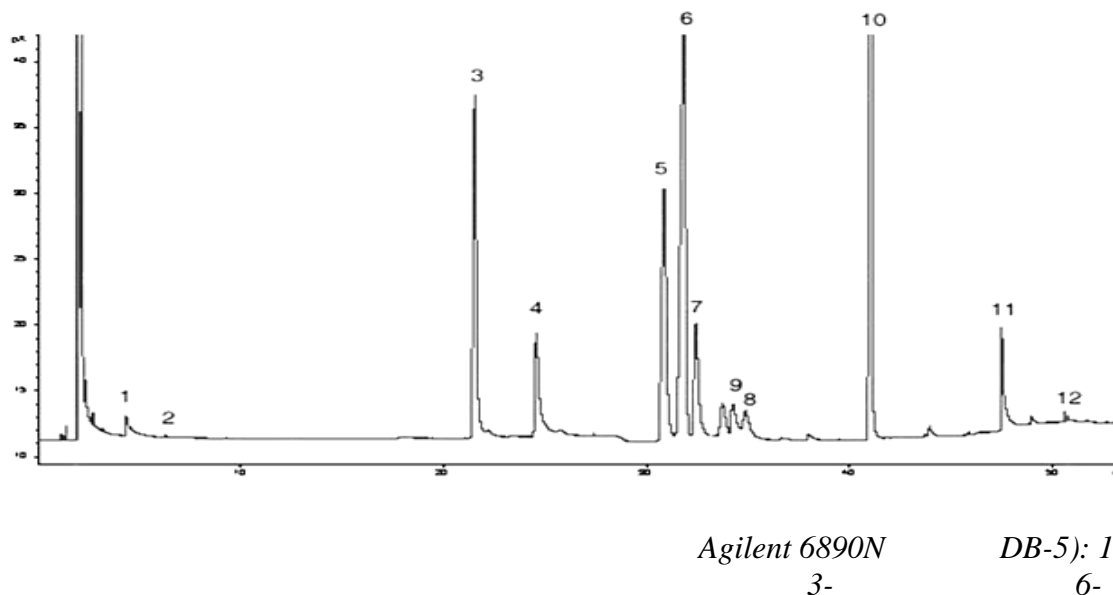
Сравнение селективности колонки (α) по степени разделения[4] R_s 3-МAM, АС, 6-МAM, тебаина, АТ в изотермических условиях (210 °С) и линейной скорости потока газа носителя 28 см/с проводили по результатам исследования образцов ацелированного опия, представленным в табл.

Селективность колонки в парах 6-МAM и AC, AC–3-МAM, 6-МAM – 3-МAM, AT–6-МAM и тебаин–AT продемонстрирована на хорошем уровне. Анализ проводят в режиме программирования температуры. После выхода тебаина (t_r – 35 мин) предлагаем осуществлять нагрев термостата колонки со скоростью 5 град/мин до 280°C, общее время анализа – 52 мин.

R_s .

R_s AC- 3-МAM	R_s 6-МAM- AC	R_s AT- 6-МAM	R_s тебаин- AT	R_s 6-МAM- 3-МAM	α AC- 3-МAM	α 6-МAM- AC	α AT- 6-МAM	α тебаин- AT	α 6-МAM- 3-МAM
1.5949	0.9474	2.48347	1.77556	2.8778	1.0398	1.02092	1.0473	1.0344	1.0615

Таким образом, следующие условия разделения алкалоидов опия и продуктов их ацетилирования наиболее оптимальны: колонка DB-5 со слоем (5%-дифенил)-диметил-полисилоксановой НЖФ; температура инжектора 280°C; температура интерфейса 290°C; начальная температура термостата колонки 210°C; время нахождения при начальной температуре 35 мин; скорость нагрева термостата колонки 5 град/мин; конечная температура термостата колонки 280°C; время нахождения при конечной температуре 10 мин; газ носитель – азот, линейная скорость потока газа 28 см/с (рис.1).

Предлагаемая методика сегодня уже используется в
деятельн

Список цитируемой литературы:

1. Установление общности источника происхождения героина: метод. рекомендации. / . М., 2002. 80 с.
2. Экспертиза героина и ацетилированного опия: метод. рекомендации. М., 1991. 24 с.
3. Recommended methods for testing OPIUM, MORPHINE and HEROINE /Manual for use by national drug testing laboratories. Vienna, 1998. 71 pp. (ST/NAR/29/Rev.1).
4. Расчеты в газовой хроматографии. М., 1978. 246 с.;
Высокоэффективная газовая хроматография: Пер. с англ. /Под ред. М., 1993. 288 с.

© В.Ю. Кузовлев, Д.В. Кайргалиев, Л.Е. Хапкин,
В.В. Гладырев, Р.И. Могутин

	Irina Lebedeva
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, МОУ ВПО «Институт права и экономики», г. Липецк	lecturer of chair of crime law and criminology, Institute of Law and Economics, Lipetsk
аспирант, ассистент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Липецкий государственный технический университет	post-graduate, assistant of chair of criminal law, criminal procedure and criminalistics Lipetsk State Technical University

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTIC OF FEMININE CRIMINALITY

Abstract: In article is analyzed the reasons and stipulations of feminine criminality, actual methods of aiming to curb feminine criminality. Emphasis was attended for some measures such as social and economic measures.

Key words: woman, feminine criminality, aiming to curb, measures.

Женская преступность представляет собой часть преступности, представляющей совокупность преступлений, совершаемых женщинами. Данный вид преступности имеет определенную специфику, связанную с биологической, социальной ролью женщины и психофизиологическими особенностями, профессиональной деятельностью, образом жизни женщины, ее местом в социуме, обусловленным исторически. С гендерной революцией, появлением равноправия, переменой места женщины в обществе меняются характер и способы ее преступного поведения.

Особенностями женской преступности являются:

- относительно постоянный уровень и объем;
- тенденция к росту, особенно растет количество тяжких преступлений, совершенных женщинами;
- большой объем преступности женщин встречается в регионах, где высокий уровень преступности в общем;

- высокий уровень женской преступности в наиболее экономически развитых регионах и городах (Москва, Санкт-Петербург, Красноярский, Хабаровский и Краснодарский края, Свердловская, Магаданская, Сахалинская области);

- преобладание в структуре женской преступности корыстных преступных посягательств (45-50%), связанных в большинстве случаев с профессиональной деятельностью женщин (хищения путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением (18—20%), кражи (15%), а также мошенничества, вымогательства, незаконное предпринимательство, получение взятки);

- женщины все чаще совершают насильственные и иные тяжкие преступления. Например, число хулиганств выросло почти в 4 раза в общей массе преступлений, которые совершают женщины);

- совершение насильственных преступлений женщинами происходит в основном в семейно-бытовой сфере, (каждый 13 убийца – женщина, каждая 20 женщина-убийца совершила убийство своего новорожденного ребенка (в основном несовершеннолетние женщины))[1].

Женщинами часто совершается такое деяние как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Совершение его среди женщин в 2,7 раза превышает число убийств. Участвуют женщины и в совершении корыстно-насильственных преступлений, чаще всего грабежи и разбои, а также могут совершать такие деяния как клевета и ложный донос. Женщина-коммерсант совершает преступления в налоговой сфере и различные мошенничества. Также все чаще женщины стали принимать участие в преступлениях экстремистской направленности.

Убийства и причинения тяжкого вреда здоровью совершаются женщинами с повышенной агрессивностью и жестокостью в основном в сфере семейно-бытовых отношений на почве затянувшихся семейных конфликтов, ревности либо корысти, где жертвами чаще всего бывают супруг, сожители, дети и близкие родственники. Убийство и истязание детей матерью обычно совершается, чтобы угодить сожителям. Примерно 30—40% женщин совершают преступления в состоянии опьянения, в том числе наркотического. Женщины активно участвуют и в сбыте и приобретении наркотиков или сильнодействующих препаратов.

Женщины участвуют и в таком общественно опасном деянии как организация или содержание притонов для занятия проституцией. Бывают случаи соучастия женщин при совершении изнасилований.

Наибольшую долю в структуре женской преступности составляют тяжкие преступления — 77,8%, особо тяжкие преступления занимают 11,4%, средней тяжести—8,5%, менее тяжкие—2,2%.

Отмечается рост участия женщин в совершении групповых преступлений (до 40%), а также увеличение до 10% от числа всех преступниц количества женщин-рецидивисток.

Особую тревогу вызывают преступления женщин, связанные с использованием наркотических средств и сильнодействующих препаратов.

Сближение женской преступности с мужской по качественным и количественным показателям происходит по социально-экономическим причинам: низкие доходы, рост безработицы, выполнением несвойственных для женщин социальных ролей. Духовно-нравственная деградация женщин происходит быстрее, чем у мужчин, быстрее разрушаются социальные и психологические стереотипы. Наркотизация и алкоголизация женщин также происходит быстрее. Женщина может легко отказаться от прежнего места работы, бросить все «старые» социальные связи, например, из-за низкого дохода, психологического насилия и т.д. Высокий уровень социальной напряженности, алкоголизация женщин, стремление женщинами во что бы то ни стало иметь большой доход и уровень жизни без особых усилий, рост проституции явной и латентной, развитие индустрии услуг сексуально-развлекательного характера (в том числе и как источника хорошего заработка) вовлекают еще совсем молодых девушек в аморальное, а затем и преступное поведение. Женщины также быстрее вовлекаются в преступные группировки, их легче завлечь в преступную деятельность, романтизируя ее. Часто женщины подпадают под «обаяние» преступных авторитетов. В экстремистские группировки женщин легко привлечь через «возвышенные мотивы».

Характер преступлений, способы совершения, направленность во многом зависят от личностных особенностей женщины. Образовательный уровень женщин-преступниц выше образовательного уровня преступников мужского пола. Наблюдается прирост женщин-преступниц с высшим образованием, - 70—80% к общему числу преступниц. Около 45% женщин-преступниц не имели постоянной работы.

На поведение женщины влияют и семейные проблемы, институт семьи в последнее время подвергается планомерному разрушению и искажению - около 50% женщин-преступниц в момент совершения преступных деяний не состояли в законном браке. Часто у женщин после освобождения из мест лишения свободы распадаются семьи. Стоит сказать, что сохранение семьи является также и мощным сдерживающим девиантное поведение фактором.

Велик процент женщин-преступниц с психическими аномалиями, особенно их много среди несовершеннолетних. Около четверти осужденных к лишению свободы женщин имели различные психические аномалии (олигофрения, психопатия, органические

поражения ЦНС, последствия черепно-мозговых травм). У женщин довольно высоки уровень стойкости психотравмирующих переживаний, импульсивность, что приводит к непредвидению последствий поступков, к неадекватным восприятию и оценке ситуаций. Женщины более эмоциональны, чем мужчины, и чаще и острее испытывают чувство вины за содеянные преступления, проявляют беспокойство за будущее свое и близких.

Что касается возраста, то большинство женщин-преступниц старше 35 лет.

В настоящее время наблюдается рост женской преступности среди несовершеннолетних. Преступления в основном групповые, в том числе зверские убийства. Вовлекать девочек в преступную деятельность могут сверстники, подростки более старшего возраста и совершеннолетние лица, как мужчины, так и женщины. В судебной практике есть случаи убийств с особой жестокостью, совершенных группами 14—15 - летних девочек.

Для женщин типичны определенные свойства личности и потребности: стремление к совершенству, нравиться (для этого нужно обладание особо модной одеждой, аксессуарами), высокий уровень чувствительности и эмоциональности, предрасположенность к психопатии и неврастении, демонстративность поведения, снижение волевых качеств в опасных условиях, конформизм, стремление к комфорту.

Причины женской преступности заключаются в искаженной морально-волевой установке личности женщины. Значительное ослабление социального контроля за поведением женщин характерно для настоящего времени вследствие высоких темпов урбанизации, эмансипации, феминизации, массовой миграции, бытовой неустроенности, ломки устоявшихся культур различных социальных слоев общества. Фактически происходит закабаление женщины пороками человечества. Вышеуказанные негативные процессы происходят на фоне пропаганды насилия, жестокости, сексуальной доступности женщин и мужчин. Эти факторы важно подчеркнуть в связи с тем, что в процессе подобного общения происходит криминогенное заражение женщин, особенно молодых, усвоение ими негативных установок и стереотипов, приобщение к асоциальному образу жизни. Весьма неблагоприятно в настоящее время социально-экономическое положение молодых женщин из необеспеченных и малообеспеченных семей. Использование их на тяжелых, малоквалифицированных работах приводит к тому, что им почти полностью закрыт доступ к модным предметам одежды, косметике и другим вещам, делающим женщину привлекательной и элегантной. Информированность об этих «земных благах» благодаря телевидению, средствам массовой информации, социальной мобильности довольно высока, а поэтому столь значительны у этой

категории населения чувства зависти, ущемленности, выброшенности. Это в отдельных случаях является и поводом, и причиной совершения краж, грабежей, разбоев. Проявляемые при этом женщинами жестокость, агрессивность служат средством психологической компенсации пережитых ими унижений, якобы их ущербности и неполноценности [2, с. 377-378].

Мерами предупреждения женской преступности являются облегчение условий труда женщин в производственной сфере, более жесткий государственный и общественный контроль за соблюдением трудового законодательства, направленного на защиту женщин, материнства, девушек-подростков. Женщине следует предоставить возможность сосредоточить больше внимания и сил на семье и детях.

В профилактической работе с женщинами-преступницами и женщинами из групп риска (женщины и девушки из неблагополучных семей; занимающиеся проституцией, страдающие алкоголизмом, наркоманией; совершающие или совершившие административные правонарушения, дисциплинарные проступки; женщины и девушки, отличающиеся аморальным поведением) необходимо применять милосердие и гуманность, понимание причин, мотивов, толкнувших их на преступление или безнравственное поведение, нужно показать стремление помочь им наладить свою жизнь. Особое профилактическое значение имеют помощь семье, различные социальные программы, оказание содействия в трудоустройстве, психологическая и медицинская помощь, в том числе анонимного характера[3].

Существенный вклад в формирование нравственно-духовных качеств может внести Церковь и иные традиционные конфессии, а также женские общественные организации, в основе деятельности которых лежат мораль и социально значимые ценности.

Наряду с общесоциальными мерами предупреждения женской преступности важно широко применять такие меры специально-криминологического характера, как выявление неблагополучных семей; установление в них источников негативного влияния на женщин; обнаружение и устранение фактов и причин социальной и бытовой конфликтности; осуществление профилактического воздействия на лиц, оказывающих на членов семьи десоциализирующее влияние (ранее судимых, подверженных депрессии, конфликтам, обладающих психологической несовместимостью и т.п.); оказание социальной помощи семьям с низким уровнем материального обеспечения; организация работы телефонов доверия; создание специальных помещений для приема на временное проживание женщин, подвергнутых насилию; своевременное лечение лиц с психическими отклонениями; помощь ранее судимым женщинам в адаптации к новой жизни и т.п [4, с. 380].

Список цитируемой литературы:

1. . Женщина в зеркале криминала. Вологда, 2000.
2. Криминология: Учебник для вузов / под ред. проф. В.Д. Малкова - 27-е изд., перераб. и доп. — М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006. — 528 с.
3. Убийство матерью новорожденного ребенка. М., 1999.
4. . Социальное лицо женщин-преступниц и проституток. Тбилиси, 1993; Новеллы в уголовном кодексе РФ, связанные с половой неприкосновенностью несовершеннолетних: лакуны современного правового поля // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12-2. С. 14 – 16; Борьба с половыми преступлениями средствами электронного мониторинга подконтрольных лиц: анализ опыта США // Право и государство: теория и практика. 2014. №2 (110). С. 121 – 125.
5. Преступления в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и камней. Особенности производства отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования данных преступлений // Закон и право. 2011. №10. С. 69 – 72.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 3 томах / под общей редакцией /

ФГКОУ ВПО "Санкт-Петербургский университет МВД России, МОУ ВПО "Институт права и экономики". Тамбов; Санкт-Петербург; Липецк, 2014. Том 3 Особенная часть (по состоянию на 4 июня 2014 года). С. 218.

© И.Н. Лебедева

ГРНТИ 10.77.91
УДК 343.6(075.8)

	Irina Lebedeva
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, МОУ ВПО «Институт права и экономики», г. Липецк	lecturer of chair of crime law and criminology, Institute of Law and Economics, Lipetsk
аспирант, ассистент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Липецкий государственный технический университет	post-graduate, assistant of chair of criminal law, criminal procedure and criminalistics Lipetsk State Technical University

**NON-PROLIFIRABLE MEASURES AIMING TO CURB ALL
FORMS OF TERRORIST ACTIVITY IN POST-USSR REPUBLICS
(BELARUS, KAZAKHSTAN, LATVIA, LITHUANIA, GEORGIA
AND ARMENIA)**

Abstract: This article is told about non-prolifirable measures aiming to curb all forms of terrorist activity in post-USSR republics, for example, in Belarus, Kazakhstan, Latvia, Lithuania, Georgia and Armenia.

Key words: terrorism; terrorist; terrorist activity; crime; terrorist action; non-prolifirable measures aiming to curb.

Анализ и изучение опыта зарубежных стран играет важную роль в выработке эффективной политики борьбы с терроризмом и экстремизмом. Данная статья посвящена борьбе с терроризмом в Казахстане, Беларуси, Литве, Латвии, Грузии и Армении. Остро вставшая проблема глобального и внутреннего терроризма потребовала от всех стран адекватных мер противодействия: профилактических, правоохранительных, путем ужесточения уголовной ответственности за подобные преступления.

В Латвии, несмотря на отсутствие закона о борьбе с терроризмом, существует жесткая уголовная ответственность за терроризм в рамках Уголовного кодекса Латвийской Республики (ст. 88 УК Латвии). В соответствии с данной статьей под терроризмом

понимается «взрыв, поджог или иные умышленные действия, которые направлены на уничтожение людей, причинение телесных повреждений или причинение иного вреда здоровью людей, уничтожение предприятий, кранов, портов или газопроводов, электролиний, путей и средств и сообщения, сетей телекоммуникаций, порча или уничтожение имущества с целью нанесения вреда Латвийской Республике (ЛР) или ее жителям, и равно в этих же целях совершение массовых отравлений или эпидемий и эпизоотий» [3].

За указанные деяния предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 20 лет с конфискацией имущества [3]. В части 2 ст. 88 УК ЛР предусмотрены особо опасные террористические действия, которые связаны «с умышленным насилием против личности, опасные для жизни или здоровья, или умышленное уничтожение или повреждение имущества путем взрывов или поджогов или иным общественно опасным способом или угрозой совершения подобных действий, если они связаны с условием прекращения насилия, если есть основание считать, что указанные угрозы могут быть выполнены с целью принудить государство, его институты или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения» [3]. За такие деяния предусмотрено наказание в виде пожизненного заключения или лишения свободы на срок от 15 до 20 лет с конфискацией имущества [3].

В Республике Беларусь (РБ) также уделяется внимание борьбе с терроризмом, которая определяется в Законе РБ от 3 января 2002 года «О борьбе с терроризмом» как «деятельность по предупреждению, выявлению, пресечению и минимизации последствий террористической деятельности» [6].

Законом установлено, что борьба с терроризмом в РБ осуществляется на следующих принципах: законности; приоритета мер по предупреждению терроризма; неотвратимости наказания за осуществление террористической деятельности; сочетания гласных и негласных методов борьбы с терроризмом; комплексного использования профилактических, правовых, политических, социально-экономических и пропагандистских мер; приоритета защиты прав лиц, подвергающихся опасности в результате акта терроризма; минимальных уступок террористу; единоначалия в руководстве силами и средствами, привлекаемыми для проведения контртеррористических операций; информирования общественности об акте терроризма и о проведении контртеррористических операций [6].

Белоруссия также осуществляет сотрудничество с зарубежными странами и международными организациями в области противодействия терроризму.

Согласно ст. 250 УК Литвы террористический акт - это совершение взрыва, поджога, распространения радиоактивных, биологических либо химических, вредных для здоровья веществ, препаратов или микроорганизмов, создающих опасность для жизни или здоровья многих людей. Теракт по УК Литвы наказывается лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет. Если такие деяния были направлены против объекта стратегического значения или если вследствие этого был нанесен тяжкий ущерб здоровью людей, либо погиб хотя бы один человек, то за них предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от десяти до двадцати лет либо пожизненное лишение свободы [4].

В Литве создана Межведомственная координационная комиссия по борьбе с терроризмом для более эффективного и скоординированного взаимодействия субъектов контртеррористической борьбы и оперативного выполнения программы противодействия терроризму в стране.

В УК Грузии преступления террористической направленности помещены в отдельную главу XXXVIII «Терроризм», куда входят не только террористические преступления «внутригосударственного характера», но и нападение на лиц или учреждения, пользующиеся международной защитой (ст. 326 УК Грузии). Аналогичное деяние в УК РФ относится к преступлениям против мира и безопасности человечества.

Статья 323 УК Грузии предусматривает ответственность за террористический акт. Согласно вышеназванной статье террористический акт - это взрыв, поджог, применение оружия или иные деяния, создающие угрозу смерти человека, причинения значительного имущественного вреда или наступления иных тяжких последствий и посягающие на общественную безопасность, стратегические, политические или экономические интересы государства, совершенные в целях устрашения населения или оказания воздействия на органы власти. Такие деяния наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет [2].

В Грузии существует уголовная ответственность за технологический терроризм, то есть применение ядерного, радиологического, химического или бактериологического (биологического) оружия либо его компонентов, патогенных микроорганизмов, радиоактивных или вредных для здоровья человека иных веществ или угроза их применения, в том числе захват объекта, представляющего ядерную, химическую или сильную технологическую или экологическую опасность, посягающий на общественную безопасность, стратегические, политические или экономические интересы государства, совершенный в целях устрашения населения или воздействия на органы власти (статья 324 УК Грузии). К терроризму также относится нападение на

политическое должностное лицо Грузии, то есть посягательство на жизнь, здоровье или собственность Президента Грузии, иных политических должностных лиц Грузии или членов их семей в связи с государственной деятельностью этих должностных лиц (ст. 325 УК Грузии) [2].

Ст. 327 УК Грузии устанавливает ответственность за создание террористической организации или руководство ею, либо участие в ней. Ст. 328 УК Грузии посвящена объединению в иностранной террористической организации или в такой организации, подконтрольной иностранному государству, либо оказание ей помощи в террористической деятельности. В УК Грузии предусмотрена ответственность за захват заложника в террористических целях (ст. 329 УК Грузии) [2], то есть в целях понуждения государственной власти или международной либо религиозной организации совершить то или иное деяние или не совершать того или иного деяния как условие освобождения заложника.

Ст. 330 УК Грузии устанавливает ответственность за захват или блокирование объектов стратегического или особого значения в террористических целях.

В раздел «Терроризм» также входит ст. 331 УК Грузии [2] - ложное сообщение о терроризме, хотя это преступление и не является собственно терроризмом, но при ложном сообщении создается обстановка страха, дезорганизуется деятельность органов власти, производятся финансовые затраты на проведение необходимых мероприятий правоохранительными органами и специальными службами, парализуется работа транспорта и т.д.

В плане борьбы с пропагандой терроризма и экстремизма в Грузии введена уголовная ответственность за изготовление или распространение произведений, пропагандирующих культ насилия или жестокости (ст. 256 УК Грузии) [2].

Проблемами уголовной ответственности за терроризм в Грузии являются: отсутствие статей, регулирующих ответственность за финансирование внутригосударственного терроризма и экстремистской деятельности, а также за вовлечение несовершеннолетних в такую деятельность.

УК Армении предусматривает ответственность за собственно (внутренний) терроризм (ст. 217 УК Армении), международный терроризм (ст. 389 УК Армении), а также за преступления террористической направленности (ст. 388 «Террористическая акция против представителя иностранного государства или международной организации», ст. 396 «Нападение на лиц или учреждение, пользующихся международной защитой», ст. 218 «Захват заложника», ст. 219 «Захват зданий, строений, средств транспорта, сообщения или связи») [1].

В Армении терроризм относится к преступлениям против

общественной безопасности. Согласно ст. 217 УК Армении терроризм - это совершение или угроза совершения взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если они совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решения государственным органом или должностным лицом или на выполнение иного незаконного требования виновного. Такие деяния наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет [1].

Ст. 389 УК Армении посвящена международному терроризму. Международный терроризм, согласно данной статье, - это организация или осуществление на территории иностранного государства взрыва или поджога либо иных действий, направленных на уничтожение людей или причинение им телесных повреждений, уничтожение или повреждение зданий, сооружений, дорог и коммуникаций, средств связи или иного имущества, совершенные в целях разжигания международных осложнений или войны либо дестабилизации внутренней обстановки иностранного государства. Международный терроризм наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет либо пожизненным лишением свободы [1].

Проблемами уголовной ответственности за терроризм в Армении являются: отсутствие статей, регулирующих ответственность за финансирование терроризма и экстремистской деятельности, создание террористических и экстремистских групп или организаций, а также членство и руководство такими группами и организациями, необходимо ввести статьи, регулирующие ответственность за пропаганду экстремизма и терроризма, вовлечение несовершеннолетних в такую деятельность. Также необходимо прописать в Уголовном кодексе определение понятия «преступления террористической направленности» и те деяния, которые в них входят.

В Армении меры по противодействию терроризму регулируются Законом «О борьбе с терроризмом» от 19 апреля 2005 года № ЗР-79.

В ст. 5 вышеупомянутого Закона даны определения террористической деятельности и террористической акции [5]:

- террористическая акция - непосредственное совершение преступления террористического характера посредством взрыва, поджога, применения или угрозы применения ядерных взрывчатых элементов, радиоактивных, химических, биологических, взрывчатых, токсических, сильнодействующих веществ; уничтожения, повреждения или захвата транспортных средств или других объектов; посягательства на жизнь государственного или общественного

деятеля, представителя национальной, этнической, религиозной или иных групп населения; захвата заложников, похищения человека; создания опасности причинения вреда жизни, здоровью или имуществу неопределенного круга лиц путем создания условий для аварий и катастроф техногенного характера либо реальной угрозы создания такой опасности; распространения угроз в любой форме и любыми средствами; иных действий, влекущих человеческие жертвы, причинение значительного имущественного ущерба или общественно-опасные последствия;

- террористическая деятельность - организация, подготовка и осуществление террористической акции; подстрекательство к насилию над физическими лицами или организациями, уничтожению материальных объектов в террористических целях; организация незаконного вооруженного формирования, преступной группировки для совершения террористической акции, а также участие в такой акции; вербовка, вооружение, обучение террористов; финансирование или иное содействие террористической организации или террористической группе.

Согласно ст. 2 данного Закона организация борьбы с терроризмом в Республике Армения направлена [5]:

- 1) на предупреждение, выявление, предотвращение, пресечение террористической деятельности и минимизацию ее последствий;
- 2) на защиту личности, общества и государства от терроризма;
- 3) на выявление и устранение причин и условий, способствующих террористической деятельности.

Основными принципами борьбы с терроризмом являются (ст. 4 Закона Республики Армения «О борьбе с терроризмом») [5]:

- 1) законность;
- 2) приоритет превентивных мер;
- 3) единоначалие в руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении контртеррористических операций;
- 4) неотвратимость наказания за совершение, а также за подготовку и финансирование террористической акции;
- 5) минимальные уступки террористу в случае крайней необходимости;
- 6) сочетание гласных и негласных методов борьбы с терроризмом;
- 7) комплексное использование профилактических, правовых, политических, социально-экономических, пропагандистских мер;
- 8) приоритет защиты прав лиц, подвергшихся опасности вследствие террористической акции;
- 9) минимальная огласка способов, приемов (тактики) проведения контртеррористических операций и состава их участников.

Субъектами, непосредственно осуществляющими борьбу с терроризмом в Армении, являются согласно ст. 7 Закона «О борьбе с терроризмом» [5]:

- 1) республиканский исполнительный орган национальной безопасности Республики Армения;
- 2) республиканский исполнительный орган Полиции Республики Армения;
- 3) республиканский исполнительный орган по обороне Республики Армения.

В борьбе с терроризмом в пределах своих закрепленных законом полномочий принимают участие и другие республиканские органы исполнительной власти Армении.

Государственные органы, осуществляющие борьбу с терроризмом, в пределах закрепленных законом своих полномочий в Армении (согласно ст. 9 вышеназванного Закона) [5]:

- 1) разрабатывают и осуществляют организационные, режимные, профилактические, воспитательные и иные меры, направленные на выявление, предупреждение, пресечение, минимизацию последствий террористических акций, а также на выявление и устранение причин и условий, способствующих их совершению;

- 2) создают специализированные подразделения по борьбе с терроризмом.

- 3) участвуют в подготовке международных договоров Республики Армения в области борьбы с терроризмом;

- 4) разрабатывают и представляют на утверждение Правительства Республики Армения предложения по совершенствованию законодательства о борьбе с терроризмом.

В целях координации действий субъектов, непосредственно осуществляющих борьбу с терроризмом, и других республиканских органов исполнительной власти Президент Республики Армения в случае необходимости может сформировать оперативный штаб по контртеррористической операции, в состав которого по должности включаются руководители вышеназванных государственных органов.

Закон Республики Армения регулирует также и порядок проведения контртеррористической операции (Глава 3 Закона «О борьбе с терроризмом»).

В зоне осуществления контртеррористической операции лица, осуществляющие контртеррористическую операцию, имеют право (ст. 12 Закона) [5]:

- 1) принимать при необходимости меры по временному ограничению или запрещению движения транспортных средств и пешеходов на улицах и дорогах, не допускать граждан, транспортные средства, в том числе транспортные средства дипломатических представителей, консульских учреждений на отдельные участки

местности и объекты, удалять граждан, а также удалять транспортные средства с отдельных участков местности и объектов;

2) проверять у граждан (в том числе и у должностных лиц) документы, удостоверяющие личность, а в случае их отсутствия принимать меры с целью установления их личности, вплоть до привода;

3) задерживать и представлять государственным органам или специальным службам, осуществляющим контртеррористические операции, лиц, совершивших или пытавшихся совершить действия, направленные на воспрепятствование законным требованиям лиц, осуществляющих контртеррористические операции, а также действия, связанные с несанкционированным проникновением или попыткой проникновения в зону осуществления контртеррористических операций;

4) беспрепятственно входить (проникать) в жилые и иные принадлежащие физическим и юридическим лицам помещения, на участки окружающей местности, в транспортные средства (за исключением помещений, участков и транспортных средств, принадлежащих дипломатическим и консульским представителям) для предотвращения террористической акции, преследования лиц, совершивших террористическую акцию или подозреваемых в совершении террористической акции - в случаях и порядке, установленных Конституцией и законом Республики Армения;

5) осуществлять при входе в зону проведения контртеррористической операции и при выходе из нее личный досмотр граждан, проверку с применением технических средств находящихся при них предметов, транспортных средств и перевозимых ими товаров;

б) использовать в служебных целях средства связи организаций и физических лиц;

7) в неотложных случаях использовать в служебных целях транспортные средства, принадлежащие физическим и юридическим лицам, за исключением транспортных средств, принадлежащих дипломатическим и консульским представителям, международным организациям.

В Казахстане в ст. 1 закона от 13 июля 1999 года «О борьбе с терроризмом» терроризм определяется как «противоправное уголовно наказуемое деяние, совершенное для подрыва безопасности государства, оказания воздействия на принятие государственным органами решений и достижения иных террористических целей путем: уничтожения (повреждения) или угрозы уничтожения (повреждения) стратегических и жизненно важных объектов и коммуникаций государства, системы жизнеобеспечения населения, имущества и других материальных объектов; посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенного для

прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность; нападения на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующегося международной защитой, а равно на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой; насилия или угрозы применения насилия в отношении физических лиц; захвата или удержания лица в качестве заложника; иных деяний, подпадающих под понятие «террористических» в соответствии с УК Республики Казахстан, а также общепризнанными международными правовыми актами, направленными на борьбу с терроризмом» [7].

В Республике Казахстан (РК) принципы борьбы с терроризмом отражены в законе от 13 июля 1999 года «О борьбе с терроризмом»: приоритет защиты жизни и здоровья, прав лиц, подвергающихся опасности в результате террористической акции; соблюдение законности; приоритет предупреждения терроризма; неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности; комплексное использование профилактических, правовых, политических, социально-экономических, пропагандистских мер; единоначалие в оперативном руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении антитеррористической операции» [7].

Ст. 3 данного закона определяет цели борьбы с терроризмом в Казахстане: во-первых, это предупреждение, выявление и пресечение террористической деятельности и ликвидация ее последствий; во-вторых, защита личности, общества и государства от терроризма; в-третьих, выявление и устранение причин и условий, способствующих осуществлению террористической деятельности [7].

Ст. 7 закона от 13 июля 1999 года «О борьбе с терроризмом» Республики Казахстан (РК) определяет компетенцию органов страны, осуществляющих непосредственную борьбу с терроризмом. Их деятельность направлена на предупреждение и пресечение террористических деяний.

Этими органами являются: Комитет национальной безопасности РК; МВД РК; Служба охраны Президента РК; Министерство обороны РК [7].

Укрепляется сотрудничество с международными организациями и другими странами в этом вопросе.

Борьба с терроризмом в вышеуказанных республиках ведется путем расширения международного сотрудничества, укрепления спецслужб, совершенствования работы правоохранительной системы, ужесточения уголовной ответственности, разнообразных профилактических мер.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный кодекс Республики Армения принят 18 апреля 2003 года// [Электронный ресурс]: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus> - 14a#14a (дата обращения 30.01.2015).
2. Уголовный кодекс Грузии / Науч. ред. З.К. Бигвава. Вступ. статья к.ю.н., доц. В.И. Михайлова. Обзорн. статья д.ю.н., проф. О. Гамквелидзе. Перевод с грузинского И. Мериджанашвили. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. — 409 с.
3. Уголовный кодекс Латвийской Республики/СПб Издательство «Юридический центр Пресс», 2001-313 с.
4. Уголовный кодекс Литовской Республики от 26 сентября 2000 года утв.законом № VIII-1968. Специальная часть // [Электронный ресурс]: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243877&subID=100107735,100107738,100107773,100107936#text> (дата обращения 30.01.2015).
5. Закон Республики Армения «О борьбе с терроризмом» от 19 апреля 2005 года № ЗР-79// [Электронный ресурс]: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=26063 (дата обращения 30.01.2015).
6. Закон Республики Беларусь от 3 января 2002 года №77-3 «О борьбе с терроризмом» // [Электронный ресурс]: http://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_borbe_s_terrorizmom/3.htm (дата обращения 30.01.2015).
7. Закон Республики Казахстан «О борьбе с терроризмом» от 13 июля 1999 года // [Электронный ресурс]: <http://kp.kazpravda.kz/c/1008073002> (дата обращения 30.01.2015).

© И.Н. Лебедева

ГРНТИ 10.85.45

УДК 343.98

	Irina Makogon
Доцент кафедры предварительного расследования УНК по ПС в ОВД	Associate professor of the preliminary investigation department
Волгоградская академия МВД России	The Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry

делам данной категории, как правило, нет. В социальном смысле «потерпевшими» здесь являются государство и общество, их интересы, а также лица, употребляющие наркотики. В то же время все участники незаконного оборота наркотиков, в том числе и их потребители, как последнее звено в цепи, являются нарушителями закона, заявлений о признании их потерпевшими не пишут даже в случае причинения им реального ущерба.

Согласно ст. 140 УПК РФ поводом для возбуждения уголовного дела могут являться заявление о преступлении; явка с повинной; сообщение о совершенном или готовящемся преступлении полученное из иных источников; постановление прокурора.

Уголовные дела о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, могут быть возбуждены в случаях непосредственного обнаружения работниками полиции фактов, указывающих на незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозку, потребление, сбыт, посев и выращивание. Сведения о незаконном обороте наркотиков могут содержать письма и заявления граждан, организаций, учреждений; сообщения лечебных учреждений; сообщения в средствах массовой информации. Следовательно, наиболее типичным поводом для возбуждения уголовного дела о преступлении рассматриваемой группы является рапорт об обнаружении признаков преступления.

Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, прежде всего, необходимо установить обстоятельства произошедшего. К этим обстоятельствам относятся:

1. принадлежит ли изъятое вещество к списку наркотических веществ и наркотосодержащих лекарственных средств;
2. качество и количество изъятого вещества;
3. наличие действий, являющимися противоправными согласно квалифицирующим признакам, предусмотренным в УК РФ;
4. совершение преступления одним лицом или группой лиц;

Изъятие наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов может происходить как при проведении оперативно-розыскного мероприятия - проверочная закупка, так и во время задержания лиц, совершивших приобретение либо хранение наркотических средств или психотропных веществ, участие которых в сбыте на этот момент не доказано, в рамках осуществления административной деятельности. В подобных ситуациях оформляются протоколы в соответствии со ст. ст. 27.1, 27.7, 27.9, 27.10 КоАП РФ.

Понятие «проверочная закупка» определяется как совокупность действий по созданию оперативными подразделениями ситуации сделки (мнимой), в которой с ведома оперативного подразделения и

цели потребления или сбыта) у лица, обоснованно подозреваемого в совершении преступления, с целью получения информации о вероятной преступной деятельности [1].

Приступая к подготовке проверочной закупки наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов, оперативный сотрудник готовит мотивированный рапорт и утверждаемое руководителем органа, осуществляющего ОРД постановление, которые являются основаниями для начала проведения операции по их проверочной закупке. Если постановление о проведении ОРМ составлено с нарушением (например, не утверждено надлежащим должностным лицом), то его результаты не будут иметь доказательственного значения.

В рапорте и описательной части постановления указываются полученные сведения и краткое содержание имеющихся материалов о преступной деятельности конкретных лиц (без раскрытия информации оперативного характера, носящей гриф секретности), обоснование необходимости проведения этого оперативно-розыскного мероприятия, расчет привлекаемых сил и средств, наименование подразделений, которым поручается проведение оперативно-поисковых, оперативно-технических мероприятий, данные о лице, участвующем в качестве покупателя, размеры денежных средств, других ценностей или предметов, необходимых для проверочной закупки.

После принятия решения руководителем органа, осуществляющего ОРД о проведении проверочной закупки, производятся действия обеспечивающие проведение данного ОРМ.

До начала проведения проверочной закупки производится осмотр и пометка специальными средствами денежных купюр, а также делаются их ксерокопии. Данные денежные средства предназначены к использованию для «оплаты» при проведении проверочной закупки. О произведенных действиях составляется протокол, в котором указывается достоинство (номинал), серия, номер каждой помеченной купюры, использованное спецсредство, а также для какой цели они предназначены и кому переданы. Кроме того, к данному протоколу приобщаются ксерокопии данных денежных средств. К участию в подготовке и проведению проверочной закупки на разных ее этапах привлекаются «незаинтересованные лица», «представители общественности», «присутствующие», которые впоследствии могут приобрести статус свидетелей (при условии возбуждения уголовного дела) и давать показания о ходе производства ОРМ и факте изъятия наркотических средств [2, с. 48].

К проведению проверочной закупки может привлекаться как сотрудник полиции, выступающий в качестве покупателя, так и любой другой гражданин, давший согласие сотрудничать с оперативным подразделением при проведении конкретных операций.

В настоящее время, в целях обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, законодателем предусмотрена возможность не приводить биографические данные об их личности в последующем в протоколе следственного действия, в котором участвует свидетель [3, с. 9 - 11].

Перед направлением лица (гражданина или сотрудника полиции), выступающего в качестве покупателя для проведения проверочной закупки, он обязательно досматривается в присутствии обозначенных выше «лиц, участвующих при проведении ОРМ», и в протоколе досмотра фиксируется отсутствие у него наркотических средств, иных предметов, оборот которых запрещен. Если при проведении проверочной закупки предполагается использование транспортного средства, то проводится его досмотр.

Для обеспечения прослушивания и фиксирования разговора с наркоторговцем в ходе сделки, лицо, выступающее в качестве покупателя, снабжается соответствующими спецсредствами (радиомикрофон, диктофон), о чем составляется протокол.

По результатам проверочной закупки составляется протокол досмотра лица, выступающего в роли «покупателя», и приобретенных наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, которые помещаются в прочную и надежную упаковку, исключающую возможность их утраты, порчи и извлечения из упаковки без нарушения ее целостности и обеспечивающую сохранность имеющихся на них следов (микроследов). Затем составляется рапорт (в случае если он является сотрудником органов внутренних дел), а в протоколе досмотра «покупатель» делает заявление о добровольной выдаче наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и об обстоятельствах их приобретения. При этом, упаковка опечатывается печатью правоохранительного органа, заверяется подписью лица, производящего изъятие, «лиц, участвующих при проведении ОРМ», и иных присутствующих лиц, о чем в протоколе делается соответствующая отметка. На упаковке разборчиво отражаются следующие сведения: фамилия и инициалы лица, у которого произведено изъятие; сведения о месте и времени изъятия; другая необходимая информация. При этом, запрещается оформление протокола досмотра оперативным работником, выступавшим в роли «покупателя».

Во избежание возбуждения уголовных дел в отношении лиц, которые не причастны к действиям по незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, в ходе проверки в общем случае необходимо устанавливать принадлежность изъятого вещества к наркотическим и установить его вес, для этого необходимо использование специальных знаний.

В соответствии с ч. 4 ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» для установления принадлежности изъятого вещества к

наркотическим средствам, психотропным веществам или их аналогам, определения его количества (веса, объема) составляется «Отношение», а изъятое незамедлительно направляется на исследование в экспертное учреждение. При получении положительного результата исследования оперативным работником, оформлявшим протокол досмотра, в соответствии со ст. 143 УПК РФ составляется рапорт об обнаружении признаков преступления, который вместе с результатами исследования изъятого вещества (справка об исследовании) приобщаются к материалам проверки в порядке ст. 144 УПК РФ (далее – «материалы доследственной проверки»).

Лицам, участвующих при проведении ОРМ, следует наглядно продемонстрировать, что изъятые у наркоторговца денежные купюры имеют специальные метки и учтенные номера. Должно быть предпринято все возможное для сохранения следов рук на упаковке изъятых наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов, микрочастиц одежды, эпидермиса, волос, потожировых следов наркоторговца (это особенно важно при бесконтактном способе сбыта наркотиков) и направления их для последующего экспертного исследования. Кроме этого, должны быть предприняты действия, направленные на изъятие микрочастиц наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов на одежде, под ногтями, в местах их хранения. Упаковку и опечатывание изъятых предметов и веществ, следует производить безотлагательно и в присутствии «лиц, участвующих при проведении ОРМ», с составлением соответствующего протокола.

Собранные в ходе проведения проверочной закупки материалы, а также видео- и аудиозаписи или фотоснимки, оформляются и приобщаются к возбужденному уголовному делу в соответствии с требованиями УПК РФ и Инструкции «О порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд», утвержденной приказом МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, МО России от 17 апреля 2007 г. № 336/185/164/481/32/184/97/147.

При этом, в первую очередь, у задержанного выясняются вопросы о принадлежности изъятых наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и источниках их приобретения, об иных лицах, участвовавших в их сбыте, о месте и времени приобретения (изготовления, заготовки), перепродаже, количестве, стоимости и др. У задержанных из числа розничных (мелких) сбытчиков необходимо выяснять сведения: о поставщике наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, способе доставки, месте получения товара, о лицах, присутствовавших при этом, количестве, упаковке, в которой они

были получены, об имевшей место расфасовке с целью замаскировать или облегчить транспортировку, о лицах, производивших их оплату, и др.[4, с. 101 – 104].

При условии допустимости легализации «покупателя» от него отбирается объяснение, в ходе которого необходимо выяснить где, когда и при каких обстоятельствах производилась проверочная закупка, кто присутствовал при ее совершении, кому передавались деньги, у кого приобретены наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, в какой упаковке, какое количество и по какой цене.

Перед представлением материалов следователю, дознавателю, суду эти сведения либо подлежат рассекречиванию на основании мотивированного постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, либо представляются в соответствии со ст.16 Закона Российской Федерации «О государственной тайне».

Представление оперативными подразделениями результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд осуществляется на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

Порядок представления результатов ОРД, включает в себя:

1. вынесение руководителем органа, осуществляющего ОРД, постановления о представлении результатов ОРД органу дознания, следователю, или в суд;
2. вынесение, при необходимости, постановления о рассекречивании отдельных оперативно-служебных документов, содержащих государственную тайну;
3. оформление сопроводительных документов и фактическую передачу материалов (пересылка по почте, передача с нарочным и т.п.).

К этим документам приобщаются и материалы доследственной проверки, подлежащие исследованию и оценке при решении о возбуждении уголовного дела. К ним относятся:

1. рапорт работника органов внутренних дел, задержавшего лицо, заподозренное в незаконном обороте наркотиков;
2. протокол досмотра этого лица и его личных вещей;
3. объяснения свидетелей и самого лица;
4. справка эксперта о результатах исследования изъятого вещества [5, с. 28 – 32].

Проверив полученные результаты оперативно-розыскной деятельности на предмет их соответствия требованиям закона, следователь (дознаватель) принимает меры по приданию им доказательственного значения, в связи с чем, изучает документы, составленные в ходе проведения ОРМ, изъятые предметы и средства

могут быть приобщены в качестве вещественных доказательств либо иных документов.

Таким образом, для возбуждения уголовного дела по факту незаконного оборота наркотических средств, необходимо систематически и целенаправленно накапливать соответствующую информацию, документировать незаконную деятельность с этой сфере оперативно-розыскными и иными методами.

Список цитируемой литературы:

1. Оперативно-розыскная деятельность: учебник / под ред. М., 2002. С. 371 – 372; Теория оперативно-розыскной деятельности: краткий учебный курс / под ред. М., 2006. С. 183.
 2. Проблемы обеспечения безопасности свидетелей и иных лиц, содействующих уголовному судопроизводству // Актуальные проблемы предварительного расследования: сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. – Волгоград: ВА МВД России, 2013. Т.2.
 3. Проблемы правового регулирования обеспечения мер безопасности участников уголовного судопроизводства на предварительном следствии. // Права человека в национальном международном праве: сборник тезисов международной конференции 19 июля 2014 г. Санкт-Петербург: Фонд развития юридической науки, 2014.
 4. Проблемы оперативного документирования преступлений, совершаемых в сфере оборота драгоценных металлов и камней и способы их устранения // Право и государство: теория и практика. 2013. № 9.(105).; Преступления в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и камней. Особенности производства отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования данных преступлений // Закон и право. 2011. №10. С. 69 – 72; Преступная группа – необходимая составляющая криминалистической характеристики комплексной методики расследования преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2010. №12. С. 135 – 137; Типичные следственные ситуации и организация расследования преступлений в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 1 (28) С. 109 – 114;
- Криминалистика: учебно-метод. пособие. Тамбов-Липецк, 2014. 420 с.;
Правоохранительные органы: учебник для вузов / под ред. А.В. Ендольцевой, И.И. Сыдорука [авторы:
]. М.: Юнити-Дана, 2013. С. 126.
5. Расследование незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: правовые и криминалистические аспекты: учебное пособие. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003.

© И.В. Макогон

	Aleksandra Malygina
Адъюнкт кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России	Associate Professor of Chair of Criminal Law of Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

GENERAL PRINCIPLES OF APPOINTMENT TO A PERSON RECOGNIZED AS ADDICTED TO DRUGS

Abstract: The article considers question imposing punishment a person

medical and (or) social rehabilitation.

Keywords: Patient with drug addiction, drug addiction treatment, general principles imposing punishment, deferment of sentence.

Наркотизация общества представляет прямую угрозу национальной безопасности России. Согласно информационно-аналитической справке Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков на конец 2013 года количество лиц, регулярно и эпизодически употребляющих наркотики, оценивалось в 8 млн. человек, что составляет около 5,6 % от всего населения России [1].

По статистическим данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации за первое полугодие 2014 года всего осуждено 331 822 человека [2]. Из них пожизненное лишение свободы назначено 35 осужденным, лишение свободы – 99575, условное осуждение к лишению свободы – 92925, содержание в дисциплинарной воинской части – 85, ограничение свободы – 11707, ограничение по военной службе – 81, исправительные работы – 34132, обязательные работы – 31159, лишение права занимать определенные должности, заниматься определенной деятельностью – 106, штраф –

48757, условное осуждение к иным мерам – 9323, конфискация имущества - 461. При этом за первое полугодие 2014 года определено лечение от алкоголизма, наркомании, токсикомании, у психиатра 2 867 осужденным.

Из данной статистики видно, что Судебный департамент, предоставляя общие сведения о состоянии судимости в России, категории больных не разделяет. Таким образом, определить, сколько было выявлено больных наркоманией, которым по судебному решению назначено лечение и медицинская и (или) социальная реабилитация, не представляется возможным. Однако на официальном сайте Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации представлены данные за совершение каких видов преступлений осужденным определено лечение от алкоголизма, наркомании, токсикомании, у психиатра.

Так, за первое полугодие 2014 года определено лечение от алкоголизма, наркомании, токсикомании, у психиатра за совершение убийства 29 больным осужденным, за убийство при отягчающих обстоятельствах – 11, за иное посягательство на жизнь – 7, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека – 138, умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью – 112, умышленное причинение легкого вреда здоровью и побои – 22, за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности – 80 [2]. Особое внимание необходимо обратить на количество больных алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, психически, осужденных за совершение преступления против собственности, которым судом назначено лечение. За совершение преступлений, предусмотренных статьями 158-168 УК РФ, определено лечение 834 осужденным, а именно осужденным по ч. 1 статьи 158 УК РФ – 74 больным, по ч. 2-3 статьи 158 УК РФ – 469, по ч. 4 статьи 158 УК РФ – 1, ч. 1 статей 159-159.6 УК РФ – 7, ч. 2 статей 159-159.6 УК РФ – 10, ч. 1 статьи 161 УК РФ – 61, ч. 2 статьи 161 УК РФ – 105, по статье 162 УК РФ - 28. За незаконные действия и нарушения правил обращения с наркотическими средствами, психотропными и сильнодействующими веществами (статьи 228-234 УК РФ) определено лечение от алкоголизма, наркомании, токсикомании, у психиатра 1453 осужденных.

Из статистических данных Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации следует, что наибольшее количество лиц, больных алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, психически, обязано пройти лечение за совершение преступлений против собственности и в сфере незаконного оборота наркотиков. Мы можем предположить, что указанные преступления совершаются больными наркоманией. Так как зачастую больные наркоманией с целью получения материальных средств для приобретения новой дозы совершают кражи, грабежи, разбои, а также

нарушают правила обращения с наркотическими средствами, психотропными и сильнодействующими веществами.

С целью осуществления антинаркотической политики в Российской Федерации принят ряд нормативно-правовых актов, в частности, касающихся лечения больных наркоманией. Так, Федеральным законом от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в УК РФ введена статья 82¹ «Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией» [3]. В соответствии с данной статьей больному наркоманией, который осужден к лишению свободы за совершение впервые преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231, ст. 233 УК РФ, и изъявил желание добровольно пройти курс лечения от наркомании и медико-социальную реабилитацию, суд может отсрочить наказание в виде лишения свободы. Отсрочка отбывания наказания предоставляется до окончания лечения и медико-социальной реабилитации лица, признанного больным наркоманией, но не более чем на пять лет. Таким образом, с 2012 г. по настоящее время в УК РФ действует статья, предусматривающая добровольное лечение.

Федеральный закон от 25 ноября 2013 года № 313-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации» ввел статью 72¹ УК РФ «Назначение наказания лицу, признанному больным наркоманией» [4]. Согласно ей при назначении больному наркоманией основного наказания в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы суд может возложить на осужденного обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию. Лечение больных наркоманией в соответствии со статьей 72¹ УК РФ носит принудительный характер.

По уголовному закону Российской Федерации применение мер медицинского характера, а также прохождение медицинской и социальной реабилитации наказанием не является. В соответствии с положением статьи 1 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» «лечение больных наркоманией – комплекс медицинских вмешательств, выполняемых по назначению медицинского работника, целью которых является устранение или облегчение проявлений наркомании либо связанных с ней состояний, восстановление или улучшение здоровья, трудоспособности и качества жизни», «реабилитация больных наркоманией – комплекс мероприятий медицинского, психологического и социального характера, направленных на полное или частичное восстановление нарушенных вследствие потребления наркотических средств или психотропных веществ без назначения

врача функций пораженного органа либо системы организма и (или) компенсацию утраченных функций, а также максимально возможное восстановление и (или) формирование социальных навыков и навыков психологической устойчивости» [5]. В связи с чем, больному наркоманией за совершение преступления в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений назначается наказание, виды которого предусмотрены статьей 44 УК РФ [6].

При назначении наказания лицу, признанному больным наркоманией, судья руководствуется в первую очередь положениями, закрепленными в главе 10 УК РФ [6]. Статьей 60 УК РФ предусмотрены общие начала назначения наказания, согласно которым наказание должно быть справедливым и назначенным в пределах, предусмотренных УК РФ, с учетом положений Особенной части. Баранова Е.А. отмечает, что общие начала назначения наказания являются исходными правилами, которых придерживается суд при избрании наказания за совершенное преступление [7, С. 14]. При этом наказание должно быть законным, справедливым и индивидуализированным. Так, согласно ч. 3 статьи 60 УК РФ при назначении наказания должны быть учтены характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного, обстоятельства смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи [6].

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2009 года № 20 "О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания" разъясняет общие начала назначения наказания [8]. В частности, Пленум Верховного Суда Российской Федерации обращает внимание на необходимость учитывать сведения личности виновного. К ним он относит такие данные, как имеющие юридическое значение в зависимости от состава совершенного преступления, установленных законом особенностей уголовной ответственности и наказания отдельных категорий лиц, а также и иные характеризующие личность подсудимого сведения, которыми располагает суд при вынесении приговора. Цепляева Г.И. отмечает, что «...к сведениям личности, имеющим юридическое значение при назначении наказания, относятся данные о возрасте, поле, должностном положении, не только о юридическом, но и о фактическом семейном положении или семейном статусе, инвалидности, наличии или отсутствии работы, имущественном положении и иных указанных в законе обстоятельствах» [9, С. 11]. При этом данный ученый акцентирует внимание на то, что все данные должны учитываться с точки зрения возможностей личности к исправлению, а также нанесения наименьшего вреда для членов семьи. Полагаем, что к таким

сведениям может быть отнесено и наличие у осужденного болезни «наркомания». Хотя лечение не преследует цели исправления лица, совершившего преступление, а направлено на оказание такому лицу необходимой медицинской помощи [10, С. 433], назначение мер медицинского характера и медицинской и социальной реабилитации осужденному, признанному больным наркоманией, по нашему мнению, необходимо.

Встает вопрос об эффективности лечения такого больного. Мы считаем, что в УК РФ необходимо ввести следующее положение: суд при вынесении приговора и назначении лечения от наркомании, в соответствии со статьей 72¹ УК РФ, должен учитывать тот факт, подвергался ли осужденный ранее принудительному лечению и реабилитации. Не целесообразно повторно подвергать принудительным мерам медицинского характера наркомана, который прошел курс лечения, медицинскую и (или) социальную реабилитацию. При этом отсутствие положительного результата при лечении больного наркоманией в соответствии со статьями 72¹ УК РФ должно содержаться в заключении медицинской комиссии. При проведении исследования 72% анкетированных сотрудников органов внутренних дел МВД России и 50% сотрудников уголовно-исполнительной инспекции ФСИН России считают, что необходимо повторно возлагать обязанность пройти лечение и медицинскую и (или) социальную реабилитацию по ст.72¹ УК РФ на лицо, признанное больным наркоманией, которое ранее проходило курс лечения и медицинскую и (или) социальную реабилитацию. По нашему мнению, лицо, совершившее вновь преступление и признанное больным наркоманией после прохождения им курса лечения и медицинской и (или) социальной реабилитации, подобно рецидивисту подлежит более суровому наказанию с целью его исправления.

Милюков С.Ф. отмечает: «Нормы и институты уголовного права должны не декларативно, а реально обеспечивать реализацию принципа справедливости на базе последовательной дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания с тем, что более опасные, профессиональные преступники не оказались (как это нередко бывает) в более выгодном льготном положении, нежели менее опасные, «случайные» преступники» [11, С. 277].

Таким образом, при назначении наказания больному наркоманией судья должен руководствоваться положениями, закрепленными в главе 10 УК РФ, при этом учитывать характер и степень общественной опасности преступления, а также личность виновного – больного наркоманией.

Список цитируемой литературы:

1. Информационно-аналитическая справка о наркоситуации в Российской Федерации и результатах борьбы с незаконным оборотом наркотиков в 2013 году. // Официальный сайт Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков. – URL.: <http://fskn.gov.ru/pages/main/prevent/3939/4052/index.shtml>.
2. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за первое полугодие 2014 г. № 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания» // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. – URL.: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=586>.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон, 07.12.2011 г., № 420-ФЗ // Российская газета. – 2011. - № 5654.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон, 25.11.2013 г., № 313-ФЗ // Российская газета. – 2013. - № 6243.
5. О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон, 8.01.1998 г. № 3-ФЗ // Российская газета. 1998. № 7. 15 января (с изм. Федерального закона от 3.02.2015 г. № 7-ФЗ)
6. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон, 13.06.1996 г., № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. –1996. - № 25. – Ст. 2954 (с изм. Федерального закона от 8.03. 2015 г. № 40-ФЗ, № 45-ФЗ).
7. Назначение наказаний: Курс лекций. Вологда: ВИПЭ ФСИН России. 2013. 78 с.; Уголовное право. Общая часть: учебно-метод. пособие / под ред. [авторы:

]. М.: Юнити-Дана, 2015. 271с.; Правоохранительные органы: учебник для вузов / под ред. [авторы:

]. М.: Юнити-Дана, 2013. С. 216.
8. О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, 29.10.2009 г., № 20 // Российская газета. - 11.11.2009. - № 211.
9. Комментарий к постановлению Пленума Верховного суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания» от 29 октября 2009 года № 20 с изменениями, внесенными Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 года № 31 /

– СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2011. 60с.
10. Специальные правила назначения наказания и мер уголовно-правового характера: монография. – М.: Юрлитинформ. – 2012. –520 с.
11. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа: монография. СПб.: СПБИНВЭСЭП, Знание, 2000. 279 с.;

Борьба с половыми преступлениями средствами электронного мониторинга подконтрольных лиц: анализ опыта США // Право и государство: теория и практика. 2014. №2 (110). С. 121 – 125.

© А.А. Малыгина

преступлений совершается организованно в группе лиц (57%), рассмотрим краткую криминалистическую характеристику преступных групп, совершавших кражи ДМДК. Исследованию было подвергнуто 100 преступных группировок, совершивших преступления по предварительному сговору и организованной группой.

Прежде всего, нас интересовала их криминальная активность. При этом удалось установить, что в среднем по одному эпизоду преступлений, до момента разоблачения, было совершено 52% групп. По 2-3 эпизода преступлений, соответственно – 32%, а четыре, и более эпизодов – 16%.

Дифференциация групп, совершавших хищения драгоценных металлов и камней, в зависимости от количества участников, следующая: в составе 2-х человек – 50 %; 3-х человек – 30 %; 4-х человек – 12 %; 5-ти человек – 5%; в составе 6-ти и более человек – 3%. Большинство - (68 %) участников группировок были соисполнителями, 10% – организаторами. В структуре групп в ряде случаев выделялись соучастники, занимавшиеся подготовкой преступлений (подыскивали объекты преступной деятельности, предлагали приемлемый способ совершения преступления, выводили из строя ограждения промывочных приборов в артелях, производили иные подготовительные действия), они составили 22%.

Работники обогатительного производства составляли основу таких групп – 52%, - работники предприятия и посторонние лица (смешанные группы) – 27%, и лица, не имеющих отношения к основному производству – 21%.

В группировки входили лица разных национальностей, при этом русские составляли – 45%, украинцы – 20%, армяне – 15%, ингуши – 10%, татары – 5%, саха (якуты) – 5%. Ранее не судимые – 69%, мужчины (94%) составляли основу групп, судимые (в основном, за совершение преступлений средней тяжести в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней и неосторожные преступления) составляли чуть больше трети – 31%, злоупотребляли алкоголем – 15%. В группировки входили только взрослые лица в возрасте от 18 до 24 лет 15%; от 25 до 29 лет – 45%; от 30 до 49 лет – 13%; 50 лет и старше – 2% [1].

Имели семью и состояли в браке – 77 %. Уровень образования лиц, совершивших преступления в группе был следующий: неполное среднее имели 6% лиц; среднее и среднее специальное – 67%; неполное высшее и высшее – 27%. Основным мотивом преступления был корыстный – 98%, иной (по просьбе друзей, под угрозой и т.п.) составил всего лишь – 2%.

Криминалистическая характеристика групп, совершавших незаконный оборот драгоценных металлов и драгоценных камней и незаконное предпринимательство в указанной сфере.

Активность таких групп проявлялась следующим образом: совершили один эпизод преступной деятельности – 25%; по 2-3 эпизода – 40%; четыре и более эпизода – 35%.

Из 100 преступных групп, подвергнутых анализу, большинство (75%) состояло из 2–3 человек; по 4 человека входило в – 14% групп; соответственно по 5 человек в – 6% групп; 6 и более человек составляли основу 5% групп. Группы были смешанными (состояли, как из работников предприятий, бывших работников обогатительного производства, так и работников других предприятий, безработных) – 45%; каждая третья группа (30%) состояла из лиц, не имеющих отношения к основному производству; и каждую четвертую группу (25%) – входили только работники основного производства. Состав группы образовывали 80% соисполнителей и, соответственно, по 10% организаторов и пособников. Национальный состав групп был следующий: ингуши составляли 45%; русские – 25%; армяне – 15%; украинцы – 10%; саха (якуты) – 5%. Основу составляли ранее не судимые – 85% мужчины – 98%, из которых злоупотребляли алкоголем только 5%. Были семейными – 72% лиц. Имели высшее и неполное высшее образование 75% лиц; среднее и среднее специальное образование – 20%[2]; неполное среднее – 5%. Дифференциация по возрасту следующая: от 18 до 24 лет – 5%; от 25 до 29 лет – 15%; от 30 до 39 лет – 45%; от 40 до 49 лет – 30%; 50 и более лет – 5%. Совершили преступления с корыстным мотивом – 98% лиц.

Из приведенного анализа видно, что небольших по численности группировок, в составе которых находилось по 2-3 человека большинство. Такие группы можно назвать традиционными. Организация преступной деятельности в них незначительна. Формой соучастия в совершении преступлений выступает соисполнительство, при котором каждый из участников выполнял объективную сторону конкретного состава преступления.

По месту действия группы можно разделить на: местные, региональные, межрегиональные, транснациональные[3].

Местные группировки занимались в основном скупкой похищенных драгоценных металлов или драгоценных камней в местах добычи драгоценного сырья (горных поселках, небольших шахтерских городках и т.п.).

Региональная преступная группа формируется с целью постоянного осуществления преступной деятельности на территории определенного региона и полностью его контролирует.

Как показывает практика, группы большой численности более продуктивны, так как в них легче всего организовать взаимозаменяемость отдельных членов, проще распределить между ними обязанности, более сильным оказывается групповое давление на личность. К такому типу группировок относится межрегиональная

преступная группа, деятельность которой распространяется на несколько регионов. В данном случае речь идет о постоянно функционирующей организованной преступной группе.

В Якутии, с середины 70-х годов XX века армянской диаспорой был налажен канал скупки и транспортировки в Армению промышленных алмазов. Этот канал действует и в настоящее время, но поскольку после распада СССР Армения стала самостоятельным государством, данный нелегальный бизнес приобрел характер транснационального[4]. Небольшие по численности группировки (по 2-3 человека) действуют по всей Якутии и Восточной Сибири. Сами они не совершают хищений золота и драгоценных камней с промышленного производства или золотопромышленных артелей, но имея легальный бизнес (автомастерские, ювелирные магазины, ломбарды, строительные фирмы и т.п.), действуют под «крышей», занимаясь скупкой драгоценного сырья. В Иркутской и Читинской областях, они скупают самородное золото с приисков и у воров. В советское время армяне в небольших поселках и городах Якутии работали сапожниками в собственных мастерских. Это уже тогда была легальная «крыша» их нелегальной деятельности. Преимущества такой работы были очевидны, во-первых, они все были трудоустроены, то есть не являлись субъектами ст. 209 УК РСФСР, согласно которой уголовному преследованию подвергались тунеядцы; во-вторых, у них был свободный график работы, то есть в течение рабочего дня они могли отлучаться с работы, заниматься скупкой драгоценной продукции или уезжать на короткое время к себе в Армению, переправляя очередную партию драгоценных камней или драгоценных металлов.

Незаконным оборотом драгоценных металлов и драгоценных камней в больших масштабах занимаются организованные преступные группировки, имеющие выход за рубеж.

Большое количество золота и драгоценных камней вывозится преступниками контрабандным путем с территории Российской Федерации в страны Европы и Ближнего Востока[5].

Причем, как только, вывезенный таким путем «товар» легализуется в Европе или, скажем, в Турции, то привлечь к ответственности исполнителей этого преступления невозможно, поскольку национальное законодательство целого ряда стран Европы не предусматривает уголовную ответственность за незаконный оборот драгоценных металлов и драгоценных камней. Легализацию драгоценного сырья обычно осуществляют местные ювелиры и специалисты-геммологи, которые изготавливали на каждый драгоценный камень или самородок драгоценного металла – сертификат с оценкой его стоимости. После этого камни и самородки можно было вполне легально продавать в соответствующих магазинах или использовать в ювелирных мастерских.

Директор Межрегионального института ООН по проблемам преступности Л. Шелли, отмечает, что «транснациональная организованная преступность будет становиться для политиков определяющей проблемой XXI века, какими были холодная война для XX и колониализм для XIX веков»[6].

В настоящее время соглашения о сотрудничестве в борьбе с транснациональной преступностью заключены между МВД России и, соответствующими подразделениями стран: Италии, Кипра, Австрии, Венгрии, Франции, Румынии, Монголии, Турции, Польши, Китая, Болгарии, Канады, Вьетнама, Македонии, Швеции [7], а также некоторыми странами бывшего СНГ: Белоруссией, Казахстаном, Киргизией, Арменией, Молдовой, Туркменией, Таджикистаном [8, с. 31].

По степени организации преступные группы, совершающие преступления в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней можно представить следующим образом. Небольшие по численности группировки, образуют основание или первую нишу некой «пирамиды» организованной преступности [9]. Подчас они непосредственно не связаны с какими-либо организованными группами и, казалось бы, функционируют самостоятельно, тем не менее, постоянно находятся в поле зрения последних. ОПГ старается «подмять» под себя малые группы. В данном случае речь идет о группах, сформированных стихийно на основе общих интересов, совместного отдыха, в дальнейшем у них появляется общая цель – извлечение материальной выгоды преступным путем. Можно выделить следующие признаки, присущие данному виду групп: а) формируются в результате совместного времяпрепровождения; б) состоят в основном из двух – трех человек, как правило, взрослых мужчин молодого возраста (от 25 – 39 лет). Самые тесные контакты обычно складываются в группе из двух человек – это эмоциональные межличностные отношения.

В группе из трех человек, отношения изменяются, становясь отчужденными [10, с.157]. На первое место выдвигаются связи и отношения, имеющие объективный характер, то есть сугубо деловые, связанные с совершением преступлений, а эмоционально-личностные носят подчиненный преступной деятельности характер [11, с.16]. Исключением являются группы, в которых участники были друзьями детства. В таких группах либо не образуется четко выраженный лидер, либо он есть, но прислушивается к мнению друзей, и редко принимает решения, не согласовав свои действия с ними. Занятие преступной деятельностью в группе постепенно становится основным, приносящим постоянный доход каждому его члену. Члены группы быстро привыкают к легкому незаконному получению материальных благ с помощью преступной деятельности, что приводит с одной стороны к полной зависимости от такого источника

дохода и требует совершения новых преступлений, с другой ведет к преступной профессионализации; в) радиус действия ограничен районом проживания и близлежащими районами; г) в группах отсутствует четкая иерархия, может отсутствовать ярко выраженный лидер; д) состав группы может периодически меняться; е) у членов группы отсутствуют преступные навыки (по этой причине их достаточно быстро выявляют оперативные службы); ж) у представителей данных групп в начале деятельности отсутствует единый источник сбыта, однако он постепенно формируется и, если их не выявляют ранее, они становятся постоянными «поставщиками» драгоценных металлов и драгоценных камней ОПГ; з) степень организации минимальная – в основном участники таких групп являются соисполнителями преступлений.

Если организованная преступная группа занимается скупкой драгоценных металлов или драгоценных камней, она диктует свои цены на нелегальном рынке. Участники малых групп вынуждены ей подчиняться, иначе идут в ход «репрессии» со стороны ОПГ в отношении как отдельных скупщиков и расхитителей драгоценных металлов и драгоценных камней, так и членов их семей или близких родственников. За право заниматься нелегальным «бизнесом» или покровительство («крышу») малые группировки вынуждены платить ОПГ своеобразную долю золотом или денежными суммами, которые идут на содержание группы и в «общак». Средства из «общака» идут на подкуп представителей правоохранительных органов и местной администрации, на организацию легального бизнеса, на оплату адвокатам, поддержку семьям лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы и т.п.

Вторую нишу занимают группировки большей численности (4-6 человек), которые состоят из этнических семей (ингушей, чеченцев, армян). Степень организации таких групп выше, чем предыдущих, они действуют по предварительному сговору. Руководство осуществляется, как правило, главами семей или старшими. От них в ОПГ поступают значительные суммы. Лидеры таких группировок обычно известны авторитетам ОПГ, до них при необходимости доводят наиболее важные решения сходов ОПГ, тем не менее, держат на расстоянии от организационного ядра ОПГ.

Следующий – третий этаж занимают собственно организованные преступные группировки, составляющие «ядро» организованной преступности. Именно они организуют «нелегальный бизнес по-крупному». Как правило, в их состав входят группы исполнителей, боевиков, держатели «общака», «адвокаты-консультанты», собственно организационное ядро или авторитарный лидер. Они занимаются стратегическим и тактическим планированием преступной деятельности на контролируемой территории. Такие группировки имеют разные уровни.

Третий уровень включает устойчивые группы, совершающие хищения государственного имущества в сфере экономики. Такие группировки существуют, например, в сфере горнодобывающего, обогатительного и аффинажного производства. Назовем их «промышленными». Характерной их особенностью является то, что они многонациональные, в их состав постепенно вовлекаются все члены производственной бригады, занятой, к примеру, добычей самородного золота в артели или литьем слитков драгоценного металла в процессе аффинажного производства на предприятии. Так, в Магаданской области преступные группы, называемые «летучими бригадами», состоящие из геологов, бывших мастеров добывающего производства, рабочих, под видом изыскательских работ, осуществляют незаконную разработку заброшенных месторождений золота в тайге.

Это группы, возглавляемые бывшими горными инженерами, мастерами производства, геологами, то есть профессионалами своего дела, нередко, с высшим образованием, знающими горное дело и хорошо разбирающимися в драгоценных металлах (камнях). Для таких группировок характерен профессионализм во всем: в геологоразведке драгоценных металлов (камней), в их профессиональной безопасной добыче и первичной обработке, доводке до «готовой продукции».

Для нелегальной разработки месторождений золота в тайге они иногда набирают в качестве подсобных рабочих китайцев, которые трудятся за небольшую долю золота [12, с. 58].

Такая организованная преступная группа формируется: а) с целью занятия преступной деятельностью (члены группы могут сами похищать драгоценный металл или драгоценные камни, добывать их незаконно в заброшенных шахтах, месторождениях в тайге и т.п.); б) состоит из трех и более лиц, взрослых мужчин до 30 – 40 лет; в) в группу входят лица, обладающие профессиональными знаниями и навыками в области горного дела и обработки драгоценных металлов и драгоценных камней (действующие или бывшие работники обогатительных предприятий, геологи, мастера, рабочие и др.); г) в группе имеется четко выраженный лидер – это лицо мужского пола, от 30 до 45 лет; д) имеется оптимальное распределение ролей – одни совершают изъятие драгметаллов и камней из обогатительных приборов или с аффинажного производства, другие занимаются их выносом с охраняемой территории (это могут быть и представители охраны предприятия), добычей и незаконной переработкой, хранением драгоценного металла или драгоценных камней, третьи – реализацией драгоценных металлов и драгоценных камней в регионе (как правило, сами не осуществляют перевозку драгоценной продукции в другие регионы страны); е) могут заниматься добычей драгоценных металлов и камней не только в летнее время, но и зимой,

поскольку обладают знаниями и умением организации незаконной добычи в разных условиях; ж) состав группы стабилен; з) вырабатываются свои нормы поведения и ценностная ориентация, ужесточается дисциплина и ответственность за допущенные ошибки. Это ведет к профессионализации преступной деятельности, содержащей три основных признака: «1) устойчивый вид преступного занятия – хищения, незаконный оборот драгоценных металлов и драгоценных камней (специализация), незаконное предпринимательство в этой сфере; 2) определенные познания и навыки в горном деле и минералогии, а также способах хищений, незаконного оборота драгоценных металлов и драгоценных камней (квалификация); 3) постоянный доход, получаемый от преступной деятельности»[13, с. 40].

Четвертый уровень образуют смешанные преступные группы, имеющие коррумпированные связи в государственных органах. Это, как правило, смешанные этнические группы, состоящие из целых родовых кланов (объединений нескольких семей, занимающихся нелегальным бизнесом), объединенные с промышленными группировками. Они устойчивы, специализируются сразу на нескольких направлениях нелегальной деятельности (например, скупке драгоценных металлов и драгоценных камней в местах добычи, перевозке их в центральные регионы страны или за рубеж). Структура такой группы более совершенна и может состоять из нескольких взаимосвязанных звеньев: организатор, «телохранители» - лица, осуществляющие прикрытие не только лидера, но и всей группы; «спецы» или «профи» - профессионалы, осуществляющие непосредственную добычу или хищение драгоценных металлов и драгоценных камней; «курьеры» - водители, перегоняющие автомобили, начиненные драгоценными металлами или драгоценными камнями, из одного региона в другой; «сбытчики» - люди, занимающиеся поиском покупателей и продажей драгоценных металлов и драгоценных камней. Количественный состав группы может варьироваться от 4-х, 6-ти, до 15 и более человек. Группа стремится к постоянному развитию и приобретению новых связей с другими преступными группировками. Для такой группы характерно следующее: а) группа входит в какое-либо преступное сообщество; б) ее деятельность распространяется на несколько регионов и имеет тенденцию к расширению; в) в состав группы входит несколько подгрупп, имеющих узкую специализацию (например, одни занимаются только хищениями драгоценных металлов (камней) с предприятий обогащения, другие – переправляют похищенное в различные регионы страны, третьи – осуществляют реализацию похищенного и т.п.; г) структура группы может состоять из нескольких взаимосвязанных звеньев, которые могут находиться на значительном расстоянии друг от друга; д) группе присуща иерархия;

е) преступная деятельность является профессиональной; ж) существуют коррумпированные связи с правоохранительными органами; з) присутствует взаимодействие с другими преступными группами или транснациональными организованными группами. Малые группы, входящие в состав указанных группировок, занимаются перевозкой драгметалла из Сибири на Кавказ. Перевозка осуществляется в легковых или грузовых автомашинах, в специально оборудованных тайниках, наполненных промышленным золотом (такую автомашину готовят заранее в автомастерских, заполняя полые отверстия рамы золотым песком). Обычно, в машине находятся два человека, оба водителя, которые работают посменно. Если перевозят значительный по объему и стоимости груз, то может следовать тем же курсом машина прикрытия. Это автомашина аналогичной модели, года выпуска и цвета. Прикрытие вступает в действие тогда, когда основную автомашину, везущую золото, несколько раз по пути следования останавливают работники ГИБДД или полиции. Тогда первой идет машина прикрытия, которой переставляют номера от основной машины, меняют пакет документов и водителя. Таким образом, по трассе работники полиции «сопровождают» уже пустую автомашину.

Кроме того, группа прикрытия, состоящая из 2-3-х человек, обычно бывает вооружена и может самостоятельно вступать, в любой конфликт, в том числе – вооруженный с сотрудниками полиции, для того, чтобы основная автомашина, перевозящая золото, беспрепятственно следовала к месту назначения [14].

Группировка может делиться на отдельные подгруппы, что позволяет ей сохранить себя при увеличении численности и свидетельствует о динамичности количественного признака преступной группы [15, с. 121-122]. Это характерно для этнических групп, занимающихся незаконным оборотом драгоценных металлов и драгоценных камней.

В ингушских группировках, действующих в Магаданской и Иркутской областях, Хабаровском и Приморском краях, существует четкое разделение ролей: одни участники занимаются только скупкой золота у старателей или «летучих бригад» и воров, похищающих драгоценный металл, с предприятий и заброшенных шахт (составы групп обычно по 2-3 человека), другие заняты перевозкой золота через всю страну в Закавказье (группы численностью 3-4 человека). Основой организации таких групп является «нелегальный семейный бизнес». В группировках соблюдаются национальные обычаи, свойственное мусульманам: уважение к старшим, полный отказ от спиртного (вместе с тем употребляют «легкие» наркотики, такие как марихуана, гашиш, план), строго следуют религиозным и национальным обрядам. В состав малых групп входят только члены семьи или родственники. Такие группы занимаются незаконной

скупкой промышленного золота (золотого песка, самородков). Для этой цели они содержат сеть скупочных пунктов драгметаллов (ломбардов), автомастерские по ремонту машин, спортивные клубы (особенно борцовские), имеют частные транспортные и охранные компании, лицензии на право ношения и хранения оружия. Собственные транспортные и охранные фирмы используются для нелегальной транспортировки драгоценных металлов и драгоценных камней. Эти группы, несмотря на отдаленность проживания от Ингушетии, сохраняют постоянные связи с родовыми кланами, проживающими на Родине. Используя общность языка и обычаев, они умело ограждают себя от действий правоохранительных органов. В частности, представляет большую сложность внедрение в такие группировки конфиденентов. Пользуясь компактным проживанием (традиционно семьи многочисленны и в поселках их проживает подчас значительное количество), они выдвигают своих представителей в администрацию, возглавляя, таким образом, местное самоуправление. Нередки случаи выдвижения их представителей в депутатский корпус. В свою очередь, такие властные структуры обеспечивают надежную «крышу» незаконному бизнесу. Это особенно характерно для регионов Магаданской области и Хабаровского края.

Пятый уровень, находящаяся на вершине пирамиды преступная организация или сообщество – объединение ряда ОПГ (иногда несколько десятков) в одну преступную организацию, имеющую функционально – иерархическую структуру управления, означающую упорядоченность организации преступной группы в процессе совершения преступлений, оптимизацию действий, направленных против ее разоблачения [16, с.52].

Так, при расследовании хищений золота на Приокском аффинажном заводе к уголовной ответственности были привлечены 120 человек. Доказано хищение свыше 300 кг золота, у преступников изъято более 90 кг драгметалла, свыше 200 тыс. долларов США, около 1 млрд. рублей, 40 автомашин, восемь единиц огнестрельного оружия. На заводе, в условиях строжайшей конспирации действовало более 10 организованных преступных групп с четким распределением ролей. Каждая из них имела канал сбыта золота, в том числе в страны ближнего зарубежья. Деятельность групп проходила под прикрытием преступных группировок Москвы и Московской области. Преступные группы состояли от 5-6, до 10 – 15 человек. В ходе расследования дела выявлены факты, когда в хищении золота участвовала вся смена работников участков электролиза, плавки и вспомогательных служб. Из общего числа обвиняемых 40 – 45% составили работники завода, 15% - военнослужащие, осуществляющие охрану объекта, 10% - руководители ОПГ, остальные – сбытчики и перекупщики золота из числа местных жителей. Выявленные преступные группы

совершении преступлений, а всего лишь способствуют их совершению.

Второй уровень занимает «среднее звено» организованной преступности. Это скупщики низкосортной руды, содержащей драгоценные металлы или камни. Скупают драгоценный концентрат у преступников первого звена, обогащают его, и, как правило, знают только одного или двух членов группировки, непосредственно продающих им по низкой цене драгоценные металлы или камни. Этот уровень функционирует как некий безопасный слой между конечным получателем продукции и полицией. В случае их задержания, они могут выдать SAPS – полиции, занимающейся выявлением преступлений в сфере оборота драгоценных металлов и камней, только одного-двух человек из низшего звена.

Третий уровень состоит из более профессиональных членов, называемых региональными покупателями. Они скупают обогащенную руду в своем регионе, и концентрат доводят до нужной более высокой степени очистки, таким образом, накапливают большие партии драгоценного товара, готового к реализации.

Четвертый уровень состоит из национальных предпринимателей, состоятельных членов общества, имеющих связи в крупном бизнесе и политических кругах. Они владеют транспортными компаниями, крупными предприятиями. Их контакты с высокопоставленными чиновниками, позволяют им поставлять незаконную драгоценную продукцию на мировой рынок, не привлекая к себе внимания властей и правоохранительных структур. У них хорошие связи с полицией, в которой они имеют «сити-информеров» (коррупцированных сотрудников), работающих на них.

Пятый уровень – международные преступные группировки, находящиеся за пределами Южной Африки. Они покупают и перепродают крупные оптовые нелегальные партии драгоценных металлов и камней, имеют каналы отмыывания доходов, полученных от незаконной деятельности. Их преступная деятельность мало кому известна, по этой причине ее выявление является наиболее сложной задачей. Этот уровень имеет высокую степень организации, действует в качестве законного бизнеса. Большинство членов группировки являются политически и экономически влиятельными людьми в своих странах, депутатами парламентов, что исключает возможность привлечения их к уголовной ответственности [20].

Как видно из приведенного анализа организованной преступности России, и ЮАР в сфере оборота драгоценных металлов и камней – структура представленных на схемах пирамид сходна. Особенно это сходство проявляется в классификации по месту действия группировок. Разумеется, в каждой из составляющих частей пирамид имеются свои «национальные черты» (например, для ЮАР характерно, обогащение драгоценной руды участниками

организованной преступности второго и третьего уровней, в то время как в России это происходит, как правило, на первом-втором уровне; для России характерно участие в преступном бизнесе этнических и промышленных группировок, в ЮАР отсутствует такой признак, вместе с тем в группировках, занимающих третий уровень – накапливаются большие оптовые партии драгоценного сырья, что, в свою очередь, нехарактерно для ОПГ России и т.п.).

Строение пирамиды организованной преступности характерно для ОПГ Магаданской, Иркутской области, Хабаровского и Приморского краев. На Урале и в Сибири и Якутии в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и камней этнические клановые группировки проявлялись слабо (в Якутии часть криминального бизнеса держит армянская преступная группировка). В этих регионах действовали в основном «промышленные» группы, в состав которых входили представители разных национальностей, причем представителей коренной национальности, например, в Якутии – саха (якутов) не было вовсе, либо они присутствовали в незначительном количестве и использовались на вспомогательных работах.

Зная структуру преступных организаций, можно эффективно противодействовать преступности в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней.

Список цитируемой литературы:

1. Особенности расследования хищений черного металла и (или) компонентов в металлургической промышленности: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. С. 61; Методика расследования преступлений в нефтяной и газовой отраслях промышленности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 244 с.; Особенности расследования хищений алмазов в горнодобывающей промышленности: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1997. 208 с.
2. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами (преступными организациями): дис. ... докт. юрид. наук. Барнаул, 2005. 504 с.
3. Такую классификацию групп можно назвать традиционной. Ее используют во многих научных работах, см., например, Хищения транспортных средств, совершаемые организованными группами: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011; Особенности расследования угонов и краж автомобилей или иных транспортных средств: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. С. 69.
4. Понятие транснациональной организованной преступности получило нормативное определение в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, парафированной странами СНГ в период с 12 по 15 декабря 2000 г. в Палермо, см.: 21 век против мафии. М., 2001. С. 51 – 53.

5. О контрабанде драгоценных металлов и камней подробнее см.:
 Теория и практика расследования преступлений в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней: монография. Тамбов-Липецк, 2013. 353с.;
 К вопросу о криминалистической характеристике контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов – драгоценных металлов и драгоценных камней // Пробелы в Российском законодательстве. 2013. № 5. С. 217 – 219.;
 Особенности проведения осмотра места происшествия на таможне по делам о незаконном обороте драгоценных металлов и камней // Армия и общество. 2013. № 10 (31). С. 21 – 24.
6. Shelli L. Eradicating crime groups. // Foreign Service Journal. 1997. Sept. P. 19;
 см. также: . . . Указ. соч. 172; . . . Первоначальный этап раскрытия и расследования бандитизма: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
7. . Взаимодействие органов расследования в системе МВД России с правоохранительными органами иностранных государств. Тула, 2000. С. 23;
 см. также: Расследование организованной преступной деятельности. М., 2002. С. 151.
8. Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи. М., 2000. С. 31.
9. Структура организованных преступных групп, совершающих преступления в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и камней // Мир экономики и права. 2013. №9. С. 51 – 55; см. также:
 Криминалистическая характеристика преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2007. № 4. С. 117 – 118;
 Преступная группа – необходимая составляющая криминалистической характеристики комплексной методики расследования преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2010. №12. С. 135 – 137;
 Преступления в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и камней. Особенности производства отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования данных преступлений // Закон и право. 2011. №10. С. 69 – 72; Проблемы оперативного документирования преступлений, совершаемых в сфере оборота драгоценных металлов и камней и способы их устранения // Право и государство: теория и практика. 2013. № 9 (105). С. 101 – 104; О новых подходах в борьбе с преступностью в сфере оборота драгоценных металлов и камней // Перспективы науки. 2013. № 8. 206 – 207;
 Криминалистика: учебно-метод. пособие. Тамбов-Липецк, 2014. 420 с.; К вопросу о возникновении и становлении горного и уголовного законодательства в сфере оборота драгоценных металлов и камней в дореволюционной России // Мир юридической науки. 2013. № 9. С. 2 – 6.
10. Социология. М., 1994. С. 157.
11. Психологические аспекты преступных формирований и расследование совершенных ими преступлений. СПб., 1994.
12. Это характерно для Хабаровского края, где проживает до полумиллиона китайцев, см.: . Противдействие организованной преступности: учеб. пособие. М., 2003.
13. выделяет четыре признака профессиональной преступности, четвертый – связь с асоциальной средой, однако данный признак нехарактерен для указанных нами групп. См.: Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990.

14. Данные материалов подразделений оперативных служб УМВД России по Липецкой области, УМВД России по Приморскому краю, УМВД России по Хабаровскому краю.
15. Современная социология организаций. М., 1995.
16. Криминалистическая характеристика групп, в сфере организованной преступности: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Волгоград, 1992.
17. Указ. статья. С. 93.
18. Организованная преступность / . М., 1989. С. 30 – 31;
. Противодействие организованной преступности. М., 2003. 497с.
19. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990.
20. *Ben Coetzee, Rianna Horn*. The theft of precious metals from South African mines and refineries. Tshwane (Pretoria): Institute for Security Studies, 2006. P. 74.

© С.Л. Никонович

	Andrei Nikulenko
заместитель начальника кафедры уголовного права, кандидат юридических наук Санкт-Петербургский университет МВД России	head of the chair of of criminal law, Doctor of Law Sciences Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ABOUT THE RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION MODERNIZATION

Summary: the article outlines the trends in the development of criminal law at the present stage. Focus on the obvious shortcomings of the legislation. Disclosed potential criminal policy of Russia in the near future.

Keywords: criminal law, criminal policy, fighting crime.

Одной из наиболее явных глобальных угроз, которые беспокоят человечество, является преступность. Наличие этой угрозы всегда, на всех этапах развития общества и государства побуждало социум изыскивать эффективный инструментарий снижения или полного ее устранения. На решение подобной задачи были направлены интеллектуальные и материальные ресурсы. Не является исключением в этой сфере и проблема борьбы с преступностью в Российской Федерации, поскольку в современный период по не самым пессимистическим оценкам совершается 5,5-6 млн. преступлений ежегодно с учетом латентной составляющей. Эти пугающие цифры позволяют судить о масштабности того негативного социального явления, которое представляет собой преступность. Общество и государство всегда предпринимало усилия для объяснения подобной ситуации, ссылаясь на целый комплекс причин, однако это объяснение мало что дает для улучшения положения. Граждане ждут от своего государства действенных и результативных акций, которые бы обеспечили эффективный контроль и противодействие

преступности, ведущих к реальному понижению ее уровня до рамок естественного фона. Вот этой весьма масштабной и важной социальной задаче и подчинена уголовная политика государства. Современная наука и практика давно уже не ставит перед собой задач полного устранения либо искоренения преступности как опасного социального явления, поскольку весь опыт в этой сфере показывает, что такая задача не по силам. Причин тому бесчисленное множество. Обратимся к официальной статистике. Так, по данным МВД России, в 2013 году органами внутренних дел возбуждено 1761,5 тыс. уголовных дел. Ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 386 млрд руб., что на 44,2% больше аналогичного показателя прошлого года. Почти половину всех зарегистрированных преступлений (46,7%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 922,6 тыс. (-7,0%), грабежа – 92,1 тыс. (-16,3%), разбоя – 16,4 тыс. (-11,8%). За 2014 года зарегистрировано 2166,4 тыс. преступлений. В результате преступных посягательств погибло 35,0 тыс. человек (-4,6%), здоровью 52,6 тыс. человек причинен тяжкий вред (-0,4%). Ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 349,44 млрд руб. [1].

О недостоверности воспроизведенных сведений свидетельствует тот факт, что в 2013 г. только в органы МВД РФ поступило 28,35 млн(!) заявлений и сообщений, что на 7,5% больше, чем в предыдущем году, за 2014 г. уже 29,28 млн. заявлений, что 3,3% больше. При этом уголовных дел было возбуждено меньше в 2013 г. на 5,4%, за 2014 г. на 1,9%. Удручающая пассивность государства ярко проявляется в сфере выявления экономических преступлений – их число сократилось сразу на 18,4% (!), за 2014 г. сразу на 24,0% (!). Таким образом, следует констатировать, что вопросы безопасности общества не перестают быть актуальными и значимыми в современной России.

Обратим внимание, что по данным Генеральной Прокуратуры РФ за 10 месяцев 2014 года прокурорами выявлено 4,4 миллиона нарушений закона на стадии досудебного производства, то есть правоохранительными органами всех уровней и, прежде всего, полицией. Из них значительная часть - 2,9 миллиона допущены в рамках приема и рассмотрения сообщений о преступлениях [18].

Основным направлением деятельности Правительства РФ в сфере обеспечения безопасности граждан является предупреждение и профилактика преступлений против личности, в том числе и преступлений, посягающих на экономические интересы граждан.

В тоже время, должна завершиться работа по совершенствованию законодательства, направленная на предотвращение случаев необоснованного возбуждения уголовных дел в отношении лиц, ведущих хозяйственную деятельность. В

отношении правоохранительной и судебной практики должна быть исключена односторонняя оценка признаков преступлений экономической направленности, должен быть осуществлен отказ от игнорирования сведений, указывающих на невиновность либо меньшую степень ответственности привлекаемого лица [15].

Однако, как мы полагаем, многим преступникам удастся уйти от ответственности и избежать заслуженного наказания. Причинами этого выступает как низкая квалификация сотрудников правоохранительных органов, не дающая им возможностей раскрывать сложные экономические (так называемые, беловоротничковые) преступления, которые совершаются, в том числе, с использованием современных компьютерных технологий, позволяющих снимать денежные средства со счетов граждан в различных банках, нанося колоссальный ущерб банковской сфере и подрывая доверие к ней, так и несовершенство законодательства, в частности, уголовного.

Несмотря на глубокий кризис современного общества и государства, охвативший, в том числе и уголовную политику [2; 4; 5; 7], а также поразившую практически все сферы жизни общества, так называемую «матрицу преступности»: «Матрица сегодня представляется уже как система защиты и обеспечения криминальных интересов. Эта система включает организацию компаний по борьбе с преступностью с последовательным отводом острия атак от ее жизненно важных центров и перенацеливание их на правоохранительные органы в поисках «оборотней в погонах» или «коллег», нарушающих правила дорожного движения» [13, с. 22; 14].

Тенденции сегодняшнего дня говорят об отсутствии системности при внесении тех или иных поправок в законодательство, в том числе уголовное. Так, за последние 11 лет в УК было внесено более 700 поправок.

Российское уголовное законодательство состоит не из разрозненных законов – оно является кодифицированным, то есть еще более систематизированным (по сравнению с некодифицированными правовыми актами). Как раз в этом и заключается его преимущество – в системности и обоснованной взаимосвязи статей.

Внесение поправок в Уголовное законодательство РФ необходимо, жизнь на месте не стоит. Однако именно поэтому поправки не должны вноситься точечно, иначе кодекс начинает походиться на лоскутное одеяло и перестает служить поставленным перед ним целям. Так, недавно в Уголовный кодекс России включены новые экономические статьи. Прежде всего, мы имеем в виду ст. ст. 159¹-159⁶ УК РФ (однако в этой связи, нельзя не упомянуть о ст. 76¹ УК, введенной благодаря очередной политической компании и носящей явно популистский характер, так как воспользоваться ее «поощрительными» (кавычки наши –) нормами может только

человек, не умеющий считать) [19; 20; 21 и другие законы], что вызвало широкое обсуждение в научном сообществе [18; 6; 2].

Продолжают корректироваться нормы о половых преступлениях, преступлениях, причиняющих вред здоровью личности и многие другие (см.: Федеральные законы от 28.12.2013 № 380-ФЗ; от 21.07.2014 № 227-ФЗ; от 24.11.14 № 370-ФЗ и 371-ФЗ; принято новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»).

На слушаниях в Совете Федерации даже прозвучала идея ввести мораторий на поправки в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы [16].

По замыслу, поправки могут накапливаться и вноситься, скажем, один раз в год. Такая мера может позволить уберечь УК от противоречивых и бессистемных поправок.

По мнению профессора Ю. Тихомирова (институт Законодательства и сравнительного правоведения при правительстве РФ), «принятие законов в нашей стране стало носить характер снежной лавины. Только в весеннюю сессию Госдума приняла 259 законов. Однако беда в том, что значительная часть новых актов – это поправки в действующие законы. Особенно грешат этим кодексы. Уголовный кодекс оказался «в лохмотьях», а Кодекс об административных правонарушениях вырос более чем втрое. Наше законодательство начинает напоминать лоскутное одеяло, где поправки ложатся на поправки» [17].

Законодательная власть планирует в скором времени начать работу над новым Уголовным кодексом, хотя об этом говориться уже последние пять лет [2; 8; 9; 10; 11; 12;].

Предполагается, что поможет преодолеть существующую «законодательную гонку» недавно принятый Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», который предполагает тщательное прогнозирование предполагаемых действий государства, в том числе и в области законотворчества.

Очевидно, что законодатель должен, наконец, услышать призывы научного сообщества (или четко выполнять положения вышеуказанного закона) коренным образом изменить государственную политику в области уголовно-правового регулирования общественных отношений.

Ведь качество работы законодателя оценивается не продолжительностью времени, прошедшего с момента обнаружения недочета в законодательстве, до момента его исправления, а тем, насколько вновь принятый (измененный) закон лучше старого регулирует уголовно-правовые отношения, содействует усилению охраны общества, насколько новая (измененная) норма органично

вписывалась в существующую систему законодательства.

Таким образом, уголовное право реализует уголовную политику государства, в законах отражается эта политика. Меняется политика, и меняются законы. Наиболее резко меняется законодательство, когда в обществе, в государстве происходят не эволюционные, а революционные изменения, преобразования.

Список цитируемой литературы:

1. <http://mvd.ru>.
2. Экономические преступники – друзья или враги народа? // Уголовное право. 2013. № 3. С. 86-90.
3. О совершенствовании уголовного закона // Российская юстиция. 2009. № 5. С. 12-16.
4. Уголовная политика // Энциклопедия уголовного права. Т. 1 Понятие уголовного права. СПб., 2005. С. 4-142.
5. Крутые виражи отечественной уголовно-правовой политики. В чем их цель? // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии. М., 2009. С. 71–76.
6. Надвигающаяся финансово-экономическая катастрофа в ракурсе уголовно-правовой политики // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен. Материалы IX Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 29-30 мая 2014 г. / отв. ред. . – М.: Юлитинформ, 2014. С. 293 – 297.
7. Силовое противодействие преступному поведению: модернизация нормативной базы // Уголовное право. 2012. № 6. С. 41-47.
8. Некоторые направления уголовно-правовой политики в сфере силового противодействия преступности // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. №2 (6). С. 86-99.
9. О лжедемократизме российской уголовно-правовой политики // Демократизация правотворчества: доктрина, практика, техника / Юридическая техника. №8. Н. Новгород, 2014. С. 274-282.
10. Проблемы кодификации российского уголовного законодательства: новый Уголовный кодекс или новая редакция кодекса // Уголовное право. 2009. № 4. С. 44-48.
11. Перспективы уголовной политики в сфере законодательного закрепления новых обстоятельств, регламентирующих правомерное причинение вреда Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели // Материалы VII Российского Конгресса уголовного права 31 мая-1 июня 2012 г. М., 2012. С. 186-191.; Уголовное законодательство в системе законодательства Российской Федерации // Актуальные проблемы современного уголовного законодательства / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Волгоград: ВА МВД России, 2015. С. 25 – 28; Об особенностях производства по уголовным делам с участием иностранных граждан // Право и государство: теория и практика. 2014. № 12 (120). С. 128 – 133; Правоохранительные органы: учебник для вузов / под ред. А.В. Ендольцевой, И.И. Сыдорука [авторы:

Дана, 2013. С. 126.

]. М.: Юнити-

12. Соотношение отдельных положений Федерального закона «О полиции» и норм главы VIII Уголовного кодекса РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 3. С. 56-60.
Матрица преступности / под науч. ред.
М., 2006. С. 22; Борьба с половыми преступлениями средствами электронного мониторинга подконтрольных лиц: анализ опыта США // Право и государство: теория и практика. 2014. №2 (110). С. 121 – 125.
13. Криминология кризиса. М., 2009. – 240 с.
14. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года (утв. Председателем Правительства РФ 31 января 2013 г.). Текст официально опубликован не был.
15. Российская газета. 2013. 20 ноября.
16. Российская газета. 2014. 28 октября.
17. Интервью Ю. Чайки // Российская газета. 2015. 12 января.
18. «Реструктуризация» уголовного законодательства об ответственности за мошенничества // Уголовное право. 2013. № 2.
19. Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2012. 3 декабря.
20. Федеральный закон от 7.12.2011г. № 420-ФЗ // Российская газета. 2011. 9 декабря.
21. Федеральный закон от 21.12.2013г. № 365-ФЗ // Российская газета. 2013. 25 декабря.

© А.В. Никуленко

ГРНТИ 10.85.45
УДК 343.985.7

	Elena Popova
Старший преподаватель кафедры Уголовно-правовых дисциплин кандидат юридических наук	Senior lecturer of the Department of Criminal law disciplines Candidate of Juridical Sciences
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления	East-Siberian state University of technologies and management

**ABOUT NEED FOR CLARIFICATION OF THE VICTIM
RULES ON SPECIAL ORDER OF JUDICIAL DECISION-
MAKING (CHAPTER 40 OF THE CRIMINAL PROCEDURE
CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION) DURING THE
PRELIMINARY INVESTIGATION**

Abstract: based On the analysis of norms of the criminal procedure law, clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, representatives of the legal community comes to the conclusion about expediency of explanation to the victim of the special features of the proceedings under Chapter 40 of the Criminal procedure code of the Russian Federation on pre-trial stages of criminal proceedings.

Как совершенно верно отметил Х.М. Хупсеренов, законодатель, указав согласие потерпевшего, как одно из обязательных условий рассмотрения дела в особом порядке, не указал, в какой стадии, и каким образом он такое согласие может дать - законодатель в УПК РФ не предусмотрел четкой процедуры выявления позиции потерпевшего относительно ходатайства обвиняемого о применении особого порядка судебного разбирательства [1, 18].

По мнению некоторых ученых, точка зрения которых приводится ниже, обязанность по выяснению позиции потерпевшего относительно рассмотрения уголовного дела судом в особом порядке, а также разъяснение специфики этого правового института должна возлагаться на суд. Это связано с тем, что согласие потерпевшего на рассмотрение уголовного дела в порядке гл. 40 УПК РФ в соответствии с Постановлением Пленума Верховного суда РФ от 5 декабря 2006 г. №60 является условием постановления приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке, а не условием применения особого порядка судебного разбирательства. Так, указывается, что «суду необходимо разъяснить потерпевшему или частному обвинителю сущность, порядок и последствия рассмотрения уголовного дела в соответствии с гл. 40 УПК РФ и убедиться путем опроса, что эти участники со стороны обвинения верно оценивают предъявленное подсудимому обвинение, а также характер и последствия избранной процедуры [2, 17-18]. Кроме того, потерпевшему необходимо разъяснить его права и особенности их реализации при рассмотрении уголовного дела в общем порядке [3, 11]. Отмеченная позиция нашла свое отражение и в п. 33 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 29 июня 2010 г. №17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (далее постановление Пленума Верховного суда РФ от 29 июня 2010 г. №17), где отмечается: «В случае заявления обвиняемым ходатайства об особом порядке судебного разбирательства в соответствии с гл. 40 УПК РФ потерпевшему или частному обвинителю должны быть разъяснены процессуальные особенности такой формы судопроизводства, в том числе положения части 1 статьи 314 УПК РФ о том, что рассмотрение уголовного дела без проведения судебного разбирательства возможно только при отсутствии их возражений». Несоблюдение этого требования, если потерпевший заявит о нарушении его прав, может послужить основанием отмены приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства» [4].

При этом хотелось бы обратить внимание на следующее. Потерпевший – лицо, как правило, не имеющее специального юридического образования, не знающее тонкостей уголовного судопроизводства, в большинстве своем, черпающее информацию о порядке рассмотрения уголовных дел из телевидения. Соответственно о сущности рассмотрения уголовного дела судом в порядке гл. 40 УПК РФ потерпевший, в большинстве своем представления не имеет. При этом законом не установлено кто и когда именно должен разъяснять потерпевшему содержание норм

об особом порядке. Однако на практике этим занимается следователь в производстве которого находится уголовное дело.

Здесь же хотелось напомнить данные, полученные нами в результате изучения 222 уголовных дел, рассмотренных судом в особом порядке. Так, мнение потерпевшего относительно возможности рассмотрения уголовного дела судом в особом порядке выяснялось на стадии предварительного расследования в 44% случаев; мнение потерпевшего впервые выяснялось в суде 56% случаев¹; потерпевший, чье мнение на стадии предварительного расследования относительно возможности рассмотрения уголовного дела в особом порядке не выяснялось, не являлся в судебное заседание, которое в соответствии с постановлением судьи должно было проводиться в особом порядке, – 26%.

Следует также обратить внимание на то, что невыяснение позиции потерпевшего относительно рассмотрения уголовного дела в особом порядке в 26% случаев послужило поводом для отложения судебного разбирательства и, как следствие, привело к увеличению срока судопроизводства. На это обстоятельство обращает внимание И.С. Панькина, которая пишет: «...суды все чаще вынуждены принимать меры по обеспечению явки потерпевших в судебное заседание, что неоправданно усложняет и затягивает рассмотрение дела в особом порядке» [5, 76].

Таким образом, мы можем констатировать, что выяснение мнения потерпевшего относительно возможности рассмотрения судом уголовного дела в особом порядке является более чем желательным именно на стадии предварительного расследования.

Кроме того, хотелось бы возразить Б.М. Орлову, который пишет, что получение согласия потерпевшего на рассмотрение уголовного дела судом в порядке гл. 40 УПК РФ, когда это не предусмотрено специальной нормой, означает наличие у следователя личной заинтересованности в деле [6, 98]. Во-первых, законом не установлено кто и когда именно должен выяснять у

¹ Необходимо указать, что нами приводятся обобщенные показатели, поскольку единообразия в практике по этому вопросу нет. В каждом городе и даже в каждом районе одного города момент выяснения мнения потерпевшего относительно рассмотрения уголовного дела в особом порядке различен. Так, отдельные судьи, даже при наличии в материалах уголовного дела письменного согласия потерпевшего, считают необходимым, чтобы он лично в зале судебного заседания подтвердил свою позицию. Другие судьи считают возможным рассматривать уголовные дела в отсутствие потерпевшего, если в материалах уголовного дела есть письменное согласие потерпевшего на рассмотрение уголовного дела в особом порядке. Исходя из этого, часть следователей выясняет мнение потерпевшего на досудебной стадии производства по уголовному делу, другая часть следователей не считает выяснение позиции потерпевшего относительно рассмотрения уголовного дела в особом порядке обязательной, поскольку суд считает необходимым лично опрашивать потерпевшего по указанному вопросу. Кроме того, необходимость выяснения мнения потерпевшего следователем обуславливается и желанием потерпевшего присутствовать при рассмотрении уголовного дела судом.

потерпевшего его мнение относительно возможности рассмотрения уголовного дела судом в особом порядке. На практике этим занимается именно следователь, поскольку участие потерпевшего в судебном заседании при рассмотрении дела в особом порядке не является обязательным. Такой вывод напрямую следует из ч. 4 ст. 316, в которой говорится: «

(курсив наш – Е.П.) в судебном заседании потерпевшего судья выясняет у него отношение к ходатайству подсудимого». При этом при участии потерпевшего в судебном заседании суд выясняет его отношение к заявленному обвиняемым ходатайству (ч.4 ст. 316 УПК РФ). Как видим, ни о каком разъяснении сущности особого порядка речь опять не идет. Во-вторых, на наш взгляд, действительно возможно говорить о заинтересованности следователя. Однако, заметим, что при выяснении позиции потерпевшего относительно возможности рассмотрения уголовного дела судом в особом порядке будет иметь место не личная заинтересованность следователя как частного лица, здесь скорее уместно говорить о его заинтересованности как сотрудника правоохранительных органов, добросовестно исполняющего свои обязанности, прежде всего отстаивающего интересы государства. А удовлетворению интересов государства в полной мере, при условии качественно проведенного расследования, способствует сокращенное судебное разбирательство, позволяющее, кроме прочего, и уменьшить расход бюджетных средств.

Есть мнение, что позицию потерпевшего относительно ходатайства обвиняемого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства следователь (дознатель) может выяснить на первом же допросе [7, 57]. Однако, учитывая то, что следователь при осуществлении расследования с учетом возможности рассмотрения дела судом в особом порядке заинтересован в согласии потерпевшего на упомянутое ходатайство, это не представляется целесообразным. Дело в том, что лицо, признанное потерпевшим по уголовному делу, как правило, в начале расследования испытывает определенный стресс, обусловленный существенным нарушением его прав и законных интересов в результате совершения в отношении него преступления, которое причинило материальный, а в некоторых случаях и физический вред. В таком состоянии естественное желание потерпевшего найти и наказать преступника по всей строгости посредством уполномоченных на то законом должностных лиц. При таких условиях предложение следователя дать согласие на рассмотрение дела в особом порядке судом может быть воспринято потерпевшим, как еще большее нарушение его прав. Кроме того, как свидетельствует практика, при первом допросе потерпевшего искажение картины события

бывает нередко существенное, поскольку он эмоционально возбужден. При повторном допросе его показания, как правило, полнее, конкретнее, то есть более объективны [8, 3]. Наиболее выгодно предложить потерпевшему выразить свою позицию относительно возможности рассмотрения уголовного дела в порядке гл. 40 УПК РФ спустя некоторое время, после того, как лицо, подозреваемое в совершении преступления, будет установлено и вовлечено в уголовный процесс. Это дает потерпевшему основания полагать, что следователь выполняет свою работу добросовестно, и в определенной мере повысит к нему доверие потерпевшего.

Вместе с тем с выяснением позиции потерпевшего не стоит затягивать. Это связано с тем, что потерпевший, удостоверившись, что «преступник найден», а имущество ему возвращено, может вообще потерять интерес к расследованию и больше не явиться по вызову следователя. Потерпевший может не явиться, в том числе, и для ознакомления с материалами уголовного дела, где, как сложилось на практике, часто и выясняется его мнение по поводу рассмотрения уголовного дела судом в особом порядке. Верно отмечает А.П. Рыжаков, что ознакомление с материалами уголовного дела – право потерпевшего, а не его обязанность [9, 101]². Поэтому, если потерпевший – лицо без определенного места жительства, проживает в другом населенном пункте, стране, не проявляет особого интереса к расследованию и так далее, что ставит под сомнение его дальнейшее участие в уголовном судопроизводстве, необходимо выяснять его мнение на одном из допросов до окончания расследования. Если имело место хищение имущества, с которым похитителю удалось скрыться и распорядиться им по своему усмотрению, позицию потерпевшего лучше выяснить при передаче найденного имущества под расписку. Как правило, потерпевшие после получения всего похищенного имущества при отсутствии гражданского иска дают согласие на рассмотрение уголовного дела судом в особом порядке.

Список цитируемой литературы:

1. Обеспечение прав потерпевшего при рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Краснодар, 2009.
2. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Иркутск, 2007.

² Рыжаков А.П. Потерпевший: понятие, права и обязанности: научно-практическое руководство. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – С.101.

3. Постановление приговора в особом порядке судебного разбирательства: значение мнений участников процесса // Уголовный процесс. – 2006. – №8. – С.44.; Сердюков С.В. Рассмотрение военными судами уголовных дел в особом порядке судебного разбирательства: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09. – М, 2008.
4. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации №17 от 29 июня 2010 г. // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. – 2010. – №9.
5. Ситуационный подход к реализации презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. – 2011. – 1(5).
6. О процессуальной форме согласия государственного обвинителя и потерпевшего при особом порядке судебного разбирательства // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (2-3 ноября 2010). Вып. 7.Ч. 2. – Тюмень: Тюменская областная дума, Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права, 2010.
7. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации. – М.: Юрлитинформ, 2004.
8. Проблемы тактики допроса свидетеля и потерпевшего по УПК РФ // Российский следователь. – 2009. – №23.
9. Потерпевший: понятие, права и обязанности: научно-практическое руководство. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006.

© Е.И.Попова

	Anna Puptceva
доцент кафедры предварительного расследования УНК по ПС в ОВД кандидат юридических наук	Associate professor of the preliminary investigation department Candidate of Juridical Sciences
Волгоградская академия МВД России	The Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry

THE FEATURES OF FORENSIC CHARACTERISTICS OF ILLEGAL DRUG TRANSPORTATION CASES

Abstract: This article explains the parts of the structure of forensic characteristics of illegal drug transportation, defines the features and characteristics of its difference from the forensic characteristics of illicit drug distribution.

Keywords: illegal drug transportation; forensic characteristics; elements criminalistic characteristic; Structure of the Russian drug mafia.

Криминалистическая характеристика преступления представляет собой совокупность таких сведений о нем, которые способствуют его раскрытию, расследованию, предупреждению и имеют важное криминалистическое значение. Она является основополагающей категорией криминалистики, имеет как теоретическое, так и практическое значение, выступая одним из важнейших структурных элементов частных криминалистических методик.

В настоящее время нет единого научного мнения, касающегося понятия, содержания, количества структурных элементов криминалистической характеристики преступлений как части теоретических основ методики расследования. Отсутствие единого

подхода к пониманию этой криминалистической категории дает основания для предположения, что в науке продолжается процесс ее творческого осмысления. В связи с этим возникают вопросы: что же служит основой для выделения тех или иных элементов структуры криминалистической характеристики преступлений; в чем заключается практическое значение криминалистической характеристики, что она из себя представляет?

Можно сказать, что содержание криминалистической характеристики преступлений — это определенная система данных, предназначенных для организации расследования преступлений. По своей сути это научная основа для рекомендаций, предназначенных органам предварительного расследования для выдвижения следственных и розыскных версий, определения основных направлений расследования и решения других важных задач. Полагаю, что необходимость дальнейшей научной разработки криминалистического обеспечения деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию транспортировки наркотиков не вызывает сомнения.

Анализируя положения, разработанные различными учеными в этой области, предлагается собственное видение структуры и содержания криминалистической характеристики преступлений, связанных с незаконной транспортировкой наркотиков.

Основными элементами криминалистической характеристики указанных преступлений являются:

- 1) предмет преступного посягательства;
 - 2) классификация и характеристика каналов транспортировки наркотических средств (психотропных веществ);
 - 3) специфика слеодообразования (материальные, идеальные следы),
- а именно следы:

- изготовления сырья и наркотиков;
 - транспортировки, хранения и сбыта наркотиков;
 - потребления наркотиков;
- 4) обстоятельства совершения преступления (место, время);
 - 5) способ совершения;
 - 6) характеристика личности преступника (в зависимости от его участия в преступлении)[1, с.7].

Общепризнано, что элементы-признаки криминалистической характеристики преступления в целях ее практического применения классифицируются на две группы:

- 1) признаки, составляющие всестороннюю характеристику определенного вида преступлений, позволяющую отличать его особенности от иных видов преступлений;
- 2) признаки, способные и призванные выполнять функцию обеспечения раскрытия и расследования преступлений.

Рассмотрим подробнее криминалистическую характеристику рассматриваемых преступлений.

Как известно, предмет преступления является одним из элементов криминалистической характеристики и может выступать в качестве обязательного признака состава преступления либо факультативного. Если предмет преступления является обязательным признаком, то его значение для квалификации преступления не стоит недооценивать, так как предмет преступления помогает правильно определить объект посягательства. Применительно к исследуемой теме предметом преступлений являются наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги, наркосодержащие растения и т. д.

Одним из основных элементов криминалистической характеристики любого преступления является определение способа его совершения. Событие преступления не может считаться достаточно выясненным, если не установлен способ его совершения, поскольку конкретный способ совершения преступления содержит значительный объем криминалистической информации, которая позволяет быстро и правильно ориентироваться в происшедшем событии, наметить оптимальные пути раскрытия преступления. Уяснение содержания способа совершения конкретного преступления способствует получению сведений о круге лиц, причастных к его совершению, использованных технических средствах, следах преступления и т. п.

Проведенный анализ следственной и судебной практики показал, что обязательный этап совершения рассматриваемого вида преступлений — подготовка к его осуществлению. Она включает в себя следующие действия: разработка плана, выбор места и способа совершения преступления, подбор средств, для изготовления, получения наркотиков, подбор места для хранения наркотиков, определение объекта их сбыта, выбор способа сбыта, подбор соучастников и распределение ролей, выбор лиц для сбыта наркотиков после транспортировки.

Уже пару десятилетий наркокурьеры для перевозки наркотиков используют не только транспорт, но и собственное тело («внутриполостной способ сокрытия»). Особенно часто этот способ используется для транспортировки наркотиков.

Анализ зарубежного опыта борьбы с контрабандой показал, что в зарубежных странах такой способ транспортировки предметов известен давно. Однако использовался он в основном для перевозки драгоценных металлов и валюты. Применительно к незаконной транспортировке наркотиков в практике зарубежных правоохранительных служб выделяется две категории лиц, использующих внутриполостной способ сокрытия:

1) лица, глотающие контейнеры с наркотическими средствами (психотропными веществами);

2) лица, вводящие во внутренние полости указанные выше контейнеры.

Структурной подсистемой способа совершения незаконной транспортировки наркотиков являются действия по сокрытию преступления и его следов. В зависимости от этапа совершения преступления эти действия могут быть реализованы:

- 1) на стадии подготовки совершения преступления;
- 2) в момент совершения преступных действий;
- 3) после совершения преступления.

Установление способов совершения преступления способствует выявлению фактических признаков конкретного преступления, необходимых для правовой квалификации общественно опасного деяния, а также выдвижению обоснованных версий о событии преступления, лицах, его совершивших, чтобы определить задачи и направления расследования.

Одним из факторов, определяющих выбор способа совершения преступления, является обстановка, предшествующая совершению преступления, во время его совершения и предполагаемые события, которые могут произойти после его совершения. С учетом сказанного обстановку совершения преступлений с признаками незаконной транспортировки наркотиков можно представить как совокупность пространственно-временных, социально-психологических факторов, отношений между преступником, предметом посягательства и других обстоятельств реальной действительности, которые могут способствовать скорейшему, всестороннему, полному и объективному расследованию преступлений данной категории.

Установление места и времени совершения преступления способствует скорейшему выявлению подозреваемых и иных лиц, причастных к преступлению. При этом место совершения преступления может быть многоэлементным понятием. Поскольку наркотики выращиваются и перерабатываются в одном месте, их перевозка осуществляется при следовании через различные населенные пункты, а реализация наркотиков осуществляется в совершенно ином месте. При определении места совершения преступления используется обстановка, максимально обеспечивающая конспирацию незаконных действий [2, с. 17].

Криминалистическая характеристика личности преступников и преступных групп, совершающих незаконную транспортировку наркотиков, определяется участием конкретного лица в преступной схеме:

- 1) организатор преступных групп (сообществ);
- 2) поставщик наркотиков;
- 3) распространитель наркотиков.

Ученые-криминалисты И.Ф. Герасимов и Л.Я. Драпкин более полно раскрывают структуру российской наркомафии следующим образом:

«первая группа — верхний эшелон, который планирует операции и отмывает полученные за наркотики деньги: 1) наркобарон — организатор наркобизнеса; 2) лица, обеспечивающие реализацию планов преступного сообщества; 3) лица, обеспечивающие безопасность наркообъединения;

вторая группа — контрабандисты, заготовители, расхитители, производители наркотиков, оптовые скупщики и сбытчики;

третья группа — перевозчики, группы охраны, розничные торговцы, содержатели притонов.

К наркообъединению также могут примыкать различные преступные группировки и уголовные элементы, имеющие непосредственное отношение к наркоманам и потребителям наркотиков» [3, с.578–579]. Изучение личности преступника как элемента криминалистической характеристики позволяет получить сведения, необходимые для раскрытия и расследования преступления, выбора и применения в этих целях наиболее эффективной тактики.

На основании изложенного, можно сделать следующие выводы.

Криминалистическая характеристика незаконной транспортировки наркотиков несколько отличается от криминалистической характеристики преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в целом и имеет ряд своих особенностей. Более полное и своевременное изучение всех элементов рассматриваемого преступления дает возможность проследить систему действий по движению наркотика от изготовителя к потребителю и, в конечном счете, позволит эффективно раскрывать и расследовать преступления [4], связанные незаконной транспортировкой наркотиков в частности и незаконного оборота наркотиков в целом.

Список цитируемой литературы:

1. Особенности раскрытия и расследования незаконных перевозки, пересылки наркотических средств и психотропных веществ (по материалам правоохранительных органов Южного федерального округа): автореф. дисс. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012.
2. Особенности раскрытия и расследования незаконных перевозки, пересылки наркотических средств и психотропных веществ (по материалам правоохранительных органов Южного федерального округа): автореф. дисс. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012.
3. Криминалистика / под ред. . М., 2000.
4. Криминалистическая характеристика преступлений // Вестник Московского университета МВД России, 2007. № 4. С. 117 – 118.;
Криминалистическая характеристика незаконного оборота драгоценных металлов и драгоценных камней (по материалам проведенного исследования)

// Черные дыры в Российском законодательстве. 2013. № 5. С. 94 – 97.;

К вопросу о структуре и содержании криминалистической характеристики нарушений правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней и незаконной предпринимательской деятельности в этой сфере // Бизнес в законе. Экономико-правовой журнал. 2013. № 5. С. 105 – 107.;

К вопросу о криминалистической характеристике контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов – драгоценных металлов и камней // Пробелы в Российском законодательстве. 2013. № 5. С. 217 – 219;

Проблемы оперативного документирования преступлений, совершаемых в сфере оборота драгоценных металлов и камней и способы их устранения // Право и государство: теория и практика. 2013. № 9 (105). С. 101 – 104;

О новых подходах в борьбе с преступностью в сфере оборота драгоценных металлов и камней // Перспективы науки. 2013. № 8. 206 – 207;

Криминалистика: учебно-метод. пособие. Тамбов-Липецк, 2014. 420 с.; Правоохранительные органы: учебник для вузов / под ред. А.В. Ендольцевой, И.И. Сыдорука [авторы:

]. М.: Юнити-Дана, 2013. С. 126.

© А.В. Пупцева

	Anna Puptseva
Доцент кафедры предварительного расследования	Associate professor of the preliminary investigation department
Волгоградская академия МВД России	The Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry

THE FEATURES OF IDENTIFICATION, DETECTION AND INVESTIGATION OF ILLICIT DRUG TRAFFICKING CRIMES COMMITTED BY ORGANIZED GROUPS

Abstract: This article discusses the features of identification, detection and investigation of crimes in the in illicit drug trafficking, committed by organized groups.

Keywords: drug trafficking; organized group; investigative actions.

Организованная преступная деятельность в сфере незаконного оборота наркотиков в настоящее время является объектом пристального внимания, как со стороны науки уголовного права, так и со стороны криминалистики и оперативно-розыскной деятельности. Уголовно-правовая наука рассматривает все свойства деяния, элементы состава преступления, квалифицирующие признаки. Криминалистика раскрывает основные черты и качества организованной группы, анализирует закономерности формирования взаимодействия между элементами, выделяет значимые криминалистические черты для дальнейшего их использования в процессе расследования преступлений. Наука об оперативно-розыскной деятельности направлена на выявление и раскрытие преступлений данного вида специализированными средствами и методами, без которых такие действия практически невозможны.

Особенность преступлений наркобизнеса состоит в том, что они не могут совершаться одним лицом, всегда существует взаимосвязь между производством наркотиков (выращиванием, синтезированием),

сбытом (потреблением) и получением и распределением полученной прибыли. Поэтому методика и тактика расследования преступлений, совершенных организованными группами в корне отличается от тактики раскрытия и расследования преступлений, совершенных одиночкой.

Организованные группы в сфере незаконного оборота наркотиков отличаются своей устойчивостью. На устойчивость этого преступного объединения указывает продолжительность его существования во времени. Это может быть время, истекшее с момента формирования группы до момента совершения первого из числа запланированных ее участниками преступлений. Это может быть и отрезок времени, в пределах которого ее участниками совершались преступления.

Помимо временного признака, на высокую степень согласованности и устойчивости связей между участниками организованной группы наркобизнеса указывает существование плана преступной деятельности с обозначением в нем ролей и функций, отдельных актов и операций. При этом устойчивость связей между участниками организованной группы, в свою очередь, отражает не только высокую степень согласованности их поведения, но и уровень замкнутости, изолированности от общества.

Отметим, что способы совершения преступлений организованными группами весьма разнообразны. Структура их преступной деятельности содержит несколько элементов: базовый – главное направление достижения преступных целей (совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков – выращивание, переработка, синтезирование, сбыт, контрабанда), вспомогательный – те преступления, которые связаны с подготовкой к базовой деятельности (например, обеспечение группы оружием, транспортом), побочный – преступления, которые дополняют базовую деятельность (например, ношение и хранение оружия), нетипичный – преступления, которые не предусмотрены основным замыслом группы и совершены ее членами под влиянием каких-либо конкретных обстоятельств (убийство, мошенничество и т. д.).

Данная противоправная деятельность обуславливает особую сложность расследования рассматриваемых преступлений. Необходимо отметить, что уровень современной организованной преступности в сфере наркобизнеса характеризуется повышением ее интеллектуального уровня, технической оснащенностью современной компьютерной техникой и средствами связи, высокой мобильностью, коррумпированностью и тесными связями с представителями властных структур, развитием и использованием нанотехнологий рос

Ц

Одна из первых задач расследования — выявление базовой преступной ориентации группы (сообщества), их криминальной окраски. Выявление базовой преступной деятельности обуславливает работу по выдвижению следственных версий, составлению планов расследования и проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, их своевременную коррекцию.

Важное значение имеет своевременная фиксация следов нетипичных и побочных преступлений, совершаемых отдельными членами преступных групп, с последующей переориентацией на раскрытие базовых преступлений и изобличение организаторов, руководителей и активных участников наркобизнеса. Фактором, способствующим успеху такой тактики, является то, что нетипичные преступления обычно менее подготовлены, часто носят ситуативный характер, а, следовательно, оставляют после себя доказательственную базу, достаточную для их раскрытия и изоляции отдельных членов преступного формирования[2].

Проанализировав следственную и судебную практику, можно утверждать, что для наиболее эффективного использования закономерностей необходимо получение информации относительно мотивов совершения преступления каждым членом группы; личности преступника, его связях, взаимоотношений с другими членами до совершения преступления, в момент его совершения и после; психологическом состоянии, линии поведения в процессе производства следственных действий.

Причем, именно во время осуществления оперативно-розыскной деятельности проявляется максимальная возможность глубокого изучения преступной группы и ее деятельности. Выявление, раскрытие и расследование преступлений, в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных организованной группой начинается с установления самого события преступления. Именно на этом этапе появляются сведения о том, что некое лицо (группа лиц) участвует в операциях по незаконному обороту наркотиков.

Необходимо выделить два направления оперативно-розыскной деятельности, способствующих выявлению максимального количества информации, получаемой до возбуждения уголовного дела:

1) когда имеются фактические данные о совершаемом преступлении. Для его выявления, установления всех членов группы, роли каждого и своевременного раскрытия необходимо проведение ряда оперативно-розыскных мероприятий (опрос, получение справок, оперативное наблюдение);

2) инициативный поиск сотрудниками оперативных подразделений фактических данных о признаках преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемой организованной

группой. Для разрешения этой задачи применяются: контролируемая поставка, проверочная закупка, оперативное внедрение.

Самым трудоемким является, конечно, второе направление. Тактика проведения указанных оперативно-розыскных мероприятий зависит от способа, места совершения преступления, состава организованной группы, ее месторасположения и линии преступной деятельности.

Необходимо отметить, что лица, незаконно перемещающие наркотики могут быть, и не осведомлены об истинном своем назначении. Преступники в организованной группе применяют комбинированные способы перемещения наркотиков среди любого груза, используя при этом посторонних лиц, оказывающим им содействие.

Структура преступной организации в сфере незаконного оборота наркотиков имеет свои особенности и, безусловно, должна быть принята во внимание работниками оперативных подразделений и органов предварительного следствия.

При детальном ее рассмотрении достаточно полно выявляются характеристика и содержание деятельности наркосообщества, в том числе через функции и обязанности членов его структурных звеньев.

Представители организаторов наркобизнеса в местах сбыта наркотиков, как правило, прикрывают свою преступную деятельность легальным участием в коммерции. Их основными функциями являются: организация поступления крупных партий наркотиков, их распределение по местам сбыта, осуществление контроля за последними; определение цен на наркотики, сбор финансовых и иных средств от сбытчиков товара.

3) Курьеры – лица, осуществляющие перевозку оптовых партий наркотиков из центра организации наркобизнеса или мест их заготовки к местам сбыта.

4) Распространители наркотиков – лица, входящие в организованные преступные группы (наиболее приближенные к их лидерам) и реализующие наркотики мелкими партиями сбытчикам.

5) Сбытчики – лица, непосредственно сбывающие мелкие партии наркотиков потребителям. Зачастую пользуются прикрытием продавцов фруктов, овощей или цветов на городских рынках. При себе наркотиков, как правило, не имеют.

6) Поставщики наркосодержащего сырья и химических препаратов для производства наркотиков – сотрудники химических заводов и фармацевтических фабрик, где производятся такие препараты, медицинский персонал, работники аптечных баз (складов); лица, имеющие по долгу службы отношение к возделыванию или переработке наркотикосодержащих культур.

7) Содержателями притонов для изготовления и потребления наркотиков. Ими выступают, прежде всего, наркоманы, жены и

сожительницы лиц, потребляющих наркотики и отбывающих наказание за совершенные преступления, а также иные лица из корыстных побуждений.

Анализ материалов практики свидетельствует о причастности к сфере деятельности незаконного оборота наркотиков международных преступных групп, сформированных по этническому признаку (армянская, таджикская, киргизская, чеченская, узбекская, азербайджанская, цыганская диаспоры)[3].

Борьба с организованной преступностью требует упреждающих мероприятий оперативно-розыскного характера для получения информации о преступных действиях организованных групп.

Согласно изучению, нами следственной и судебной практики, эффективность противостояния распространению наркотиков по разным странам и регионам может быть повышена благодаря совершенствованию оперативной работы, активному применению таких оперативно-розыскных мероприятий, как контролируемая поставка, проверочная закупка и оперативное внедрение. Указанные мероприятия являются наиболее сложными в организационном плане и требуют дополнительного законодательного обеспечения и регулирования (ресурсное обеспечение, системы связи, взаимодействие следственных и оперативных органов).

Уже на первоначальном этапе расследования необходимо иметь представление о факторах, противодействующих деятельности правоохранительных органов по разоблачению организованных преступных групп (формирований). Их значение помогает следователю и оперативным работникам прогнозировать развитие ситуации, предвидеть поведение подозреваемых и обвиняемых, позицию защиты и более осмысленно подходить к выбору тактических приемов проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий[4].

По этой причине целесообразно по ранее расследованным делам в сфере незаконного оборота наркотиков независимо от их конечного результата собрать максимум информации о личных качествах подозреваемых, их линии поведения и способах защиты на предварительном следствии. Ориентация на «интересы и ценности» организованной группы отражается на предварительном следствии в установке на отказ от какого-либо психологического контакта со следователем и оперативными работниками либо, напротив, стремлением войти к ним в доверие. Исходя из сказанного, отметим, что при расследовании дел этой категории важен правильный подбор членов следственной группы (следователя) и должностных лиц органов дознания для оперативного сопровождения расследования.

Подводя итог, можно сказать следующее. Положение с преступлениями в сфере незаконного оборота наркотиков, совершающихся, как правило, организованными группами и

	Gregory Semenenko
Старший преподаватель кафедры уголовного права УНК по ПС в ОВД, кандидат юридических наук	Senior lecturer in criminal law teaching and research complex preliminary investigation in the internal affairs
Волгоградская академия МВД России	The Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry

**ON THE QUESTION OF THE USE OF GEOGRAPHIC
INFORMATION SYSTEMS IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES
FOR THE PREVENTION OF CRIME (ON THE EXAMPLE OF
THE VOLGOGRAD REGION)**

Abstract: The article describes the efficiency of using geographical information systems to prevent crimes in the internal affairs officers activities (in Volgograd region).

Keywords: crime prevention, geographical information systems, crime, equipment

Волгоградская область – главные ворота Юга России – имеет выгодное географическое положение. С севера на юг и с запада на восток область протянулась более чем на 400 км, имея общую протяженность границ 2 221,9 км, и площадь – 1 130 тысяч гектаров, сопоставимую с площадью таких европейских государств, как Португалия, Греция, и другие. На территории области находятся 1 506 населенных пунктов в составе 39 муниципальных образований, административным центром которых является город-герой Волгоград.

Волгоград расположен на территории 90 км вдоль берега Волги и занимает площадь в 85 тысяч гектаров. Он разделен на 8 административных районов: Тракторозаводский, Краснооктябрьский, Центральный, Дзержинский, Ворошиловский, Советский, Кировский

и Красноармейский и несколько рабочих поселков. В Волгограде сосредоточен значительный промышленный и культурный потенциал, город выполняет важные стратегические функции. [3]

Главным условием реализации имеющихся у области и города возможностей является гарантированные государством предупреждение преступлений и обеспечение безопасности населения, входящие в перечень основных задач деятельности правоохранительных органов, гарантированы государством и являются главным условием реализации прав граждан. Высокий профессионализм сотрудников полиции, оказание круглосуточной квалифицированной юридической помощи жителям России и приезжим способствует укреплению уверенности людей в собственной защищенности.[3]

Для повышения эффективности своей деятельности территориальные органы внутренних дел используют достижения современной науки и техники: сети связи, глобальные спутниковые навигационные системы, существующие справочные системы. Но внедрить их в полной мере в свою практическую работу им мешает отсутствие специализированного программного обеспечения, позволяющего создавать, накапливать и использовать интегрированные информационные базы данных, а также недостатки действующей законодательной базы.

Отсутствие своевременной обобщенной и точной информации об оперативной обстановке на обслуживаемой территории сегодня не позволяет полиции осуществлять в полной мере все возложенные на нее функции. Существующие в правоохранительных органах электронные информационные системы охватывают деятельность ведомств лишь фрагментарно, поскольку большая часть сведений до сих пор еще не автоматизирована и фиксируется лишь в бумажных карточках и журналах. Тем более что многие имеющиеся базы данных функционируют автономно, без интеграции друг с другом, дублируя учет одних и тех же показателей. Отсутствие интеграции информационных ресурсов не позволяет использовать накопленную информацию для обеспечения правопорядка в общественных местах, предупреждения, раскрытия и расследования преступлений и административных правонарушений, осуществления розыска преступников, обеспечения безопасности дорожного движения.

В современных условиях научно-технического прогресса именно информационные технологии и спутниковые навигационные системы становятся ключевым фактором реализации и оптимизации деятельности любого федерального органа исполнительной власти, в том числе и Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Последние десятилетия ознаменовались бумом в области применения криминокартографии. Аналитические пространственные возможности геолокации сегодня используются многими

европейскими странами, являются центральным звеном во всех областях работы полиции и направлены на выполнение ее стратегических задач. Это связано с появлением географических информационных систем, воплотивших принципиально новый подход в работе с пространственными сведениями.

Географическая информационная система – это компьютерная программа, иллюстрирующая данные о каком-либо социальном явлении на электронной карте. Преимущество географических информационных систем заключается в наиболее «естественной» для человека демонстрации пространственно-временных сведений, имеющих привязку к определенным объектам, расположенным на обслуживаемой территории. Современный инструментарий географических информационных систем позволяет получать доступ к пространственно-временной информации, грамотно ее анализировать, учитывать все алгоритмы обработки. Географические информационные системы помогают лучше управлять вверенным личным составом оперативных подразделений в дежурные сутки, с учетом конкретной местности и имеющейся криминальной ситуации. [2]

Карты, созданные с помощью географических информационных систем, можно смело назвать картами нового поколения. На карты географических информационных систем можно нанести не только географические, но и статистические, демографические, технические и многие другие виды информации и применять к ним разнообразные аналитические операции.

Географические информационные системы обладают уникальной способностью выявлять скрытые взаимосвязи и тенденции, которые трудно или практически невозможно заметить, используя привычные бумажные носители.

Географические информационные системы в настоящее время сочетают в себе точность и качество цифровых карт, огромное количество справочной информации, мощный набор инструментов для обработки и анализа сведений и, непременно, способность обмена специализированной информацией через Интернет.

Использование географических информационных систем полицией позволит своевременно производить наглядное отображение сведений о преступлениях, правонарушениях и происшествиях на электронной карте города и области, а также их анализ, сопоставление и передачу другим пользователям.

Современная организация деятельности полиции пока не использует возможности географических информационных систем. Сегодня при заполнении статистических документов сотрудники указывают подробные дифференцированные сведения, касающиеся самого выявленного деяния, личности совершившего его преступника, и других обстоятельств. Например, в случае выявления кражи, в

карточках статистического учета указывается ее характер (карманная, автомобильная, магазинная и др.), место совершения (универмаг, ювелирный магазин, квартира, киоск), способы совершения (со взломом или без). При автомобильной краже указывается вид транспортного средства (легковой, грузовой автомобиль, мотоцикл, мопед), его марка, модель, тип гаража или автостоянки. Каждая отдельная единица оперативной информации подразделяется на ряд информационных составляющих.

Информация о личности преступников помимо анкетных данных содержит описания способов и орудий преступления, использованных транспортных средств, похищенных вещей и предметов, сведения о прежних судимостях и «приводах» в полицию.

При задержаниях отмечается, был ли подозреваемый заключен под стражу либо к нему применены другие меры пресечения, не связанные с лишением или ограничением свободы. Это позволяет говорить о ликвидации очага преступности или бездействии полицейских.

Тем не менее, согласно существующему законодательству, на передачу этих сведений от сотрудника полиции через бумажные носители (карточки, журналы) к сотруднику Информационного центра, в настоящее время уходит не менее 48 часов. Многие сведения за это время просто утрачивают свою оперативную значимость.

Географическая информационная система, не дублируя функций Информационного центра ГУ МВД России по Волгоградской области, должна заменить бумажный документооборот на электронный, обеспечив быстроту и оперативность обмена информацией между Информационным центром ГУ МВД России по Волгоградской области и территориальными органами полиции региона.

Географическая информационная система позволит мгновенно графически отображать на электронной карте любое преступление или происшествие на месте его совершения с помощью различных символов, меток и цветной маркировки. Это даст возможность быстро определять «спокойные» и «напряженные» в криминогенном отношении районы и получать более детальную картину событий путем варьирования масштаба.

Таким образом, сотрудники полиции смогут следить в режиме реального времени за распределением преступлений в зоне ответственности не только своих, но и соседних территориальных отделов полиции, а также за концентрацией и перемещением криминогенных зон в черте города, принимая своевременно необходимые оперативные меры реагирования. По запросу пользователя географическая информационная система сможет подготавливать и выдавать прогнозы развития криминогенной ситуации на основе имеющихся в ее распоряжении данных в различных комбинациях и вариантах.

сфере оборота драгоценных металлов и камней и способы их устранения // Право и государство: теория и практика. 2013. № 9 (105). С. 101 – 104;

Особенности тактики производства отдельных следственных действий последующего этапа расследования преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и камней // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1-1. С. 145 – 147;

О новых подходах в борьбе с преступностью в сфере оборота драгоценных металлов и камней // Перспективы науки. 2013. № 8. 206 – 207; Правоохранительные органы: учебник для вузов / под ред. А.В. Ендольцевой, И.И. Сыдорука [авторы:

]. М.: Юнити-

Дана, 2013.

3. <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

© Г.М. Семененко

	Viktoriya Semenova
Адъюнкт заочного обучения кафедры уголовного права Санкт-Петербургский университет МВД России	Adjoint of the St. Petersburg University of the Russian Interior Ministry

OBJECT AND SUBJECT OF CRIMES IN THE AREA HABITUAL USE OF DRUGS AND SUBSTANCES PRESENTING A HEALTH POPULATION

Abstract: The article analyzes the object and subject of crimes related to the decline in the consumption of drugs and substances pose a threat to public health.

Keywords: crimes in declination to consume drugs and substances pose a threat to public health, narcotic drugs, psychotropic substances, analogues of narcotic drugs and psychotropic substances, plants containing narcotic drugs or psychotropic substances, or parts thereof containing narcotic drugs or psychotropic substances potent substances, toxic substances.

В последнее время государством особое внимание уделяется охране здоровья населения, ведь именно здоровье населения является важной ценностью, которая обеспечивает нормальное функционирование всего общественного механизма страны. Ведь именно от здоровья населения зависит будущее страны. Снижение показателей здоровья, таких как рождаемости, заболеваемости, инвалидности и смертности, может привести к уничтожению государства, путем истребления населения. Ведь государство не может

быть без населения, а признак сильного государство- это здоровое население.

В связи с чем, в Уголовном Кодексе Российской Федерации (далее УК РФ) предусмотрена глава 25, которая предусматривает ответственность за совершение преступлений против здоровья населения и общественной нравственности. В данной главе можно выделить группу статей, которые предусматривают ответственность за совершение преступлений, в сфере склонения к потреблению средств и веществ, представляющих угрозу здоровью населения, к ней можно отнести следующие статьи: статью 230 УК РФ- в которой основной целью является склонение лица к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, статью 228¹ УК РФ- предусматривающую ответственность за незаконное производство, сбыт или пересылку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылку растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, статью 234 УК РФ- предусматривающую ответственность за незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта, статью 234¹ УК РФ- предусматривающую ответственность за незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ, статьи 228¹, 234, 234¹ УК РФ, кроме основной цели- сбыт, в целях дохода, просматривают дополнительную цель- склонение, ведь именно от количества привлеченных потребителей зависит будущий доход, а доход в свою очередь является одним из основных мотивов совершения данных преступлений. В данную группу можно включить статью 232 УК РФ- предусматривающую ответственность за организацию либо содержание или систематическое предоставление притонов для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, главная цель совершения данного деяния ясно не просматривается, так как она может быть различной, ведь нет законодатель не конкретизировал, какую именно цель преследует лицо, когда организует /предоставляет/ помещение, но притоносодержатель совершая данное преступление осознает, что предоставляет помещение именно для потребления наркотиков, и что притон является одним из мест приобщения (склонения) к их потреблению. Общественная опасность данной группы преступлений очень велика, ведь она посягает на здоровье не одного конкретного человека, или на конкретную группу людей, а на здоровье всего населения страны, а в настоящее время и всего населения мира, то есть особенность данной группы состоит в том, что она может воздействовать на неопределенное число возможных потерпевших.

В российском уголовном праве есть несколько мнений по поводу объекта преступления, в советской литературе по уголовному праву и

рядом современных ученых под объектом преступления понимаются охраняемые уголовным законом общественные отношения и блага (интересы), которым причиняется ущерб в результате совершения преступления [1]. Концепция «объект преступления- общественные отношения» в последнее время подвергается серьезной критике, и многие ученые уходят от данной концепции, считая, что она основана на марксистско-ленинском мировоззрении. Объект преступления, как общественные отношения был основан на идеологическом факторе, который был положен в его основу. В настоящее время законодатель не пользуется в статьях УК РФ термином «общественные отношения». Следует согласиться с С.Б. Гавриш, который утверждал, что общественные отношения или иные аналогичные философские понятия не могут выступать в качестве объекта преступления. Исходя из этого, объект преступления- это то, что охраняется уголовным законом и чему при совершении преступления причиняется вред или создается угроза причинения вреда [3, с. 104], то есть объект преступления является понятием более широким, чем общественные отношения. В дальнейшем мы будем придерживаться объекта преступления не связанного с общественными отношениями.

В уголовно-правовой науке объекты преступлений классифицируются в зависимости от степени обобщенности, охраняемости уголовным законом и различают общий, родовой, видовой и непосредственный объекты преступления.

Родовой объект преступления — это однородная группа того, на что посягают преступления, ответственность за которые предусмотрена статьями, включенными в один и тот же раздел Особенной части УК РФ. Родовой объект является критерием деления.

Отталкиваясь от структуры УК РФ, родовым объектом преступлений, в сфере склонения к потреблению средств и веществ, представляющих угрозу здоровью населения является, обеспечение безопасности и общественного порядка. Под общественной безопасностью понимается- состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз [4]. Такое понятие было раскрыто в Законе РФ от 15 марта 1992 года «О безопасности», который в настоящее время не действует, так как вступил в законную силу ФЗ «О безопасности» № 390-ФЗ от 28.12.2010 года, который не дает понятие общественная безопасность. Связи с чем будем придерживаться понятия, ранее раскрытого в Законе РФ «О безопасности».

Под общественным порядком понимается- складывающийся в обществе, отвечающий задачам его прогрессивного развития порядок, основанный как на правовых, так и не юридических нормах (нормах нравственности, нормах общественных организаций, обычаях).

Видовым объектом выступают то, на что посягают противоправные деяния (преступления), нормы об ответственности за совершение которых располагаются в главах Особенной части УК РФ.

Вопрос о видовом объекте преступлений, в сфере склонения к потреблению средств и веществ, представляющих угрозу здоровью населения является дискуссионным, так как, следуя из названия главы, деяния, за которые предусмотрена ответственность в статьях, являются посягательства на здоровье население и общественную нравственность.

В Толковом словаре русского языка «здоровье» определяется как «нормальная деятельность организма, его полное физическое и психическое благополучие» [5, с. 227].

В преамбуле Устава Всемирной Организации здравоохранения закреплено, что «здоровье - это состояние полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов» [6, с. 220]. Наиболее точное определение здоровья в биолого-социальном значении, по нашему мнению, в своей работе привел С.Б. Добчинов, который отметил, что здоровье населения – важнейшая ценность общества, является одним из необходимых оснований эффективного действия государственных, экономических и общественных структур, влияет на все стороны жизни общества [7, с. 13].

Общественная нравственность- понятие многоаспектное, включающие в себя выработанную обществом на протяжении веков систему норм и определенных правил поведения, традиции, обычаи, взгляды, идеи и представления о справедливости, чести и достоинства [8, с. 367].

Мы считаем, что преступления, в сфере склонения к потреблению средств и веществ, представляющих угрозу здоровью населения не посягают на общественную нравственность. Общественная нравственность является категорией морально-этического плана. Преступления, в сфере склонения к потреблению средств и веществ, представляющих угрозу здоровью населения причиняют вред общественной нравственности лишь опосредовано, как и другие любые общественно опасные деяния. Следовательно, видовым объектом рассматриваемых посягательств является непосредственно здоровье населения.

Существенное значение для правоприменительной деятельности имеет определение непосредственного объекта преступлений, связанных со склонением к потреблению средств и веществ, представляющих угрозу здоровью населения. Под ним понимают то, что конкретно поставлено под охрану уголовного закона и которым причиняется ущерб преступлением, подпадающим под признаки данного состава, т. е. непосредственный объект — это то на что

(интересы, блага и т.д.) посягает конкретное преступление, предусмотренное статьей Особенной части УК РФ.

По поводу непосредственного объекта преступлений, в сфере склонения к потреблению средств и веществ, представляющих угрозу здоровью населения высказывается несколько точек зрения, например такие: непосредственным объектом вышеуказанных преступлений является правильное, нормальное, здоровье граждан либо объектом является безопасность здоровья населения. Так же в данной группе преступлений предусмотрен дополнительный объект, который заключается в установленном государством порядке законного оборота наркотических средств, психотропных веществ, и их аналогов, растений содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, сильнодействующие и ядовитые веществ, а так же новые потенциально опасные психоактивные вещества.

Можно отметить, что видовой объект преступлений, в сфере склонения к потреблению, средств и веществ, представляющих угрозу для здоровья населения и основной непосредственный объект данных посягательств совпадает. Хотя некоторые ученые считают, что видовым объектом преступлений, в сфере склонения к потреблению средств и веществ, представляющих угрозу здоровью населения является безопасность здоровья населения, а в качестве непосредственного объекта рассматриваемых деяний выступает установленный государством порядок законного оборота наркотических средств, психотропных веществ, и их аналогов, растения содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, сильнодействующие и ядовитые веществ, а так же новые потенциально опасные психоактивные вещества. Данный вопрос в теории уголовного права является очень актуальным.

Вопрос об объекте преступления в сфере рассматриваемой нами группы преступлений тесно связан с вопросом о его предмете.

В работе Н.И. Коржанского очень хорошо отражено соотношение объекта преступного посягательства и предмета преступного посягательства, где предмет - это конкретная материальная вещь, в которой проявляются определенные стороны, свойства (объекта преступления) [9, с. 103].

Г.П. Новоселов под предметом преступления понимает различного рода материальные или нематериальные блага (ценности), которые способны удовлетворять потребности людей и преступное воздействие на которые (или незаконные обращения с которыми) причиняет вред или создает угрозу причинения вреда [10, с. 21]. По нашему мнению, понятие Г.П. Новоселова более полное и конкретизированное.

Почти все преступления, рассматриваемой группы, в большинстве случаев являются предметными, то есть такими, в состав которых входит предмет посягательства.

Обязательным признаком преступлений, исследуемой нами группы, является предмет посягательства, а именно предметы опасные для здоровья населения в целом и каждого конкретного человека в отдельности, что создает угрозу для всего общества. Это прежде всего: наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги, растения содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, сильнодействующие и ядовитые веществ, а также новые потенциально опасные психоактивные вещества.

Наркотические средства- это вещества естественного или синтетического происхождения, препараты и растения (оказывающие угнетающее, стимулирующее, возбуждающее, обезболивающее, галлюциногенное, воздействие на человека), включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в РФ в соответствии с законодательством РФ.

Психотропные вещества- это вещества естественного и синтетического происхождения, препараты и природные материалы, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в РФ в соответствии с законодательством РФ.

Аналоги наркотических средств и психотропных веществ- это запрещенные для оборота в РФ вещества естественного и синтетического происхождения, не включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в РФ, но подлежащие контролю в РФ, химическая структура и свойства, которых сходны с химической структурой и свойствами наркотических средств и психотропный веществ, психоактивное действие которых они воспроизводят.

Растения содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества- как такового понятия еще не сложилось, но в тоже время она дается в самом «названии», правительство РФ в 2010 году утвердило список таких растений, и данный список в настоящее время не очень обширный, и к таким растениям относятся: голубой лотос, грибы любого вида, содержащие псилоцибин и (или) псилоцин, кактус, содержащий мескалини другие виды кактуса, содержащие мескалин, кат, кокаиновый куст, конопля, мак снотворный и другие виды мака рода Papaver, содержащие наркотические средства, роза гавайская, шалфей предсказателей, эфедра.

Сильнодействующие вещества- это вещества которые не являются наркотическими, но оказывают одурманивающее

воздействие на человека и способны своим воздействием причинить серьезный вред для здоровья человека.

Ядовитые вещества- это вещества оказывают тяжелое отравляющее воздействие на человека при их употреблении внутрь, подкожно, внутривенно или внутримышечно и даже способны причинить смерть или тяжкий вред здоровью.

Новые потенциально опасные психоактивные вещества- вещества синтетического или естественного происхождения, включенные в Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ (далее- Реестр), оборот которых в Российской Федерации запрещен. В Реестр включаются вещества, вызывающие у человека состояние наркотического или иного токсического опьянения, опасного для его жизни и здоровья, в отношении которых уполномоченными органами государственной власти Российской Федерации не установлены санитарно-эпидемиологические требования либо меры контроля за их оборотом. В данный Реестр потенциально опасные психоактивные вещества вносятся на срок до двух лет, после чего над ними должны быть установлены санитарно-эпидемиологические требования либо меры контроля за их оборотом.

Есть мнение, что предмет в рассматриваемой нами группе преступлений, может отсутствовать, например в преступлениях, ответственность за которое предусмотрена статьей 230 УК РФ. Ведь здесь не требуется, чтобы склоняемое лицо приобрело наркотическое средство, психотропное вещество или их аналоги. Данные вещества, по сути, могут отсутствовать.

Пленум Верховного суда Российской Федерации разъясняет, что: «...для признания преступления оконченным не требуется, чтобы склоняемое лицо фактическое употребило наркотическое средство или психотропное вещество» [11].

Предмет посягательства появляется, если лицо, склонявшее другое лицо к потреблению в итоге сбывало ему вещества, в данном случае его действия необходимо дополнительно квалифицировать по статье 228¹ УК РФ.

В статье 232 УК РФ помимо предметов опасных для здоровья населения, просматривается другой главный признак, который в других статьях рассматриваемой группы отсутствует, этим признаком является притон или помещение.

Притон - это жилое либо нежилое помещение, приспособленное и используемое для потребления наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Помещение - это строения и сооружения независимо от форм собственности, которое предоставляется для потребления наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Если притоносодержатель помимо организации или содержания притона, либо предоставления помещения для систематического

потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, будет предоставлять им эти вещества и средства, то его деяния так же следует квалифицировать по ст. 228¹ УК РФ.

Рассмотрев объект и предмет преступлений, в сфере склонения к потреблению средств и веществ, представляющих угрозу здоровью населения можно прийти к выводу, что они являются взаимодополняющими друг друга, сбыт включает в себе склонение другого лица к потреблению, в целях расширения рынка сбыта, и в свою очередь увеличения дохода. Притон упрощает процесс склонения лица к потреблению и в дальнейшем сбыту ему запрещенных предметов.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовное право (общая часть), под ред. М., 2006.
2. Уголовное право. Общая часть: курс лекций / под общ. Ред. . Спб.: Изд-во Спб. ун-та МВД России, 2008.
3. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 8.03.2015 г. № 45-ФЗ, № 40-ФЗ).
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон РФ от 3.02.2015 г. № 7-ФЗ.
5. О безопасности: закон РФ от 5.03.92 г. № 2446-1 ст.1 (отменен ФЗ РФ «О безопасности» № 390-ФЗ от 28.12.2010 г.).
6. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополненное.- М.: Азбуковник, 1998.
7. Популярная медицинская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1987.
8. Здоровье населения как фактор и следствие качества жизни: Региональный аспект: На материалах Республики Бурятия: дис. канд. социолог, наук. М., 2000.; Борьба с половыми преступлениями средствами электронного мониторинга подконтрольных лиц: анализ опыта США // Право и государство: теория и практика. 2014. №2 (110). С. 121 – 125.
9. Уголовное право. Особенная часть: курс лекций. Спб.: Изд-во Спб ун-та МВД России, 2010.
10. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980.
11. Актуальные вопросы учения об объекте преступления: методологические аспекты: автореф. дис. докт. юрид наук. - Екатеринбург. 2001.
10. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 г. № 14 // Российская газета. 2006. 28 июня; Правоохранительные органы: учебник для вузов / под ред. А.В. Ендольцевой, И.И. Сыдорука [авторы:

]. М.: Юнити-Дана, 2013.

© В.В. Семенова

	Dmitry Skorikov
Доцент кафедры предварительного расследования	Associate professor of the preliminary investigation department
	Andrey Kolovorotny
Старший преподаватель кафедры предварительного расследования	Senior Lecturer of the preliminary investigation department
	Vladimir Sharkov
Преподаватель кафедры предварительного расследования	Lecturer of the preliminary investigation department
Волгоградская академия МВД России	The Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry

THE INTERROGATION OF SUSPECTS AND DEFENDANTS FEATURES IN INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED BY ORGANIZED GROUPS

Abstract: This article discusses the features of the interrogation of suspects and defendants in the investigation of crimes committed by organized groups.

Keywords: questioning; crimes committed by an organized group of persons; criminal proceedings.

Допрос подозреваемых и обвиняемых играет большую роль в раскрытии преступлений, совершенных организованной преступной группой, установлении всех соучастников, конкретизации роли каждого из них, а также в выявлении всех эпизодов преступлений, совершенных группой [1].

Сложность допроса подозреваемых и обвиняемых при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами требует особенно тщательного продумывания и отбора тактических приемов допроса, установления их строгой очередности, точности формулировки задаваемых вопросов,

прогнозирования последствий предъявления допрашиваемому имеющихся доказательств. Момент допроса определяется с учетом важности сведений, которыми, по предположению следователя, располагает допрашиваемый, его процессуального положения, роли в преступной группе и конкретно в расследуемом эпизоде, связей с другими лицами, подлежащими допросу по делу.

Осуществлению этого следственного действия предшествует принятие следователем ряда тактических решений. Так, следователь должен прежде всего уяснить сложившуюся следственную ситуацию. Это позволит в определенной мере предвидеть позицию подозреваемого на допросе. Также необходимо правильно выбрать время допроса. Проведение этого следственного действия нежелательно откладывать, так как надо использовать то психическое состояние неизвестности, в котором обычно находится задержанный.

Нередко подозреваемый, скрывая имена своих соучастников и пользуясь тем, что они еще не установлены, ограничивается полуправдой, перекладывает всю тяжесть ответственности на якобы неизвестных ему лиц.

Тактически правильно в таких ситуациях будет предложить допрашиваемому назвать приметы их внешности или сообщить о них любые сведения, которыми он располагает. Обычно подозреваемый, довольно охотно отвечая на такие вопросы, сообщает сведения о «случайных» соучастниках, надеясь этим вызвать доверие следователя. Уверенный в том, что остальных соучастников не удастся разыскать, подозреваемый на дополнительные вопросы может дать информацию, соответствующую действительности. При этом, максимально детализируя показания подозреваемых и обвиняемых, следователь должен выяснить, почему они выбрали для грабежа или разбоя именно данную квартиру, каким путем шли (ехали), с кем встречались по пути, имена, приметы, какова обстановка в квартире, а также все обстоятельства и детали нападения.

Особое внимание надо уделить установлению наводчика и организатора нападения, характеру насильственных действий или угроз в отношении потерпевшего, использовалось ли какое-нибудь оружие, что и в каком количестве похищено, где это имущество находится или кому оно реализовано и т.д.

Важно помнить, что в случаях, когда подозреваемый сразу же сознается в совершении нападения, нельзя ограничиваться показаниями в виде нескольких фраз, носящих общий характер о существенных для дела обстоятельствах, которые бы нельзя было в дальнейшем проверить путем других следственных действий, так как впоследствии подозреваемый может отказаться от данных показаний.

Следует иметь в виду, что допросы подозреваемого и обвиняемого - это в тактическом отношении сложные следственные действия, связанные с определенным тактическим риском. К каждому

допросу необходима тщательная подготовка, включающая составление письменного плана допроса. Если подозреваемый допрашивается впервые, то допросу должно предшествовать изучение его личности, чтобы выяснить, является ли подозреваемый лидером преступной группы или ее второстепенным участником, а также каковы между ними взаимоотношения. Это важно для определения тактики допроса.

Подозреваемые и обвиняемые всегда заинтересованы в исходе дела, и поэтому их показания нуждаются в особо тщательной проверке.

При этом часто встречается ошибка, заключающаяся в том, что многие следователи допускают только одну форму заинтересованности — желание преступника избежать уголовной ответственности за совершенное преступление.

Однако так бывает не всегда, особенно при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами, когда не установлены другие соучастники и раскрыта только часть их преступной деятельности. В этих случаях преступники, как правило, заинтересованы в том, чтобы их скорее осудили по тому обвинению, которое предъявлено, лишь бы следствие не углублялось дальше и не добралось до подлинной сути их преступной деятельности.

Поэтому, несмотря на признательные показания подозреваемых и обвиняемых, их необходимо подробно допрашивать обо всех обстоятельствах совершенного преступления, выясняя детали, позволяющие проверить и подтвердить данные показания.

При задержании всех или хотя бы нескольких соучастников преступления тактика их допроса связана с рядом обстоятельств, учет которых значительно влияет на эффективность и качество данного следственного действия. Например, при наличии по делу нескольких подозреваемых, как правило, перед следователем возникает вопрос: в какой очередности проводить их допрос. Правильное его решение имеет важное тактическое значение, так как допрос первого из них может дать ценные доказательства, которые затем должны использоваться для уличения остальных соучастников группового преступления. Решение следователя об очередности допроса подозреваемых должно основываться на совокупности достоверно установленных обстоятельств и «с учетом имеющейся о каждом из них оперативно-розыскной и следственной информации» [2].

Если из оперативных источников известно, что кто-то из них виновен менее других или менее всех устойчив, то с него и нужно начинать допросы, чтобы затем наиболее эффективно использовать его показания. Иногда же, наоборот, первым допрашивается организатор группы. В случае получения от него правдивых показаний более простыми оказываются допросы остальных участников преступной группы. Таким образом, определение последовательности допросов требует учета:

1. личности подозреваемого, в т.ч. наличия преступного опыта,

- судимости, практики общения с работниками следственных органов. Предпочтение отдается соучастнику, не имеющему такого опыта;
2. доказательств участия подозреваемого в совершении группового преступления (чем очевиднее вина допрашиваемого, тем больше оснований ожидать правдивых показаний)[1, с. 116];
 3. роли подозреваемого в совершении преступного деяния (быстрее и легче дает показания второстепенный участник преступления);
 4. данных о том, что один из подозреваемых занимает в преступной группе положение «оппозиционера».

При выборе тактики допроса одновременно задержанных соучастников важно учитывать, были ли они разобщены после задержания и содержались ли до момента их допроса изолированно друг от друга. Оставление соучастников в неведении относительно поведения друг друга на предварительном следствии, как правило, разрушает их единство даже в тех случаях, когда они выработали общую тактику поведения. Будучи в изоляции, они испытывают страх понести наказание в одиночестве за совершенное групповое преступление и поэтому стараются выгородить себя за счет других. К тому же следователь должен разъяснить каждому из соучастников, что ему выгоднее дать правдивые показания о своей роли в преступлении, нежели за него это сделают другие и переложат на него часть своей вины.

Данный тактический прием, как правило, применяется на первоначальном этапе расследования преступлений, совершенных организованными группами, при задержании нескольких или всех членов преступной группы. Основную роль здесь играет фактор внезапности, поскольку промедление с допросом может дать возможность задержанным успокоиться, согласовать свои показания, и, в конечном счете, допрос будет иметь отрицательный результат.

Это обуславливает необходимость создания следственной группы. Одновременный допрос, когда несколько следователей в одно время допрашивают нескольких лиц, позволит осуществить допрос без поспешности, с наибольшей результативностью. Последующий тщательный анализ полученных показаний дает возможность выявить противоречия, умолчания, неточности и ложь.

После подобного анализа и с учетом его результатов составляются планы дополнительных допросов и проводятся непосредственно сами допросы, но уже, как правило, одним следователем. Подобный прием «двойного допроса» может принести, желаемые результаты [3].

Признание своей вины лицом, ранее судимым, возглавляющим преступную группу, при отсутствии прямых изобличающих доказательств – явление крайне редкое. В большинстве случаев такие лица вообще отказываются давать показания.

На практике следователи удостоверяют факт отказа подозреваемого и обвиняемого давать показания на бланке протокола допроса с указанием мотива отказа, если он был изложен подозреваемым или обвиняемым. Допрашиваемого приходится убеждать в том, что этим он не достигнет своей цели, что отсутствие его показаний может привести к неправильному, в ущерб его интересам, решению тех или иных вопросов по делу. Рецидивист, который не дает правдивых показаний, нередко становится дерзким и нахальным. Но это не должно расцениваться, как обстоятельство, исключающее дальнейший диалог, так как не внешнее поведение играет здесь роль, а его внутреннее состояние.

Некоторые тактические приемы, позволяющие установить истину при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами, основаны на обострении отношений между членами данных преступных групп. Так А.Р. Ратинов советует при расследовании групповых преступлений применять тактику «разжигания конфликта» между соучастниками [4].

Использование конфликтов между соучастниками является вполне правомерной и нравственной тактической закономерностью расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами. Кроме того, «конфликты объективно существуют в среде правонарушителей, независимо от того, находятся ли они на свободе или под стражей, поэтому «принципиальный» отказ от использования конфликтной ситуации в преступной группе лишь обеднит следственный арсенал, негативно скажется на полноте и всесторонности расследования дела» [5].

Приемлем, и широко применяется такой прием обострения конфликта и напряженности, как оглашение показаний одного подозреваемого или обвиняемого остальным. При этом ознакомление членов организованной преступной группы с показаниями признавшегося соучастника, по мнению В.М. Быкова, необходимо проводить с учетом следующих тактических правил:

«- нельзя полностью знакомить обвиняемого с показаниями соучастника, так как не все они соответствуют истине, и, кроме того, таким путем участники группового преступления могут получать излишнюю информацию;

- для ознакомления с показаниями выбирается наиболее правдивая, по мнению следователя, часть, объективно подтверждаемая другими доказательствами;

- в первую очередь надо использовать те фрагменты показаний, где обвиняется кто-либо из других участников группового преступления;

- следует продумать тактическую целесообразность применения конкретных способов ознакомления с показаниями признавшегося соучастника» [6].

Данные тактические приемы могли бы помочь практическим работникам при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами.

Список цитируемой литературы:

1. Тактика допроса при расследовании преступлений. М.: Юридическая литература, 1970. С.109-153; Очерки криминалистической тактики: учебное пособие. Волгоград: ВСШ МВД РФ, 1993. С.168-171; Тактика следственных действий. Воронеж, изд-во ВГУ, 1992; Организация доследственной проверки и расследования незаконного оборота наркотических средств: учеб. пособие / – Волгоград: ВА МВД России, 2011. 88 с., и др.
2. Противодействие расследованию со стороны преступных группировок, действующих в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и камней, и способы его преодоления // Исторические, философские, политические и юридические науки. Культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4-2 С. 141 – 144; Расследование организованной преступной деятельности. М.: Юристъ, 2002. С. 136; Проблемы противодействия экстремизму // Современные гуманитарные проблемы: сб. науч. тр. / редкол.: и др. Волгоград: ВА МВД России, 2010. Вып. 12. С. 114 – 122.
3. Вымогательство (рэкет) криминалистические проблемы. Екатеринбург, 1993. С. 135 – 136; Особенности расследования преступлений экстремистской направленности: учеб. пособие / . Волгоград: ВА МВД России, 2013. 64 с.; Незаконный оборот драгоценных металлов и камней. Теория и практика расследования: монография. М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2011. С.79.;
4. Судебная психология для следователей. М., 1967. С. 161; Проблемы производства освидетельствования и получения образцов для сравнительного исследования // Věda a technologie: krok do budoucnosti – 2014 : Materiály X mezinárodní vědecko – praktická konference. Díl 13. Právní vědy. Historie.: Praha. Publishing House «Education and Science», 2014. С. 32-35.
5. Проблемы расследования отдельных видов умышленных убийств. Иркутск, 1992. С. 26; К вопросу об осмотре места происшествия по делам о хищениях драгоценных металлов и драгоценных камней // Глобальный научный потенциал. 2013. № 10 (31) С. 146 – 148; Проблемные вопросы производства осмотра места происшествия при проведении проверки сообщения о преступлении экстремистской направленности // Фундаментальные проблемы науки: сборник статей Международной научно-практической конференции (23 ноября 2014 г., г. Уфа). Уфа: РИО МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2014. С. 152-155.
6. Преступления в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и камней. Особенности производства отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования данных преступлений // Закон и право. 2011. № 10. С. 69 – 72.; Особенности тактики производства отдельных следственных действий последующего этапа расследования преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота

драгоценных металлов и камней // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1-1. С. 145 – 147; Проблемы оперативного документирования преступлений, совершаемых в сфере оборота драгоценных металлов и камней и способы их устранения // Право и государство: теория и практика. 2013. № 9 (105). С. 101 – 104; О новых подходах в борьбе с преступностью в сфере оборота драгоценных металлов и камней // Перспективы науки. 2013. № 8. 206 – 207; Использование противоречий интересов и конфликтов соучастников при расследовании групповых преступлений // Вопросы совершенствования методики расследования преступлений. Ташкент, 1984. С. 47;

Тактические особенности производства осмотра места происшествия о преступлениях экстремистской направленности // Актуальные проблемы и тенденции развития современного общества: теоретико-методологические и прикладные аспекты: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 19-20 мая 2014 года. Элиста: КФ МФПУ «Синергия», ЗАОр «НПП «Джангар», 2014. С. 88 – 92.

© Д.Г. Скориков, А.А. Коловоротный, В.А. Шарков

ГРНТИ 10.85.45

УДК 343.98

	Catherine
доцент кафедры уголовного процесса УНК по ПС в ОВД к.ю.н., доцент	associate Professor of criminal process UNK the PC in the OVD, candidate of law.N., associate Professor
доцент кафедры криминалистики УНК по ПС в ОВД к.ю.н., доцент	associate Professor in the Department of criminology UNK the PC in the OVD, candidate of law.N., associate Professor
Волгоградская академия МВД России	The Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry

TO THE QUESTION OF COMPETITIVENESS OF THE PARTIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract: in this article the author draws attention to the problems of implementation of the adversarial system in stages of criminal proceedings.

Keywords: competitiveness; equality of the parties; evidence; criminal procedure.

Для определения формы уголовного судопроизводства Принцип состязательности сторон является в целом основополагающим. Существо состязательного построения процедуры расследования преступлений составляют независимый суд и процессуальное равноправие сторон.

Главным условием для реализации принципа состязательности в уголовном процессе является разделение процессуальных функций между сторонами и равные права для собирания и предоставления сведений доказательственного значения в пользу своих интересов. При этом, суд обеспечивает необходимые условия для полного, качественного, всестороннего и объективного изучения обстоятельств дела и выносит окончательное решение на основе представленных сторонами доказательств.

К сожалению, в период действия УПК РФ был выявлен ряд проблем, связанных с реализацией состязательной формы уголовного судопроизводства, которые возникли вследствие ненадлежащей правовой регламентации принципа состязательности, решить которые обычным способом – путем применения судом конкретной нормы закона, исходя из ее буквального толкования, без нарушения прав и интересов сторон – невозможно.

Принцип состязательности является общепроцессуальным принципом, на основе которого строится вся процессуальная деятельность органов следствия, дознания, прокуратуры и суда. Данный принцип означает отделение важнейших уголовно – процессуальных функций защиты и обвинения от функции правосудия, их разделение между собой.

Осуществление уголовного преследования возлагается на следователя, дознавателя и прокурора, закон определяет, что их цель – изобличение в совершении преступления подозреваемого, обвиняемого. Для того, чтобы достичь этой цели, в каждом случае обнаружение признаков преступления следователь, орган дознания, дознаватель и прокурор принимают предусмотренные законодательством меры по установлению события преступления, изобличению лиц или лица, виновных в совершении преступления. Сформулированная в законе цель, стоящая перед должностными лицами, представляющими сторону обвинения, с одной стороны, является следствием возложения на них бремени доказывания, а с другой стороны обязывает всесторонне, объективно и полно расследовать обстоятельства преступления, поскольку установление вины в его совершении конкретного лица невозможно без опровержения обратного.

Что же касается суда, то перед ним стоит цель в разрешении уголовно – правового конфликта путем соблюдения установленной законодательством процедуры и принятия законных, справедливых и обоснованных решений. Разделение процессуальных функций направлено, чтобы построить систему противовесов, ограничивающихся, с одной стороны, стремлением использовать все средства для обнаружения и наказания преступника, а с другой стороны желанием преступника уйти от ответственности. При данном подходе к сущности процессуальных функций становится очевидным недопустимость возложения на одного и того же государственного органа различных процессуальных функций. И поэтому, как указывается в ч.2 ст.15 УПК РФ, «функции обвинения, защиты и разрешения дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и тоже должностное лицо».

Содержательная сторона решений и действий одного из участника процесса не влияет на его принадлежность к той или иной стороне уголовного судопроизводства. Например, следователь,

принимая решение о прекращении уголовного дела и уголовного преследования, все равно остается органом уголовного преследования, то есть субъектом уголовно – процессуальной деятельности, реализующим функцию обвинения. Решение следователя означает лишь то, что нет оснований для возникновения уголовно – правового конфликта. То же складывается и в ситуации, когда обвиняемый признает свою вину, но при этом, реализуемая им функция защиты не исчезает, он просто использует свое право согласиться с доводами стороны обвинения.

Иное положение у защитника. Содержательная сторона его решений и действий всегда должна быть направлена на выявление оправдывающих обстоятельств подозреваемого (обвиняемого, подсудимого, осужденного), в целях смягчения ответственности подзащитного.

Возложение на сторону обвинения бремени доказывания, существование «других правил», благоприятствующих стороне защиты, отражают стремление законодателя реализовать один из основных элементов принципа состязательности сторон - равноправие сторон обвинения и защиты перед судом.

Одной из актуальных проблем является проблема реализации состязательности сторон в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, но в юридической литературе она не освещена и не разрешена в должной мере. В основном она рассматривается в контексте изучения таких процессуальных проблем, как, реализация судебного контроля за органами предварительного расследования, становление института суда присяжных.

Не смотря на то, то УПК РФ предусмотрел право защитника не представлять, а собирать доказательства, это не сняло наиболее важных вопросов, а лишь добавило их. При этом, складывается впечатление, что законодатель, не учитывая тонкостей формулировок, по прежнему подразумевает, что защитник вправе только собирать и представлять сведения, которые могут стать доказательствами лишь после признания их таковыми должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу. Законодатель наделил защитника правом собирать именно доказательства. Если ранее, любая инициатива защитника по обнаружению доказательств и попытка их фиксации воспринималась органом расследования как незаконное противодействие, и могло повлечь для защитника негативные последствия, то, согласно действующему законодательству защитник вправе активно разыскивать доказательства в пользу своего подзащитного и даже закреплять их.

В следственной практике не редки случаи, когда защитник желая помочь своему подзащитному, получает какой – либо предмет или документ, рассчитывая обнаружить доказательства его невиновности или доказательства, смягчающие его ответственность за содеянное, но

ознакомившись с содержанием документа или со свойствами предмета, он убеждается, что сведения, полученные им, свидетельствуют против его подзащитного, или отягчают его ответственность. Как в данном случае должен поступить адвокат? Представляется, защитник, установив наличие сведений, свидетельствующих против своего подзащитного, обязан, не изменяя свойств предмета или документа, вернуть его владельцу. В случаях, когда адвокат, опережая органы расследования, получает от лиц и организаций документы или предметы, свидетельствующие против его подзащитного, а затем изменяет их или уничтожает, он должен нести за это ответственность в соответствии с действующим уголовным законодательством. Но, представляется, что «перегибы» в сторону излишнего недоверия к деятельности защитника по собиранию доказательств нежелательны, так как, зачастую, его деятельность по представлению доказательств, способствует правосудию, потому пренебрегать этим нельзя.

© Е.А. Тришкина, Е.В. Токарева

ГРНТИ 10.85.45

УДК 343.98

	Catherine Trishkin
Доцент кафедры криминалистики УНК по ПС в ОВД к.ю.н., доцент	Associate Professor in the Department of criminology UNK the PC in the OVD, candidate of law.N., associate Professor
	Roman Magutin
Зам. начальника кафедры криминалистики УНК по ПС в ОВД к.т.н., доцент	Zam. the head of the Department of criminology UNK the PC in the OVD, Ph. D., associate Professor
Волгоградская академия МВД России	The Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry

TYPICAL BACKGROUND INFORMATION, AS AN ELEMENT OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES IN THE SPHERE OF TAXATION

Abstract: in this article the author draws attention to the problems of criminal-legal qualification of tax crimes, and the challenges of disclosure of these crimes.

Keywords: taxation; tax crimes, the Declaration; the economic system.

Для организации эффективного расследования преступлений прежде всего необходимы знания о наиболее распространённых источниках, содержании и условиях получения исходной информации о событиях преступлений.

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит четыре статьи, предусматривающие ответственность за нарушение налогового законодательства - статья 198 (Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица), статья 199 (Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организаций), статья 199.1 (Неисполнение обязанностей налогового агента) и 199.2 (Соккрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя,

за счёт которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов). В работе нами будут рассматриваться только статьи 198, 199, так как установленные рамки не представляют возможности рассмотреть все статьи предусматривающие ответственность за нарушение налогового законодательства.

В соответствии с уголовным законодательством рассматриваемые преступления отнесены к категории преступлений в сфере экономической деятельности.

Понятие экономической системы в современных условиях включает в себя совокупность общественных процессов, происходящих на основе действующих в обществе имущественных отношений и организационных форм. Основные элементы экономической системы - это социально - экономические отношения, базирующиеся на сложившихся в обществе формах собственности на ресурсы и результаты хозяйственной деятельности; организационные формы хозяйственной деятельности; конкретные экономические связи между хозяйствующими субъектами. Как справедливо отмечается в литературе, налоговые преступления посягают на отношения, возникающие исключительно в процессе налогообложения. Эти денежные отношения имеют специфическое общественное значение, направленное на мобилизацию денежных средств государством для общественных нужд. Непосредственный объект налоговых преступлений - это совокупность общественных отношений, возникающих в процессе отчисления и уплаты налогов и иных обязательных платежей, а также осуществления контроля за своевременностью и полнотой их уплаты.

От установления момента окончания преступления зависят как расчёт неуплаченного налога, с определением которого связан вопрос о возбуждении уголовного дела, так и применение квалифицирующего признака неоднократности, предусмотренного пунктом (в) ч.2 статьи 199 УК РФ.

Применительно к ст.198 УК РФ наиболее актуален в этом плане вопрос, связанный с квалификацией действий гражданина, который представил в налоговые органы не позднее 1 апреля года, следующего за отчётным, декларацию о доходах, в которую включил с целью уклонения от уплаты налога искажённые данные о доходах или расходах.

Если исходить из диспозиции этой статьи, то преступление можно считать оконченным через месяц после сдачи декларации, поскольку гражданину законом предоставлено право в месячный срок после подачи декларации о доходах уточнить данные, заявленные им в декларации, а исходя из разъяснений Пленума преступление будет считаться оконченным только после 15 июля, то есть по истечении установленного срока уплаты налога.

И.И. Кучеров утверждает, что диспозиция ст. 198 УК РФ предусматривает две формы уклонения гражданина от уплаты налога: непредставление декларации о доходах в случаях, когда подача декларации является обязательной, и включение в декларацию заведомо искажённых данных о доходах или расходах, совершённое в крупных размерах, и утверждает, что каждая “

”.

Видимо всё же более правильным будет считать моментом окончания преступления, предусмотренного ст. 198 УК РФ, 15 июля года, следующего за отчётным, именно этот срок определён для расчётов по данному налогу. При этом следует квалифицировать действия гражданина отдельно за каждый год уклонения от уплаты налога, сложение периодов неуплаты в данном случае недопустимо.

Применительно к ст.199 УК РФ по ряду оснований (напр., с учётом существования авансовых налоговых платежей организаций) можно считать моментом окончания данного преступления дату представления организацией соответствующей отчётности в налоговый орган - в случаях уклонения от уплаты налогов путём представления в налоговые органы отчётности, содержащей заведомо искажённые данные о доходах или расходах, либо ложные сведения в целях сокрытия других объектов налогообложения, или момента истечения срока представления такой отчётности - в случаях уклонения от уплаты налогов путём непредставления соответствующей документации о таких объектах.

Значительные трудности в следственной практике по рассматриваемой категории дел связаны с использованием понятия “налогооблагаемого периода”, в связи с отсутствием в действующем налоговом законодательстве его определения.

В законодательстве по конкретным налогам установлены различные сроки представления отчётности о налогооблагаемых объектах с расчётами размера подлежащих уплате налогов. Так, по налогу на прибыль плательщики исчисляют сумму налога по окончании первого квартала, полугодия, девяти месяцев и года нарастающим итогом с начала года. Аналогичный порядок установлен и по другим налогам, кроме налога на добавленную стоимость (НДС), который исчисляется и выплачивается ежемесячно либо поквартально и не показывается нарастающим итогом.

Согласно ст.14, Закона Российской Федерации “О бухгалтерском учёте” отчётным годом для всех организаций является календарный год с 1 января по 31 декабря включительно. Поскольку бухгалтерская отчётность включает в себя показатели всех объектов налогообложения, по которым происходит исчисление налогов с нарастающим, как правило, итогом, по всем налогам, кроме НДС, за налогооблагаемый период принимается отчётный год. Исходя из этого, если в документы бухгалтерского учёта внесены ложные сведения, а

работодателей, определяет валовый совокупный доход и суммы причитающегося налога.

Бухгалтерские документы представлены бланками бухгалтерской отчётности за соответствующий период. Бухгалтерская отчётность организаций, за исключением отчётности бюджетных организаций, состоит из следующих документов:

- бухгалтерского баланса организации, который содержит сведения о наличии средств (внеоборотные и оборотные активы) и источников их образования, а также конечный результат хозяйственной деятельности (прибыль или убыток) по состоянию на отчётную дату;
- отчёта о прибылях и убытках организации (финансовые результаты), который предусматривает подробный расчёт полученного в отчётном периоде результата хозяйственной деятельности (прибыль или убыток);
- приложений к ним, предусмотренных нормативными актами (отчёт о движении денежных средств, расчёт налога от фактической прибыли, расчёт по налогу на добавленную стоимость, расчёт налога на имущество предприятий, расчёт по налогу на пользователей дорог и др.);
- аудиторского заключения, подтверждающего достоверность бухгалтерской отчётности организации, если она в соответствии с федеральными законами подлежит обязательному аудиту;
- пояснительной записки.

Завершая рассмотрение определённого нами элемента криминалистической характеристики преступлений в сфере налогообложения, подчеркнём, что, именно проблемы уголовно - правовой квалификации налоговых преступлений, недостаток знаний в сфере экономики, бухгалтерского законодательства вызывают наибольшие трудности при раскрытии и расследовании указанных преступлений.

© Е.А. Тришкина, Р.И. Могутин

	Vadim Hilyuta
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук, доцент. УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (Республика Беларусь)	Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Hrodna State University, Republic Of Belarus

PROBLEMS IN DETERMINING THE DAMAGE MISAPPROPRIATION

Abstract: In this article, the author draws attention to the problems of law enforcement in determining the damage and victims of the theft of another's property, acquired by installments.

Keywords: theft, damage, cell phones, telecommunications operator, deal, deceit

В правоприменительной практике в последнее время стали весьма распространены случаи завладения чужим имуществом, приобретенным с рассрочкой платежа. Чаще всего предметом таких преступлений становятся мобильные телефоны, вопрос зачастую в этой ситуации возникает применительно к определению ущерба и потерпевшего от хищения.

Схема такого хищения довольно таки проста. Обвиняемые знакомятся с лицами, как правило, злоупотребляющими спиртными напитками, которые за небольшое вознаграждение в дальнейшем предоставляют им свои документы для приобретения у операторов связи мобильных телефонов с рассрочкой платежа. Далее обвиняемые передают этим лицам денежные средства в качестве первого взноса за телефоны и заявляют о том, что дальнейшие платежи они будут оплачивать сами. Естественно, что при таких обстоятельствах виновные изначально не имеют никаких намерений производить денежные выплаты и путем обмана завладевают чужим имуществом –

мобильными телефонами. Завладев подобным образом телефонами, виновные реализуют их иным лицам, а вырученные от продажи денежные средства присваивают.

С точки зрения уголовно-правовой квалификации данные ситуации не вызывают затруднений, т.к. в данном случае имеет место банальное мошенничество. Однако вопрос возникает применительно к последствию данного преступления: кому именно причиняется ущерб? Судебно-следственная практика в этом случае в качестве потерпевших признает либо операторов связи мобильных телефонов, либо граждан, т.е. лиц на чьи паспортные данные операторами связи были заключены договоры приобретения мобильных телефонов. Связано это главным образом с тем, каким образом переходит право собственности на купленный мобильный телефон. В отдельных дополнительных соглашениях к договору на оказание услуг, сказано, что «право собственности на товар, приобретенный по дополнительному соглашению, переходит к абоненту с момента передачи товара абоненту». В других же подобных соглашениях, однако заключенных с иным оператором говорится о том, что «во исполнение договорных обязательств, оператор обязуется передать абоненту в пользование телефон ... По истечении 12 месяцев товар переходит в собственность абонента». Исходя из данных договорных условий и делается вывод о том, что ущерб причиняется физическому лицу (конкретному гражданину, на чье имя был заключен договор) или юридическому лицу – оператору связи.

Вместе с тем полагаем, что оценка подобных случаев должна быть единой, ибо вполне может случиться так, что в зависимости от размера причиненного ущерба действия виновных необходимо будет расценивать как преступление (хищение) или же как правонарушение (в виде мелкого хищения, если будет установлен соответствующий размер). Тем не менее, при доказанности умысла на хищение мобильных телефонов, обман непосредственно направлен на представителей операторов связи, и ущерб причиняется в данном случае не физическим лицам, предоставившим свои документы для заключения договоров, а лицам (субъектам хозяйствования), продавшим мобильные телефоны. Такой вывод должен быть сделан вне зависимости от оговоренного в договоре момента перехода права собственности на телефон.

Дело в том, что граждане, на чьи паспортные данные операторами связи были заключены договоры приобретения мобильных телефонов, не могут признаваться потерпевшими, т.к. они являются орудием в руках преступника. Виновные лица действуют опосредованно, т.е. используют в качестве орудия преступления вменяемого лица, действующего под влиянием обмана (заблуждения) и лишь в силу своих необдуманных и неосторожных действий они не привлекаются к уголовной ответственности. Более того, эти лица не

несут никаких расходов по оплате товара, не желают обратить в свою собственность мобильные телефоны, за свои действия получают от преступников вознаграждение, игнорируют претензии операторов о погашении задолженности.

В такого рода случаях, совершаемые ими сделки изначально не направлены на возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений, т.е. являются недействительными. Безусловно, можно сказать, что момент окончания сделки, совершенной под влиянием обмана во многом зависит от правовой природы соглашения о передаче имущества. Однако, сделки, заключенные представителями операторов связи с лицами, которых специально подыскивали обвиняемые с целью хищения мобильных телефонов, совершаются с целью прикрыть преступление и не могут влечь юридических последствий их заключения, в том числе переход права собственности на мобильные телефоны.

Здесь мошеннический обман может относиться к любому элементу состава сделки, а не только к природе и предмету сделки. Преступник, посредством введенного в заблуждения самого участника сделки, умышленно сообщает контрагенту (оператору связи) сведения, не соответствующие действительности, которые имеют существенное значение для заключения сделки. Формой обмана в данном случае является умышленное умолчание о фактах, имеющих существенное значение для сделки, которые одна сторона договора должна сообщить другой. В том, что ошибка контрагента в отношении существенных пунктов договора predetermined умышленно другого контрагента (преступника), и состоит принципиальное значение мошенничества для решения вопроса о субъекте причинения ущерба.

Таким образом, поскольку изначально под влиянием обмана совершается сделка, которая не имеет своей целью породить соответствующие ей юридические последствия, а преследует цель прикрыть другую сделку (а по сути, преступление), такая сделка должна признаваться недействительной. Ущерб здесь причиняется не физическому лицу, на чьи имя был заключен договор (естественно, при отсутствии сговора на совершение такого мошенничества), а продавцу, который и должен признаваться потерпевшим от преступления.

Факт погашения в последующем задолженности по оплате товара (мобильного телефона) лицами (по самым различным причинам), оказавшими услуги в виде предоставления документов, в случае внесения ими в дальнейшем периодических платежей за мобильные телефоны, не должен иметь здесь принципиального значения[3]. В данном случае изначально имело место преступление – мошенничество, а дальнейшие последствия с ним связанные (а именно погашение причиненного ущерба) не могут влиять на уголовно-правовую квалификацию, ибо уже находятся за рамками преступления. Аналогию здесь можно привести с банальной кражей, когда после

возбуждения уголовного дела виновный или иное лицо возмещает стоимость похищенного. Однако сам по себе этот факт не может служить основанием для не привлечения виновного лица к уголовной ответственности, ибо погашение причиненного ущерба не является автоматически обстоятельством, освобождающим лицо от уголовной ответственности.

Список цитируемой литературы:

1. Законность и правопорядок. 2013. № 2. С. 15.
2. Иная точка зрения высказана в письме Генеральной прокуратуры Республики Беларусь от 30.04.2013 № 12-14д/531 «О некоторых вопросах причинения вреда преступлениями, предусмотренными ст. 209 УК», в котором обосновывается расценивать подобные случаи как причинение имущественного ущерба без признаков хищения, что нам представляется неверным.
3. Особенности тактики производства отдельных следственных действий последующего этапа расследования преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и камней // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1-1. С. 145 – 147.

© В.В. Хилюта

	Artem Khlebushkin
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России	PhD in Law, Associate Professor of Criminal Law at St. Petersburg University of the Russian Interior Ministry

FOUNDATIONS OF CONSTITUTIONAL ORDER AND EQUALITY OF CITIZENS: ISSUES OF CRIMINAL LAW PROTECTION

Summary: In article bases of the constitutional system, equality of citizens, legal means of their protection are investigated. The characteristic of the corresponding object of a crime is specified.

Keywords: constitutional system; extremism; object of a crime; equality of citizens; hate crimes.

В конце 2014 г. была принята Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [13], в которой отмечено, что экстремизм во всех его проявлениях ведет к нарушению гражданского мира и согласия, подрывает общественную безопасность и государственную целостность Российской Федерации, создает реальную угрозу сохранению основ конституционного строя, межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия. За последние годы внешних и внутренних экстремистских угроз увеличилось.

Одно из ведущих мест в сфере конституционно-правового регулирования занимают общественные отношения, формирующиеся и существующие в соответствии с нормами основного закона, содержащими общие требования о равенстве граждан, недопустимости возбуждения гражданской ненависти и вражды, а также о запрете любых форм ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ст.ст. 13, 19, 29 Конституции РФ). Соответственно,

можно говорить о наличии конституционных основ равенства граждан.

При этом не все конституционные основы равенства граждан отнесены к основам конституционного строя, поскольку устанавливаются не только нормами главы 1 Конституции РФ (например, ст. 19, провозглашающая принцип равенства и ст. 29, устанавливающая запрет на пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, расположены в главе 2 Конституции РФ).

Однако, и нормы (в том числе запреты), устанавливающие конституционные основы равенства граждан, которые содержатся в иных главах Конституции РФ, направлены на обеспечение основ конституционного строя, а именно стабильных отношений внутри российского общества, поскольку единственным источником власти является многонациональный народ, существующий в условиях установленного Конституцией РФ равенства граждан, политического и идеологического многообразия, свободы вероисповедания.

Общественные отношения, складывающиеся по поводу обеспечения равенства граждан и состояния защищенности личности, общества и государства от угроз экстремистского характера, охраняются, прежде всего, ст. 282 УК РФ, устанавливающей ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, и выступают объектом этого преступления.

В судебной практике опасность данного преступления характеризуют тем, что действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, влияют на массовое сознание, служат мировоззренческой основой для ультрарадикальных социальных, религиозных, национальных устремлений и способны оказать влияние на сознание аудитории читателей (зрителей, слушателей) в направлении формирования подкрепления негативных стереотипов, предвзятых представлений о тех или иных нациях, расах, религиозных или социальных группах, возбуждая чувство враждебности, неприязни по отношению к ним, оправдывая и доказывая правомерность применения насилия в межнациональных, межрасовых, религиозных, социальных отношениях [2].

Так, при осуждении М. и К. по ч. 1 ст. 282 УК РФ суд указал, что текст листовок, распространяемых подсудимыми, типичен для этнонационалистической идеологии, выстроен на основании ультра-радикального этнического национализма (нацизма), приводит к формированию криминальной ксенофобии (дискриминация, возбуждение в обществе этнической, расовой, религиозной вражды), способствует распространению этнически окрашенной мигрантофобии, вводит в круг «врагов» русского народа всех

мусульман, тем самым способствует возбуждению религиозной вражды [2].

В литературе подчеркивается, что в настоящее время экстремистское и террористическое поведение чаще всего связано с национально-этническими либо религиозными конфликтами [1, с. 3].

В ч. 1 ст. 3 Конституции указано, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. В соответствии с ч. 5 ст. 13 Конституции запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни; в ст. 19 Конституции закреплен принцип равенства граждан, а также содержится запрет на любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности; согласно ч. 2 ст. 29 Конституции, не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, а также запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

Все эти нормы, по сути, устанавливают конституционные основы равенства граждан, а также конституционные запреты на осуществление экстремистской деятельности, соблюдение которых является необходимым условием обеспечения состояния защищенности от угроз экстремистского характера.

Велика и потенциальная опасность данных деяний ввиду их непосредственной связи с терроризмом: к числу социально-психологических факторов, детерминирующих терроризм, относится религиозная, политическая, идеологическая и национальная нетерпимость [6, с. 32].

Основным объектом ст. 282 УК РФ в науке также называют: общественные отношения, охраняющие конституционные права граждан, равенство граждан независимо от национальности, расы, исповедуемой религии во всех сферах политической и социальной жизни [9, с. 116]; общественные отношения, обеспечивающие безопасность общества (в том числе государства) в части, относящейся к реализации конституционного запрета на разжигание расовой, национальной и религиозной нетерпимости как одного из составляющих основ конституционного строя [5, с. 240–241]; конституционный запрет на провоцирование ненависти или вражды по признакам пола, расы, национальности, происхождения, языка, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе и иным личным или социальным признакам [11, с. 16]; отношения, характеризующие конституционный принцип запрета пропаганды или агитации, возбуждающих национальную, расовую, религиозную или социальную ненависть или вражду, а также

дискриминацию или унижение людей по политическим, этническим, социальным и иным признакам [4].

В одном из решений Конституционного Суда РФ применительно к ст. 282 УК РФ было указано, что содержащаяся в данной статье норма направлена на охрану общественных отношений, гарантирующих признание и уважение достоинства личности независимо от каких-либо физических или социальных признаков [10].

Как видно, практически во всех приведенных определениях в той или иной форме содержится указание на конституционные основы равенства граждан и запреты на осуществление экстремистской деятельности.

В зарубежном законодательстве можно встретить и принципиально иную оценку объекта рассматриваемого преступления. Так, в УК Республики Казахстан ст. 164 «Возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной вражды» находится в главе 4 «Преступления против мира и безопасности человечества». Такое расположение состава в теории связывают с тем, что он сформулирован на основе Международной конвенции 1965 г. «О ликвидации всех форм расовой дискриминации», и непосредственным объектом данного выступает международно-правовой и конституционный принцип недопущения разжигания социальной, национальной, родовой, расовой, религиозной вражды или розни [8, с. 406].

В теории рассматриваемую статью относят к нормам, «карающим за поведение, выходящее за рамки цивилизованных отношений и грозящих непредсказуемыми последствиями» [12, с. 50], а также к уголовно-правовым гарантиям принципа равенства [7, с. 35].

В целом, применительно к уголовно-правовой охране равенства граждан, речь идет об общественных отношениях, формирующихся и существующих в соответствии с нормами Конституции РФ, содержащими общие требования о равенстве граждан, недопустимости разжигания гражданской ненависти и вражды, а также о запрете любых форм ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Естественно, что посягательство на указанные основы это посягательство не на нормы как таковые, а на складывающиеся в соответствии с ними общественные отношения. Конституционно-правовое закрепление указанных положений ясно свидетельствует о важности обеспечения стабильности отношений внутри общества, что приобретает особое значение в условиях полинациональности Российской Федерации. Действия, направленные на дестабилизацию данных отношений, ставят под угрозу и нормальный порядок формирования и функционирования органов государственной власти, т.к. в обществе, исполненном

внутренними противоречиями, государственная власть не только теряет свои позиции, но и может быть попросту уничтожена как институт. Вследствие этого очевидна опасность таких деяний для конституционных основ равенства граждан, которые, в свою очередь, непосредственно связаны с основами конституционного строя Российской Федерации.

Список цитируемой литературы:

1. Экстремистское и террористическое поведение с позиций глубинной психологии // Научный портал МВД России. 2010. № 2.
2. Архив Выборгского районного суда г. Санкт-Петербурга. Дело № 1-24/08 за 2008 г.
3. Архив Красноглинского районного суда г. Самары. Приговор от 18 июля 2007 г. в отношении М. и. К. по ст. 282 УК РФ.
4. Архив Смольнинского районного суда г. Санкт-Петербурга. Дело № 1-458/10 за 2010 г.
5. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. д-ра юрид. наук. М., 2006.
6. Политический терроризм: причины и некоторые меры предупреждения // Следователь. 1999. № 3.
7. Проблема равенства в уголовном праве // Российский судья. 2011. № 7.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. В двух книгах. Книга 1 (статьи 1–174). Алматы: Издательство «Норма-К», 2003.
9. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: дис. канд. юрид. наук. М., 2005.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2010 г. № 564-О-О // СПС «КонсультантПлюс».
11. Уголовно-правовые средства противодействия экстремистской деятельности: дис. канд. юрид. наук. М., 2010; см. также: Уголовное право. Общая часть: учебно-метод. пособие / под ред. Юнити-Дана, 2015. 271с.
12. Ответственность за возбуждение ненависти либо вражды и унижение человеческого достоинства // Уголовный процесс. 2013. № 3.
13. Утверждена Президентом РФ 28 ноября 2014 г., Пр-2753.

М.:
© А.Г. Хлебушкин

	Gennady Chernyshov
доцент, Липецкий государственный технический университет	LSTU, Lipetsk kaf-ur@stu.lipetsk.ru

COMPULSORY MEDICAL MEASURES

Object of research are application of the coercive measures of medical character provided by articles 21, 22, 81 of the criminal code of Russian Federation, specifics of this criminal and legal institute and its legal nature.

Keywords: coercive measures of medical character, criminal and legal influence.

Принудительные меры медицинского характера – это предусмотренные законом меры медицинской (психиатрической и организационно-профилактической) помощи и защиты, принудительно применяемые в соответствии с определением (постановлением) суда к лицам, совершившим уголовно-наказуемые общественно опасные деяния или преступления, страдающим психическими расстройствами и вследствие этого представляющим социальную опасность в целях излечения или улучшения их психического состояния, а также предупреждения совершения ими новых общественно опасных деяний. Законодатель относит такие меры к «иным мерам уголовно-правового характера».

Применение принудительных мер медицинского характера предусматривается ст.ст. 21, 22, 81 УК РФ. В нормах гл.15 УК РФ, определяющих основания, цели, виды и порядок применения названных мер (ст.97-104 УК РФ), положения указанных статей получают свою конкретизацию. Основные положения, регулирующие применение принудительных мер медицинского характера и гарантии прав граждан, в отношении которых они применяются, определены также в УПК, УИК, других законодательных и иных нормативно-правовых актах, международных договорах, в которых участвует Россия. Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 7 апреля 2011г. №6 «О практике применения судами принудительных

мер медицинского характера» указал, что судам при решении вопросов, связанных с применением принудительных мер медицинского характера, следует строго соблюдать Конституцию РФ, нормы действующего законодательства, учитывать практику Европейского суда по правам человека.

Специфика данного уголовно-правового института заключается в его юридической природе: по своей сущности принудительные меры медицинского характера являются своеобразными уголовно-правовыми мерами безопасности, применяемыми к лицам, совершившим запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние, страдающим психическим расстройством и представляющим опасность для себя или других лиц, в связи с чем нуждающимся в соответствующем психиатрическом лечении и проведении различных реабилитационных мероприятий. Целями применения таких мер являются излечение или улучшение психического состояния указанных лиц, а также предупреждения совершения ими новых общественно опасных деяний.

Принудительные меры медицинского характера не связаны с реакцией государства на преступление в какой-либо из форм уголовно-правового воздействия или с реализацией уголовной ответственности.

Лица, страдающие психическими расстройствами, указанные в ч.1 ст.97 УК РФ, обладают всеми правами и свободами граждан, предусмотренными Конституцией РФ, законодательством РФ. Ограничение прав и свобод этих лиц только на основании психического расстройства не допускается. Согласно закону РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» при коротких сроках принудительного лечения лицо имеет право на оплачиваемый больничный лист, во всех остальных случаях ему должна быть определена II или I группа инвалидности.

Медицинские средства и методы применяются только в диагностических и лечебных целях в соответствии с характером психических расстройств и не должны использоваться для наказания лиц, страдающих психическими расстройствами или в интересах других лиц.

На территориальные органы ФСИН России возложена охрана лечебниц, т.е. они отвечают за безопасность психических больных преступников и персонала таких клиник.

Приказом Минюста России от 10.12.2010г. это положение закреплено в примерном Положении об отделе охраны психиатрической больницы (стационара) специализированного типа с интенсивным наблюдением.

Для чего подобный документ нужен? Это очень важный приказ. Он устанавливает структуру управления очень специфической больницей, оговаривает права и обязанности охраны психиатрических учреждений тюремного ведомства.

В приказе речь идет об особых учреждениях, в которых находятся преступники или суд решил, что они, в первую очередь, - больные люди и не ведали, что творили. Таким осужденным по законам России тюремное наказание вместо содержания в колонии или камере заменяется принудительным лечением.

Принудительные меры медицинского характера правильнее было бы так наименовать: «медицинские меры безопасности в уголовном праве» или «медицинские меры уголовно-правового характера».

Применяются такие меры строго при наличии законных оснований в рамках уголовного процесса по решению суда при наличии заключения независимой комиссии врачей-психиатров. Эти меры обеспечиваются государственным принуждением и применяются к совершившим общественно опасное деяние лицам вместо уголовной ответственности и (или) наказания наряду с ними.

Своеобразие рассматриваемых мер проявляется и в их содержании, характерными признаками которого являются следующие:

- их применение предполагает создание условий, обеспечивающих безопасность больного для окружающих и его самого в период лечения;

- они осуществляются в порядке правового принуждения, т.е. на основании законного и обоснованного решения суда и независимо от желания лиц, к которым они применяются и их законных представителей;

- их применение (выбор, продолжение, изменение, прекращение) основывается на оценке тяжести и глубины психического расстройства и наличия общественной опасности лица, а также прогнозе их развития;

- принудительный характер данных мер обуславливает исключительную компетенцию суда по их назначению, продолжению, изменению, прекращению; при этом психолого-психиатрические экспертные заключения не являются обязательными для суда и оцениваются по общим правилам оценки доказательств в совокупности с другими доказательствами, характеризующими личность и поведение лица именно с точки зрения его опасности для других лиц и себя самого;

- важнейшим принципом применения рассматриваемых мер является минимально необходимая достаточность принуждения в отношении больного, к которому они применяются и возможно более тактичное и бережное отношение к его личности.

Таким образом, речь идет о самостоятельном и своеобразном комплексном медико-правовом институте, построенном вокруг принудительного применения в необходимых случаях мер лечебно-реабилитационного характера, основания и пределы применения

которых предусмотрены уголовным законом, процедура применения – уголовно-процессуальным, а порядок исполнения – уголовно-исполнительным законодательством РФ и иными федеральными законами.

Основания применения принудительных мер медицинского характера. В ч.1 ст.97 указаны три категории лиц, которым судом могут быть назначены принудительные меры медицинского характера. Во-первых, это лица, совершившие запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние в состоянии невменяемости. Такие лица в силу расстройства психики не способны осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) либо руководить ими, поэтому они не подлежат уголовной ответственности (ст.21 УК). Привлечение к уголовной ответственности и применение наказания к подобным лицам бессмысленно, нецелесообразно и несправедливо. Более того, это недопустимо, так как означало бы привлечение к ответственности без вины. Во-вторых, это лица, у которых после совершения преступления (до суда, во время судебного разбирательства либо в период исполнения наказания) наступило психическое расстройство, лишаящее их возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) либо руководить ими и делающее невозможным назначение или исполнение им наказания. Такие лица освобождаются судом от наказания либо от дальнейшего его отбывания (ч.1 ст.81 УК), в случае выздоровления они могут подлежать уголовной ответственности и наказанию, если не истекли сроки давности, предусмотренные ст.78 и ст.83 УК РФ.

Список цитируемой литературы:

1. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: Закон РФ от 2 июля 1992 // Ведомости съезда народных депутатов и ВС РФ. 1992. № 33 Ст. 1913.
2. Курс уголовного права. Общая часть: Учебник для ВУЗов / под ред. М. 2002. Т.2 С. 353; см. также: Уголовное право. Общая часть: учебно-метод. пособие / под ред. М.: Юнити-Дана, 2015. 271с.
3. Российское уголовное право / под ред. 2001. М. С.179.
4. Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (в ред. ФЗ от 27.07.2006г. №152-ФЗ).; Правоохранительные органы: учебник для вузов / под ред. А.В. Ендольцевой, И.И. Сыдорука [авторы:

]. М.: Юнити-Дана, 2013.

© Г.Н. Чернышов

	Elena Shavkarova
Старший преподаватель кафедры предварительного расследования	Senior Lecturer of the preliminary investigation department
Волгоградская академия МВД России	The Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry

THE ACTIVITIES OF THE INVESTIGATOR IN DECIDING WHETHER TO INITIATE CRIMINAL PROCEEDINGS ON CRIMES AGAINST PROPERTY

Abstract: The article considers the activities of the investigator in deciding whether to initiate criminal proceedings for crimes against property.

Keywords: investigator; criminal proceedings; crimes against property.

В главе 21 УК РФ содержится 17 составов преступлений, общим и непосредственным объектом которых служит чужая собственность. Объективная сторона посягательства заключается либо в противоправном завладении чужим имуществом, либо в его уничтожении или повреждении.

Наибольшее количество заявлений и сообщений о преступлениях и иных происшествиях поступает в органы внутренних дел, на долю которых приходится значительный объем работы по их приему, регистрации, рассмотрению и разрешению. Все виды источников информации о преступлениях в УПК Российской Федерации названы единым термином - сообщение о преступлении.

Порядок приема, регистрации и разрешения заявлений о преступлениях регламентируется Приказом МВД России № 736 от 29.08.2014 года «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях».

После поступления и регистрации заявления, сообщения и иной информации о преступлении она должна быть проверена на достоверность. При этом если заявление о преступлении, о явке с повинной или рапорт об обнаружении признаков преступления выступает в качестве повода к возбуждению уголовного дела, то сведения, содержащиеся в материалах проверки - основанием.

Проверка по сообщению о преступлении включает в себя действия, предусмотренные ч. ч. 1 и 2 ст. 144 и ч. 4 ст. 146 УПК РФ, производимые правомочными или уполномоченными на то должностными лицами[1, с. 77]. Обязанность проверки поступившей информации возлагается на следователя, дознавателя и орган дознания (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

Обязанность организации проверки заявлений, сообщений о преступлении возлагается на начальника органа внутренних дел, в который оно поступило. Организацию проверки принимаемых в круглосуточном режиме заявлений, сообщений о преступлениях, требующих незамедлительного реагирования, осуществляют должностные лица дежурных частей органов внутренних дел.

На орган дознания, дознавателя, следователя на этапе проверки возлагается обязанность:

- принятия мер по предотвращению и пресечению преступления;
- по обнаружению признаков преступления, сохранению и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих закрепления, изъятия и исследования;
- проведению розыскных и оперативно-розыскных мероприятий по установлению и задержанию с поличным или «по горячим следам» лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление.

Перечень проверочных действий установлен:

а) ст. 22 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 г. (истребование необходимых документов, материалов и иных сведений, вызов граждан и должностных лиц для дачи объяснений и др.);

б) ст. 12 Федерального Закона РФ «О полиции» № 3 от 07.02.2011 г. (проверка у граждан и должностных лиц документов, удостоверяющих личность; производство личного досмотра и досмотра вещей, транспортных средств; получение от граждан и должностных лиц необходимых объяснений, сведений, справок, документов, копий с них) и др.

в) ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 05.07.1995 г. (опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, исследование предметов и документов, наблюдение, отождествление личности) и др.

г) ч. 1 и ч. 3 ст. 144 УПК РФ, где дознаватель вправе требовать проведения документальных проверок, ревизий и привлекать к их участию специалистов.

Если сообщение о преступлении было опубликовано в средствах массовой информации, то орган дознания не вправе проводить по нему проверку по собственной инициативе, а только по письменному указанию прокурора. При этом редакция, главный редактор обязаны по требованию соответствующих должностных лиц передать в их распоряжение документы и материалы, на основе которых сделана публикация, а также данные о лице, предоставившем эти данные в распоряжение редакции, если оно не настаивает на сохранении своего имени в тайне.

До возбуждения уголовного дела при осуществлении проверки сообщения о преступлении возможно производство следующих следственных действий:

- осмотр места происшествия, документов, предметов (ч. 2 ст. 176 УПК РФ);

- осмотр трупа (ч. 2 ст. 178 УПК РФ);

- освидетельствование (ч. 1 ст. 179 УПК РФ).

- назначение и производство экспертизы (ч.1 ст. 195 УПК РФ), а для этого получение образцов для сравнительного исследования (ч. 1 ст. 202 УПК РФ)

Остальным следственным действиям (допросам, осмотрам, обыскам, выемкам и др.) должно предшествовать вынесение постановления о возбуждении уголовного дела[2, с. 215].

Решение по сообщению о преступлении должно быть принято не позднее 3 суток со дня его поступления.

Руководитель следственного органа, начальник органа дознания по ходатайству следователя или дознавателя соответственно, имеет право продлить срок проверки до 10 суток, а при необходимости проведения документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий руководитель следственного органа по ходатайству следователя, а прокурор по ходатайству дознавателя вправе продлить этот срок до 30 суток. Таким образом, решение по сообщению о преступлении должно быть принято максимально в 30-суточный срок, который не подлежит дальнейшему продлению.

По правилам ст. 128 УПК РФ при исчислении срока проверки сообщения о преступлении сутки, которыми данный срок начинается, учитываются в полном объеме вне зависимости от конкретного часа поступления сообщения.

По смыслу ч. 2 ст. 140 УПК РФ целью проверки заявления, сообщения о преступлении является установление наличия или отсутствия основания для возбуждения уголовного дела (достаточных

данных, указывающих на признаки преступления). В УПК РФ речь идет именно о данных, а не о доказательствах, как составляющей основания для возбуждения уголовного дела[3, с. 411].

Таким образом, в ходе проверки сообщения о преступлении должно быть установлено наличие или отсутствие данных, которые: а) подтверждают или опровергают наличие признаков преступления; б) достаточны для такого вывода.

Анализ поступившего сообщения – это первый этап проверки, которым можно и ограничиться, если в сообщении о преступлении имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления, либо если в сообщении таких данных нет. Например, когда следователю представляются результаты оперативно-розыскной деятельности, то проверка рапорта сводится к оценке его содержания, а также прилагаемых к нему материалов, оценке формы - правильности представления и оформления, и соответствия произведенных действий Федерального Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Аналогичным образом проверка сообщения о преступлении может быть сведена к анализу заявления, в содержании которого нет указания на совершение преступления[4].

Следующим этапом проверки является сбор дополнительных материалов, подтверждающих или опровергающих сообщение о преступлении, в ходе которого данные о признаках преступления или об их отсутствии будут собраны в достаточном для принятия решения количестве. Так, если поступило заявление о квартирной краже, то нельзя ограничиться изучением содержания самого сообщения. Требуется осмотреть место преступления, установить и закрепить следы преступления. Если заявление о краже автомобиля, необходимо получить документы о принадлежности данного автомобиля конкретному лицу, а также документы на сам автомобиль.

Проверка сообщения о преступлении является процессуальным действием, факт ее производства закреплен в УПК РФ, а в силу п. 32 ст. 5 УПК РФ, все действия являются процессуальными. Проведение проверки – это обязанность следователя, дознавателя, органа дознания, руководителя следственного органа, которые являются участниками уголовного судопроизводства и наделены только процессуальными полномочиями[5].

Статья 144 УПК РФ указывает, что при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе: получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для

- объяснение от лица, совершившего преступление, в случае его установления и задержания «по горячим следам»;
- результаты проведенной ревизии в случае хищения имущества юридических лиц;
- объяснения от имеющихся очевидцев и свидетелей;
- копии документов, подтверждающих наличие и стоимость похищенного имущества или справка из торговых предприятий о стоимости аналогичного имущества;
- постановление и протокол получения образцов для сравнительного исследования;
- постановления о назначении судебных экспертиз;
- справка о диагнозе из лечебного учреждения или заключение судебно-медицинской экспертизы в случае причинения вреда здоровью в процессе совершения хищения;
- поручение органу дознания о производстве оперативно-разыскных мероприятий;
- рапорта о проделанной работе по раскрытию преступления по «горячим следам» сотрудников подразделений органов внутренних дел.

Данный перечень не является исчерпывающим и может дополняться другими документами, в зависимости от обстоятельств конкретного преступления[7, с. 149, 8].

Изучив материал доследственной проверки и, приняв решение о возбуждении уголовного дела, следователь выносит постановление о возбуждении уголовного дела, где в описательно-мотивировочной части указывает повод и основания, а также обстоятельства совершенного преступления. При этом необходимо отразить дату, время, место, способ совершения преступления, кому и в каком размере причинен имущественный вред. При описании обстоятельств совершения преступления следователь должен описать все признаки того преступления, по факту которого возбуждается уголовное дело.

Список цитируемой литературы:

- Генезис дознания как формы предварительного расследования в российском уголовном процессе до революции 1917 года / Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы и тенденции развития современного общества: теоретико-методологические и прикладные аспекты», Элиста, 2014.
- К вопросу о доказательствах по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности // Наука и современность: сборник статей Международной научно-практической конференции (8 ноября 2014 г., г. Уфа). Уфа: РИО МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2014.
3. Планирование расследования преступлений, совершенных в сфере предпринимательской деятельности. // Актуальные проблемы предварительного расследования: сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф. Волгоград: ВА МВД России, 2014. Т. 2.

4. Институт сокращенного дознания – новая форма упрощенного производства в российском уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. Выпуск 4 (27) 2013: научно-методический журнал. Волгоград: ВА МВД России, 2013;
5. Криминалистическая характеристика преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2007. № 4. С. 117 – 118;
Преступная группа – необходимая составляющая криминалистической характеристики комплексной методики расследования преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2010. №12. С. 135 – 137;;
Особенности тактики производства отдельных следственных действий последующего этапа расследования преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и камней // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1-1. С. 145 – 147;
О новых подходах в борьбе с преступностью в сфере оборота драгоценных металлов и камней // Перспективы науки. 2013. № 8. 206 – 207.
6. Проблема расследования особо тяжких преступлений // "Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики". Актуальные проблемы юридической науки. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Ч. II. Тольяти. Изд-во Волжск. Ун-та В.Н. Татищева. 2014.
7. Типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования преступлений экстремистской направленности // Теоретические и практические вопросы науки XXI века: сборник статей Международной научно-практической конференции (28 ноября 2014 г., г. Уфа). В 2 ч. Ч. 2. Уфа: РИО МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2014.;
8. Правоохранительные органы: учебник для вузов / под ред. А.В. Ендольцевой, И.И. Сыдорука [авторы:

Дана, 2013.

]. М.: Юнити-

© Е.Е. Шавкарова

	Vladimir Sharkov
Преподаватель кафедры предварительного расследования УНК по ПС в ОВД. Волгоградская академия МВД России	Lecturer of preliminary investigation Department of the Volgograd Academy of the Russian Interior Ministry

THE MODERN STAGE OF ILLEGAL MIGRATION AND THE FIGHT AGAINST IT

Abstract: This article analyzes the migration in the country and its impact on organized crime, committing felony, based on official data MIAC and Institute of the Russian Interior Ministry, identifies the main ethnic organized crime groups and "thieves in law".

Keywords: illegal immigration; organized crime; ethnic criminal groups; "thieves in law".

По своей сути любая миграция, а тем более незаконная, обладает криминогенным потенциалом, так как мигранты, попадая в новые условия, испытывают естественные социально-бытовые и психологические трудности. Данное обстоятельство и обуславливает повышенную криминогенность лиц этой категории. Недаром в решениях VIII Конгресса ООН по предупреждению преступности негативные последствия незаконной миграции отнесены к криминогенным факторам[1].

Как показывают исследования, в районах, где число мигрантов невелико, переселенцы в криминологическом отношении ничем или почти ничем не выделяются среди остальной части населения. Но в местах, где мигрантов много, особенно где они размещены большими группами, преступность названной категории лиц составляет

значительную часть общей преступности конкретного территориального образования в целом.

Так, по имеющимся данным ГИАЦ МВД РФ, в 2011 г. иностранными гражданами было совершено 50 139 преступлений (– 5,4 % по сравнению с 2010 г.), удельный вес совершенных ими преступлений составил 2,8 % от общего числа расследованных преступлений. Из этого количества 45 345 преступлений было совершено гражданами государств – участников СНГ (– 4,5 % по сравнению с 2010 г.), удельный вес составил 2,6 %[2].

Таким образом, значительное число иностранных граждан, находящихся на нелегальном положении и не имеющих средств к существованию, образуют специфическую группу повышенного криминогенного риска. Применительно к данному контингенту можно говорить о чаще всего криминальной среде обитания со всеми проявлениями маргинальной субкультуры, которая объективно формирует резерв преступности иностранцев.

Преступность данной категории лиц чрезвычайно латентна. По мнению специалистов, уровень латентности преступности мигрантов в 1,7 раза превышает средний уровень латентности общероссийской преступности [3, с. 32]. Такое положение в определенной мере объясняется тем, что отношения в сфере криминальной активности мигрантов регулируются, главным образом, в рамках этнических субкультур, функционирование которых отличается значительной замкнутостью и корпоративностью, своеобразием культуры, традиций и обычаев, языковой общностью и другими специфическими факторами[4].

В структуре преступности мигрантов преобладают преступления общеуголовной направленности, составляющие, как правило, более 70 % от общего числа совершенных. Среди них преобладают тяжкие преступления – около 50 %, затем идут преступления средней и небольшой тяжести. Однако в последние годы наметилась тенденция к увеличению доли особо тяжких преступлений с 8 – 10 до 15 % [5, с. 40].

Из всех преступлений, совершаемых мигрантами, более 22 % совершается в составе группы и около 6 % – в составе организованной группы [5, с. 41].

В настоящее время преступления, совершенные гражданами стран СНГ, в общем массиве преступлений, совершенных иностранцами, составляют более 90 %. Так, по имеющимся данным, если в 2009 г. этот показатель составлял 46 561 преступлений, то в 2010 г. – 47 479, что на 2 % больше, чем в 2009 г. [6, с. 14].

По данным ВНИИ МВД России, в нашей стране структура сообщества «воров в законе» на 33,2 % состоит из грузин, 8,2 % составляют граждане Армении, 5,1 % – Азербайджана и 21,9 % – другие национальности (узбеки, казахи, украинцы и др.) [7, с.16].

Традиционные сферы кри-
жоторговля, незаконный об-
дств, полученных незаконн-
дей и товаров, организация пр-

номических, геополитическ-
словила лавинообразное и

канизмов и процедур к-
бытием, Россия подвер-
ктически неумещающ-
инятия экстренных мер,

В последнее время
дметом повышенного

ой
/жи
м,
ии

аво
ие

их
льн-
су м-
коно

нез
я

льности нелегалов –
ализация денежных
абандные перевозки
-торговля.

и иных фактор-
блем, связанных

ом, пребывание
нерегулируемому
ии, что потребовало
ного характера[8, с.

ой миграции ста-
зывает расту-

Во исполнение росси о /с лательства зад

ной службы в соответствии с требованиями ведомственных нормативно-правовых актов МВД России ориентированы на предупреждение, выявление и раскрытие тяжких и особо тяжких преступлений. Это обстоятельство фактически не позволяет сотрудникам оперативных подразделений использовать в полном объеме свои функции и полномочия по применению Федерального закона Российской Федерации от 5 июля 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» [9] для оказания противодействия такому виду криминальной деятельности, каким является организация незаконной миграции.

Изучение материалов уголовных дел, поступающих в следственные подразделения, показывает, что оперативно-розыскные мероприятия, направленные на выявление организаторов и пособников совершенного преступления, а также установление каналов проникновения на территорию Российской Федерации незаконных мигрантов, не проводятся. При проведении дознания незаконные мигранты, как правило, не допрашиваются, а если допрашиваются, то содержание допросов носит малоинформативный характер, очные ставки между ними и организаторами незаконной миграции не проводятся [10, с. 32].

Часто уголовные дела поступают в следственные подразделения после выдворения незаконных мигрантов за пределы Российской Федерации, что делает практически невозможным проведение с ними следственных действий. Ответы же на международные следственные поручения, в т. ч. касающиеся проведения допросов иностранных граждан, оказываются не достаточными для принятия законного решения по делу. Основными причинами сложившегося положения являются отсутствие практики раскрытия и расследования преступлений данной категории, а также недостатки в организации взаимодействия между дознавателями, следователями, сотрудниками оперативных подразделений, ФМС и иными службами органов внутренних дел, а также других правоохранительных органов.

Кроме того, причиной недостаточного уровня раскрытия и расследования преступлений данной категории является и то, что дознаватели и следователи по-прежнему испытывают сложности в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию. Они порой не владеют знаниями о порядке въезда иностранных граждан и лиц без гражданства в Российскую Федерацию, их пребывания на территории России; об организациях, имеющих отношение к вопросам миграции.

В связи с этим возникает необходимость продолжения формирования методики расследования преступлений об организации незаконной миграции для повышения эффективности работы правоохранительных органов.

Список цитируемой литературы:

1. Данные получены с официального сайта ООН. Режим доступа: www.un.org
2. Данные получены с официального сайта МВД России. Режим доступа: www.mvd.ru
3. Латентная преступность в России: состояние и прогнозы. М., 2005. С. 32.
4. Проблемы противодействия экстремизму // Современные гуманитарные проблемы: сб. науч. тр. / редкол.: _____ и др. – Волгоград: ВА МВД России, 2010. – Вып. 12. С. 114-122;
Организация доследственной проверки и расследования незаконного оборота наркотических средств: учеб. пособие / _____ – Волгоград: ВА МВД России, 2011. С. 88.
5. Особенности расследования организации незаконной миграции: дисс. канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 40;
Криминалистическая характеристика преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2007. № 4. С. 117 – 118;
Преступная группа – необходимая составляющая криминалистической характеристики комплексной методики расследования преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2010. №12. С. 135 – 137;
Незаконный оборот драгоценных металлов и камней: монография. М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2011. 279 с.; _____ Особенности тактики производства отдельных следственных действий последующего этапа расследования преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и камней // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1-1. С. 145 – 147; _____ О новых подходах в борьбе с преступностью в сфере оборота драгоценных металлов и камней // Перспективы науки. 2013. № 8. 206 – 207.
6. Особенности расследования организации незаконной миграции: уч. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2010. С. 14.
7. Анализ преступности в России // ВНИИ МВД РФ. 2005. С. 16.
8. Особенности расследования организации незаконной миграции: дисс. канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 43.
9. Методика расследования организации незаконной миграции: уч. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2007. С.32.

© В.А. Шарков

	Maria Shkele
Доцент кафедры уголовного права кандидат юридических наук, доцент	Associate professor of Department of Criminal Law, Candidate of Juridical Sciences
Санкт-Петербургский университет МВД России	Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ACTUS REUS ISSUES IN ARTICLE 272 CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Summary: the article considers illegal access to computer information as the act provided by the criminal law. The concept of illegality and especially his interpretation researched. The ways of perfection of the criminal legislation on liability for unlawful access to computer information proposed.

Keywords: criminal law, cybercrime, information security, illegal access.

Жизнь современного общества уже немыслима без информационных, в том числе компьютерных технологий хранения, обработки и использования информации. Направления уголовной политики в сфере охраны информационных ресурсов находят отражение в стратегических документах России на национальном и международном уровнях [1]. Перестали быть чем-то экзотическим данные преступления и для судебной системы. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2013 по статье 272 УК РФ было осуждено 147 человек (из них 68 как за основное преступление, 79 – по совокупности с другими преступлениями). За

совершившими административное правонарушение, исполнения назначенного судебным решением наказания» [6].

Понятно, что такое толкование отражает смысл и цель рассматриваемой статьи, но, к сожалению, существенно отходит от буквального толкования. Действительно, если уполномоченное на ведение компьютерной базы данных лицо (в рассматриваемом случае речь шла о фальсификации информации в базе данных АИПС, внедренной в УГИБДД, путем удаления записей о привлечении конкретных лиц к административной ответственности за нарушение ПДД и лишения их права управлять транспортным средством) использует служебное положение по поводу доступа к компьютерной информации с правом на ее модификацию во вред интересов службы, умышленно уничтожает значимые записи (в примере – по поводу лишения водительских прав), то, несомненно, такие действия должны образовывать состав преступления. Но какого? Из трех статей, предусмотренных главой 28, прямо не подходит ни одна! Хотя в указанном выше законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в статье 16 указывается, что защита информации представляет собой принятие правовых, организационных и технических мер, направленных на обеспечение защиты информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также от иных неправомерных действий в отношении такой информации... В связи с этим позиция судебной практики при оценке такого признака как неправомерность доступа понятна, но может восприниматься как противоречащая статье 3 УК РФ. Несовершенство текста уголовного закона, отсутствие в нем прямых указаний на уголовную ответственность за подделку компьютерной информации лицом, имеющим к данной информации доступ по службе или по работе (хотя, вероятно, именно этот случай имелся в виду при формулировании в части третьей статьи 272 УК квалифицирующего признака – лицом с использованием служебного положения) не лучшее оправдание рассматриваемого расширительного толкования признака «неправомерный».

Тем более, что как известно, при формулировании в законе квалифицированных составов с использованием ссылок на часть первую диспозиций термин «деяние» охватывает все признаки объективной стороны, предусмотренные для простого состава. И если иногда в литературе и возникает спор об относимости к деянию последствий, то уж само общественно опасное деяние со всеми своими признаками (в рассматриваемом случае – неправомерность доступа) необходимо и для привлечения к ответственности по частям второй, третьей и четвертой рассматриваемой статьи.

По нашему мнению, возможны различные пути решения обозначенной проблемы.

Во-первых, возможно внесение изменений в текст диспозиции статьи 272 УК РФ с тем, чтобы преобразовать ее в состав с альтернативными действиями: неправомерные доступ, уничтожение, модифицирование, блокирование, копирование, предоставление, распространение, а также иные неправомерные действия в отношении охраняемой законом компьютерной информации. С учетом принципа субъективного вменения неправомерность при этом должна осознаваться правонарушителем. Кроме того, возможно использовать термины «заведомо» или «умышленно совершенные» с тем, чтобы предотвратить возможность привлечения по данной статье лиц, совершивших такие действия неосторожно, в силу недостаточной компьютерной грамотности либо погрешностей компьютерного обеспечения, в том числе систем поиска информации. Предлагаемая формулировка соответствует положениям статьи 16 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

С тем, чтобы предотвратить возможность привлечения к уголовной ответственности за деяния, не содержащие в достаточной мере общественной опасности, кроме существующей нормы в части 2 ст. 14 УК РФ, возможно формулирование подобного состава в КоАП РФ за указанные неправомерные действия, а в УК РФ предусмотреть необходимость наличия общественно опасных последствий, которые могут быть сформулированы как «...повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства».

В результате, диспозиция части первой статьи 272 УК РФ могла бы выглядеть таким образом:

«1. Заведомо неправомерные доступ, уничтожение, модифицирование, блокирование, копирование, предоставление, распространение либо иные неправомерные действия в отношении охраняемой законом компьютерной информации, повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства».

Второй путь решения, который также возможен, это включение в УК РФ в главу 28 новой статьи, предусматривающей уголовную ответственность за подделку охраняемой законом компьютерной информации. Следует иметь в виду, что статья 159-6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации», включенная законодателем в главу 21 «Преступления против собственности», относится к хищениям, для которых подделка компьютерной информации является лишь способом совершения преступления и не охватывает все остальные случаи подделки компьютерной информации.

Рассмотренные изменения позволили бы избежать расширительного толкования (если даже не аналогии) при осуждении

лиц, осуществляющих благодаря имеющемуся у них по службе или работе доступу подделку и фальсификацию охраняемой законом компьютерной информации с использованием служебного положения.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовная политика в сфере охраны информационных ресурсов // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы межвузовской научно-практической конференции (22 ноября 2013 года) / сост.: СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2013. С. 217 – 225.
2. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>
3. Комментарий к статье 272 УК РФ / Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практическое пособие в 3-х томах; под общ. ред. . Т.3: Особенная часть. – Тамбов-Санкт-Петербург-Липецк: Изд-во Першина Р.В., 2014. С. 243 – 247; см. также: Уголовное право. Общая часть: учебно-метод. пособие / под ред. М.: Юнити-Дана, 2015. 271с.
4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон РФ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Российская газета. 2006. 29 июля. № 165.
5. и др. Преступления в сфере высоких технологий: учебное пособие. – М.:ЦОКР МВД России, 2010. С. 111.
6. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 30 января 2009 г. № 89-008-88.

© М.В. Шкеле

	Sergei Yanin
Начальник кафедры организации следственной работы УНК по ПС в ОВД кандидат юридических наук, доцент	Head of the preliminary investigation department Candidate of Juridical Sciences
Волгоградская академия МВД России	The Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry

ABOUT EFFECT OF STATE PROTECTION OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract: The article is refers to effect of state protection of participants in criminal proceedings, it analyzes the rule of law. providing protection participants in the process, the proposed measures the most effective application of the law.

Keywords: content of state protection; participants in criminal proceedings.

Не секрет, что эффективность уголовного судопроизводства в любой стране определяется качеством работы органов расследования, которое напрямую зависит от желания сотрудничества с ними участников судопроизводства. Однако незаконное воздействие преступников на участников судопроизводства в целях уйти от ответственности за содеянное может отрицательно сказаться на указанном выше сотрудничестве, и виновные наказаны не будут.

Дача показаний, согласно российскому уголовно-процессуальному закону, является обязанностью свидетелей и потерпевших, и правом подозреваемых и обвиняемых. Однако обязанностью государства при этом является недопущение незаконного воздействия на указанных лиц, сотрудничающих с органами расследования. В уголовно-процессуальном

причинении телесных повреждений или иного вреда здоровью, исключающих дальнейшую возможность заниматься профессиональной деятельностью, компенсация равна 36-кратному размеру среднемесячной заработной платы. При причинении лицам телесных повреждений, не повлекших стойкой утраты трудоспособности, компенсация составляет 12-кратный размер среднемесячной заработной платы (среднемесячного денежного содержания).

Кроме лиц, обладающих властными полномочиями, меры социальной поддержки распространяются также и на не обладающих таковыми – свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых. Так, в случае гибели (смерти) защищаемого лица, наступившей в связи с его участием в уголовном судопроизводстве, членам семьи погибшего (умершего) защищаемого лица (женам (мужьям), детям, не достигшим 18-летнего возраста либо старше этого возраста, если они стали инвалидами до достижения 18-летнего возраста, а также детям, обучающимся в образовательных учреждениях по очной форме обучения до достижения ими возраста 23 лет, отцам и матерям) и лицам, находившимся на его иждивении, выплачивается единовременное пособие в размере 100 тысяч рублей в равных долях каждому.

Кроме того, защищаемому лицу в случае причинения ему в связи с его участием в уголовном судопроизводстве телесного повреждения (увечья) или иного вреда его здоровью (ранения, травмы, контузии), повлекших за собой наступление инвалидности, выплачивается единовременное пособие:

- инвалидам I группы - в размере 75 тысяч рублей;
- инвалидам II группы - в размере 50 тысяч рублей;
- инвалидам III группы - в размере 35 тысяч рублей.

Защищаемому лицу выплачивается единовременное пособие в случае причинения ему в связи с его участием в уголовном судопроизводстве в зависимости от степени тяжести телесного повреждения или иного вреда его здоровью, не повлекших за собой наступление инвалидности:

- тяжелой степени - в размере 20 тысяч рублей;
- средней степени - в размере 15 тысяч рублей;
- легкой степени - в размере 10 тысяч рублей.

3. Впервые в отечественной практике были разработаны организационные меры обеспечения безопасности, закреплённые в целом ряде федеральных законов:

- Уголовно-процессуальном кодексе 2001 г.;
- Уголовно-исполнительном кодексе;
- федеральном законе «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»;

- федеральном законе «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»;
- федеральном законе «Об оперативно-разыскной деятельности»;
- федеральном законе «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Указанные нормативные акты либо предусматривают специфический порядок проведения некоторых процессуальных действий в целях обеспечения безопасности участников судопроизводства (УПК России), либо содержат ряд конкретных организационных мер (либо предпосылок для их осуществления), которые могут быть применены в отношении отдельных категорий участников уголовного судопроизводства для обеспечения их безопасности в зависимости от ситуации.

Меры безопасности, предусмотренные действующим законодательством, осуществляются по уголовным делам соответствующей подследственности органами внутренних дел, федеральной службы безопасности, таможенными, по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ; командованием воинских частей – в отношении лиц из числа военнослужащих; учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции – в отношении защищаемых лиц, находящихся в СИЗО либо местах отбывания наказания [1].

Таким образом, на наш взгляд, в настоящее время организационно завершён процесс построения механизма обеспечения государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству либо осуществляющих его. Указанный механизм в комплексе предусматривает возможность применения уполномоченными на то государственными структурами мер обеспечения безопасности жизни, здоровья и собственности таких лиц и их близких; меры правовой защиты, предусматривающих повышенную уголовную ответственность за посягательство на жизнь, здоровье и имущество указанных лиц; применение мер социальной поддержки, предусматривающих обязанность государства возместить указанным лицам имущественный либо физический вред, причиненный в связи с содействием уголовному правосудию, путем осуществления установленных нормативными актами выплат.

Список цитируемой литературы:

1. Проблемы оперативного документирования преступлений, совершаемых в сфере оборота драгоценных металлов и камней и способы их устранения // Право и государство: теория и практика. 2013. № 9 (105). С. 101 – 104; Преступления в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней. Особенности производства отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования данных преступлений// Закон и право. 2011. № 10. С. 69 – 72.

© С.А. Янин.

СЕКЦИЯ ГРАЖДАНСКО - ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; СТРАХОВОЕ ПРАВО; ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

ГРНТИ 10.27.01

УДК 347.1

	Natalia Baturina
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России	assistant professor of civil and legal disciplines Department of the Volgograd Academy of the Russian Interior Ministry, PhD in Law

THE FORMS OF THE FAMILY RIGHTS PROTECTION

Abstract: The article deals with such forms of protection of family rights, as a judicial order, protection of the rights in the state bodies and Guardianship Bodies, as well as a separate way to protect family rights self-defense.

Keywords: defense, family law, family law, government agencies, guardianship authorities, self-defense, the court, the court order.

В России реализация и защита семейных прав граждан гарантируются Конституцией РФ и семейным законодательством. Согласно нормам ст. 7 Семейного кодекса РФ (далее - СК РФ) гражданам предоставляется право по своему усмотрению распоряжаться принадлежащими им семейными правами, в том числе правом на защиту этих прав, если иное не предусмотрено законом [1]. Использование субъективных прав, а также отказ от них определяется их обладателями (членами семьи) по собственному усмотрению, если на законодательном уровне не предусмотрены ограничения. Существование таких ограничений вызвано общественными интересами, необходимостью защитить права детей и лиц, нуждающихся в пристальной защите государства. Особенностью семейных правоотношений является то, что многие права субъектов семейного права одновременно выступают в качестве их семейных

обязанностей. Это в основном относится к правоотношениям между родителями и детьми. Так, например, право родителей на воспитание детей одновременно является их основной обязанностью. Или по алиментному соглашению законодателем установлены пределы размера алиментов, причитающихся для содержания несовершеннолетних детей. Поэтому осуществление или неосуществление того или иного права не может быть передано на усмотрение правообладателя, в конкретном примере - родителям. Кроме того, законодатель указывает на необходимость соблюдения основных принципов семейного законодательства, норм нравственности и морали при реализации или воздержании лицами своих прав.

Осуществление членами семьи своих прав и исполнение ими своих обязанностей не должны нарушать права, свободы и законные интересы других членов семьи и иных граждан. Это означает, что осуществление каждого права не беспредельно, а ограничено правами других лиц. Так, заключая брачный договор, стороны не могут ограничивать правоспособность или дееспособность одного из супругов или его право на обращение в суд за защитой нарушенных прав, предусматривать положения, ограничивающие право нетрудоспособного нуждающегося супруга на получение содержания или содержать условия, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение.

Если права и законные интересы других лиц нарушены сознательно с основной целью - причинить им вред (такое злоупотребление правом в мировой практике получило название "шикана"), то такое нарушение не пользуется правовой защитой. Подобные действия встречаются и в семейных отношениях - запрет ребенку общаться с бабушкой или дедушкой, если с родителями (или одним из них) ребенка не сложились или разладились отношения. В то же время, согласно ст. 55 СК РФ, ребенок имеет право на общение со своими родственниками, следовательно, запрет, который исходит от родителя, будет рассматриваться, как злоупотребление правом.

интересов может иметь место без цели злоупотребления правом. Например, методы воспитания о согл

т

□

гражданского судопроизводства, а в случаях, предусмотренных СК РФ, государственными органами, в том числе органами опеки и попечительства. Однако, в ст. 8 СК РФ не указаны государственные органы, осуществляющие защиту семейных прав, они конкретизируются лишь в определенных статьях СК РФ. Например, в соответствии со ст. 122 СК РФ в защите прав и интересов детей, оставшихся без попечения родителей, принимают участие органы исполнительной власти субъектов РФ и федеральные органы исполнительной власти, определяемые Правительством РФ. К государственным органам можно отнести тех, деятельность которых направлена на защиту нарушенных или оспариваемых семейных прав – прокуратур, органы внутренних дел, орган загса, медицинские и общеобразовательные организации и иные. Так, согласно п. 2 ст. 79 СК РФ принудительное исполнение решений, связанных с отобранием ребенка и передаче его другому лицу производится с участием не только органа опеки и попечительства, а в необходимых случаях с участием представителя органов внутренних дел. Следует отметить, что, несмотря на то, что органы опеки и попечительства осуществляют защиту семейных прав в административном порядке, как и другие государственные органы, законодатель все же выделяет самостоятельность их деятельности, выраженную в защите интересов и семейных прав несовершеннолетних детей. Так, органы опеки и попечительства дают согласие на установление отцовства, если отец не состоит с матерью ребенка в браке, в случае смерти матери, признания её недееспособной, невозможности установления местонахождения матери (п. 3 ст. 48 СК РФ). С согласия органов опеки и попечительства возможно установление отцовства в отношении лица, признанного недееспособным (п. 4 ст. 48 СК РФ).

На органы опеки и попечительства возлагается обязанность принять все необходимые меры по защите прав и законных интересов ребенка при установлении фактов их нарушения. Например, невыполнение или ненадлежащее выполнение родителями обязанностей по воспитанию, образованию ребенка, злоупотреблению родительскими правами и др. Указанный орган также разрешает разногласия между родителями относительно: имени (или) фамилии ребенка (ст.ст. 56, 58 СК РФ), противоречий интересов (ст. 64 СК РФ), разногласий по поводу воспитания (ст. 65 СК РФ). А так же при возникновении разногласий между опекуном ребенка и несовершеннолетним родителем (ст. 62 СК РФ), при отобрании ребенка в связи с возникновением непосредственной угрозы жизни или здоровью ребенка (ст. 77 СК РФ).

Широкими полномочиями в сфере защиты семейных прав наделен прокурор. Так, согласно ст. 28 СК РФ право требовать признания брака недействительным имеет не только супруг и ряд других заинтересованных лиц, но и прокурор. Помимо этого прокурор

обязан участвовать в делах о лишении, восстановлении и ограничении родительских прав (ст. 70, 72, 73 СК РФ), усыновлении ребенка (ст. 125 СК РФ), отмене усыновления (ст. 140 СК РФ) и в других случаях, прямо предусмотренных семейным законодательством.

Защита семейных прав может быть осуществлена в дипломатических представительствах и консульствах РФ в таких случаях, как: расторжение брака между гражданином РФ, проживающим за пределами территории РФ с проживающим на территории РФ супругом не зависимо от его гражданства (ст. 160 СК РФ). Или при усыновлении защита прав и законных интересов детей, являющихся гражданами РФ за пределами нашего государства, осуществляется консульскими учреждениями РФ, в которых указанные дети состоят на учете до достижения ими совершеннолетия (ч. 3 ст. 165 СК РФ).

В литературе высказывается точка зрения относительно того, что законом не исключается самозащита гражданами своих семейных прав путем совершения действий, пресекающих нарушение права. Такая форма допустима в случаях, когда субъект правоотношения располагает возможностями правомерного воздействия на нарушителя без помощи суда или государственных органов [2]. Мы разделяем данную точку зрения и это объясняется следующим. Статья 4 СК РФ разрешает применение к семейным отношениям гражданское законодательство, которое в свою очередь предусматривает как один из способов защиты гражданских прав - самозащиту (ст. 12 ГК РФ) [3]. Следовательно, можно смело говорить о том, что к семейным отношениям допускается самозащита, как один из способов защиты семейных прав, но только в том случае, когда это возможно и законодателем не предусмотрен иной способ защиты. При злоупотреблении родительскими правами или по иным основаниям, предусмотренным ст. 69 СК РФ, только суд может лишить родителей или одного из них родительских прав, самозащита здесь не может быть применима. А вот, при разногласиях между супругами, не обязательно обращаться в орган ЗАГС или суд, а попытаться разрешить ситуацию самостоятельно, не доходя до расторжения брака. Способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения.

Большинство споров, возникающие в связи с нарушением или посягательством на семейные права, рассматриваются только в судебном порядке, и ни какой иной способ защиты не допускается. Так, СК РФ предусматривает рассмотрение споров в судебном порядке в следующих случаях: расторжение брака при наличии у супругов общих несовершеннолетних детей (ст. 21); признание брака недействительным (ст. 27); раздел в случае спора общего имущества супругов (ст. 38); изменение или расторжение брачного договора и признание его недействительным (ст.ст. 43,44); установление

отцовства и установление факта признания отцовства (ст.ст. 48,49,50); взыскание алиментов на содержание ребенка и иных членов семьи (ст.ст. 60,81,83,87,89,91 и др.); разрешение споров родителей о воспитании ребенка (ст. 65); разрешение споров, связанных с отказом от предоставления информации родителю, проживающего отдельно от ребенка, о своем ребенке (ст. 66); устранение препятствий к общению с ребенком (ст. 67); рассмотрение споров о возврате ребенка, удерживаемого другими лицами (ст. 68); споры о лишении родительских прав (ст. 70); споры о восстановлении в родительских правах (ст. 72); споры об ограничении родительских прав (ст. 73); споры об отмене ограничений родительских прав (ст. 76); споры об изменении или расторжении соглашения об уплате алиментов и признании его недействительным (ст.ст. 101,102); споры о привлечении к ответственности лиц, несвоевременно уплачиваемых алименты (ст. 115); споры по индексации алиментов (ст. 117); усыновление детей и отмена усыновления (ст.ст. 125,141) и др.[4].

Многие дела, возникающие из семейных правоотношений, отнесены Гражданско-процессуальным кодексом РФ к ведению мировых судей, за исключением дел об оспаривании отцовства (материнства), установлении отцовства, о лишении родительских прав, об усыновлении (удочерении) ребенка [5].

Список цитируемой литературы:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.95г. № 223-ФЗ. (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст.16.
2. Семейное право России. Издательство НОРМА. М., 2007. С. 70.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994г. № 51-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Проблемы защиты семейных прав по семейному законодательству РФ: дисс. канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 32.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

© Н.И. Батурина

ГРНТИ 10.27.01.
УДК 373.1

	Evgenii Bozhko
Аспирант кафедры теории и истории государства и права	Graduate student of Theory and History of State and Law
Белгородский университет кооперации, экономики и права	Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

VIEWS VD Katkov ON LEGAL NATURE NOTES

Abstract: The article discusses some aspects of the legal nature of the bill in the context of the formation and development of the domestic legal thought in the light of the views of the individual writers pre-revolutionary period and their importance at the present stage. Represented by and disclosed the relevance of the fundamental provisions of the bill as reflected in scientific works VD Katkov, as one of the founders of modern ideas about the bill in the context of the evolution of civil relations.

Keywords: securities, promissory notes, bills of exchange law, legal nature, civil institution, legal doctrine, the domestic legal thought, contractual theory.

На современном этапе развития общества и государства, в контексте существующих международных и национальных преобразований, нормальное, поступательное развитие и функционирование гражданско-правовых отношений не возможно без существования различных правовых институтов, истоки возникновения и становления которых уходят глубоко корнями в историю отечественной государственно-правовой мысли. В частности одним из ключевых, наиболее сложных и самостоятельных правовых институтов, выступает, такое, наиболее универсальное правовое

явление, связанное с гражданским оборотом как вексель, изучение которого в его исторической ретроспективе сквозь призму правовой мысли отдельных ученых представляется весьма актуальным и требует отдельного внимания.

Вместе с тем данный феномен на протяжении многих веков, составляющих историю гражданско-правового оборота пронизывает многие сферы гражданско-правового бытия, где отдельные субъекты данной группы общественных отношений, непосредственно либо опосредованно, сознательно или не осознанно, вынуждены сталкиваться с данным правовым явлением. В данном контексте представляется, что вексель можно рассматривать как уникальное правовое явление в гражданском праве, представляющий собой сложный гражданско-правовой институт, а вексельное право является одним из специфических разделов гражданского права.

В свою очередь юридическая природа векселя, в том числе его происхождение и эволюция, в представлениях современных ученых получила достаточно широкое освящение в юридической литературе. Более того неоднозначно современная правовая доктрина трактует и понятие данного явления, выдвигая множество подходов к определению его сущности, каждое из которых имеет право на существование, однако, наиболее интересным представляется мнение В.Н. Урукова и О.В. Фисенко, указывающих, что понятие «вексель» является собирательным и определяется наличием следующих основных аспектов применительно к конкретным правоотношениям: вексель как объект гражданских прав; вексель как обязательство; вексель как сделка; вексель как юридический факт; вексель как долговая расписка (документ)[5, с.73], что в своей совокупности, подтверждает многогранность данного правового явления и обуславливает наличие комплексного подхода к его изучению в воззрениях современных юристов.

Представляется, что в настоящее время, использование векселя, как одного из наиболее распространенного вида ценных бумаг направлено на решение целого ряда задач, преимущественно экономического характера, в том числе привлечение заемных средств, замещение платежных (расчетных) инструментов (денег), замещение активов предприятий, легальное получение наличных денег, а также обеспечительные (залоговые) задачи[2, с.5]. Тем самым, в условиях современной мировой интеграции, обуславливающей необходимость решения определенных задач, вексель перестает быть исключительным элементом гражданско-правовых отношений, постольку поскольку, необходимость его использования, с каждым годом диктуется, существующими экономическими предпосылками. Но и при таких обстоятельствах, изучение юридической природы векселя на современном этапе, а также решение существующих проблем в рассматриваемой сфере, представляется невозможным без

опоры на сложившиеся научные подходы, к пониманию данного явления, сформулированные некоторыми отечественными юристами на различных этапах развития нашего государства.

Вместе с тем вексель выступает в качестве одного из древнейших институтов ценных бумаг, прошедший в своем развитии ряд определенных исторических этапов, каждый из которых, безусловно, характеризуется определенными особенностями и, так или иначе, способствовал современному формированию представлений о векселе в отечественной юридической науке. При этом в качестве основного, можно выделить дореволюционный период российского государства, в рамках которого, пожалуй, получили должное осмысление основные положения регулирующие вексельные правоотношения дошедшие до наших дней, преимущественно в трудах таких выдающихся русских цивилистов, как С.М. Барац, Н.О. Нерсесов, А.И. Каминка, Л.И. Петражицкий, П. Писемский, А.И. Улинский, И. Табашников, И.Т. Тарасов, А.Ф. Федоров, П.П. Цитович, Г.Ф. Шершеневич и другие[8, с.212], чей вклад в разработку и развитие отечественной доктрины акционерного права и теории ценных бумаг, в том числе векселя, представляется весьма значительным и безусловно способствовал зарождению фундаментальных основ акционерного права, а также созданию понятийного аппарата и основных принципов регулирования российского рынка ценных бумаг.

В свою очередь также, одним из основоположников российской правовой мысли, связанной с определением юридической природы векселя и его обращением на современном этапе, выступает такой выдающийся отечественный ученый-правовед, как Василий Данилович Катков, чьи фундаментальные идеи в рассматриваемой сфере, изложенные в соответствующих научных трудах, безусловно, заслуживают отдельного внимания и рассмотрения.

В качестве основных научных трудов В.Д. Каткова, затрагивающих рассматриваемую проблему, можно выделить такие, как «Общее учение о векселе»[3] и «Передача векселя по надписи (индоссамент)»[4]. Причем последняя работа написана им уже в рамках преподавательской деятельности на юридическом факультете Новороссийского университета в 1909-1917 году, защита, которой в качестве магистерской диссертации в 1910 году, предопределила его работу в данном университете уже в должности профессора кафедры политической экономики и статистики с 1911 года[1, с.35]. Сформулированные В.Д. Катковым более века назад основные постулаты в указанных научных трудах в настоящее время не утратили своей актуальности и безусловно, могут быть использованы современной юридической наукой при разрешении существующих правовых коллизий в рассматриваемой сфере.

В частности, в качестве одного из наиболее актуальных и сложных вопросов в науке гражданского права можно выделить вопросы, связанные с юридическим основанием векселя. Что обусловило возникновение в XIX веке двух основных теорий о происхождении ценных бумаг, в том числе векселя, а именно договорной теории и теории одностороннего общения (теории одностороннего волеизъявления). В этой связи представляются интересными взгляды В.Д. Каткова о договорном характере векселя, не утратившие своего значения в наше время, который, как и, например, Г.Ф. Шершеневич, рассматривал вексель как договорное обязательство, отмечая при этом, что имеется виду не то договорное обязательство, которое привело к векселю (например, куплю-продажу или заем), а то отношение, которое создается векселем. При этом договорной момент обнаруживается в том, что векселедатель становится ответственным в силу передачи ему векселя – документа с намерением обязать перед ним. Следовательно, если бы вексель вышел из рук создавшего его векселедателя помимо его воли, – вексельное обязательство не создано бы [6, с.29]. Причем, Г.Ф. Шершеневич определяет вексель как одностороннее обязательство, основанное на договоре и выраженное в письменной, строго определенной форме заплатить денежную сумму [9, с.40], что, безусловно, можно рассматривать, в качестве ключевого аспекта для определения векселя с позиции договорной теории.

Вместе с тем в контексте существующих особенностей изучения и рассмотрения оснований возникновения вексельного обязательства, нельзя обойти вниманием ставшее классическим в отечественном вексельном праве утверждение В.Д. Каткова, согласно которому «основание выдачи векселя остается в тени и не интересует судью до тех пор, пока не будет доказано должником, что мнимый веритель получил вексель недобросовестным путем» [3, с.287]. Тем самым в условиях сформировавшегося в юридической литературе мнения о возникновении вексельного обязательства преимущественно из односторонней сделки [7, с.44], фактически, данное положение, сформулированное ученым, предопределяет, односторонность сделки, наряду с выдачей векселя, лишь в качестве одного из юридических фактов порождающих вексельное обязательство, закрепляя при этом, что все же в качестве наиважнейшего, фундаментального юридического факта с которым необходимо связывать возникновение вексельного обязательства, выступает именно вексельный договор, что представляется весьма обоснованным в контексте существующей неоднозначной судебной практики связанной с обращением данного вида ценных бумаг.

Безусловно, представление В.Д. Каткова о юридической природе векселя не ограничивается одними лишь воззрениями относительно проблем связанных с договорным характером

возникновения вексельного обязательства, а включает в себя обширный спектр сформулированных им правовых постулатов, в том числе, связанных с особенностями передачи векселя посредством передаточной надписи, представляющиеся актуальными на современном этапе, которые в совокупности с воззрениями других ученых рассматриваемого периода заслуживают более пристального внимания в рамках отдельной темы научного исследования.

Список цитируемой литературы:

1. Преподаватели и студенты юридического факультета Новороссийского университета (XIX - начало XX в.) // Юридическое образование и наука. 2007. № 4.
2. Поддельный вексель: защита гражданских прав участников вексельного оборота // Экономико-правовой бюллетень. 2007. № 7.
3. Общее учение о векселе. Харьков, 1904.
4. . Передача векселя по надписи (индоссамент). Одесса: Тип. «Техник», 1909.
5. Основания выдачи и передачи векселя // Право и экономика. 2010. № 3.
6. Договорная теория в системе дуалистической концепции векселя // Бюллетень нотариальной практики. 2009. № 5.
7. Договор - важнейшее основание возникновения вексельного обязательства // Право и экономика. 2010. № 12.
8. Становление правового регулирования рынка ценных бумаг в России в дореволюционный и советский периоды // Российский юридический журнал. 2011. № 6.
9. Курс торгового права. Т. 3: Вексельное право. М.: Статут, 2003.

© Е.А.Божко

	Alexandr Butenko
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России	assistant professor of civil and legal disciplines Department of the Volgograd Academy of the Russian Interior Ministry, PhD in Law

THE MAIN STEPS OF FORMING A COMMON EUROPEAN INSURANCE MARKET

Abstract: This article describes the main steps of forming a common European insurance market.

Keywords: insurance law, insurance, insurance companies

История образования Единого Европейского страхового рынка берет свое начало с 25 мая 1957 г., когда страны, подписавшие Римский договор, поставили перед собой цель устранить все преграды на пути свободного передвижения людей, товаров, услуг и капитала. Формирование общего рынка в европейском страховании шло в русле общемирового процесса интеграции. Для реализации цели создания Единого Европейского рынка в страховании была создана Европейская комиссия по страхованию, в основные функции которой входили: наблюдение за правильным пониманием и исполнением требований Единого Европейского страхового законодательства и наблюдение за правильным пониманием и исполнением требований Единого Европейского страхового законодательства в национальных экономиках и представительствах Сообщества в международных организациях [2].

Начало создания Единого Европейского страхового законодательства было положено рабочей группой Европейской комиссии по страхованию, которая сформулировала основные принципы организации страхового дела:

1) свобода для страховых компаний любой национальной принадлежности в организации самостоятельных страховых компаний в любой стране Европейского Союза (далее – ЕС);

2) свобода продвижения страхового продукта по странам ЕС без обязательного открытия филиалов;

3) честная конкуренция на добросовестных началах и равных условиях, запрет на дискриминацию;

4) создание единых правил в области обеспечения финансовой устойчивости страховых компаний;

5) создание прозрачного, доступного для всех членов ЕС рынка, обеспечивающего полную свободу передвижения страхового продукта, услуг и информации;

6) использование адекватной и сравнимой по всем финансовым показателям информации для всех стран-членов ЕС.

Для претворения в жизнь вышеуказанных принципов Европейская комиссия по страхованию приступила к разработке Единого Европейского страхового законодательства. В его основу легли более 300 директив, принятых Советом Министров ЕЭС по проблемам страхового дела. Все содержащиеся в них нормативные положения по различным аспектам страховой деятельности страны-члены ЕЭС должны были незамедлительно вносить в свое национальное страховое законодательство. Проекты директив, подготовленные комиссией по страхованию, изучаются правительственными структурами всех стран ЕС, а окончательное согласование проводится на регулярных конференциях представителей национальных органов страхового надзора.

Римским договором был предусмотрен план, предполагавший завершение строительства Единого Европейского страхового рынка по истечении 20 лет. Согласно этому плану образование Единого Европейского страхового рынка в Западной Европе должно было пройти две стадии. На первой стадии к концу 1963 г. планировалось снять национальные ограничения на перестрахование и ретроцессию, а на второй – к концу 1969 года ввести свободу организации предоставления услуг для страхования жизни и прочих видов страхования. Однако первоначальное расписание было изменено, и единый европейский рынок стал реальностью только в 1994 г. [1].

Нормативное регулирование страхования недвижимости появилось только на втором этапе становления Единого Европейского страхового рынка, с выходом в свет страховых директив первого поколения в 1973 г. Рассматриваемый нами вид страхования входил в группу так называемого страхования «non-life insurance» и регулировался директивой «О свободе предоставления услуг в страховании «non-life insurance» № 80/35/ЕЕС. Данной директивой устанавливалась граница между двумя категориями рисков в зависимости от их размера и статуса полисодержателя. В соответствии с этим все риски классифицировались на крупные риски (иначе, промышленные и коммерческие) и массовые риски (риски отдельных потребителей). В категорию крупных рисков попадают

принадлежащие промышленным и коммерческим компаниям такие объекты недвижимости, как воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, а также объекты ипотеки [3] и иные объекты, относимые к недвижимости. Все остальные объекты недвижимости, собственниками которых являлись физические лица, попадали в категорию массовых рисков.

Дальнейшее развитие страхование недвижимости получило с выходом директив третьего поколения. Их введение в законодательство стран ЕС произошло в 1994 г. Эти директивы полностью ликвидировали различие между крупными и массовыми рисками в страховании недвижимости. Также была упразднена система предварительного согласования договорных условий при страховании недвижимости.

Таким образом, директивы третьего поколения практически освободили страховой рынок недвижимости в Европе от вмешательства государства, что создало условия для появления оптимальных страховых продуктов. Страхователь, оставаясь в своих привычных языковых и налоговых рамках, получил возможность широкого выбора нововведенных страховых продуктов в сфере страхования недвижимости, предлагаемых по лучшим ценам компаниями стран ЕС, что по своей сути явилось лучшей гарантией защиты прав потребителей.

Список цитируемой литературы:

1. Тенденции развития страхования в странах Западной Европы: Дис. канд. экон. наук. М., 1999. С. 34-35.
2. Опыт страхования недвижимости в восточноевропейских странах как способ совершенствования страховой деятельности в сфере недвижимости в Российской Федерации // Современные гуманитарные проблемы: Сб. науч. тр. – Волгоград: Изд-во ВА МВД России, 2005. Вып. 3. С. 122.
3. Проблемы страхования ипотечного кредита // Современные гуманитарные проблемы: Сб. науч. тр. Волгоград: Изд-во ВА МВД России, 2005. Вып. 3. С. 124.

© А.А. Бутенко

	Ice Johnov
адъюнкт Волгоградской академии МВД России, начальник отделения уголовного розыска ОМВД России по Целинному району МВД по Республике Калмыкия	adjunct Volgograd Academy of the Russian Interior Ministry, Head of the Criminal Investigation OMVD Russia's Celinny district in the Republic of Kalmykia

SOME FEATURES OF REGISTRATION LOCAL RELIGIOUS ORGANIZATIONS AS CORPORATIONS

Abstract: The article deals with the statutory procedure for registration of a religious organization as corporation.

Keywords: registration, a religious organization, juridical person

В современной отечественной цивилистике наблюдаются серьезные процессы, направленные на модернизацию правового института юридического лица. Сегодня по-новому определяются критерии данной категории, совершенствуется классификация юридических лиц, что в свою очередь требует определения надлежащего места религиозных организаций в системе юридических лиц, как специфических участников гражданско-правовых отношений.

На сегодняшний день на территории Российской Федерации зарегистрировано свыше 23 тысяч религиозных организаций. Ежегодно наблюдается тенденция к постоянному увеличению их числа. Зарегистрированные в установленном порядке религиозные организации, представляют весь спектр мировых духовных конфессий и направлений, как традиционных для нашей страны, так и появившихся сравнительно недавно.

Хотя законодательством признается неоднородность религиозных организаций, как правовой категории, и более того,

определяется конкретная типизация, действующая классификация религиозных организаций не отражает их юридической сущности. Законодательные акты и существующие научные разработки, касающиеся вопросов жизнедеятельности религиозных организаций как участников гражданско-правовых отношений, практически не рассматривают проблематику определения организационно-правовых форм существования таких организаций, либо касаются этого аспекта в самом общем виде, хотя именно организационно-правовая форма определяет пределы правосубъектности религиозной организации (в т.ч. пределы их сделкоспособности и деликтоспособности).

Сложившаяся неопределенность в правовом положении религиозных организаций создает предпосылки для нарушений прав и охраняемых законом интересов граждан и публично-правовых образований. Нередко деятельность псевдорелигиозных организаций радикального характера, при определенном попустительстве государственных органов власти и органов местного самоуправления, направлена на присвоение имущества верующих в целях обогащения учредителей таких организаций, решения их материальных вопросов. Такие процессы внешне оформляются как добровольные пожертвования, однако по сути возникают совсем другие отношения. Известны случаи, когда имущественная база религиозной организации используется как материальная основа религиозных радикалов, экстремистских организаций и объединений религиозной направленности.

Для эффективного противодействия этому, необходимо четко, на законодательном уровне определить в рамках конкретной организационно-правовой формы религиозной организации способы формирования имущественной базы религиозной организации. Крайне важно упорядочить процесс принятия решений по надлежащему использованию этого имущества, а также установить пределы такого использования и меры ответственности за допущенные нарушения.

Особое внимание необходимо уделить процессу регистрации религиозной организации как юридического лица, который наделяет ту или иную группу людей, объединенных общими религиозными взглядами, определенным юридическим статусом.

В соответствии со ст. 123²⁶ Гражданского кодекса РФ (далее - ГК РФ) [1], религиозной организацией признается добровольное объединение постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации граждан Российской Федерации или иных лиц, образованное ими в целях совместного исповедания и распространения веры и зарегистрированное в установленном законом порядке в качестве юридического лица (местная религиозная организация), объединение этих организаций (централизованная религиозная организация), а также созданная указанным

объединением в соответствии с законом о свободе совести и о религиозных объединениях в целях совместного исповедания и распространения веры организация и (или) созданный указанным объединением руководящий или координирующий орган.

В соответствии с нормами ст. 50 ГК РФ религиозная организация является одной из организационно-правовых форм некоммерческих организаций.

Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 года № 7-ФЗ [2] определяет, что некоммерческие организации могут создаваться в форме общественных или религиозных организаций (объединений), общин коренных малочисленных народов Российской Федерации, казачьих обществ, некоммерческих партнерств, учреждений, автономных некоммерческих организаций, социальных, благотворительных и иных фондов, ассоциаций и союзов, а также в других формах, предусмотренных федеральными законами.

Особенности правового положения религиозных организаций как участников гражданско-правовых отношений, помимо ГК РФ определяются Федеральным законом от 26.09.1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [3], где указано, что религиозной организацией признается только то объединение лиц, которое зарегистрировано в качестве юридического лица в соответствии с Федеральным законом от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [4] с учетом специального порядка государственной регистрации религиозных организаций. Религиозная организация не может быть преобразована в юридическое лицо другой организационно-правовой формы.

Решение о государственной регистрации религиозной организации принимается федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в области государственной регистрации общественных объединений (далее - федеральный орган государственной регистрации), или его территориальным органом. Внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о создании, реорганизации и ликвидации религиозных организаций, а также иных предусмотренных федеральными законами сведений осуществляется уполномоченным регистрирующим органом на основании принимаемого федеральным органом государственной регистрации или его территориальным органом решения о соответствующей государственной регистрации. При этом порядок взаимодействия федерального органа государственной регистрации и его территориальных органов с уполномоченным регистрирующим органом по вопросам государственной регистрации религиозных организаций определяется Правительством Российской Федерации.

Рассмотрим подробнее порядок регистрации религиозной организации как юридического лица на примере местной религиозной организации.

Местная религиозная организация - это религиозная организация, состоящая не менее чем из десяти участников, достигших возраста восемнадцати лет и постоянно проживающих в

месяцев в случае необходимости проведения государственной религиоведческой экспертизы. Порядок проведения государственной религиоведческой экспертизы устанавливается уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

В случае несоблюдения заявителем (заявителями) требований, предусмотренных законом, орган, принимающий решение о государственной регистрации религиозной организации, вправе оставить заявление без рассмотрения с уведомлением об этом заявителя (заявителей).

Федеральный орган государственной регистрации или его территориальный орган после принятия решения о государственной регистрации религиозной организации направляет в уполномоченный регистрирующий орган сведения и документы, необходимые для осуществления данным органом функций по ведению единого государственного реестра юридических лиц.

На основании принятого федеральным органом государственной регистрации или его территориальным органом решения о государственной регистрации религиозной организации и представленных ими необходимых сведений и документов уполномоченный регистрирующий орган в срок не более чем пять рабочих дней со дня получения необходимых сведений и документов вносит в единый государственный реестр юридических лиц соответствующую запись и не позднее рабочего дня, следующего за днем внесения указанной записи, сообщает об этом в орган, принявший решение о государственной регистрации религиозной организации.

Федеральный орган государственной регистрации или его территориальный орган не позднее трех рабочих дней со дня получения от уполномоченного регистрирующего органа информации о внесенной в единый государственный реестр юридических лиц записи о религиозной организации выдает заявителю документ, подтверждающий факт внесения записи о религиозной организации в единый государственный реестр юридических лиц.

За государственную регистрацию религиозной организации, изменений, вносимых в ее устав, взимается государственная пошлина.

Отказ в государственной регистрации религиозной организации возможен в следующих случаях:

1. если цели и деятельность религиозной организации противоречат Конституции Российской Федерации и законодательству Российской Федерации (в отказе в обязательном порядке должны указываться ссылки на конкретные статьи законов, нормы которых нарушаются);
2. если создаваемая организация не признана в качестве религиозной;

3. если устав и другие представленные документы не соответствуют требованиям законодательства Российской Федерации или содержащиеся в них сведения не достоверны;
4. если в едином государственном реестре юридических лиц ранее зарегистрирована организация с тем же наименованием;
5. если учредитель (учредители) неправомочен.

В случае отказа в государственной регистрации религиозной организации о принятом решении в письменной форме сообщается заявителю (заявителям) с указанием оснований отказа. Отказ по мотивам нецелесообразности создания религиозной организации не допускается. Отказ в государственной регистрации религиозной организации, а также его уклонение от такой регистрации могут быть обжалованы в суд.

Список цитируемой литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994г. № 51-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12 января 1996 года № 7-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
3. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26.09.1997 года № 125-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.
4. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2001. - № 33 (часть I). Ст. 3431.

© А.В. Джонов.

	Oksana Kotareva
Преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин кандидат юридических наук	Teacher of chair of state and legal disciplines Candidate of Juridical Sciences
Белгородский юридический институт МВД России	Ministry of Internal Affairs Belgorod legal institute of Russia
	Sergey Kotarev
Научный сотрудник научно-исследовательского отдела кандидат юридических наук, доцент	Research associate of research department Candidate of Juridical Sciences
Белгородский юридический институт МВД России	Ministry of Internal Affairs Belgorod legal institute of Russia

PROBLEMS OF WITHDRAWAL OF THE LAND PLOT FOR MUNICIPAL NEEDS

Abstract: article is devoted to withdrawal of the land plot for municipal needs, the procedure and problematic issues arising during withdrawal of the land plot for municipal needs are investigated.

Keywords: land plot; municipal needs; withdrawal.

Общество проявляло заинтересованность в собственной безопасности всегда, даже на этапе своего возникновения. С развитием общества меняется и содержание общественных отношений, в связи с этим безопасность стала подразделяться на виды в соответствие со сферой деятельности. Так, одним из наиболее актуальных видов на сегодняшний день является экономическая безопасность [1, с. 5].

Большинство авторов рассматривают экономическую безопасность в контексте легального определения национальной безопасности, данного в Федеральном законе РФ «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ[2,]. Согласно ст. 1 данного закона национальная безопасность понимается как безопасность государства, общественная безопасность, экологическая безопасность,

безопасность личности и иные виды безопасности, предусмотренные законодательством РФ.

Экономическая безопасность на уровне местного самоуправления наиболее приближена к обществу и конкретному человеку и представляет собой важнейшую качественную и динамичную характеристику экономической системы муниципального образования, отражающая процесс взаимодействия с окружающей средой и направленная на реализацию муниципальных интересов в сфере экономики.

Земельные ресурсы являются основой, необходимой для комплексного социально-экономического развития муниципальных образований без которой невозможно совершенствование его инфраструктуры.

Изъятие земельного участка путем выкупа для муниципальных нужд является одним из наиболее распространенных вариантов принудительного прекращения прав на земельный участок добросовестных землепользователей (владельцев, собственников) и представляет собой осуществляемые в исключительных случаях для удовлетворения публичных интересов действия органов местного самоуправления, направленные на принудительное прекращение на возмездной основе права собственности граждан и юридических лиц, не вызванное совершением последних противоправных деяний.

Статья 49 ЗК РФ определяет перечень исключительных случаев, являющихся основанием выкупа земельных участков для муниципальных нужд. К их числу отнесены следующие случаи:

Во-первых, размещения объектов муниципального значения при отсутствии других вариантов возможного размещения этих объектов. Данный факт должен быть доказан органом, принявшим решение об изъятии земельного участка. Содержание понятие «объекты муниципального значения» статьей 49 ЗК РФ не раскрывается. Уточнение понятия «муниципальных нужд» принимаются законодательными органами соответствующего уровня власти.

Во-вторых, выкуп земельных участков для муниципальных нужд может быть определен иными обстоятельствами в установленных законами субъектов РФ случаях [3, с. 189]. Так, закон Белгородской области от 10 июля 2007 г. № 135 «Об установлении случаев изъятия, в том числе путем выкупа, земельных участков для государственных или муниципальных нужд из земель, находящихся в собственности Белгородской области или муниципальной собственности» [4] определяет исключительные случаи такого изъятия: строительство объектов областного или местного значения, строительство которых предусмотрено документами территориального планирования Белгородской области или муниципальных образований, при отсутствии других вариантов размещения этих объектов; сохранение и использование объектов культурного наследия (памятников истории

и культуры), находящихся в собственности Белгородской области или муниципальных образований; обеспечение безопасности граждан при признании объектов недвижимости, за исключением многоквартирных жилых домов, аварийными и подлежащими сносу; выполнение обязательств Белгородской области, муниципальных образований перед Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации, муниципальными образованиями.

Постановление администрации города Белгорода от 17 февраля 2006 г. № 45 «Об утверждении порядка изъятия земельных участков и расположенных на них зданий, строений, сооружений и жилых помещений для муниципальных нужд» [5] подробно регламентирует порядок изъятия земельных участков для муниципальных нужд.

Согласно п. 3 ст. 279 ГК РФ, собственник земельного участка должен быть не позднее чем за год до предстоящего изъятия земельного участка уведомлен об этом органом, принявшим решение об изъятии. Выкуп земельного участка до истечения года со дня получения собственником такого уведомления допускается только с согласия собственника.

Решение об изъятии земельного участка для муниципальных нужд подлежит государственной регистрации в Федеральной регистрационной службе. Кроме того, собственник земельного участка должен быть извещен о проведенной регистрации с указанием даты ее проведения.

Федеральный закон РФ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ [6] определяет, что изъятие должно регистрироваться как ограничение (обременение) зарегистрированного вещного права конкретного правообладателя на соответствующий земельный участок и находящиеся на нем недвижимые объекты. Обязанность уведомления правообладателей объекта недвижимости законодатель возлагает на соответствующее учреждение Федеральной регистрационной службы. В соответствии с п. 2 ст. 13 Федерального закона РФ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» уведомление должно быть осуществлено в срок не позднее чем пять рабочих дней со дня проведения государственной регистрации постановления об изъятии.

Анализ положения ГК РФ и ЗК РФ позволяет сделать вывод о том, что собственник и владельцы земельного участка должны быть дважды уведомлены о предстоящем изъятии: органом, принявшим решение об изъятии (п. 2 ст. 63 ЗК РФ и п. 3 ст. 279 ГК РФ) и Федеральной регистрационной службой о государственной регистрации решения (п. 4 ст. 269 ГК РФ).

Момент уведомления определяет возникновение юридических последствий. Так, право на обжалование и возможность приостановление его государственной регистрации, риск отнесения на

правообладателя при определении выкупной цены земельного участка затрат и убытков, связанных с новым строительством, расширением и реконструкцией зданий и сооружений на земельном участке и др.

После уведомления собственника о предстоящем изъятии орган местного самоуправления, принявший такое решение может либо достичь соглашения с собственником об изъятии, либо в случае не достижения соглашения предъявить иск о выкупе земельного участка в суд.

В первом случае, на основании устной договоренности заключается письменное соглашение, которое включает обязательство муниципального образования уплатить выкупную цену земельного участка.

Выкупная цена включает рыночную стоимость земельного участка и находящегося на нем недвижимого имущества, а также все убытки, причиненные собственнику изъятием земельного участка, включая убытки, которые он несет в связи с досрочным прекращением своих обязательств перед третьими лицами, в том числе упущенную выгоду (п. 2 ст. 281 ГК РФ). Таким образом, в цену должны быть включены налоги, выплачиваемые собственником при приобретении другого земельного участка, сумма оплаты регистрации, стоимость перевоза имущества, новых посадок и т. д. Выкупная цена определяется исходя из рыночной стоимости имущества, а не по ставкам БТИ. Это означает, что полученных денег собственнику должно хватить на приобретение аналогичного имущества и возмещение своих убытков.

Указанное положение в некоторой степени защищает собственника, однако следует иметь в виду, что доказывание размера этих сумм ложится на собственника [7, с. 15].

Поскольку ст. 130 ГК РФ напрямую относит земельные участки к недвижимому имуществу, соглашение (договор) о выкупе земельного участка совершается в письменной форме и должно подлежать государственной регистрации, как и подобного рода сделки в отношении недвижимости.

Во втором случае, если собственник не согласен с решением об изъятии у него земельного участка для муниципальных нужд либо с ним не достигнуто соглашение о выкупной цене или условиях выкупа, орган местного самоуправления, принявший такое решение, может предъявить иск о выкупе земельного участка в суд. Иск о выкупе земельного участка для муниципальных нужд может быть предъявлен в течение трех лет с момента направления собственнику участка уведомления об изъятии данного участка.

Таким образом, изъятие земельного участка у собственника представляет собой довольно длительную и сложную процедуру. Законодатель постарался максимально защитить интересы собственника земельного участка. Вместе с тем, период времени, в

течение которого собственник имеет право использовать земельный участок (не менее года) ограничивается риском отнесения на него при определении выкупной цены затрат и убытков, связанных с новым строительством, реконструкцией и расширением зданий и сооружений расположенных на земельном участке. А поскольку суд может отказать государственному органу в удовлетворении иска о выкупе земельного участка, рациональное и эффективное использование земельного участка в указанный период времени весьма затруднительно. Чтобы избежать этого собственник земельного участка будет вынужден обращаться в суд с иском о признании недействительным акта государственного органа. Кроме того, значительная часть собственников земельных участков в силу правовой неграмотности, может просто не знать о своем праве выразить негативную реакцию по поводу изъятия земельного участка, но чаще всего «добровольное» изъятие происходит под давлением чиновников и других лиц, заинтересованных в таком изъятии.

Таким образом, в случае возникновения необходимости изъятия земельного участка представляется целесообразным обращение муниципальных органов в суд, который разрешал бы дело по существу, устанавливая наличие муниципальных нужд, невозможность использования для данных нужд других земель, определение выкупной цены земельного участка, размер выплат при предоставлении равноценного земельного участка и др. Подобная (правовая) процедура изъятия земельных участков используется в США [8, с. 348]. Решение вопроса о необходимости изъятия земельного участка принимается судом. Для решения данных вопросов в Англии действуют специальные суды по земельным вопросам, в Германии действуют специальные суды по сельскохозяйственным землям [9, с. 54].

Возможно, заимствование подобной практики развития земельных отношений позволило бы искоренить произвол заинтересованных лиц при изъятии земельных участков у собственников для муниципальных нужд.

Список цитируемой литературы:

1. Экономическая безопасность муниципального образования: современное состояние и перспективы укрепления (на примере Администрации Суксунского муниципального района). Пермь, 2014.
2. Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.
3. Комментарий к Земельному кодексу РФ / Под ред. С.А. Боголюбова, Е.Л. Мининой. М., 2002.
4. Белгородские известия. № 118. 20.07.2007.
5. Наш Белгород. № 9. 11.03.2006.
6. Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 30. Ст. 3594.

7. Что должен знать собственник земельного участка // Обустройство и ремонт. 2004. № 28. Бирюков С.Ю. Особенности расследования организации незаконной миграции: уч. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2010. С. 14.
8. Право частной собственности на землю. М., 2000. Travailleurs - migrants. ВПГ. Geneve. 1999. P. 115.
9. Земельные суды – В России? // Российская юстиция. 2000. № 11.

© О.В. Котарева, С.Н. Котарев

ГРНТИ 10. 27.01

УДК 347.01

	Sergey Lomakin
Старший преподаватель	senior lecturer
ФГОБУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал	The Russian Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation, the Lipetsk branch

-

FEATURES OF TRANSFER OF PREMISES TO PARTICIPANTS OF SHARE CONSTRUCTION WITHIN THE SPECIAL ADMINISTRATIVE LEGAL REGIME OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY)

Abstract: in article features of transfer to participants of share construction of premises, in case of recognition of the builder by insolvent (bankrupt) are considered.

Keywords: individual share; builder; insolvency.

Жилые помещения, в случае признания застройщика банкротом, могут передаваться по двум основным сценариям.

Во-первых, в случае если застройщиком в установленном федеральным законом порядке получено разрешение на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома и застройщиком и участником строительства до даты принятия заявления о признании застройщика банкротом подписан передаточный акт или иной документ о передаче жилого помещения, арбитражный суд по заявлению участника строительства принимает решение о признании права собственности участника строительства на жилое помещение.

А в случае если застройщиком в установленном федеральным законом порядке не получено разрешение на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома, то передача жилого помещения осуществляется в порядке, установленном ст.ст. 201.10, 201.11 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Практика реализации ст.ст. 201.8,

201.11 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» выявила следующие проблемы реализации конституционных прав граждан на жилье. На сегодняшний день, фактически права гражданина на получение жилого помещения, в случае признания застройщика банкротом, могут быть защищены только в арбитражном суде рассматривающим дело о банкротстве такого застройщика.

Данный вывод следует из положений ст. 201.8. Закона о банкротстве, согласно которым с даты вынесения арбитражным судом определения о введении наблюдения в отношении застройщика, в ходе проведения наблюдения и всех последующих процедур, применяемых в деле о банкротстве застройщика, только в рамках дела о банкротстве с соблюдением установленного Законом о банкротстве порядка, подлежат предъявлению и рассмотрению следующие требования других лиц к застройщику или застройщика к другим лицам: о признании наличия или отсутствия права собственности или иного права либо обременения в отношении недвижимого имущества, в том числе объектов незавершенного строительства; застройщиком и участниками строительства не подписаны передаточные акты или иные документы о передаче участникам строительства жилых помещений и т.д. То есть все споры связанные с недвижимым имуществом, при банкротстве застройщика, в независимости от субъектного состава такого спора, должны быть рассмотрены в арбитражном суде.

Такой точки зрения придерживаются и большинство научно-консультативных советов действующих в судах общей юрисдикции, на территории ЦФО. В частности, по вопросу о подведомственности требования гражданина о признании права собственности на жилое помещение в многоквартирном доме или на долю в праве собственности на объект незавершенного строительства, предъявленного к ответчику-застройщику находящемуся в процедурах банкротства даны следующие разъяснения, общий смысл которых можно выразить следующим образом [4]: Статья 201.4 ФЗ «О банкротстве» предусматривает, что с даты вынесения арбитражным судом определения о введении наблюдения в отношении застройщика, в ходе проведения наблюдения и всех последующих процедур, применяемых в деле о банкротстве застройщика, требования о передаче жилых помещений и (или) денежные требования участников строительства, за исключением требований в отношении текущих платежей, могут быть предъявлены к застройщику только в рамках дела о банкротстве застройщика с соблюдением установленного настоящим параграфом порядка предъявления требований к застройщику.

Согласно ст. 201.8 ФЗ «О банкротстве» с даты вынесения арбитражным судом определения о введении наблюдения в отношении застройщика, в ходе проведения наблюдения и всех

последующих процедур, применяемых в деле о банкротстве застройщика, только в рамках дела о банкротстве с соблюдением установленного настоящей статьей порядка подлежат предъявлению и рассмотрению следующие требования других лиц к застройщику или застройщика к другим лицам: 1) о признании наличия или отсутствия права собственности, или иного права либо обременения в отношении недвижимого имущества, в том числе объектов незавершенного строительства. Данными положениями определяется следующий порядок рассмотрения требований.

В порядке ст. 201.4 Федерального закона «О банкротстве» с целью получения статуса конкурсного кредитора гражданин вправе в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) заявить требования, вытекающие из факта ненадлежащего исполнения обязательств по договору купли-продажи будущей недвижимости, то есть вправе потребовать либо передачи жилого помещения, либо возврата уплаченных денег и компенсации убытков. Рассмотрение такого рода заявлений не влечет за собой уменьшение конкурсной массы должника за счет выбытия части (доли) объекта.

Исполнительный лист на принудительное исполнение судебного акта в этом случае не выдается. В порядке ст. 201.8 Федерального закона «О банкротстве» предъявляются требования, влияющие на дальнейшую судьбу объекта незавершенного строительства (например, требования о признании права собственности на часть здания) либо на ход ведения дела о банкротстве (например, требование о применении последствий недействительности сделки, рассматриваемые вне рамок дела о банкротстве).

Соответственно, при рассмотрении первой группы требований действует правило о предъявлении этих требований с даты вынесения арбитражным судом определения о введении наблюдения в отношении застройщика, в ходе проведения наблюдения и всех последующих процедур только в рамках дела о банкротстве. В отношении второй группы требований помимо вышеприведенного положения действует и правило о рассмотрении требований арбитражным судом только в рамках дела о банкротстве. В этом случае речь идет, в том числе и о требованиях, ранее принятых к производству в общем исковом порядке.

Поскольку требования граждан о признании права собственности на жилое помещение в многоквартирном доме или права на долю в праве собственности на объект незавершенного строительства подпадают под требования, названные в пп. 1 п. 1 ст. 201.8 Федерального закона «О банкротстве», введение процедуры наблюдения в отношении ответчика является основанием для прекращения производства по принятому судом общей юрисдикции к производству с соблюдением правил подведомственности делу о

признании права собственности на жилое помещение в многоквартирном доме или на долю в праве собственности на объект незавершенного строительства.

Считаем необходимым согласиться с проанализированной точкой зрения на рассматриваемую проблему, так как в данном случае предложенные рекомендации носят системный характер, учитывают специальные правила распределения имущества в ходе процедур применяемых в деле о банкротстве [3].

В связи с тем, что несостоятельность (банкротство) представляет собой определенный конфликт интересов [5], несоблюдение данных рекомендаций, на практике, может привести (а в отдельных случаях уже сегодня приводит) к многочисленным проблемам правоприменения положений ст.ст. 201.10, 201.11 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», в частности признание права собственности на объект незавершенного строительства в суде общей юрисдикции за участником долевого строительства, в отношении обязательств возникших с застройщиком, находящимся в одной из процедур применяемых в деле о банкротстве, приведет к конкуренции правовых норм ГК РФ о виндицировании объекта права собственности и положений Закона о банкротстве, предусматривающих строго регламентированный процедурный порядок передачи объектов долевого участия.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, о том, что реализация конституционного права на жилье участниками долевого строительства в случае несостоятельности (банкротства) застройщика связана на большим количеством проблем носящих во многом институциональный характер.

Разрешение данных проблем видится либо в усилении обеспечения единообразия правоприменительной практики, либо в разработке иного порядка защиты прав участников долевого строительства в рамках дела о несостоятельности (банкротстве), например, аналогично порядку защиты прав кредиторов, чьи требования обеспечены залогом имущества должника.

Список цитируемой литературы:

1. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статьи 17 и 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 12 июля 2011 г. № 210-ФЗ (в ред. от 12 июля 2011 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 29. Ст. 4301.
2. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон Рос. Федерации от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (в ред. от 28 июля 2013 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

3. См. подробнее: Ломакин С.С. Пределы административно-правового регулирования несостоятельности (банкротства) в РФ // Образование. Наука. Научные кадры. 2011. № 2. С. 79-82.
4. Применение законодательства о банкротстве // Арбитражный управляющий. 2012. № 3. С. 45.
5. <http://www.economy.gov.ru/minec/main>.
6. См. например дело № А36-3538/2011; А36-396/2010 // <http://lipetsk.arbitr.ru>

© С.С. Ломакин.

	Irina Nepomnyashaya
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России	candidate of legal sciences, senior lecturer of the Department of civil law disciplines of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

THE PROBLEM OF THE QUALITY OF MEDICAL CARE IN THE CIVIL LAW OF THE RUSSION FEDERATION

Annotation: the article considers proposed criteria for quality medical services for the subsequent development of the mechanism of protection of rights of consumers of this service - the patient.

Keywords: medical services, patient, the quality of medical care.

Требования к качеству оказанной медицинской услуги, как правило, основываются на содержании статьи 309 Гражданского кодекса Российской Федерации. Так, указанная статья регламентирует обязанности сторон по надлежащему исполнению обязательства в соответствии с его условиями и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований - в соответствии с обычаями делового оборота или иными обычно предъявляемыми требованиями.

Из обозначенного можно сделать вывод о том, что отечественным законодательством в рамках Гражданского кодекса Российской Федерации не предъявляется специальных требований к субъектам, оказывающим, в частности, медицинские услуги. Подобный подход вызывает сложности при определении вопроса о привлечении к гражданско-правовой, а зачастую и к уголовной ответственности, лиц, которые оказали некачественную медицинскую услугу. Более того, вопрос, затрагивающий четкое определение критериев качества медицинских услуг, нивелируется не только законодателем, но и учеными – цивилистами. Сколь-нибудь значимые

попытки разработать критерии качества оказанных медицинских услуг до настоящего времени не принимались.

При этом сегодня рынок медицинских услуг является одним из наиболее значимых для общества. Тем не менее, Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2], регулирующий сферу оказания медицинских услуг представляется достаточно противоречивым.

Главным образом, действующим законодательством не учитывается специфика современного товарооборота, объектом которого выступают медицинские услуги.

Во-первых, как правило, не совпадают в одном лице получатель и плательщик за услуги, являющийся заказчиком этой самой услуги. Например, при оказании бесплатных медицинских услуг по полису обязательного медицинского страхования: заказчик и плательщик услуги – государство; получатель услуги – застрахованное лицо, т.е. гражданин – держатель страхового полиса обязательного медицинского страхования. В указанной ситуации отношения должны оформляться договором в пользу третьего лица в рамках статьи 430 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Во-вторых, на стороне исполнителя всегда выступает специальный субъект с профессиональной составляющей – юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, осуществляющие свою деятельность на основании лицензии.

В-третьих, медицинская услуга – как объект гражданского оборота, имеет определенную специфику, заключающуюся в следующем:

- это товар особого рода, не имеющий материального воплощения и результата;
- в отличие от любой другой, допускающей случайное причинение вреда здоровью, медицинская деятельность состоит в целенаправленном воздействии на здоровье, польза или вред которого определяется мерой бережно предотвращенного вреда от развития патологии [5].

В-четвертых, большая часть рынка, занятого медицинскими услугами, представлена «квазирынком». Отношения внутри «квазирынка» строятся на механизме функционирования одной и той же собственности – основная часть учреждений здравоохранения являются государственной собственностью и именно государство платит этим учреждениям за оказываемые гражданам медицинские услуги.

Таким образом, на современном этапе развития медицинских услуг возникла необходимость в принятии специального законодательного акта, который бы позволил по-новому выстроить механизмы правового регулирования медицинских услуг в Российской Федерации.

В качестве последних положительных шагов, сделанных в направлении совершенствования законодательства в сфере оказания медицинских услуг, стоит назвать положения Федерального закона «О защите прав потребителей» [1]. Указанным законом достаточно подробно регламентированы механизмы компенсации, как имущественного ущерба, так и морального вреда, причиненного в результате оказания медицинских услуг. Тем не менее, в контексте применения указанного закона зачастую возникают проблемы с доказательственной базой, позволяющей установить степень качества медицинской услуги, повлекшую причинение вреда жизни и здоровью пациента.

Не будем отрицать факт того, что в отдельных нормативных актах содержатся «обрывочные», по нашему мнению, дефиниции, имеющие отношение к критериям качества медицинской услуги. Так, в Методических рекомендациях ФФОМС «медицинская помощь надлежащего качества (качественная медицинская помощь)» определяется как медицинская помощь, исключая негативные последствия, связанные с:

- затруднением стабилизации состояния пациента;
- увеличением риска прогрессирования имеющегося у пациента заболевания и риска возникновения нового патологического процесса;
- нерациональным использованием ресурсов медицинского учреждения;
- неудовлетворенностью пациента от процесса взаимодействия с медицинским учреждением" [3].

Конечно, указанные признаки медицинской помощи ненадлежащего качества можно относить не только к сфере оказания медицинских услуг по полисам обязательного медицинского страхования, но и ко всей системе оказания медицинских услуг в целом. Тем не менее, четкого закрепления указанной позиции действующее отечественное законодательство не содержит.

В этой связи интересным представляется позиция зарубежных авторов относительно вопроса критериев качества медицинских услуг.

Так, Дуглас Дж. Ланска и Артур Дж. Харц предлагают оценивать качество медицинской помощи по трем общим направлениям: структуре, процессу и исходам. Структура включает характеристики средств оказания помощи, в том числе материальных ресурсов (например, приспособлений и оборудования), персонала (например, его численности, профессиональной пригодности и квалификации), а также организационные характеристики (например, методы возмещения расходов, система оценки работы врачей другими врачами). Под процессом подразумеваются характеристики предоставляемой помощи, в том числе ее обоснованность, адекватность объема, проявление компетенции в проведении методик лечения, согласованность действий и преемственность. Исход

описывает результат оказанной помощи в отношении состояния здоровья пациента, включая изменения в его сознании и поведении, удовлетворенность больного врачебным и медсестринским обслуживанием, биологические изменения заболевания, осложнения лечения, заболеваемость и смертность [4].

Наверное, стоит согласиться с указанными авторами в том, что качество медицинской услуги можно оценить по нескольким критериям – структуре оказываемой медицинской услуги, процессу оказания услуги, последствиям для пациента. Подобные критерии, как нам кажется, позволяют оценить качество оказанной медицинской услуги в каждом индивидуальном случае (применительно к отдельно взятому пациенту с его «персональным анамнезом заболеваний»). Возможно, разработанная на основе этих трех составляющих система оценки качества медицинских услуг позволит законодателю более качественно регулировать отношения в сфере оказания медицинских услуг. Ведь нельзя не обращать внимания на то, что при оказании медицинской услуги ее потребителем является пациент. С позиций функционирования правового механизма защиты прав потребителей, последний изначально находится в более выгодном положении по сравнению с исполнителем услуги. Именно потребитель является «слабой стороной» в правоотношениях, подпадающих под действие Федерального закона «О защите прав потребителей». Потому «компенсационные» нормы работают именно на потребителя медицинской услуги – пациента. Проблема лишь в том, чтобы запустить для пациента тот самый «защитный» механизм. Ведь это возможно только при наличии факта «некачественной медицинской услуги». Следовательно, первоочередная задача законодателя сегодня состоит в выработке критериев «качественной» медицинской услуги.

Список цитируемой литературы:

1. О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (с послед. изм. и доп.) // Российская газета. 1996. № 8.
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Российская газета. 2011. № 263.
3. Методические рекомендации по порядку формирования и экономического обоснования территориальных программ государственных гарантий оказания гражданам Российской Федерации бесплатной медицинской помощи (утв. Минздравом РФ № 2510/9257-01, ФФОМС № 3159/40-1 28.08.2001) // Здравоохранение. 2002. № 4.
4. Правовые критерии оценки качества медицинских услуг // Медицинское право. 2010. № 4. С. 23.
5. Законодательные проблемы регулирования рынка медицинских услуг // Российская юстиция. 2010. № 5. С. 51.

© И.С. Непомнящая

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, к.ю.н.	senior lecturer civil law disciplines, candidate of law.n
Волгоградская академия МВД России.	The Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry

**THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF CIVIL-LEGAL
REGULATION OF RELATIONS CONNECTED WITH THE
PROTECTION OF HONOR, DIGNITY AND BUSINESS
REPUTATION**

*Abstract: the article considers the main features of formation and development of civil-legal regulation of relations connected with the protection of honor, dignity and business reputation.
Keywords: honor; dignity; reputation; non-pecuniary damage*

Еще в древней Греции и Риме понятия чести и достоинства соизмерялись с уважением к личности, соотносились с моралью и правом. Честь играла видную роль в этике многих великих мыслителей, политиков, философов разных эпох и народов, характеризую, далеко не в малой степени, их общественные взгляды и направления деятельности.

В России право на имя стало предметом научного исследования уже в конце XIX столетия. Отправной точкой следует считать имущественные интересы, связанные с именем. С фирмой связывалась определенная репутация торговца или торгового дома в деловом сообществе – репутация дельца, которая сама по себе представляет большую ценность и функция права в данном случае неоспорима и необходима.

Однако дореволюционное российское законодательство не содержало норм о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Дореволюционная цивилистика обосновывала необходимость признать право на честь как естественное право человека. Так применительно к дореволюционному российскому гражданскому законодательству, Г.Ф. Шершеневич писал: «Личное оскорбление не допускает никакой имущественной оценки, потому что оно причиняет нравственный, а не имущественный вред, если только оно не отражается косвенно на материальных интересах, например, на кредите оскорбленного. Помимо последнего случая, личное оскорбление можно преследовать только в уголовном порядке, преследуя виновного»[1, с. 402]. При этом в дореволюционной литературе не делалось какого-либо строгого разграничения между понятиями «честь» и «репутация».

Мнения авторов послереволюционного периода разделились. Большинство из них склонялись к отсутствию необходимости правового регулирования отношений по поводу указанных нематериальных благ в виду их незначительного объема. Другие ученые исходили из возможности правового регулирования вопросов защиты чести и достоинства, поскольку достаточно сложно говорить о вопросах нормирования таких трудно измеримых (неизмеримых) понятий как честь и достоинство (доброе имя).

В Советской России гражданское законодательство закрепляло право граждан на защиту чести и достоинства. Однако, в силу того, что предпринимательская деятельность фактически приравнивалась к экономическому преступлению, то речь о деловой репутации, естественно, не шла. Не предусматривалась и возможность использования такого способа защиты чести и достоинства как компенсация морального вреда.

Впервые в советском гражданском праве понятия чести и достоинства нашли свое закрепление в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. (до этого нормы о защите чести и достоинства предусматривались только уголовными кодексами союзных республик). Позднее в Гражданском кодексе РСФСР 1964 г. было включено положение, касающееся гражданско-правовой охраны чести и достоинства. Вместе с вышеназванными актами закрепление Конституцией СССР 1977г. в ст. 57 права граждан на судебную защиту от посягательств на их честь и достоинство имело декларативный характер и не создавало реальной возможности осуществления провозглашенной правовой защиты. В ряде союзных нормативных актов также нашли свое закрепление положения об охране чести и достоинстве граждан[2].

Категории чести и достоинства в советской юридической науке носили не универсальный, нравственно-правовой, а непостоянный, меняющийся в зависимости от политического строя в государстве, характер. В соответствии с социалистическим кодексом чести строить свою жизнь на основе принципов коммунистической морали значило

высоко нести свою честь и достоинство. При этом признавалось, что достоинство и честь советского человека измеряется объемом его общественно-полезного труда, выполнением общественного долга и вкладом в строительство коммунизма. В связи с этим, индивидуальная ценность чести и достоинства как таковая не принималась во внимание, и на первое место выдвигалась так называемая «коллективная честь», которая, в свою очередь, могла способствовать формированию у человека сознания собственного достоинства.

Одним из главных принципов социалистического образа жизни было то, что каждому конкретному гражданину, коллективу в целом, честь оказывается за выполнение общественного долга. То есть наличие чести и достоинства ставилось в зависимость от степени выполнения общественного долга. Следовательно, полагалось, что человек, не занятый в общественном производстве, не обладает честью и достоинством в той степени, в какой ею обладает работающий человек. Таким образом, наличие права на честь и достоинство в советском праве, по мнению автора, предполагало определенное неравенство, основанное на том, какую ступень в общественной жизни занимает тот или иной человек. Кроме того, механизм «оказания чести» имел, на мой взгляд, еще и прагматическое значение: он являлся мощным стимулом к труду, к одобряемому идеологией поведению.

Анализируя все вышеуказанное, можно сделать вывод о том, что мысль, высказанная в свое время отечественным ученым В.А. Придворовым о том, что «для социалистического права мерой всех вещей является не абстрактный, а реальный человек как мыслящее и активно действующее существо» [3,с.4], представляется не совсем соответствующей действительности.

Теоретические положения юридической доктрины советского периода, на взгляд автора, подтверждают то, что в коммунистической идеологии ценность каждого конкретного человека, в том числе ценность его чести и достоинства, вторична по отношению к общественной (коллективной). Эта ценность признается до тех пор, пока она не идет вразрез коммунистическому представлению о чести и достоинстве человека.

Таким образом, существование понятий чести и достоинства в советской гражданско-правовой науке было обусловлено господством марксистско-ленинской теории и характеризовалось следующими моментами:

- классовым характером личных неимущественных прав, в том числе права на честь и достоинство;
- признанием к качеству критерия оценки чести и достоинства степени выполнения общественного долга;
- преобладанием коллективных чести и достоинства над индивидуальными;

- использование выработанных марксистской идеологией стандартов понимания чести и достоинства в качестве ориентиров для конкретной воспитательной работы.

С началом формирования в России основ гражданского общества, правового государства, рыночной экономики, интерес общества, правоприменителей, законодателей к рассматриваемым категориям неизмеримо возрос. Первым современным отечественным актом, гарантирующим права человека, была Декларация прав и свобод человека и гражданина РСФСР, утверждённая Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г. В начале 90-х гг. XX века современный отечественный юридический лексикон пополняется понятием «деловая репутация». Впервые в гражданском законодательстве нашей страны деловая репутация упоминается в п.1 ст.7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 года[4]. В соответствии с Основами деловая репутация защищается точно так же, как и давно известные нематериальные блага - честь и достоинство. Отметим, что часть первая действующего ГК РФ не содержит принципиальных отличий от Основ по рассматриваемому предмету.

С начала 90-х годов XX века российское законодательство пополнилось принципиально новым способом защиты чести, достоинства и деловой репутации - компенсацией за нанесенный моральный вред. Учитывая многообразие законодательных актов, регулирующих отношения, связанные с причинением морального вреда, различные сроки введения их в действие, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 20 декабря 1994 года № 10 счел необходимым дать ряд разъяснений[5].

Следует учитывать, что правовые основания для защиты чести, достоинства деловой репутации не исчерпываются только нормами ГК РФ. Наиболее общее основание для судебной защиты деловой репутации содержится в ст. 23 Конституции РФ, согласно которой «каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени».

Более конкретные положения о порядке и основаниях защиты деловой репутации, а также об опровержении не соответствующих действительности сведений содержатся в Законе РФ «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г.[6].

По вопросу, касающемуся рассмотрения судами дел о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц, было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»[7].

Среди актов специального характера можно выделить Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»[8],

устанавливающий в ст. 8 возможность предъявления исковых требований в защиту чести, достоинства и деловой репутации из отношений, возникающих в связи с производством, размещением и распространением неэтичной рекламной продукции.

Заботой о достоинстве человека пронизаны нормы уголовного права: в Уголовном кодексе РФ[9] предусмотрен такой состав преступления, как клевета (ст. 128.1).

Таким образом, можно рассматривать защиту чести, достоинства, деловой репутации как комплексный институт, урегулированный нормами различных отраслей права.

Список цитируемой литературы:

1. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.) – М., 2008. – С.402.
2. Например, в ст.14 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении было записано: «профессиональные права, честь и достоинство врачей и других медицинских работников охраняются законом». Однако практической реализации данные положения не получили в силу фиктивности большинства правозащитных документов советского права, а также в силу того, что на тот период, в СССР на практике отсутствовали необходимые условия для реализации упомянутых прав.
3. Социалистическая сущность достоинства личности – Л.: Знание, 1989. – С.4.
4. Ведомости СНД и ВС СССР. – 1991. - N 26. - Ст. 733.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. N 10 "Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда" (в ред. от 06.02.2007 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1995. - № 3.
6. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. - № 7. – Ст. 300.
7. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. - №4
8. Собрание законодательства РФ. – 2006. - № 12. – Ст. 1232.
9. Собрание законодательства РФ. – 1996. - N 25. - Ст. 2954.

© Ю.В. Репникова

	Andrei Sadkov
кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России	Head of civil and legal disciplines Department of the Volgograd Academy of the Russian Interior Ministry, PhD in Law

FRAMEWORK CONTRACT AS A NOVATION OF THE RUSSIAN CONTRACT LAW

Abstract: The article deals with the specifics of a framework agreement
-FZ

"On Amendments to the Civil Code of the Russian Federation."

Tags: framework agreement, negotiated construction agreement.

Федеральным законом от 08 марта 2015 г.[3] в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее - ГК РФ) [2] были внесены изменения, которые оказывают достаточно серьезное влияние на развитие договорного права России. Эти изменения коснулись как порядка заключения договоров так и самой классификации договорных отношений. На легальном уровне в современный гражданский оборот с 01 июня 2015 г. введены такие юридические конструкции как «рамочный договор», «опцион на заключение договора», «опционный договор», «абонентский договор».

Понятие и суть рамочного договора раскрывается в ст. 429.1 ГК РФ. Нормы данной статьи определяют, что рамочным договором (договором с открытыми условиями) признается договор, определяющий общие условия обязательственных взаимоотношений сторон, которые могут быть конкретизированы и уточнены сторонами путем заключения отдельных договоров, подачи заявок одной из сторон или иным образом на основании либо во исполнение рамочного договора. По сути можно утверждать, что рамочный договор направлен на организацию обязательственных правоотношений сторон и установление основ их взаимодействия.

При заключении сделок, совершаемых во исполнение рамочного договора, нет необходимости дополнительного согласования тех условий, по поводу которых стороны уже достигли соглашения.

А. Бычков полагает, что основная сфера применения рамочных договоров - это: размещение государственных и муниципальных заказов, организация перевозок грузов, торгово-закупочная деятельность [1]. Думается, что вполне обосновано рассматривать в качестве рамочного договора генеральное соглашение об открытии клиенту кредитной линии [4], когда стороны согласовывают условия и порядок предоставления кредитов (траншей) по конкретным заявкам в рамках вышеназванного соглашения.

Конструкция рамочного договора не является эксклюзивным изобретением российского законодателя. В статье 2.1.14 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 говорится о договоре с умышленно открытыми условиями, как о договоре, в котором стороны умышленно оставили какое-то условие для согласования в ходе будущих переговоров или подлежащих установлению третьим лицом. Нормы УНИДРУА определяют, что существование договора с умышленно открытыми условиями не зависит от того, что впоследствии стороны не достигли согласия по такому условию или третье лицо не определило его (если только нет иного средства сделать такое условие определенным).

Полагаем, что предметом рамочного договора следует считать договоренность сторон о порядке и условиях их взаимодействия в дальнейшем. Фактически рамочный договор определяет общие вопросы сотрудничества сторон давая им возможность детализировать свои отношения в зависимости от тех или иных факторов, действующих на различных этапах сотрудничества. В частности, рамочный договор может предусматривать цену того или иного товара при этом не определяя какими партиями и в какие сроки данный товар будет поставляться поставщиком.

Специфика рамочного договора проявляется в том, что в рамках такого соглашения достаточно проблематично говорить о согласовании сторонами всех существенных условий договоров, заключаемых во исполнение рамочного договора. Например, в соответствии с нормами ст. 506 ГК РФ к существенным условиям договора поставки относятся условия о предмете и сроках передаче товара, тогда как в рамочном договоре должен быть согласован лишь предмет договора, т.е. то благо, по поводу которого между сторонами возникают отношения и те действия, которые должны быть совершены сторонами. Заключая рамочный договор, направленный на возмездную передачу права собственности на тот или иной товар, стороны могут предусмотреть условие, что количество товара и порядок его передачи будут уточнены в последующем, т.е.

конкретизированы в договорах, принятых во исполнение рамочного договора.

Анализ норм ст. 429.1 ГК РФ позволяет утверждать, что рамочный договор следует относить к категории консенсуальных договоров, ибо законодатель не связывает его действительность с необходимостью передачи какой-либо вещи. Ничего не говорится в ГК РФ и о необходимости встречного предоставления при заключении рамочного договора.

Несомненны различия рамочного договора и предварительного договора. В соответствии с п. 1 ст. 429 ГК РФ по предварительному договору стороны обязуются заключить в будущем договор о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг (основной договор) на условиях, предусмотренных предварительным договором. Основными специфическими признаками предварительного договора является то, что в качестве предмета данного договора является заключение другого (основного) договора; обязанность заключить предварительный договор лежит на обеих сторонах предварительного договора, при этом исполнение этой обязанности предусмотрено в будущем, т.е. по истечению установленного предварительным договором или законом срока; в предварительном договоре должны быть согласованы все существенные условия будущего договора.

В отличие от предварительного договора, суть правовой природы рамочного договора определяется существованием сложной системы договорных отношений: наличием базового договора (так называемого «генерального соглашения») и совокупности дополнительных договоров-приложений, которые уточняют положения базового договора. При этом следует обратить внимание на нормы п. 2 ст. 429.1 ГК РФ, предусматривающие, что к отношениям сторон, которые не урегулированы отдельными договорами, в том числе в случае незаключения сторонами отдельных договоров, подлежат применению общие условия, содержащиеся в рамочном договоре, если иное не указано в отдельных договорах или не вытекает из существа обязательства.

Список цитируемой литературы:

1. Рамочный договор: Вопросы применения. Версия от 03.04.2013 г. URL: <http://www.klerk.ru/law/articles/309434/>
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.
4. Положение о порядке предоставления (размещения) кредитными организациями денежных средств и их возврата (погашения) (утверждено Банком России 31.08.98 г. № 54-П) // Вестник Банка России. 1998. № 70-71.

© А.Н. Садков

СЕКЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН

Сафронова Е.В.

Понятие «норма права» и его особенности в международном публичном праве.....3

Алонцева Д.В.

Концепция естественного права в философии С.Н. Булгакова.....8

Бочаров А.В.

Практика применения городского положения 1870 года в центральном черноземном регионе.....14

Бочаров А.В.

Зарождение законодательного регулирования института городского самоуправления в России в XVIII веке.....20

Галузо В.Н.

«Конституционное судопроизводство» или «конституционное правосудие» в Российской Федерации: проблема соотношения терминов.....27

Галузо В.Н., Никонович С.Л.

О реформировании высшего образования в Российской Федерации.....33

Гальшева Е.Г.

Теоретические аспекты охраны (защиты) прав лиц, экстрадируемых из России на современном этапе развития общества.....40

Домбровский Пшемислав

Nation and homeland in the vien of czeslaw milosz – attemp to interpret.....46

Егоров В.А.

Политика государства в сфере занятости молодежи.....59

Ерыгин Я.А.

Партийная дисциплина как основной организационный принцип политической партии.....66

Ерыгин А.А.

К вопросу о депутатской этике в законодательных (представительных) органах субъектов Российской Федерации.....71

Ерыгина В.И., Бондаренко А.В.

Выборы как средство общественного контроля и легитимации государственной власти.....76

Забайкалов А.П.

Голосование на выборах: право или обязанность.....	82
Ишанова М.В., Грушко Е.И.	
Государство и революция в учении М.А. Бакунина.....	86
Каськова Н.В.	
Консервативная концепция самодержавия Н.А. Захарова.....	91
Каськова Н.В.	
Особенности понятия и значения религии в трудах В.Д. Каткова.....	94
Кравченко А.Е.	
Соотношение права и нравственности в синтетической теории А.С. Яценко.....	97
Куприн А.И.	
Конституционный кризис 1876-1877 как завершающий этап «Реставрации юга».....	101
Лаврищева О.А.	
Функциональный характер консульских иммунитетов и привилегий.....	106
Лановой В.Г.	
К вопросу о понятии «государство» в отечественной правовой доктрине XIX века.....	114
Ливенцов А.А.	
Проблема гуманитарной интервенции в контексте гражданской войны в Ливии.....	121
Осавелюк А.М.	
Место международных договоров как источников в системе конституционного права.....	127
Сулимов С.И., Черниговских И.В., Шахов С.В.	
Ислам в Европе: триумфальное шествие.....	136
Тюменцев А.Н.	
Специфика современного использования средств массовой информации сотрудниками российской полиции.....	143
Шауро И.Г.	
«Омбудсмен» для беженцев.....	151
Шауро И.Г.	
Особенности дистанционного образования в России.....	157
Шауро И.Г.	
Особенности натурализации в России в XVIII – начале XIX века.....	162

СЕКЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН

Волынский А.Ф.

Организация раскрытия и расследования преступлений – межнаучная, межведомственная проблема.....169

Кардашевская М.В.

Современные взгляды на криминалистическую характеристику преступлений.....180

Авдалян А.Я., Алиева В.М.

Социальные основания уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности личности.....187

Альаасеми Валид Кадем Хуссейн

Проблемы предупреждения экологических преступлений в Ираке.....196

Абрамов В.А.

К вопросу о сокращенной форме дознания в уголовном судопроизводстве.....202

Алешина-Алексеева Е.Н.

Актуальные вопросы предупреждения бытового насилия в отношении несовершеннолетних.....207

Бекетов В.А.

Взаимодействие следственных подразделений с оперативными аппаратами при раскрытии и расследовании преступлений.....212

Белокобыльская О.И.

Проверка показаний на месте по делам об убийствах, совершенных организованными группами.....219

Белокобыльская О.И.

Предъявление для опознания по делам об убийствах, совершенных организованными группами.....224

Бирюков С.Ю.

Некоторые особенности миграционного процесса, сложившегося в последние годы в Российской Федерации.....229

Бирюков С.Ю.

Краткая характеристика современной миграции в Российской Федерации.....234

Бугера Н.Н.

Соотношение понятий «сообщество» и «организация» в уголовном праве России.....241

Булатецкий А.С.

Некоторые особенности использования специальных знаний при разрешении следственных ситуаций по делам о кражах нефти и нефтепродуктов из трубопроводов.....246

Бычков С.Н. Уголовно – правовая характеристика незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст.128 УК РФ).....	253
Васильев Д.В. Становление института предварительного следствия в России в XIX-XX вв.....	260
Виноградова К.А. Подготовка и тактика проведения обыска в жилом помещении.....	265
Горкина Е.В. Некоторые особенности выявления и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и боеприпасов.....	275
Горкина Е.В. Рабочее место следователя (дознателя) как элемент научной организации труда в подразделениях по расследованию преступлений.....	280
Готчина Л.В. О некоторых проблемах социального контроля молодежной наркопреступности.....	285
Домовец С.С., Синкевич В.В. Проблемы производства освидетельствования на стадии возбуждения уголовного дела.....	293
Казначей И.В. Проблемы определения правового положения секретаря судебного разбирательства при производстве процессуальных действий, проводимых судом с помощью систем видеоконференцсвязи.....	300
Кайргалиев Д.В., Гладырев В.В., Мозутин Р.И. К вопросу метрологического обеспечения судебно-экспертной деятельности.....	305
Канубриков В.А. Квалификация незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов.....	312
Климов А.С. Особенности воздействия решений Конституционного суда РФ на понимание норм Общей части Уголовного кодекса РФ.....	317
Кокин Д.М. Криминологическая характеристика лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст.ст. 222, 223 УК РФ.....	323
Коловоротный А.А., Скориков Д.Г., Шарков В.А. Способы преодоления противодействия расследованию.....	327

Коловоротный А.А., Васильев Д.В., Скориков Д.Г.	
Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства.....	335
Кононенко М.	
Несовершенство законодательной техники и проблемы реализации норм о деятельном раскаянии.....	342
Кравец Е.Г.	
Технико-экономическое обоснование применения информационно-коммуникационных технологий при проведении отдельных следственных действий.....	346
Кузовлев В.Ю., Кайргалиев Д.В., Хапкин Л.Е., Гладырев В.В., Мозутин Р.И.	
Установление единого источника наркотических средств методом хроматографии.....	353
Лебедева И.Н.	
Криминологическая характеристика женской преступности.....	357
Лебедева И.Н.	
Борьба с терроризмом и проблемы уголовной ответственности за терроризм в странах бывшего СССР (Белоруссия, Казахстан, Латвия, Литва, Грузия и Армения).....	363
Макогон И.В.	
Особенности организации расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков на стадии возбуждения уголовного дела.....	373
Малыгина А.А.	
Общие начала назначения наказания лицу, признанному больным наркоманией.....	380
Никонович С.Л.	
Краткая криминалистическая характеристика и структура организованных преступных групп, совершающих преступления в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней в России и Южно-Африканской республике.....	386
Никуленко А.В.	
К вопросу о модернизации российского уголовного законодательства.....	401
Попова Е.И.	
О необходимости разъяснения потерпевшему норм об особом порядке принятия судебного решения (глава 40 УПК РФ) в ходе предварительного расследования.....	407
Пупцева А.В.	
Основные элементы криминалистической характеристики незаконной транспортировки наркотиков.....	413

Пупцева А.В.	
К вопросу изучения особенностей выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых организованными группами.....	419
Семененко Г.М.	
К вопросу о применении географических информационных систем в деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений (на примере Волгоградской области).....	425
Семенова В.В.	
Объект и предмет преступлений в сфере склонения к потреблению средств и веществ, представляющих угрозу здоровья населения.....	431
Скориков Д.Г., Коловоротный А.А., Шарков В.А.	
Особенности допроса подозреваемых и обвиняемых при расследовании преступлений, совершенных организованными группами.....	439
Токарева Е.В., Тришкина Е.А.	
К вопросу о состязательности сторон в уголовном судопроизводстве.....	446
Тришкина Е.А., Мозутин Р.И.	
Типичная исходная информация, как элемент криминалистической характеристики преступлений в сфере налогообложения.....	450
Хилюта В.В.	
Проблемы определения ущерба при совершении хищения.....	455
Хлебушкин А.Г.	
Основы конституционного строя и равенство граждан: вопросы уголовно-правовой охраны.....	459
Чернышов Г.Н.	
Принудительные меры медицинского характера.....	464
Шавкарова Е.Е.	
Деятельность следователя при принятии решения о возбуждении уголовного дела по преступлениям против собственности.....	468
Шарков В.А.	
Незаконная миграция и состояние борьбы с ней на современном этапе.....	475
Шкеле М.В.	
Статья 272 УК РФ: вопросы объективной стороны преступления.....	480
Янин С.А.	
К вопросу о содержании государственной защиты участников уголовного судопроизводства.....	485

СЕКЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН

Батурина Н.И.

К вопросу о формах защиты семейных прав.....489

Божко Е.А.

Взгляды В.Д. Каткова на юридическую природу векселя.....494

Бутенко А.А.

Основные этапы становления единого европейского страхового рынка.....499

Джонов А.В.

Некоторые особенности регистрации местных религиозных организаций как юридических лиц.....502

Котарева О.В., Котарев С.В.

Проблемы изъятия земельного участка для муниципальных нужд.....508

Ломакин С.С.

Особенности передачи жилых помещений участникам долевого строительства в рамках специального административно-правового режима несостоятельности (банкротства).....514

Непомнящая И.С.

Проблема качества оказания медицинских услуг в сфере гражданского законодательства Российской Федерации.....519

Репникова Ю.В.

Становление и развитие гражданско-правового регулирования отношений, возникающих по поводу охраны и защиты чести, достоинства и деловой репутации.....523

Садков А.Н.

Рамочный договор как новелла российского договорного права.....528

Научное издание

Сборник материалов международной научно-практической
конференции

8 мая 2015 г.

Издательство Першина Р.В.
392002, Тамбов, ул. Советская, 21, а/я 7.
email: izdat@tamb.ru, тел. 8-909-232-81-01

Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Печать электрографическая. Гарнитура Times.
Объем – 32 усл. печ. л. Тираж 500 экз.
